

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2019

№ 47

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Щербинин А.И.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор полит. наук, профессор. E-mail: shai52@mail.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сукушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Скочилова В.Г.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (политология), кандидат филос. наук. E-mail: veronassk@gmail.com; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглезнев В.В.** (Томск, Россия) доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Щербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия), кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сизтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Вяткина Н.Б.** (Институт философии НАНУ, Киев, Украина); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Диев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопал Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief
Rykun A.U. (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology)
Shcherbinin A.I. (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science)
Agafonova E.V. (Tomsk, Russia) – Executive Editor
Sukhushina E.V. (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology)
Skochilova V.G. (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Political Science)
Borisov E.V. (Tomsk, Russia)
Ogleznev V.V. (Tomsk, Russia)
Syrov V.N. (Tomsk, Russia)
Chernikova I.V. (Tomsk, Russia)
Ladov V.A. (Tomsk, Russia)
Uzhaninov K.M. (Tomsk, Russia)
Shcherbinina N.G. (Tomsk, Russia)
Kashpur V.V. (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K. E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Viatkina N.B.** (Institute of Philosophy of NASU, Kiev, Ukraine); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishchev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M. S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskiy D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviov A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor Rafal** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Бахтиярова Е.З., Черникова И.В. Проблема концептуализации стратегий развития человечества.....	5
Боровинская Д.Н., Суровцев В.А. Креативность и мышление: категориальная характеристика.....	15
Буданов В.Г., Белоголов И.Н. Знание-вирус: принципы метафорического переноса.....	25
Вострикова Е.В., Куслий П.С. Сообщения о <i>de re</i> установках: современные проблемы и дискуссии.....	33
Карпов Г.В. Непрямые действия агентов и авторитетные отношения в STIT и PDL.....	47
Касавин И.Т. Великий второй. Роль Уильяма Хьюэлла в формировании зоны обмена «философия – физика».....	63
Прокофьев А.В. Объективность и универсальность морали: проблема соотношения.....	70
Хлебалин А.В. Имплицитные допущения в теории истины и в математике.....	79
Lobovikov V.O. Analytical Theology: God's Omnipotence as a Formal-Axiological Law of the Two-Valued Algebra of Formal Ethics (Demonstrating the Law by "Computing" Relevant Evaluation-Functions).....	87

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Бутина А.В. К проблеме оценки роли интеллектуалов в современном обществе.....	94
Гончаренко М.В., Гончаренко В.Н. Трансформация дискурса как следствие формирования новых эпистемологических полей.....	103
Емелеева Л.Ф. Социально-философский анализ экономических идей в фольклоре.....	111

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Загирияк М.Ю. Солидарность как инструмент институционализации свободы в философии С.И. Гессена.....	121
Asakavičūtė V., Valatka V. Existential communication as the basis for authentic human existence in Karl Jaspers's philosophy.....	129

СОЦИОЛОГИЯ

Агранович В.Б., Иванова В.С., Колодий Н.А. Город равных возможностей в зеркале социальных медиа.....	137
Глухов А.П. Доместикация социальных медиа и ресоциализация межличностных отношений.....	149
Лукина Н.П., Сазонова П.В. Трансформация семейных отношений в рамках технологического уклада информационного общества.....	158
Сергиенко А.М., Родионова Л.В., Колесникова О.Н., Иванова О.А. Практики и драйверы миграционного поведения сельской молодежи в сибирском аграрном регионе.....	168

ПОЛИТОЛОГИЯ

Захарова Т.В. Эффективность экологической политики: от решения глобальных проблем до формирования университетских кампусов.....	179
Шашкова Я.Ю. Трансформации российской партийной системы в контексте глобальных тенденций партогенеза.....	189
Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Десемантизация сакраментальных конструктов «Ленин» и «Родина» в политической реальности России.....	200
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	216

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Bakhtiyarova E.Z., Chernikova I.V. The problem of conceptualization of human development strategies	5
Borovinskaya D.N., Surovtsev V.A. Creativity and thinking: Categorical characteristics	15
Budanov B.G., Belonogov I.N. Knowledge as a virus: Principles of metaphorical transfer	25
Vostrikova E.V., Kusliy P.S. <i>De re</i> attitude reports: Some current problems and discussions	33
Karpov G.V. Indirect actions and authority relations in STIT and DPL	47
Kasavin I.T. The Great Second. William Whewell's role in the making of the "philosophy – physics" trading zone.....	63
Prokofyev A.V. Moral objectivity and moral universality: The problem of correlation	70
Khlebalin A.V. Implicit commitment in truth theory and in mathematics.....	79
Lobovikov V.O. Analytical theology: God's omnipotence as a formal-axiological law of the two-valued algebra of formal ethics (demonstrating the law by "computing" relevant evaluation-functions).....	87

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Butina A.V. To the problem of the study of the intellectuals' role in modern society	94
Goncharenko M.V., Goncharenko V.N. Discourse transformation as a consequence of new epistemological fields formation.....	103
Emeleeva L. F. Economic ideas in folklore	111

HISTORY OF PHILOSOPHY

Zagirnyak M. Yu. Solidarity as an instrument of the institutionalization of freedom in Sergius Hessen's philosophy	121
Asakavičūtė V., Valatka V. Existential communication as the basis for authentic human existence in Karl Jaspers's philosophy	129

SOCIOLOGY

Agranovich V.B., Ivanova V.S., Kolodii N.A. A city of equal opportunities reflected in the social media.....	137
Glukhov A.P. Domestication of social media and re-socialization of interpersonal relations	149
Lukina N.P., Sazonova P.V. Transformation of family relations within the technological structure of the information society	158
Sergienko A.M., Rodionova L.V., Kolesnikova O.N., Ivanova O.A. Practices and drivers of the migration behavior of rural youth in the Siberian agricultural region	168

POLITICAL SCIENCE

Zakharova T.V. The effectiveness of environmental policy: From solving global problems to establishing university campuses.....	179
Shashkova Ya.Yu. Transformations of the Russian party system in the context of the global trends of political parties' genesis.....	189
Scherbinin A.I., Scherbinina N.G. The desemanticization of the sacramental constructs "Lenin" and "Motherland" in Russia's political reality	200

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHORS	216
---	-----

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 165

DOI: 10.17223/1998863X/47/1

Е.З. Бахтиярова, И.В. Черникова

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Техника есть в своем существе бытийно-историческая судьба покоящейся в забвении истины бытия.

М. Хайдеггер

Предметом анализа являются смысловые трансформации в интерпретации концепта «судьба» в техногенной культуре. Если феномен судьбы рассматривать в эволюционном контексте и трактовать как своего рода программу развития, то следует признать, что биология, генетика, технонаука повлияли на смысловое наполнение этой универсалии культуры. Особое внимание уделяется проблеме развития человечества и сохранению человеческой идентичности в условиях технологической экспансии.

Ключевые слова: *концепт «судьба», детерминизм, конвергентные технологии, человек.*

Концепт судьбы в контексте данного исследования рассматривается как универсалия культуры, фиксирующая целостность бытия человека в мире. В Античности, где космос определяет бытие, идея судьбы была одной из основных в плане понимания бытия человека. В средневековой культуре идея судьбы, как Божественного провидения, сохраняла свое значение. В Новое время с развитием естествознания и формированием научного мировоззрения идея судьбы была вытеснена в сферу обывательских представлений. Интерес философии к понятию судьбы возродился в экзистенциализме, но не в рационалистическом, а в иррационалистическом контексте. В экзистенциализме судьба понимается как свобода. Ж.-П. Сартр, А. Камю, К. Ясперс утверждали, что судьба человека определяется и создается им самим. В нашем исследовании рассматриваются рационалистические подходы, поэтому к экзистенциалистской трактовке судьбы далее обращаться не будем.

Семантические сдвиги в интерпретации концепта «судьба» оказались существенно значимыми в контексте формирования понятия закономерности. Б. Рассел отмечал, что идея судьбы была одним из источников, из которых наука извлекла свою веру в естественный закон. А. Уатхед, анализируя становление научного мировоззрения, отмечал, что идея судьбы как «безжалостного хода вещей», столь характерная для эпохи Античности, имевшая значение в Римском законодательстве, повлияла на формирование такого важного понятия научного мировоззрения, как закон: «Законы физики суть веления судьбы» [1. С. 66].

В рационалистической философской традиции идея судьбы конституируется в контексте культурной доминанты детерминизма. Г. Зиммель под судьбой понимает, прежде всего, детерминацию человеческой жизни внешними силами [2. Т. 2. С. 89]. Для О. Шпенглера судьба – это внутренняя логика жизни, ее глубинная закономерность, вытекающая из самой жизни и отличная от законов развития и функционирования природы. Он противопоставляет судьбу причинности: «...каузальность есть ставшая, дезорганизованная, оцепеневшая в формах рассудка судьба» [3. С. 274–275]. А.Ф. Лосев полагал, что и в современной культуре, ценности которой заданы наукой как стержнем техногенной культуры, философы не должны придавать забвению понятие «судьбы»: «Никакая самая точная наука, даже математика, не может избежать понятия „судьбы“» [4. С. 29].

Если феномен судьбы трактовать как своего рода программу социального развития человека, программу реализации жизненной траектории, то следует признать, что наука, в частности биология и генетика, повлияла на смысловое наполнение этой универсалии культуры. На концептуализацию детерминистической установки особенно повлияла социобиология. Как отмечал Э. Уилсон, история разворачивается внутри заданных биологией рамок, а стратегия развития человека зависит от наследуемых генов. Если биология – это судьба, как сказал Фрейд, то, что можно сказать о свободе воли? «На сей раз философский вопрос звучит следующим образом: может ли культурная эволюция высших этических ценностей обрести собственное направление и импульс и полностью вытеснить эволюцию генетическую? Я думаю, что такое невозможно. Гены держат культуру на поводке. Поводок этот очень длинный, но все же ценности будут ограничиваться в той степени, в какой они влияют на генный пул человечества» [5. С. 177]. В 2015 г. завершился семилетний проект по расшифровке генома человека, результатом которого стало выявление взаимосвязей между вариациями разных генов. Если в геноме записана судьба человека, то возможно устранение причин возникновения генетических заболеваний и изменение других характеристик человека.

Наряду с биологическими и генетическими кодами у человека существует еще одна кодирующая система, это культура, понимаемая как социокод, посредством которого транслируются программы социального поведения и деятельности. Р. Докинз ввел понятие мема как базовой единицы культурной информации. В.С. Степин использует понятие «универсалии культуры» как категории, которые аккумулируют накопленный социальный опыт и в системе которых человек определенной культуры осмысливает и переживает мир. Представления, выраженные в системе универсалий культуры, «выступают в качестве своего рода глубинных программ социальной жизни» [6. С. 63].

В философских исследованиях концепт «судьба» в основном рассматривается в историко-философском ключе [7]. Однако нельзя не согласиться с мнением, что «необходимость введения понятия „судьбы“ в ткань философского мышления остро ощущается тогда, когда объектом философской рефлексии становится жизнь человека. Судьба предстает в качестве понятия, посредством которого выражается зависимость человеческой жизни от сил, оказывающих на нее существенное влияние» [8. С. 70].

На современном этапе развития техногенной культуры огромное влияние на бытие человека оказывают конвергентные технологии, что привело к об-

суждению «постчеловеческого» будущего (Ф. Фукуяма); переходу от *Homo sapiens* к *Homo Deus* (Ю. Харари). С. Московичи, размышляя о судьбе человечества, на последних страницах своей известной книги выражает надежду на то, что когда-нибудь демократическое развитие общества превратит его из «машины, творящей богов» в «машину, творящую людей» [9].

Судьбоносное влияние техники на культуру и человечество подчеркивал М. Хайдеггер. Если О. Шпенглер предрекал крах техники вместе с воплощающей ее европейской цивилизацией, то М. Хайдеггер, обратил внимание на онтологическую сущность техники. Он отмечал, что возникает обманчивая видимость, будто современная техника есть прикладное естествознание. В статье «Вопрос о технике» техника рассматривается как вид раскрытия потаенности: «Существо современной техники являет себя в том, что мы называем по-ставом... По-став есть собирающее начало того устанавливания, которое ставит человека на раскрытие действительности способом поставления его в качестве состоящего-в-наличии. Втягивая человека в поставляющее производство, постав посылает его на определенный путь раскрытия потаенности. Постав, как всякий путь такого раскрытия, есть судьба, посылающая человека в историческое бытие» [10. С. 231–232]. Хайдеггер отмечает, что человек «захвачен судьбой раскрытия потаенности, однако его судьба никогда не принудительный рок. Ибо человек впервые только и делается свободным, когда прислушивается к миссии, посылающей его в историческое бытие» [Там же. С. 232].

Далее покажем, что намеченная М. Хайдеггером перспектива исследования онтологической сущности техники на современном этапе развития науки и общества находит свое воплощение в феномене технонауки. Технонаука представляет собой такую форму взаимодействия науки и техники, когда на первый план выходят вопросы их влияния на природу и человека. Представители различных школ философии науки разделяют мнение о том, что для технонауки характерна неразрывная связь собственно исследовательской деятельности с практикой создания инновационных технологий. Фундаментальности она противопоставляет прирост нового знания, но при этом возникает новое понимание знания. Технонаука формирует такую модель взаимодействия знания и общества, в которой знание социально-практически обусловлено, производство знаний обеспечивается компьютеризацией науки, сращиванием науки и производства.

Важнейшим примером технонауки являются так называемые NBICS-технологии (нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии, когнитивные технологии, социальные технологии). Все технологии синергично взаимодействуют, дополняют и усиливают друг друга, создавая небывалые, чрезвычайно мощные средства преобразования человека и земной цивилизации. Например, конвергенция информационных и когнитивных технологий используется для усиления человеческого интеллекта. На современном этапе они в большей степени дополняют естественные способности человека в работе с информацией, в дальнейшем элементы искусственного интеллекта могут интегрироваться в разум человека с использованием прямых интерфейсов «мозг-компьютер». С помощью нанотехнологий стало возможным осуществлять направленный перенос генов в определенные виды клеток с помощью наночастиц, которые выполняют функции транспорта. Соединяя

наночастицы с медикаментами, ищут новые средства терапии. Однако, NBICS-технологии не просто очередное научно-техническое совершенствование, они открывают перед человечеством возможности собственной эволюции как осознанно направляемого процесса трансформации природы человека.

Современная наука переходит к новому этапу в познании человека, который в буквальном смысле может быть назван конструированием человека. Его социальные последствия активно обсуждаются. Использование информационных и когнитивных технологий в системе коммуникаций поставило перед обществом новые вопросы философского плана, в частности проблему формирования так называемого клипового мышления. Интернет стал важнейшим источником получения информации, а значит важнейшим образовательным ресурсом, что не только концептуально изменяет методику образования, но и актуализирует проблему сохранения самосознания и идентичности человека. В рамках сетевого общества возникают новые формы управления сознанием, этому способствуют медиа и Интернет как технологии работы с сознанием. Размываются мировоззренческие ценности, происходит уничтожение культурной памяти, разрушение традиционных механизмов самоидентификации.

Наиболее важным аспектом проблемы безопасности высоких технологий являются риски программы совершенствования человеческой природы (human enhancement), которые следует обсуждать с позиций критического анализа трансгуманизма, избегающего вопроса о границе сохранения устойчивости системы обозначаемой термином «человек». Некоторые представители трансгуманизма делают ставку на достижения современной науки и конвергентные технологии для перехода к стадии «постчеловеческого» существования, поэтому NBICS-технологии называют евгеникой XXI в.

Внедрение в социальную практику NBICS-технологий стало не просто очередным научно-техническим совершенствованием, а вывело человечество на качественно новый уровень цивилизационного развития – этап инновационной цивилизации, на котором трансформации может подвергаться биологическая составляющая природы человека, его идентичность. В этой связи обозначилась проблема сохранения человеческой природы как одна из актуальнейших глобальных проблем современности, которая активно обсуждается. Конвергентные технологии способны кардинально изменить человека и его мир. Эти опасения нашли выражение в идее технологической сингулярности, высказанной Дж. Фон Нейманом, получившей развитие в статье В. Винджа [11] и книге Р. Курцвейла «Сингулярность уже близка». Именно в связи с глобальным характером угрозы трансформации природы человека ее также обозначил как проблему сингулярности Ю.Н. Харари в получившей широкий резонанс книге «Sapiens. Краткая история человечества». В ней показано, что конвергентные технологии – это способ изменять законы природы и трансформировать человека в совершенно иное существо. Такого рода ситуация характеризуется термином «сингулярность». На языке физики сингулярность – «это точка, в которой не существовало никаких известных нам законов природы... Возможно, мы приближаемся к новой сингулярности, когда все, что исполнено смысла в нашем мире – я, ты, мужчина, женщина,

любовь, ненависть, – его утратит. По ту сторону сингулярности для нас уже ничего не будет иметь смысла» [12. С. 487].

Вся история человечества связана с улучшением его естественных способностей искусственными приспособлениями, будь то орудия труда, оружие или транспорт. Различного рода программы по улучшению человеческих возможностей далеко не новы и всегда встречались с осторожностью. Особенно острую критику вызвали в начале XX в. евгенические исследования. В начале XXI в. NBICS-технологии легли в основу специальных программ социального развития. Авторами американской программы «Конвергирующие технологии для улучшения человеческих способностей» («Converging Technologies for Improving Human Performances», 2002) были М. Рокко и В. Бейнбридж. Основными разработчиками программы Евросоюза «Конвергирующие технологии для европейского общества знаний» («Converging Technologies for European Knowledge Society») стали А. Нордманн, Дж. Хашф. Цель этих программ – улучшение качества жизни. Однако, как отмечает Дж. Хашф, программа совершенствования человеческой природы (human enhancement) после появления конвергентных технологий вышла на новую стадию, на которой «все мы становимся в некотором смысле субъектами исследования, вовлеченными в этот новый великий эксперимент, имеющий по сути дела не только естественно-научный и научно-технический, но и социальный аспекты» [13].

Новации на основе NBICS-конвергенции быстро умножаются. Некоторые из них уже обрели стратегический статус, открывают новые пути преобразования природы человека и всей системы социальной жизни. В 2010 г. всемирно известный учёный доктор Крейг Вентер объявил о том, что команде исследователей под его руководством впервые в истории удалось создать искусственный живой организм – синтетическую самовоспроизводящуюся клетку (Синтия). Деятельность ученых в области геномной инженерии, в сфере синтетической биологии на страницах популярных научных журналов, таких как «Nature», сравнили с «игрой в Бога».

Проблема сохранения природы человека в философском дискурсе обозначилась как новый аспект кризиса идентичности. До сих пор проблема идентичности обсуждалась в двух аспектах: индивидуально-психологическом и социокультурном. Индивидуальное подробно исследовал Э. Эриксон: «...обладать идентичностью – значит иметь усвоенный и принимаемый личностный образ себя в отношении к окружающему миру» [14. С. 32]. По поводу социального измерения идентичности в совместном труде Арбиба и Хессе отмечается: «Вопрос „что такое человек?“... вопрос к социокультурному измерению. Человек – это тот, кого мы принимаем в нашу социальную группу с правами и обязанностями ответственного индивидуума» [15. Р. 83]. Поэтому в разных культурах рабов, женщин, преступников не считали за людей. Что касается природного или биологического измерения идентичности, оно до сих пор составляло основание самоидентичности человека, что позволяло сохранять ему свою «сущность» при всех трансформациях. Биологическая составляющая природы человека была тем неизменным основанием, на котором строилась эволюция человека. Возможность изменения самого основания создает качественно новую ситуацию. Разве существует для конкретного человека выбор: как конструировать свое Я, если необратимые биологи-

ческие программы будут запущены? Культурные ценности и смыслы человеческого бытия напрямую связаны с его телесностью, и при всей вариабельности социально-культурных параметров природная идентичность сохранялась и служила фундаментом эволюции человека. Интенсивно развивающиеся высокие технологии создают ситуацию, в которой возможным оказывается изменение биологической телесности, с которой неразрывно связаны культура, система ценностей человеческого бытия, да и сам характер мышления.

Сегодня человечество живет в совершенно новой, уникальной этической ситуации, ибо никогда прежде человек не обладал такой властью над природой и другими людьми. И чем сильнее потенциальное воздействие, которое может быть оказано на окружающий жизненный мир, тем действеннее должны быть регуляторы, нравственные ограничения, которыми руководствуется человек. В современных исследованиях отмечается, что уровень общественной нравственности остается примерно одним и тем же и колеблется в разные времена и у разных народов вокруг некоторой постоянной величины. Нравственность, как тип регуляции отношений людей, направленный на их гуманизацию через стремление к идеально-должному, может рассматриваться как специфический для уровня эволюции человека параметр порядка (термин синергетики), фактор детерминации познания как жизнедеятельности.

Обратим внимание на опасный характер разрыва между прогрессом в области научного знания и технологий и отсутствием нравственного прогресса. Согласно эволюционно-синергетическим представлениям создание более сложных структур можно рассматривать как процесс восхождения и децентрализации. Принципы запрета, ограничения, которые задают направленность, канализируют развитие, служат механизмами самоорганизации. На уровне человека одним из таких принципов является нравственность, которая регулирует социальные отношения на двух уровнях – общечеловеческом и личностном. Одним из законов, управляющих социогенезом, является закон технико-гуманитарного баланса, согласно которому мощность технологического воздействия должна уравниваться более действенными принципами контроля. «Субъекты, не сумевшие совладать с возрастающим инструментальным могуществом, выбраковываются из дальнейшего эволюционного процесса, подорвав основы своего собственного существования» [16. С. 428].

Вопросы, касающиеся применения социогуманитарных технологий, ориентированных на установки превентивной предосторожности, обсуждаются в таких контекстах, как «ответственность перед будущим» (Г. Йонас), техническая этика (А. Грунвальд), этика коллективной ответственности (Х. Ленк), модель нового научного этоса Х. Шпиннера и внедрение практики гуманитарной экспертизы. М. Бовенс противопоставляет принципу «пассивной ответственности», которая извне на кого-то возлагается, принцип «активной ответственности», которую субъект действия сознательно принимает на себя. Активная ответственность означает, что субъекты действия уже в фазе технологической разработки берут в расчет возможные опасные последствия и продумывают механизмы их предотвращения, при этом технология обретает социальные и моральные измерения. Различные подходы к проблематике риска анализируются в концепции Д. Барбена. Им предложена концепция «коммуникации риска» как особого этапа переформатирования взаимоотношений науки, общества и государственных структур, в рамках которого

сформировались инновационные механизмы преодоления дивергенции экспертного и профанного знания [17].

На примере проблемы сохранения природы человека покажем, насколько радикально изменилась концепция научного этоса в рамках технонауки. Как известно, инициатива NBIC стала новым стимулом для активизации трансгуманизма (Н. Бостром, Р. Курцвейль, В. Уиндж, Х. Арэнд и др.). Трансгуманисты считают, что многочисленные научные разработки, ведущие к изменению человеческой природы, служат во благо, так как они способствуют открытию новых границ и возможностей для человека. Подавляющее большинство философов дает резко отрицательную оценку идеям трансгуманизма. В частности, один из разработчиков европейского программного документа «Конвергирующие технологии для улучшения человеческих способностей» А. Нордманн считает гораздо более перспективным направить возможности высоких технологий не на модификацию нашего мозга и тела, а на создание «умной окружающей среды, способной максимально адаптироваться под человеческие возможности и потребности» [18].

Современные высокие технологии, примером которых являются NBICS-технологии, имеют столь мощное воздействие на окружающий мир и человека, что не могут рассматриваться как дело «кабинетного ума». Решающее значение в философии стали приобретать вопросы этики науки и техники. Внедрение сложных технических систем, именно в силу их все возрастающей сложности, характеризуется не прогнозируемостью возникающих при их создании и функционировании нежелательных побочных последствий. Социальная оценка техники и техническая этика призваны способствовать созданию механизмов самоограничения и самоконтроля в условиях неопределенности.

Почти полвека назад известный философ Г. Йонас писал об этике ответственности. Словно предвидя ситуацию с трансформацией человеческой природы, которая тогда еще себя не проявила, он отмечал, что «лишь заранее предсказываемая деформация человека помогает нам прийти к понятию человека, которое следует от нее оградить, и мы нуждаемся в угрозе человеческого образу, причем вполне специфической угрозе, чтобы, ее устранившись, заручиться подлинным человеческим образом. Пока опасность не известна, мы не знаем, что и зачем нужно защищать: знание об этом возникает, вопреки всякой логике и методологии, на основе вопроса «от чего?» Вопрос этот возникает первым и научает нас посредством предшествующего знанию протеста со стороны чувства видеть ту ценность, объект которой нас так затрагивает. Мы знаем, что стоит на кону, лишь, когда знаем, что оно стоит на кону» [19. С. 80]. Сохранение человечества, его природной идентичности должно быть безусловным и может рассматриваться как категорический императив. Если поставлено под вопрос существование человека именно в качестве «человека», то в этом случае безусловным, долгом становится сохранение «онтологической идеи человека».

Таким образом, в контексте достижений и вызовов современной науки и технологий судьба как универсалия культуры наполняется новым содержанием. Аспекты концептуализации стратегий развития человечества, обусловленные внедрением NBICS-технологии, рассмотрены выше. Представляется, что анализ детерминистических установок стратегий развития человека и

цивилизации связан с такими понятиями, как «прогностическая практика», «форсайт». Как подчеркивает С.В. Пирожкова, форсайт – это не только прогнозирование, но «созидание желательного будущего». В форсайте интегрированы и конвергентно взаимодействуют познавательный, проективный, социально-конструктивный и управленческий виды деятельности, вызванные к жизни самой логикой той среды, в которой вынужден существовать человек. Эта среда – его порождение, но и он порождается ею. Тем самым форсайт оказывается особым способом позиционирования субъекта в отношении будущего [20. С. 171]. В этом видится новая перспектива концептуализации детерминистической установки и обсуждения философской проблемы детерминизма и свободы воли, но это тема следующего исследования.

Литература

1. Уайтхед А. Избранные работы по философии. М. : Прогресс. 1990. 720 с.
2. Зиммель Г. Проблема судьбы // Избранное : в 2 т. М., 1996. Т. 2. 608 с.
3. Шпенглер О. Закат Европы. М. : Мысль, 1993. Т. 1. 592 с.
4. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М. : Мысль, 1993. 958 с.
5. Уилсон Э. О природе человека. М. : Кучково поле, 2015. 352 с.
6. Стетин В.С. Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011. 408 с.
7. Понятие судьбы в контексте разных культур. М. : Наука, 1994. 320 с.
8. Жигадло С.С. Судьба как объект философской рефлексии // Омский научный вестник. 2010. № 4. С. 68–71.
9. Московичи С. Машина, творящая богов. М. : Центр психологии и психотерапии, 1998. 560 с.
10. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М. : Республика, 1993. С. 221–238.
11. Виндж В. Технологическая сингулярность // Компьютерра. 29.08.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://old.computer.ru/think/205650/> (дата обращения: 27.01.19).
12. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. М. : Синдбад. 2016. 517 с.
13. Khushf G. The Use of Emergent Technologies for Enhancing Human Performance: Are We Prepared to Address The Ethical and Policy Issue. Электронный ресурс. URL: https://www.academia.edu/592339/The_Use_of_Emergent_Technologies_for_Enhancing_Human_Performance_Are_We_Prepared_to_Address_the_Ethical_and_Policy_Issues (дата обращения: 30.01.19)
14. Эрикссон Э. Идентичность : юность и кризис. М. : Изд. группа «Прогресс», 1996. 344 с.
15. Arbib M., Hesse M. The Construction of Reality. Cambridge, 1986.
16. Назаретян А.П. Универсальная перспектива творческого интеллекта в свете постнеклассической методологии // Вызов познанию: стратегии развития в современном мире. М. : Наука, 2004. С. 394–434.
17. Barben D. Analyzing acceptance politics: Towards an epistemological shift in the public understanding of science and technology // Public Understand of Science. 2010. Vol. 19, № 3. P. 274–292.
18. Nordmann A. Ignorance at the Heart of Science? Incredible Narratives on Brain-Machine Interfaces // URL: http://uni-bielefeld.de/cen%20de,en/ZIF/FG/2006Application/PDF/Nordmann_essay.pdf (дата обращения: 30.01.19).
19. Йонас Х. Принцип ответственности : Опыт этики для технологической цивилизации. М. : Айрис-Пресс, 2004. 480 с.
20. Социо-антропологические измерения конвергентных технологий : Методологические аспекты. Курск : ЗАО «Университетская книга», 2015. 238 с.

Elena Z. Bakhtiyarova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: elenazbest@yandex.ru

Irina V. Chernikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: chernic@mail.tsu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 5–14.

DOI: 10.17223/1998863X/47/1

THE PROBLEM OF CONCEPTUALIZATION OF HUMAN DEVELOPMENT STRATEGIES

Keywords: concept of fate; determinism; convergent technologies; human.

The paper is focused on the conceptual transformations in the interpretation of the concept “fate” in the technogenic culture. In philosophic studies, the concept “fate” is primarily considered in the historical and philosophic aspects. In antiquity, in which the cosmos defines being, the idea of fate was one of the basics in terms of understanding human being. In medieval culture, the idea of fate, as divine providence, retained its importance. In modern times, with the development of natural science and the formation of a scientific worldview, the idea of fate was dislodged into the sphere of philistine ideas. The interest of philosophy in the notion of fate was revived in existentialism, though not in a rationalist, but in an irrationalist context. In the rationalist philosophic tradition, the idea of fate is constituted in the context of the cultural dominant of determinism. Georg Simmel understood fate as the determination of human life by external forces. In Oswald Spengler’s works, fate is the inner logic of life, its deep regularity. In this study, along with historical and philosophic analysis, it is shown that the prospect of studying the ontological essence of technology, outlined by Martin Heidegger, at the present stage of the development of science and society finds its embodiment in the phenomenon of technoscience. Heidegger revealed the essence of technology through the concept “Gestell” and stressed that “Gestell is fate because it sends man to revealing historical being”. If the phenomenon of fate is viewed in the evolutionary context and interpreted as a kind of a development program, it should be recognized that biology, genetics, and technology science have influenced the conceptual content of this universal of culture. Particular attention is paid to the problem of human development and the preservation of human identity in the conditions of technological expansion. Convergent technologies are able to change radically both people and their world. These fears found expression in the idea of a technological singularity articulated by John Von Neumann. The biological component of human nature was the unchanging foundation upon which the evolution of man was built. The possibility of changing the very foundation creates a qualitatively new situation. Is there a choice for a particular person: how to construct one’s self if irreversible biological programs are launched? The prospect of conceptualizing a deterministic attitude and discussing the philosophic problem of determinism and free will is outlined. It is shown that the analysis of deterministic attitudes of human development strategies and civilization is associated with such concepts as “prognostic practice” and “foresight”.

References

1. Whitehead, A. (1990) *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected Works on Philosophy]. Translated from English by I. Kasavin, A. Gryaznov, A. Krasnikov, A. Nikiforov, V. Porus. Moscow: Progress.
2. Simmel, G. (1996) *Izbrannoe: v 2 t.* [Selected Works. In 2 vols]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Yurist.
3. Spengler, O. (1993) *Zakat Evropy* [The Decline of the West]. Vol. 1. Translated from German by K. Svasyan. Moscow: Mysl'.
4. Losev, A.F. (1993) *Bytie. Imya. Kosmos* [Being. Name. Space]. Moscow: Mysl'.
5. Wilson, E. (2015) *O prirode cheloveka* [On human nature]. Translated from English by T. Novikova. Moscow: Kuchkovo pole.
6. Stepin, V.S. (2011) *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilization and Culture]. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences.
7. Arutyunova, N.D. (ed.) *Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur* [The Concept of Fate in the Context of Different Cultures]. Moscow: Nauka.
8. Zhigadlo, S.S. (2010) Destiny as an object of philosophical reflection. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 4. pp. 68–71. (In Russian).
9. Moscovici, S. (1998) *Mashina tvoryashchaya bogov* [The Machine that Creates Gods]. Translated from French by T. Emelyanova, G. Diligensky. Moscow: Tsentr psikhologii i psikhoterapii.
10. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie* [Time and Being]. Translated from German by V. Bibikhin. Moscow: Respublika. pp. 221–238.

11. Vinge, V. (2012) Tekhnologicheskaya Singulyarnost' [Technological Singularity]. *Komp'yuterra*. 29th August. [Online] Available from: <http://old.computerra.ru/think/205650/>. (Accessed: 27th January 2019).

12. Harari, Yu.N. (2016) *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva* [Sapiens. A Brief History of Humankind]. Translated from English by L. Summ. Moscow: Sindbad.

13. Khushf, G. (n.d.) *The Use of Emergent Technologies for Enhancing Human Performance: Are We Prepared to Address The Ethical and Policy Issue*. [Online] Available from: https://www.academia.edu/592339/The_Use_of_Emergent_Technologies_for_Enhancing_Human_Performance_Are_We_Prepared_to_Address_the_Ethical_and_Policy_Issues. (Accessed: 30th January 2019)

14. Erickson, E. (1996) *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Translated from English by A. Andreeva, A. Prikhozhan, V. Rivosh, N. Tolstykh. Moscow: Progress.

15. Arbib, M. & Hesse, M. (1986) *The Construction of Reality*. Cambridge University Press.

16. Nazaretyan, A.P. (2004) Universal'naya perspektiva tvorcheskogo intellekta v svete postneklassicheskoy metodologii [Universal perspective of creative intelligence in the light of post-classical methodology]. In: Udumyan, N.K. (ed.) *Vyzov poznaniyu: strategii razvitiya v sovremennom mire* [Challenge to Knowledge: Development Strategies in the Modern World]. Moscow: Nauka. pp. 394–434.

17. Barben, D. (2010) Analyzing acceptance politics: Towards an epistemological shift in the public understanding of science and technology. *Public Understand of Science*. 19(3). pp. 274–292. DOI: 10.1177/0963662509335459

18. Nordmann, A. (n.d.) *Ignorance at the Heart of Science? Incredible Narratives on Brain-Machine Interfaces*. [Online] Available from: http://uni-bielefeld.de/~cen%20de,en/ZIF/FG/2006Application/PDF/Nordmann_essay.pdf. (Accessed: 30th January 19).

19. Jonas, H. (2004) *Printsip otvetstvennosti. Opyt etiki dlya tekhnologicheskoy tsivilizatsii* [The Principle of Responsibility. Experience of Ethics for Technological Civilization]. Translated from German by I. Makhankov. Moscow: Ayris-Press.

20. Aseeva, I.A. & Budanov, V.G. (eds) (2015) *Sotsio-antropologicheskie izmereniya konvergentnykh tekhnologiy. Metodologicheskie aspekty* [Socio-anthropological measurements of convergent technologies]. Kursk: Universitetskaya kniga.

УДК 165.2

DOI: 10.17223/1998863X/47/2

Д.Н. Боровинская, В.А. Суровцев

КРЕАТИВНОСТЬ И МЫШЛЕНИЕ: КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА¹

Взаимосвязь мышления и креативности в процессе решения задач обосновывается через категории процесса и структуры. В онтологическом плане мышление рассматривается в контексте акта коммуникации и деятельности, что позволяет при характеристике мышления учитывать его креативную природу. Феномен креативности исследуется во взаимосвязи с механизмами рефлексии в процессе перехода от конкретного к абстрактному мышлению. В терминах структуры связь мышления и креативности определяется с точки зрения типов решения задач и зависит от субъективных способностей отдельных индивидов, их знаний и навыков деятельности.

Ключевые слова: мышление, процесс, структура, креативность, коммуникация, деятельность, абстрактное мышление, предметное мышление, рефлексия.

Взаимосвязь мышления и опыта – вечный вопрос научных исследований. Это история непрерывных колебаний между пониманием реальных обстоятельств (теоретическое и эмпирическое мышление) и нацеленность на достижение практического результата (мыслительный процесс решения задач, имеющих прикладное значение).

Исследования в этой области становятся объективно востребованными и социально значимыми в различных сферах жизнедеятельности, что обусловлено наличием обширных знаний, а также возможностей предвидеть развитие в той или иной области, способности решать возникающие задачи, умения системно мыслить, т.е. включать и использовать всё, что имеет непосредственное и косвенное отношение к исследуемому вопросу и в абстрактных и в предметных формах.

Последние пятьдесят лет свидетельствуют об огромном количестве исследований в области творчества. А за два прошедших десятилетия наука о творчестве буквально расцвела. «Вместе с тем остаются основные методологические и предметные вопросы, которые должны быть решены, чтобы она смогла реализовать свой потенциал, способствующий улучшению благосостояния людей во всем мире» [1. Р. 301].

Реализация нестандартных подходов в процессе достижения значимых целей обуславливает степень эффективности решения задач. Подобные подходы очень часто называют креативными, сам процесс креативным, и результатом, как правило, являются креативные продукты.

По мнению В. Лебедева, отечественного специалиста в области креативных методик, задача креативной методологии – приводить человека к осознанному творческому результату. Интерес к осознанному результату присутствует в первую очередь в областях, рассматривающих измерение

¹ Работа подготовлена при поддержке РНФ, грант «Аналитическая философия и современные исследования в области социальной теории», № 18-78-10082.

качества подобного творческого продукта: промышленный дизайн, творческий бизнес, рекламные агентства, конструкторские бюро и т.д. Иными словами, наличие инфраструктурных элементов этих областей напрямую связано с созданием новых идей. И как следствие, потребность в регулярном творческом результате повлияла на формирование разных методологий [2].

К числу наиболее популярных методик развития креативного мышления современные практики относят латеральное мышление, теорию триз, craft (Creative Algorithm Framework & Tools), дизайн-мышление, лиминальное мышление и др.

Общее, что объединяет так называемые креативные методики, – это, во-первых, наличие известного набора действий, что в определённой степени позволяет систематизировать полученные знания в области развития мышления. Например, craft включает такие этапы, как постановка задачи, поиск абстрактных идей, формулирование, поиск предметных идей. Он работает на уровне взаимоотношений между людьми.

Во-вторых, это нацеленность на положительный результат в различных видах деятельности через устранение проблем. Разработка практических решений преимущественно для бизнес-задачи ориентирует на появление новых, необходимых обществу физических предметов, услуг или даже виртуальных социальных сервисов, как в случае с craft методикой.

В-третьих, это развитие в большей степени проектного, нежели исследовательского мышления.

Обозначенные методики как способы развития мышления ориентируют на поиск новых возможностей, помогая выйти за рамки паттернов мышления и стереотипов, составлять идеальный ритм групповой динамики, и, как результат, выстраивать новое общество, новые треки поведения и задавать новые роли на основе уже существующих в обществе моделей.

Методики нацеливают на развитие совокупности творческих способностей, связанных с мотивацией (интересы и склонности), с темпераментом, а также умственным потенциалом. Однако отметим, что особые черты индивидуальности, которые соотносятся с творческими способностями, сами по себе не развивают мышление. Можно, например, иметь специфические характеристики, но не уметь решать сложные задачи.

Более того, существующие способы развития мышления, результатом которого является креативный продукт, работают, как правило, по заранее заданному повторяющемуся алгоритму действий. Возьмём методику *дизайн-мышления*, которая была систематизирована Х. Платнером и Д. Келли. Это процесс, который предполагает чёткий алгоритм, интерактивность, а также включает кроссдисциплинарные команды, причём на стыке разного опыта. Основу дизайн-мышления составляют такие принципы, как «антропоцентричность», осознанная эмпатия, культ быстрых ошибок. С позиции среды это осязаемый мыслительный процесс и возможность «думать руками». В качестве основных этапов процесса дизайн-мышления выделяются: эмпатия (наблюдение, погружение и вовлечение), фокусировка, которая предполагает определение задачи с использованием наглядности, генерация идей посредством мозгового штурма, прототип и тестирование. При этом повторять можно не только весь процесс, но и каждый этап в отдельности.

Концепция же «нестандартного мышления», или так называемого *латерального мышления*, создателем которой является британский эксперт в области творческого мышления Э. де Боно, также предполагает определённый алгоритм. Несмотря на то, что в основе данной методики лежит провокация как возможность нарушения ожидаемой логической цепочки фантазии за счёт абсурдных вводных данных, латеральное мышление скорее дополняет традиционное (логическое) мышление и включает систематизированный подход к творческому мышлению с помощью формальных методов, которые основаны на закономерностях человеческого восприятия как самоорганизующейся системы, лишённых какой-либо таинственности. Специфика данных систем – их способность образовывать и использовать шаблоны, устойчивые модели способа восприятия и реакций. Анализируя действительное и возможное поведение самоорганизующихся систем, Э. де Боно пытается получить ясное представление о природе творчества, что позволяет понять принцип действия определённых приёмов нестандартного мышления, а также мотивирует личность в этом направлении.

С учётом современных тенденций основной акцент в процессе обучения делается на провокационном мышлении, разрывающем мыслительные паттерны. Поле провокации создаётся несколькими способами: инверсия (поиск противоположности объекту или его отдельным элементам), гиперболизация (увеличение или уменьшение одного или нескольких свойств объекта), изменение порядка, замена (изменение одного или нескольких элементов объекта), исключение, дополнение (дополнение объекту одного или нескольких элементов).

Следовательно, мыслительные операции, связанные непосредственно с представленными методиками, соотносятся с нормой. А коль скоро это норма, то достаточно сложно выявить уникальность и неповторимость предлагаемых методик. Соответственно, и вопрос креативности самих методик в этом случае просто снимается.

Что касается современных исследований креативного процесса, то в качестве его главной составляющей выделяется прагматизм, т.е. понимание задачи, цели, результата и способа создания определённого продукта; начальная нацеленность на этот продукт [3. С. 403]. Продукт, соответствующий духу времени и улучшающий нашу жизнь.

«Большинство авторов, работы которых посвящены рассмотрению креативного мышления, фокусируются на вопросах распространения инструментов и методов ускорения творческого процесса, направленных на развитие определённых аспектов мышления, в том числе и посредством искусственного интеллекта. А большая часть предлагаемых концепций ориентирована на определение возможностей применения результатов творческого мышления на практике» [4. С. 45].

Вместе с тем бытует мнение, что методологическим проблемам самого мышления, результатом которого может выступать креативный продукт, уделяется недостаточно внимания.

«Мышление начинается там, где создалась проблемная ситуация. В простейшем случае – это ситуация, которая требует выбора из двух или более возможностей [5. С. 19].

И поскольку акцент сегодня переносится в область применения методов и способов креативного мышления, где результат обладает прикладным характером, важно чётко понимать, что именно есть мышление. Ведь сами по себе современные методики развития нестандартного мышления не определяют конкретных возможностей, не дают ответа на поставленные вопросы и не предлагают готовых идеальных систем.

В связи с этим для определения взаимосвязи креативности и мышления и обоснования философского понимания мышления, результатом которого становится уникальный и необходимый обществу продукт, дадим категориальную характеристику мышления и обозначим его онтологические принципы. В дальнейшем это позволит усовершенствовать процесс обучения через сознательное формирование определённых действий, приёмов и способов мышления, ведущих к появлению и развитию значимых навыков и умений.

Итак, решение проблемной задачи есть мыслительный процесс. Следовательно, изучение процессов решения задач во многом фактически будет совпадать с исследованием мыслительных процессов. Суть мыслительной деятельности заключается в отражении существенных свойств и отношений вещей.

Углубляясь в исследование мышления, результатом которого являются новые, уникальные продукты, обратим внимание на следующее. Во-первых, совершенно сознательно не будем касаться многочисленных и разнообразных исследований таких образований, как рассуждения, которые не всегда есть суть решения задач, а также рационального спора, который, безусловно, может нести в себе очень важные, может быть, определяющие моменты мышления. Во-вторых, сразу отсекаем все те процессы, которые принято соотносить с таким понятием, как «думание».

Решение проблем предполагает мышление как практическую деятельность, направленную на достижение конкретных целей, заданных в рамках проблемной ситуации. И собственно мышление – как идеальный мир, «частная форма» мышления, подчинённая законам логики и выражаемая в символах (схемы, таблицы, графики и т.д.).

Попытаемся выявить взаимосвязь мышления и креативности в процессе решения задач посредством таких категорий мышления, как *процесс* и *структура*.

Итак, мышление как процесс в онтологическом плане характеризуется в контексте акта коммуникации и в контексте деятельности.

С *позиции коммуникации* мышление выступает как операционально-объектное выделение или созидание содержания и выражение (или фиксация) его в одновременно и параллельно создаваемой знаковой форме текста (именно такое представление, в частности, фиксировали многоплоскостные изображения мышления в содержательно-генетической логике); в качестве «побочного продукта» процесса мышления можно рассматривать смысл – связь из многих сопоставлений и соотношений объектных и операциональных элементов ситуации друг с другом и с элементами текста. Её мы можем представить в виде статической структуры из отношений и связей между всеми этими элементами; связь между плоскостями содержания и знаковой формы, возникающая благодаря структуре смысла, рассматривается как объективное, или экстерииоризованное, знание [6].

Мышление в коммуникативном плане ориентировано на создание идеальных сущностей посредством языка и символов. «Мышление не является самостоятельным, непосредственно данным, непосредственно воспринимаемым объектом исследования; оно дано нам прежде всего в языке, или, вернее, нам дан язык, в котором, в частности, осуществляется мышление» [7. С. 56].

Мышление как процесс в контексте деятельности мы будем рассматривать в контексте решения задач и проблем. Подобная мыслительная деятельность формируется на основе практической, предметной деятельности. Исследования в этой области ориентированы на анализ этапов, операций и их связей.

Мышление есть набор комбинаций из элементарных «кирпичиков», в том числе и неравнозначных. При этом любые действия в процессе мышления подвержены разнонаправленности и неравномерности. Переход от одной задачи к другой не обязательно будет осуществляться последовательно. Более того, может наблюдаться скачок, что обуславливает разрыв явной связи между этапами процесса мышления.

Мышление же, результатом которого становится креативный продукт, предполагает отражение многообразных свойств предметов. Подтверждением этого служит изобилие «больших идей» на стадии генерации. В ходе мышления чаще всего изменяется степень существенности отражаемых свойств. Во-первых, «в центре внимания оказываются не отдельно взятые предметы и их свойства, а связи между ними, установление которых невозможно без грамотного использования рациональных форм мышления» [8. С. 29]. Во-вторых, совокупность именно абстрактного и предметного мышления приводит к возникновению уникальных и нестандартных решений.

Особый акцент в исследованиях мышления как деятельности сделан на процессах замещения. «Если определённая познавательная задача, взятая в применении к какому-либо объекту (мы называем его исходным и обозначаем выражением « O_n »), в силу каких-то особенностей этого объекта (мы называем их ограничивающими свойствами) не может быть решена посредством традиционно связанного с этой задачей мыслительного процесса α , то этот объект, как правило, замещается другим (назовём его объектом-заместителем и обозначим выражением « O_z »), таким, который тождествен исходному в исследуемом свойстве, но в то же время не имеет ограничивающих свойств. И, следовательно, может быть исследован посредством мыслительного процесса α . В ходе замещения между O_n и O_z устанавливается определённое отношение, которое позволяет «переносить» знание об объекте-заместителе, полученное посредством процесса α , на исходный объект» [9].

Что касается самого процесса, то формирование идеи коммуникации, или «большой идеи», осуществляется в несколько этапов: фокусировка, обработка, выбор и оценка. Принципиальная разница процесса мышления, в результате которого создаются новые, уникальные продукты, заключается в том, что уже на первом этапе происходит фокусировка не столько на объект (контекст, оценка текущих барьеров), сколько на отношение человека к объекту (функциональная и смысловая нагрузка). Более того, на этом же этапе формулируются скорее абстрактные идеи, а не предметные.

При возникновении проблемных ситуаций, требующих разрешения, как правило, выстраивается определённая схема мыслительных действий.

А именно: необходимо получить ответы на вопросы, как эти ситуации осознаются в качестве «задачных» и какие именно средства и системы содейательностей обеспечивают перенос средств и всего прошлого опыта решения задач в новые ситуации. Как, собственно, может осуществляться процесс перехода от абстрактного и эскизного представления всего целого к предметному. Притом что именно в этот промежуток перехода, как правило, происходит означенный выше скачок и связь между абстрактным и предметным мышлением становится неуловимой.

Можно предположить, что таким связующим элементом становится рефлексия. Ведь, с одной стороны, «рефлексия – это умение видеть всё богатство содержания в ретроспекции (т.е. обращаясь назад: что я делал?) и немножко в проспекции. Проектирование и планирование возникают из проспективной, вперед направленной рефлексии, когда человек начинает думать не «что я сделал?», а так: «представим себе, что я вот это сделаю, и что дальше получится?» Такое проигрывание вперёд, проспективная рефлексия, выливается дальше в планирование, проектирование, программирование и т.д.» [10. С. 155]. И в этом отношении рефлексия связана с абстрактным мышлением. С другой стороны, организуя наше пространство и время, определяя структуру нашей жизнедеятельности, рефлексия предельно конкретна и направлена на предметный мир.

«Рефлексивность начинается там, где возникает отклонение от образца, где осознаётся неудовлетворительность прежнего образца. Но это только начало рефлексивного движения. Рефлексия приводит к сдвигу в образцах, к изменению схем деятельности и мысли. Процесс рефлексии может быть уловлен и реконструирован при сравнении исходных схем деятельности и тех схем, которые возникают после акта рефлексии» [11. С. 19].

Объединяя наши представления о мышлении как о процессе акта коммуникации и деятельности, отметим, что смыслы идеального мира существуют вечно и не подвержены изменениям, это своего рода идеальные категории, тогда как смыслы предметного мира – это смыслы физической реальности, со своими физическими законами, временем и пространством. В свою очередь, переход между практической деятельностью мышления и областью идеального мышления возможен, ибо благодаря этому осуществляется формирование новой идеи. С одной стороны, провокации и парадоксы, моделирование ситуации и выход за рамки. С другой – это барьеры, нормы, регламентации. В итоге – возможность получить новый, уникальный продукт.

Качественную характеристику мышления дополняют элементы креативности, которые имеют место на уровне расширения культурных смыслов и их фокусировки, анализа, генерирования и фильтрации идей в области как предметной, так и идеальной деятельности. Так или иначе, феномен креативности тесным образом переплетается с механизмами рефлексии как способности естественного мышления, особенно в процессе перехода от предметного к абстрактному мышлению.

Далее перейдём к такой категориальной характеристике, как *строение (элементарный состав и структура) мышления*, которое определяется исходя из типов решения задач и зависит от субъективных способностей отдельных индивидов. Например, таких общих способностей, как способность к абстрактному мышлению; способность к восприятию, обобщению, анализу

информации, постановке цели и выбору путей её достижения; способностей, реализуемых в отдельных профессиональных сферах деятельности, как-то: умение обрабатывать и анализировать данные для подготовки аналитических решений, экспертных заключений и рекомендаций в сфере экономики, политики, культуры и др., т.е. определённых знаний и навыков деятельности, которые приводят к появлению нового состава деятельности, а в нашем случае – к новому уникальному продукту, соответствующему духу времени.

Согласно типологии, предложенной Г.П. Щедровицким, к первой группе относятся мыслительные операции, направленные непосредственно на объекты и, по сути, представляющие собой особую модификацию замещения одних объектов другими. Подобные операции выделяют в объектах определённое содержание и рассматриваются как находящиеся в одной плоскости с самими объектами [12].

Ко второй группе, по мнению методолога, относятся операции, которые позволяют решить задачу посредством замещения. А именно через осуществление преобразования исходного объекта, «преобразуя исходный объект X к такому виду Y или замещая объект X другим объектом Y , таким, что к Y может быть применена какая-либо операция типа D , дающая знание, которое может рассматриваться как ответ на вопрос относительно X . При этом между X и Y устанавливается особое отношение замещения, которое получило название отношения эквивалентности» [13].

Третью группу составляют процессы, для которых характерно, что большая часть составляющей их деятельности лежит в плоскости знаковой формы (есть, следовательно, деятельность не с объектами, а со знаковыми выражениями) и имеет чисто формальный характер [14].

Наконец, к четвёртой группе Г.П. Щедровицкий относит все те случаи, когда объект и вопрос относительно него заданы таким образом, что для решения задачи нужно осуществить сложную комбинацию замещений исходного объекта различными знаковыми формами (часто также и одних знаковых форм другими) и преобразований (формальных и содержательных) этих знаковых форм, т.е. процессы, представляющие собой комбинации предыдущих групп.

Соответственно, если следовать данной типологии процессов решения задач, то в отношении строения мышления, результатом которого являются креативные продукты, выделим ряд характерных черт. Во-первых, мыслительные операции, как правило, не выделяют в объектах определённое содержание и лежат в одной плоскости со знаковыми выражениями, а не с объектами, что позволяет судить об их формальном характере. Во-вторых, исследуемые операции позволяют решить задачу посредством замещения – отношения эквивалентности. В-третьих, мыслительные операции предполагают сложную комбинацию замещений исходного объекта различными знаковыми формами и преобразования этих знаковых форм.

Таким образом, несомненно, что все черты, которые были обозначены выше, носят исключительно категориальный характер мышления с позиции процесса и структуры. Безусловно, решение задачи есть продукт весьма своеобразный. И если согласиться с мнением Г.П. Щедровицкого, что процесс решения задачи всегда даёт два продукта: с одной стороны, ответ, а с другой – решение как таковое, и оба процесса очень чётко раскладываются, то, напри-

мер, такие характеристики, как линейность, последовательность, относятся к решению задачи и предполагают организованную цепь операций, а разнонаправленность и неравномерность с большей долей вероятности будут соотноситься с процессом «решения», который представляет собой сложную связку разнообразных процессов, где рефлексия является существенным механизмом организации мышления, ориентированного на создание креативных результатов. Именно в этом случае наблюдается тесная взаимосвязь креативности и мышления, тогда как сам процесс решения не будет являться креативным. Креативен, скорее, продукт как ответ, что возможно благодаря принципам осуществления мышления в сложной связке операций и собственно тем способам мышления, которые использует человек.

Литература

1. *Plucker J.A.* Toward a Science of Creativity: Considerable Progress but Much Work to be Done // *The Journal of Creative Behavior*. Vol. 51, iss. 4, December. 2017. P. 301–304. URL: <https://doi.org/10.1002/jocb.193>
2. *Лебедев В.С.* Теоретический craft. Система координат, понятие идеи [Электронный ресурс]. URL: <https://drive.google.com/file/d/0B6NX7Iu1A7YQYWVLIpaVlFvaEk/view> (дата обращения: 28.01.19).
3. *Медведева О.Ю.* Парадигма глобальной креативности в образовании // *Философия творчества, дискурс креативности и современные креативные практики* : материалы междунар. науч.-практ. конф., 10–11 июня 2010 г. / Урал. гуманитар. ин-т. Екатеринбург, 2010. 519 с.
4. *Боровинская Д.Н.* Зарубежный опыт исследований креативности в XX в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2011. № 348. С. 42–47.
5. *Лук А.Н.* Мышление и творчество. М. : Политиздат, 1976. 144 с.
6. *Щедровицкий Г.П., Якобсон С.Г.* Заметки к определению понятий «мышление» и «понимание» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/67> (дата обращения: 28.01.19).
7. *Щедровицкий Г.П.* «Языковое мышление» и его анализ // *Вопросы языкознания*. 1957. № 1. С. 56–68.
8. *Боровинская Д.Н.* Креативное мышление: основные направления исследования // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2017. № 40. С. 22–31.
9. *Щедровицкий Г.П., Ладенко И.С.* О некоторых принципах генетического исследования мышления [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/4> (дата обращения: 28.01.19).
10. *Щедровицкий Г.П.* Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология (курс лекций): Из архива Г.П. Щедровицкого. Лекция 5. 2-е изд. М. : Путь, 2003. 480 с.
11. *Ладенко И.С.* Проблемы рефлексии : Современные комплексные исследования. Новосибирск : Наука, 1987. 237 с.
12. *Щедровицкий Г.П., Алексеев Н.Г., Костеловский В.А.* Принцип «параллелизма формы и содержания мышления» и его значение для традиционных логических и психологических исследований // *Докл. АПН РСФСР*. 1960. № 2, 4; 1961. № 4, 5.
13. *Ладенко И.С.* О процессах мышления, связанных с установлением отношения эквивалентности // *Докл. АПН РСФСР*. 1958. № 2.
14. *Щедровицкий Г.П.* К анализу решения задач [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/5> (дата обращения: 28.01.19).

Daria N. Borovinskaya, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation).

E-mail: sweetharddk@mail.ru

Valeriy A. Surovtsev, Tomsk State University; Tomsk Scientific Center of Siberian Branch of Russian Academy of Science (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: surovtsev1964@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 15–24.

DOI: 10.17223/1998863X/47/2

CREATIVITY AND THINKING: CATEGORICAL CHARACTERISTICS

Keywords: thinking; process; structure; creativity; communication; activity; abstract thinking; objective thinking; reflection.

In the introduction part of the article, the authors give a proof of the issue's topicality, defines the aim and formulates the problem of the research. During the preparation of this article, methods of analyzing and synthesizing information from open sources, including articles of the national and foreign experts in the field of philosophy of creativity and methodology of thinking, were used. To determine the relationship between creativity and thinking, and to substantiate a philosophical understanding of thinking, the result of which is a unique product necessary for society, the authors give a categorical characteristic of thinking and denotes its ontological principles. Solving a problem is a thinking process. Consequently, the study of problem solving processes largely coincides with the study of mental processes. The essence of mental activity is to reflect the essential properties and relationships of things. The authors do not deal with numerous and diverse studies of such entities as reasoning, which is not always the essence of problem solving, as well as rational dispute. Problem solving involves thinking as a practical activity aimed at achieving specific goals set within the framework of a problem situation. Actual thinking is like an ideal world, a "private form" of thinking, subject to the laws of logic, and expressed in symbols (charts, tables, graphs, etc.). In the main part of the article, the authors reveal the relationship of thinking and creativity in the process of solving problems through such categories of thinking as process and structure. Thinking as a process is ontologically characterized in the context of an act of communication and in the context of activity. From the position of communication, thinking acts as an operational objective selection or creation of content and its expression (or fixation) in the simultaneously and parallelly created sign form of the text. Thinking in the communicative aspect is focused on the creation of ideal entities through language and symbols. The authors consider thinking as a process in terms of activity in the context of problem solving. Such mental activity is formed on the basis of practical, objective activity. Thinking, which results in a creative product, involves the reflection of the diverse properties of objects. This is confirmed by the abundance of "big ideas" at the generation stage. Particular emphasis in studies of thinking as an activity is made on the processes of substitution. As for the process itself, the formation of a communication idea, or a "big idea", is carried out in several stages: focusing, processing, selection and evaluation. The fundamental difference of the thinking process, as a result of which new unique products are created, is that, at the first stage, the focus is not so much on the object (context, assessment of current barriers), but on the person's attitude to the object (functional and semantic load). Moreover, at this stage, abstract ideas are formulated rather than objective ones. When problem situations arise that require resolution, a certain pattern of mental actions is built, as a rule. Namely, it is necessary to get answers to the questions of how these situations are realized as "task-oriented", and which means and systems of co-activities ensure the transfer of means and the whole experience of solving problems to new situations. How, in fact, can the transition from an abstract and conceptual representation of the whole to an objective one go given that it is generally during this period of transition that the above-mentioned shift occurs, and the connection between abstract and objective thinking becomes elusive? According to the author, reflection becomes such a connecting element. On the one hand, reflection is associated with abstract thinking. On the other hand, by organizing our space and time, by defining the structure of our vital activity, reflection is extremely concrete and directed to the objective world. The meanings of the ideal world exist eternally and are not subject to change, they are a kind of ideal categories, whereas meanings of the objective world are meanings of a physical reality, with their own physical laws, time and space. In turn, transition between the practical activity of thinking and the field of ideal thinking is possible, because thanks to this a new idea is formed. On the one hand, there are provocations and paradoxes, modeling the situation and going beyond. On the other hand, there are barriers, norms, regulations. The result is an opportunity to get a new unique product. The qualitative characteristics of thinking are complemented by elements of creativity, which are revealed at the level of the expansion of cultural senses and their focus, analysis, generation and filtering in the field of objective and ideal activity. The phenomenon of creativity is closely intertwined with the concept of reflection in a broad sense as the ability of natural thinking, especially in the transition from objective to abstract thinking. From the position of structure, the relationship of thinking and creativity is determined based on the types of problem solving and depends on the subjective abilities of individuals, their knowledge and skills, which lead to the emergence of a new composition of activities, and, in our case, to a new unique product corresponding to the spirit of the times. At the end of the article, the authors summarize the findings and makes conclusions.

References

1. Plucker, J.A. (2017) Toward a Science of Creativity: Considerable Progress but Much Work to be Done. *The Journal of Creative Behavior*. 51(4). pp. 301–304. [Online] Available from: <https://doi.org/10.1002/jocb.193>.
2. Lebedev, V.S. (n.d.) *Teoreticheskiy craft. Sistema koordinat, ponyatie idei* [Theoretical craft. The coordinate system, the concept of ideas]. [Online] Available from: <https://drive.google.com/file/d/0B6NX7lu1A7YQYWVLNlpaVIFvaEk/view>. (Accessed: 28th January 2019).
3. Medvedeva, O.Yu. (2010) [The paradigm of global creativity in education]. *Filosofiya tvorchestva, diskurs kreativnosti i sovremennye kreativnye praktiki* [Philosophy of Creativity, Discourse of Creativity and Modern Creative Practices]. Proc. of the International Conference. Ekaterinburg. June 10–11, 2010. Ekaterinburg: Ural State Institute. (In Russian).
4. Borovinskaya, D.N. (2011) Foreign experience in research of the creativity in XX century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 348. pp. 42–47.
5. Luk, A.N. (1976) *Myshlenie i tvorchestvo* [Thinking and creativity]. Moscow: Politizdat.
6. Shchedrovitsky, G.P. & Yakobson, S.G. (n.d.) *Zametki k opredeleniyu ponyatiy "myshlenie" i "ponimanie"* [Notes to the definition of the concepts "thinking" and "understanding"]. [Online] Available from: <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/67>. (Accessed: 28th January 2019).
7. Shchedrovitsky, G.P. (1957) "Yazykovoe myshlenie" i ego analiz [Language thinking and its analysis]. *Voprosy yazykoznanija – Topics in the Study of Language*. 1. pp. 56–68.
8. Borovinskaya, D.N. (2017) Creative thinking: the main directions of research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 40. pp. 22–31. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/40/2
9. Shchedrovitsky, G.P. & Ladenko, I.S. (n.d.) *O nekotorykh printsipakh geneticheskogo issledovaniya myshleniya* [On some principles of genetic research of thinking]. [Online] Available from: <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/4>. (Accessed: 28th January 2019)
10. Shchedrovitsky, G.P. (2003) *Orgupravlencheskoe myshlenie: ideologiya, metodologiya, tekhnologiya (kurs lektiy). Iz arkhiva G.P. Shchedrovitskogo* [Organizational thinking: ideology, methodology, technology (lecture course). From G.P. Schedrovitsky's archive]. Moscow: Put'.
11. Ladenko, I.S. (1987) *Problemy refleksii. Sovremennye kompleksnye issledovaniya* [Problems of reflection. Modern complex research]. Novosibirsk: Nauka.
12. Shchedrovitsky, G.P., Alekseev, N.G. & Kostelovskiy, V.A. (1961) Printsip "parallelizma formy i sodержaniya myshleniya" i ego znachenie dlya traditsionnykh logicheskikh i sikhologicheskikh issledovaniy [The principle of "parallelism of form and content of thinking" and its significance for traditional logical and sychological research]. *Doklady APN RSFSR*. 2,4.
13. Ladenko, I.S. (1958) O protsessakh myshleniya, svyazannykh s ustanovleniem otnosheniya ekviva-lentnosti [On the processes of thinking associated with the establishment of an equivalence relation]. *Doklady APN RSFSR*. 2.
14. Shchedrovitsky, G.P. (n.d.) *K analizu resheniya zadach* [To the analysis of problem solving]. [Online] Available from: <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/5>. (Accessed: 28th January 2019).

УДК 165

DOI: 10.17223/1998863X/47/3

В.Г. Буданов, И.Н. Белоногов

ЗНАНИЕ-ВИРУС: ПРИНЦИПЫ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА

Статья содержит философское рассуждение о способе существования знания в культуре. Авторы используют метафору «вируса» применительно к представлению о знании в контексте эволюционной эпистемологии. В связи с этим рассматриваются и анализируются основные принципы, общие для функционирования вирусов и «мира знания» (третьего мира, в терминологии Карла Поппера): зависимость от носителя, заражение, распространение, сеть и самоорганизация.

Ключевые слова: эволюционная эпистемология, Карл Поппер, мемы, слово-вирус, третий мир.

Эволюционная эпистемология, дисциплина, занимающаяся вопросами роста и изменения научного знания, в том виде, в каком она была основана Карлом Поппером, ориентируется на записи как на основной способ хранения и передачи знаний о мире. Однако обращая внимание только на записи, невозможно делать прогнозы, можно лишь составить представление о прошлом, об истории эволюции. В таком виде эволюционная эпистемология не вполне соответствует стандартам современного анализа научного знания, поскольку основная его (знания) характеристика – высокая скорость изменений и развития.

Ориентация на записи связана с тем, что эволюционная эпистемология основывалась на факторах, описанных в синтетической теории эволюции: эволюции, естественном отборе и генетическом коде как способе передачи информации из поколения в поколение. Если два первых принципа не вызывают никаких проблем при экстраполяции на когнитивную сферу – знание действительно эволюционирует, а теории подвергаются отбору, то последний, третий принцип нуждается в уточнении. Метафора, связывающая гены и записи, не столь однозначна, как может показаться. Несомненно, у этой метафоры («гены как язык») имеется долгая история, затрагивающая и лингвистику, и биологию. Но связь генов именно с записями, в эпистемологии, возникает не только из этой, устоявшейся со времен Якобсона и Жакоба метафоры. Она устанавливается за счёт той роли, которую гены играют в эволюции, передавая информацию сквозь поколения. В то время как жизнь отдельного индивида заканчивается, «жизнь» генов продолжается в других индивидах. То же можно сказать о текстах, шире – о записанном знании. Теории продолжают существовать, когда их создатели уже мертвы. Но разве устная коммуникация не может играть ту же роль передатчика?

Устная коммуникация нелегитимна для Поппера, поскольку ему необходимо обосновать возможность «объективного» изучения знания, которая, по его задумке, должна следовать из его (знания) «относительной автономии» от людей и их «субъективного мира». Потому Поппер привязывает знание к за-

писи, утверждая, что «именно возможность или потенциал некоторой вещи быть понятой, её диспозициональный характер: быть понятой и интерпретированной или неправильно понятой и неправильно интерпретированной, делает её книгой. И эта потенциальная возможность, или диспозиция, книги может существовать, не будучи когда-либо актуализованной или реализованной» [1. С. 116]. Таким образом, знание отделяется от носителей и присоединяется к записям. Этот ход позволяет рассматривать знание-запись как нечто объективное, но при этом полностью закрывает возможность изучения любой другой передачи знания кроме как посредством записи. Не говоря уже о том, что он довольно сомнителен с теоретической точки зрения, поскольку легко показать, что запись без того, кто мог бы её прочитать, в конечном итоге является лишь определенным набором штрихов [2].

Внимание на устную коммуникацию обращает другая концепция, возникшая в русле эволюционной эпистемологии, – геннокультурная теория, дополненная теорией мемов Ричарда Докинза [3]. Так возникает идея о «ментальном вирусе»¹ [*virus of the mind*] [4]. Мемы традиционно связываются с генами как то, что передаётся другим поколениям. А «ментальные вирусы» вводят новую метафору, имеющую отношение к эпигенетике. Эпигенетика занимается изменениями, происходящими за время жизни индивида, но не передающимися по наследству. Две эти области – генетика и эпигенетика – пересекаются в вирусологии, поскольку вирусы, являющиеся, по сути, эпигенетическим фактором, в то же время способны встраиваться в геном и передаваться по наследству. Таким образом, знание, распространяющееся через устную коммуникацию, вводится в теорию через понятие «ментального вируса», как то, что может как передаться другому поколению – «встроиться в геном», так и не передаться, оставшись в «области эпигенетики» [5]. Точнее, «мемы» и «ментальные вирусы» соотносятся друг с другом как знание и то, что его распространяет: мемы – это «единица информации, которая содержится в сознании», а «ментальные вирусы» – это способ, которым эта информация распространяется через коммуникацию.

Такой метафорический сдвиг позволяет охватить все виды коммуникации, но при этом встаёт вопрос об объективности мемов: если они содержатся только в сознании, то как возможно их объективно изучать? Поскольку мемы оказываются тем, что всегда скрыто в чьём-либо сознании, всё, с чем мы имеем дело, – это всегда «ментальные вирусы», т.е. то, что мемы переносят. И если ход мысли Карла Поппера позволял ему говорить об объективном мире знания – третьем мире, как он его называл, являвшемся совокупностью всех записанных знаний, то теория мемов не предусматривает такой возможности. В ней мы всегда имеем дело со способом передачи и никогда не с «самими мемами». В таком случае и изучать возможно лишь то, как знание передаётся, и при этом всегда спорить о том, о каком именно знании идёт речь. Показательным здесь является диалог, воспроизведенный Ричардом Броуди в его книге «Ментальные вирусы», в котором он, Чарльз Саймони и Грег Казник обсуждают мемы, но не могут прийти к консенсусу на счёт того, что именно является мемом [4. С. 2–4].

¹ Русский перевод «*virus of the mind*» как «психический вирус» представляется нам неточным и вызывающим коннотации с «психическим заражением», которых нет в оригинале. Для того чтобы избежать путаницы, здесь и далее этот термин переводится нами как «ментальный вирус».

Следовательно, в проблемном поле эволюционной эпистемологии, с одной стороны, нельзя отказаться от эволюционной метафоры, которая лежит в фундаменте теории. С другой стороны, два способа использования этой метафоры ставят нас перед дилеммой: либо объективное изучение знания, но лишь в виде записей, либо изучение любых способов передачи без возможности иметь дело с самим знанием. Таким образом, нам нужно сохранить метафорическую связь с теорией эволюции, но при этом изменить способ, с помощью которого эта метафора переносится.

Для этого вновь вернёмся к вопросу о генах и обратим внимание на оппозицию, неявно вводимую вместе с разделением «мемов» и «ментальных вирусов»: гены связаны именно с генетической передачей, т.е. предполагают наследственную передачу, в то время как вирусы – это передача через заражение. Несомненно, знание переходит из поколения в поколение, и в этом оно похоже на генетическую наследственность, но при этом передаётся именно заражением. Таким образом, говоря о способе передачи, вернее связывать знание с вирусами, нежели с генетической наследственностью. Генетическая метафора, схватывающая сходство генов и знания как программ, определяющих наше поведение, также приводит наше рассуждение к вирусам, встраивающимся в геном, – они тоже имеют гены, более того, они и есть гены. Следовательно, различие между «генами» и «вирусами» с самого начала было не в том, что одни являются «содержанием», а другие – способом передачи. Речь здесь идет о различии двух способов передачи – генетическом и инфекционном. И знание передаётся, как мы считаем, именно «инфекционным путём».

Вирусы, несомненно, подчиняются всем законам эволюции – они изменяются, реплицируются и проходят естественный отбор. Мы говорим о вирусологической эпистемологии для того, чтобы отчётливо указать на этот метафорический сдвиг, лежащий в её основании: знание – это вирус. Именно с этого утверждения начинается вирусологическая эпистемология¹ [6], что и позволяет ей выйти из проблемного поля, в которое попадают другие концепции.

Знание как вирус – это, несомненно, метафора. Метафора устанавливается за счёт сходств, следовательно, существуют сходства между знанием и вирусом, которые эту метафору легитимируют и которые, в свою очередь, являются фундаментальными принципами вирусологической эпистемологии. Четыре таких принципа были определены двумя мыслителями – лингвистом и нейрофизиологом Терренсом Диконом и писателем и экспериментатором Уильямом Берроузом, однако сделано это было по отношению к языку, а не знанию. Берроуз является автором знаменитого утверждения, что «слово – это вирус» [7]. Он видел главное их сходство в том, что язык, как и вирус, зависим от носителей и распространяется заражением. Терренс Дикон проводил аналогию между языком как системой и вирусом как внеклеточным паразитом, дабы указать на существование коэволюции между языком и человеческим мозгом. Потому для него основанием для переноса был тот факт, что язык «эволюционирует спонтанно» [8. Р. 110], без контроля со стороны его носителей, т.е. является саморазвивающейся системой. Эта система имеет все признаки сети – в ней нет явно выраженных доминантных центров, а следо-

¹ Термины «знание-вирус» и «вирусологическая эпистемология» впервые введены И.Н. Белоноговым в работе «От эволюционной эпистемологии к вирусологической» [6]

вательно, отсутствует иерархия. Таким образом, Берроуз выделяет дистрибутивные свойства – свойства, которыми обладает каждый элемент системы в отдельности, а Дикон делает акцент на системных свойствах. Переход от одних к другим происходит в результате распространения: так вирус, распространившись на множество носителей, выстраивает инфекционную сеть. Следовательно, в сумме мы имеем пять признаков, которые есть как у языка, так и у вируса: зависимость от носителя, заражение, распространение, сетевая природа и самоорганизация.

На один из них – заражение – уже было указано. Но перед тем как уточнить, что именно под ним понимается, обратимся для начала к более фундаментальному вопросу о носителях. «В самом убедительном смысле, язык – вирус потому, что и тот, и другой мертвы, пока не обретают жизнь в человеческом носителе», – пишет Д. Кан в работе, посвященной концепции Берроуза [9]. Но как это понимать? Как уже было замечено, текст перестаёт функционировать как текст, если его никто не читает. И все же потенциально в нём заложено некое знание, которое возникнет лишь тогда, когда текст будет прочитан. Для того чтобы точнее обозначить это различие, обратимся к онтологической концепции виртуального и актуального, разработанной Анри Бергсоном и Жилем Делёзом [10. С. 229–324]. В этой концепции реальность существует в двух видах – как актуальное и как виртуальное [11. Р. 9–11, 223–224, 300–302]. Их разница задаётся отношением ко времени: актуальное – это происходящее в данный момент, в настоящем времени, а виртуальное – это память, то, что уже произошло, но все же продолжает существовать особым образом – как воспоминание. Запись существует актуально, но у неё нет памяти. У человека, в свою очередь, есть память, к которой он обращается при чтении текста.

Таким образом, знание – это виртуальный регистр текста. Без носителя текст является в лучшем случае лишь текстом, который потенциально может быть прочитан, в то время как в носителе текст становится знанием, хранящимся в памяти носителя. Более того, лишь оказавшись в носителе-человеке, знание может мутировать и реплицироваться. Именно возможность реплицироваться и мутировать мы и можем называть «жизнью» вируса. Для удобства, а также принимая во внимание, что не всякий прочитанный текст тут же становится знанием, но может быть сохранен в памяти носителя как текст, мы вводим деление на «язык-вирус», записи и «знание-вирус» – то знание, которое возникло в носителе при контакте с записью. Но если в теории мемов «ментальный вирус» и мемы находились в отношении средства распространения и содержания, то в концепции вирусологической эпистемологии язык-вирус и знание-вирус соотносятся как инфекция и болезнь, ею вызванная. Мы всегда можем с высокой точностью предполагать, как именно проявит себя инфекция при попадании в тот или иной организм. Запись, текст, язык – это и есть вирус, а знание – эффект от его воздействия на носителя. Именно за счёт этого отношения, устанавливаемого между текстом и знанием (отношением причины и следствия), становится возможным говорить о знании как объективном. Записи могут существовать отдельно от тех, кто их будет читать, но в «спящем» виде, потому «относительная автономия» обретает другой смысл – она уже не онтологична, как считал Поппер, но функциональна. Знание саморазвивается используя для этого носителей.

«Заражение» предполагает репликацию вируса в нового носителя. Репликация – это копирование, сопровождающееся мутациями, ошибками при копировании. Так распространяется вирус. Более того, концепция заражения позволяет точнее представить ситуации коммуникации, нежели концепция «обмена знаками»: коммуникация предполагает репликацию знания – образ в сознании говорящего не передается слушателю, но у слушателя возникает второй образ, подобный первому. Степень мутации зависит от того, насколько отличается новый носитель от предыдущего. Чем больше между ними сходств, тем меньше мутаций. Таким образом, знание, распространяясь, мутирует, изменяется. В то же время это изменение зависит от носителей, и через установление степени их сходства возможно установить и то, как именно изменится знание-вирус при заражении.

Вопрос о сходстве носителей связан с вопросом о распространении. В жизненном цикле вируса носители (в том числе и человек) – это средство записи и распространения. Следовательно, вирусологическая эпистемология рассматривает любые виды коммуникации и все типы носителей. Исходя из того факта, что знание мутирует распространяясь, особым статусом наделяются системы, созданные для распространения знания с высокой точностью, – школы, университеты, словари и стандарты. Главное, что получает знание-вирус, будучи признано научным сообществом, – это возможность распространиться благодаря таким сетям. Распространение, в свою очередь, является наиболее важной задачей любого вируса: распространившись, теория может укрепиться и выжить, чтобы потом быть переданной следующему поколению, в противном же случае велик шанс того, что она будет забыта.

В свою очередь, возможность прогнозировать распространение связана со следующим признаком – сетевой природой знания-вируса. При анализе инфекционной сети мы всегда имеем дело с узлами-носителями и связями-заражением. Принимая во внимание первый принцип зависимости знания от носителей, вводится следующая эвристика: между двумя узлами, представляющими записи, всегда должен иметься узел-носитель – человек, поскольку лишь благодаря носителям знание может мутировать и реплицироваться. Наиболее подходящая модель для представления инфекционной сети – это концепция ризомы Жюль Делёза и Феликса Гваттари. Особую важность представляет четвертый принцип ризомы, получивший название «принцип а-означающего разрыва» [12. С. 9], который можно кратко сформулировать в следующем виде: «любая точка – это источник». Поскольку мы рассматриваем любые записи (в том числе людей) как носителей инфекции, то необходимо помнить о том, что распространение всегда может возобновиться даже за счет одной сохранившейся книги или последнего приверженца. Возможности распространения устанавливаются за счет включенности носителей в другие сетевые структуры – социальные сети, сети книгоизданий, медиа и т.п. Узлы этих сетей, имеющие множество связей, например знакомств, если мы говорим о социальных сетях, быстро превращаются в очаги распространения вирусов. Таким образом, вирусная эпистемология открывает путь применения теории сетей и математических расчетов теории графов для прогнозирования распространения знания-вируса – теорий или отдельных «мемов». Помимо этого, возможно прогнозировать мутации исходя из положения о том, что «новая информация, знание, новые информационные потоки рождаются при

взаимодействии как минимум двух других информационных потоков» [13. С. 79]. Здесь важно отметить, что это «взаимодействие потоков» предполагает, что два различных знания-вируса одновременно оказались в одном носителе, вследствие чего произошла их мутация – возникли новый штамм вируса, новое знание.

Распространившись в инфекционную сеть, знание-вирус обретает новые характеристики – самоорганизацию. Будучи наложенной на социальную сеть, инфекционная сеть выступает в качестве «матрикса» [14. С. 66–74], того, что, во-первых, делает возможной коммуникацию между узлами, поскольку заражает их общим языком и терминологией; во-вторых, при отсутствии лидеров в сети именно знание выступает тем, что организует и направляет социальную сеть – в виде ориентиров, ценностей и правил, общих для всех участников сети, в виде распространяющихся образов, с которыми будут ассоциировать себя участники сети в качестве таковых. Именно знание и язык есть то, что в конечном итоге основывает субъективность [15] отдельного индивида или коллектива – то, на какие объекты и сущности мир будет различён (мемы-различия [Distinction-memes], в терминологии теории мемов); то, какие между этими объектами будут установлены причинно-следственные связи и как с ними взаимодействовать (мемы-стратегии [Strategy-memes]); и то, как себя будет идентифицировать индивид, какие права и обязанности ему будут вменяться и какое поведение из этого следует. Знание-вирус устанавливает субъективность собственных носителей, и это та причина, по которой мы можем рассматривать его как нечто объективное. Оно над-субъективно, поскольку находится в фундаменте любой субъективности, и всегда коллективно, поскольку по своей природе оно с необходимостью распространяется, заражая все новых носителей [16]. Саморазвитие знания-вируса предстает со всей очевидностью в известной схеме постнеклассической [17] рациональности: «субъект – метод – объект – результат», где оно выступает в каждой из четырех ролей, задавая субъективность исследователя, его метод, представление об объекте и в конечном итоге, будучи результатом его деятельности, – новым знанием-вирусом. В таком виде мы заново можем ввести представление о третьем мире как обладающем и «объективностью», поскольку знание-вирус над-субъективно, и функциональной «автономией», поскольку оно является самоорганизующейся ризоматической системой.

Таким образом, вирусологическая эпистемология, рассматривающая знание и язык как вирусы, позволяет совместить тезисы о зависимости знания от носителей с характеристикой «объективности» и «относительной автономии» третьего мира (виртуальной совокупности знаний) и при этом остаться в рамках базовой для эволюционной эпистемологии метафоры. Тем самым не только сохраняются выводы и результаты, полученные за всю историю существования эволюционной эпистемологии, но и открываются новые возможности для прогнозирования и анализа распространения знания в реальном времени.

Литература

1. *Поппер К.* Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д.Г. Лахути ; отв. ред. В.Н. Садовский. М. : Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
2. *Белоногов И.Н.* Теория «Трех миров» Карла Поппера на пути к реализму. Онтологический статус «Третьего мира» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 199–205

3. Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. Фоминой. М. : АСТ : CORPUS, 2014. 512 с.
4. Броди Р. Психические вирусы: Как программируют наше сознание / пер. с англ. Л.В. Афанасьевой. М. : Поколение, 2007. 304 с.
5. Белоногов И.Н. Эпигенетика в эпистемологии // *Философия науки и техники*. 2017. Т. 22, № 2. С. 60–74.
6. Белоногов И.Н. От эволюционной эпистемологии к вирусологической // *Философия хозяйства*. 2018. № 3. С. 209–218.
7. Burroughs, William S, James Grauerholz, and Ira Silverberg. *Word Virus: The William S. Burroughs Reader*. New York : Grove Press, 1998.
8. Deacon, Terrence William *The symbolic species: the co-evolution of language and the brain* / W.W. Norton & Company. New York; London, 1997.
9. Кан Д. Технологические физиологических коммуникаций у Уильяма Берроуза и Л. Рона Хаббарда // *Митин журнал*. 2008. № 60: сетевой журнал. URL: <http://kolonna.mitin.com/archive.php?address=http://kolonna.mitin.com/archive/mj60/kan.shtml> (дата обращения: 28.02.2017).
10. Делез Ж. Эмпиризм и субъективность : опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта : учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза : пер. с фр. М. : ПЕР СЭ, 2001. 480 с.
11. *The Deleuze Dictionary*. Edited by Adrian Parr. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2005. VI + 318 p.
12. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского ; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург : У-Фактория ; Москва : Астрель, 2010. 895 с.
13. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и образовании : Новое издание, дополненное материалами : Синергетика третьей волны. Цифровой жизненный техноуклад. Образование эпохи большого антропологического перехода. 4-е изд., доп. М. : ЛЕНАНД, 2017. 272 с.
14. Олескин А.В. Сетевые структуры в биосистемах и человеческом обществе. Изд. стер. М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2017. 304 с.
15. Christopher Land Apomorphine Silence: Cutting-up Burroughs' Theory of Language and Control // *Ephemera: theory & politics in organization*. 5(3). P. 450–471.
16. *Lemurian Time War* // *Cybernetic Culture Research Unit (CCRU)* [Электронный ресурс]. URL: http://xenopraxis.net/readings/ccru_lemuriantimewar.pdf (дата обращения: 11.02.19).
17. Стенин В.С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.

Vladimir G. Budanov, Institute of Philosophy, RAS (Moscow, Russian Federation).

E-mail: bvg55@yandex.ru

Ivan N. Belonogov, State Academic University of Humanitarian Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: Endy-addams@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 25–32.

DOI: 10.17223/1998863X/47/3

KNOWLEDGE AS A VIRUS: PRINCIPLES OF METAPHORICAL TRANSFER

Keywords: evolutionary epistemology; Karl Popper; memes; word as virus; World 3.

The problem field of evolutionary epistemology looks as follows: on the one hand, one cannot refuse the evolutionary metaphor that is fundamental for the theory; on the other, two ways of using this metaphor give us with the following dilemma: either an objective study of knowledge in the form of records, or a study of any methods of knowledge transfer without the possibility of dealing with knowledge itself. Thus, we must retain the metaphorical relation to the evolutionary theory while changing the way the relation is founded. It is common knowledge that viruses are subject to all laws of evolution: they change, replicate and undergo natural selection. We speak about virological epistemology in order to bring into focus its underlying metaphorical shift, namely, knowledge is a virus. It is this affirmation that gives rise to virological epistemology taking it out from the problem field other concepts are in. To legitimate this metaphor, there must exist certain similarities between knowledge and a virus, and it is these similarities that appear as the fundamental principles of virological epistemology. Four of these principles were determined by two thinkers, Terrence Deacon, a linguist and neurophysiologist, and William Burroughs, a writer and experimentalist. This was done, however, in relation to language rather than knowledge. Burroughs is the author of the famous statement that “the

word is a virus". According to him, the similarity between them is that language, like a virus, depends on the carrier (speaker) to be propagated through infection. Deacon draws an analogy between language as a system and a virus as an extracellular parasite to highlight co-evolution between language and the human brain. Therefore, for Deacon, the grounds for transfer is the fact that language "evolves spontaneously", with no control by its speakers, i.e. represents a self-developing system. This system has all the features of a network: no explicit dominant centers, consequently, no hierarchy. Thus and so, Burroughs highlights the distributive properties special to each individual system component, while Deacon focuses on the system properties. Transition from one to the other is realized via propagation: in such a way, a virus invades a plurality of carriers to build an infection network. Therefore, in total, we have five attributes to characterize both language and a virus, namely, dependence on the carrier (speaker), infection, propagation, network nature and self-organization.

References

1. Popper, K. (2002) *Ob'ektivnoe znanie. Evolyutsionnyy podkhod* [Objective Knowledge: An Evolutionary Approach]. Translated from English D.G. Lakhuti. Moscow: Editorial URSS.
2. Belonogov, I.N. (2018) Teoriya "Treh mirov" Karla Poppera na puti k realizmu. Ontologicheskiy status "Tret'ego mira" [The Three Worlds Theory by Karl Popper on the path to realism. Ontological status of the "Third World"]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment – Proceedings of South-West State University. Series Economi. Sociology. Management*. 1(26). pp. 199–205
3. Dawkins, R. (2014) *Egoistichnyy gen* [The Selfish Gene]. Translated from English by N. Fomina. Moscow: AST: CORPUS.
4. Brody, R. (2007) *Psikhicheskie virusy. Kak programmiruyut nashe soznanie* [Virus of the Mind: The New Science of the Meme]. Translated from English by L.V. Afanasieva. Moscow: Pokolenie.
5. Belonogov, I.N. (2017) Epigenetics in epistemology. *Filosofiya nauki i tekhniki – Philosophy of Science and Technology*. 22(2). pp. 60–74. (In Russian). DOI: 10.21146/2413-9084-2017-22-2-60-74
6. Belonogov, I.N. (2018) Ot evolyutsionnoy epistemologii k virusologicheskoy [From evolutionary to virological epistemology]. *Filosofiya khozyaystva*. 3. pp. 209–218.
7. Burroughs, W.S, Grauerholz, J. & Silverberg, I. (1998) *Word Virus: The William S. Burroughs Reader*. New York: Grove Press.
8. Deacon, T.W. (1997) *The symbolic species: the co-evolution of language and the brain*. New York, London: W. W. Norton & Company.
9. Kan, D. (2008) Tekhnologii fiziologicheskikh kommunikatsiy u Uil'yama Berrouza i L. Rona Khabbarda [Technologies of physiological communication in William Burroughs and L. Ron Hubbard]. *Mitin zhurnal*. 60. [Online] Available from: <http://kolonna.mitin.com/archive.php?address=http://kolonna.mitin.com/archive/mj60/kan.shtml>. (Accessed: 28th February 2017)
10. Deleuze, J. (2001) *Empirizm i sub"ektivnost': opyt o chelovecheskoy prirode po Yumu. Kriticheskaya filosofiya Kanta: uchenie o sposobnostyakh. Bergsonizm. Spinoza* [Empiricism and subjectivity: the experience of human nature according to Hume. Kant's critical philosophy: the doctrine of abilities. Bergsonism. Spinoza]. Translated from French. Moscow: PER SE.
11. Parr, A. (ed.) (2005) *The Deleuze Dictionary*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
12. Deleuze, J. & Guattari, F. (2010) *Tysyacha plato: kapitalizm i shizofreniya* [The Thousand Plateau: Capitalism and Schizophrenia]. Translated from French by Ya.I. Svirsky. Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel'.
13. Budanov, V.G. (2017) *Metodologiya sinergetiki v postneklassichskoy nauke i obrazovanii* [Methodology of synergy in postneoclassical science and education]. 4th ed. Moscow: LENAND.
14. Oleskin, A.V. (2017) *Setevye struktury v biosistemakh i chelovecheskom obshchestve* [Network structures in biosystems and human society]. Moscow: LIBROKOM.
15. Land, C. (2005) Apomorphine Silence: Cutting-up Burroughs' Theory of Language and Control. *Ephemera: Theory & Politics in Organization*. 5(3). pp. 450–471.
16. Xenopraxis.net. (n.d.) *Lemurian Time War*. [Online] Available from: http://xenopraxis.net/readings/ccru_lemuriantimewar.pdf. (Accessed: 11th February 2019).
17. Stepin, V.S. (2000) *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya.

УДК 1(091)

DOI: 10.17223/1998863X/47/4

Е.В. Вострикова, П.С. Куслий

СООБЩЕНИЯ О *DE RE* УСТАНОВКАХ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ¹

*Исследуются проблемы современных концепций, объясняющих семантику контекстов пропозициональных установок, являющуюся одной из базовых проблем философии языка с момента ее зарождения в работах Г. Фреге. Представленное исследование фокусируется на так называемых *de re* сообщениях о пропозициональных установках. Предлагается экспозиция так называемых каплановских концепций, являющихся сегодня преобладающими, а также указываются некоторые их фундаментальные недостатки. Формулируется повестка дальнейших исследований данной области знания.*
Ключевые слова: семантика, философия языка, сообщения о пропозициональных установках, *de re vs de dicto*, единичные термины.

1. Введение

Со времен появления в 1892 г. статьи Г. Фреге «О смысле и значении» семантика сообщений о верованиях и других пропозициональных установках находилась в фокусе исследований в области философии языка. К таким сообщениям относятся предложения, содержащие глаголы «хотеть», «верить», «считать», «думать» и т.п., после которых следует придаточное предложение, описывающее содержание установки, выраженное глаголом. Работа Фреге является отправной точкой всех исследований в данной области, поскольку именно он отметил, что косвенные предложения интерпретируются иначе, чем основные. Согласно концепции Фреге, когда предложение имеет подобное косвенное вхождение (является придаточным), его семантика иная по сравнению со случаями, когда оно функционирует как главное. В последних случаях предметным значением предложения, согласно Фреге, является истинностное значение (т.е. значение «истина» или «ложь»), тогда как при косвенном употреблении предметным значением предложения (его экстенсионалом) становится его смысловое содержание (интенсионал). Когда предложение обозначает свой интенционал, то и входящие в его состав выражения также обозначают не свое обычное предметное значение, а свой интенционал.

Со времен Фреге исследователями были обнаружены такие косвенные контексты, в которых языковые выражения всё же могли обозначать своё предметное значение. Подобные случаи стали известны как *de re* прочтения сообщений о пропозициональных установках. Они противопоставляются случаям, которые описывал Фреге и которые называются *de dicto* сообщениями.

¹ Подготовлено при поддержке гранта РФФИ, проект № 17-29-09178 офи_м «Анализ языка и междисциплинарность».

Основным объектом анализа станут *de re* сообщения о пропозициональных установках. Мы представим общую проблемную экспозицию исследований *de re* сообщений, которые проводились в области философии языка, а также формальной семантики естественного языка вплоть до самых последних лет. Эти теории известны как *каплановские* теории. Укажем некоторые фундаментальные трудности, с которыми сталкиваются эти теории.

Материал будет излагаться в такой последовательности: в разделе 2 мы рассмотрим различия между *de re* и *de dicto* сообщениями о пропозициональных установках в том виде, в каком оно формулируется в подавляющем большинстве работ по формальной семантике. В разделе 3 мы покажем, как это различие выражается в терминах различия в сфере действия кванторных выражений. В разделе 4 будет подробно рассмотрена так называемая проблема двойного видения, известная по статье У. Куайна [1]. В разделе 5 содержится обзор ряда решений проблемы двойного видения, представленных в работах самого Куайна, а также Д. Каплана, Д. Льюиса. В разделе 6 мы проанализируем те проблемы, с которыми сталкиваются все теории такого типа. Речь пойдет о так называемой типовой флексибельности интенциональных глаголов и особенностях синтаксиса, предполагаемого теориями каплановского толка. В разделе 7 рассмотрим теорию генераторов концептов О. Перкуса и У. Зауэрленда, решающую проблемы синтаксического характера, с которыми сталкиваются более ранние теории, но не решающую проблему типовой флексибельности. В разделе 8 также исследуются конкретные эмпирические проблемы теорий каплановского толка.

2. Сообщения *de re* и *de dicto*

Установки сознания, которые можно описать как *de re* и *de dicto*, представляют собой сложную проблему эпистемологии, ибо само описание этих установок довольно нетривиальная задача. Однако в рамках философии языка и формальной семантики исследуется вопрос о значении предложений, в которых сообщается о верованиях. Различие между сообщениями о пропозициональных установках *de re* и *de dicto* является достаточно однозначным. Оно может быть сведено к тому, какую интерпретацию получает единичный терм в составе придаточного предложения.

В качестве примера *de dicto* сообщений о пропозициональных установках рассмотрим ситуацию (1) и сообщение (2). Единичный терм, который нас интересует, – это «человек в шляпе».

(1) *Ситуация*: Однажды Андрей посетил корпоратив в офисе своего друга. На этом празднике он не знал ни одного человека, кроме своего друга. На вечеринке подавали дорогостоящие напитки и закуски. Андрей решил, что директор не поспешил на оплату праздника.

(2) Андрей считает, что директор фирмы – щедрый человек.

В русском языке предложение (2) вполне может быть истинным в ситуации (1). При этом обратим внимание на то, что Ральф не приписывает свойство быть шпионом конкретному индивиду, которого он мог бы описать иначе или просто на него указать, ведь он не знает, кем именно является этот человек. С его точки зрения, это может быть кто угодно. Именно в силу этого обстоятельства данное сообщение считается *de dicto* сообщением о пропозициональной установке.

Ситуация (3) отличается от ситуации (1), но относительно нее предложение (2) также может считаться истинным.

(3) *Ситуация*: Андрей присутствует на дне рождения своего друга. Там он познакомился с несколькими людьми, одним из которых была Елизавета Николаевна. Она преподнесла имениннику очень дорогой подарок. Андрей формирует мнение, что эта дама – щедрый человек. Он не знает, что Елизавета Николаевна – глава фирмы, в которой работает именинник.

Всякий носитель русского языка почувствует, что предложение (2), будучи истинным в ситуации (3), всё же понимается несколько иначе, чем в случае своей истинности в ситуации (1). В случае с ситуацией (3) более точно было бы использовать предложение типа (4), ведь Андрей не идентифицирует Елизавету Николаевну как директора фирмы. Она является директором фирмы с точки зрения того, кто произносит предложение (2).

(4) Андрей считает, что Елизавета Николаевна – щедрый человек.

Тем не менее нельзя сказать, что (2) не является истинным в ситуации (3). Такого рода употребление встречается довольно часто. И именно случаи такого употребления сообщений о пропозициональных установках получили название *de re*.

3. Сообщения *de re* и классическая логическая семантика

Разница между *de re* и *de dicto* прочтениями исследовалась уже Б. Расселом в его известной статье «Об обозначении» [2]. Согласно Расселу выражения типа *директор фирмы* не являются обозначающими терминами, т.е. выражениями, самостоятельно обозначающими какой-либо индивидуальный объект. Это, скорее, кванторные выражения, обретающие значение лишь в составе того предложения, в котором употребляются. В предложениях с такими выражениями речь идет о том, что объект, обладающий теми или иными свойствами, существует, но при этом не подразумевается никакой конкретный объект, относительно которого утверждалось бы, что он является носителем этих свойств. Применительно к предложению (2) различие в двух рассмотренных выше способах понимания выражения *глава компании X* выражается у Рассела через то, на каком этапе квантор существования, ассоциирующийся с выражением *директор фирмы*, входит в условия истинности предложения (2), которые у Рассела являются эквивалентом интенционала предложения.

Так, при *de dicto* прочтении предложение (2) получает следующие условия истинности:

(5) *De dicto*: Предложение истинно, если и только если Андрей считает, что существует индивид *у* такой, что *у* является главой фирмы *X* и больше никто не является главой фирмы *X* и *у* – щедрый человек.

Условия истинности (2) при *de re* прочтении формулируются иначе:

(6) *De re*: Предложение (2) истинно, если и только если существует индивид *у* такой, что *у* является главой фирмы *X* и больше никто не является главой фирмы *X* и Андрей считает, что *у* – щедрый человек.

Различие, как можно заметить, в том, что в первом случае слово *существует* следует за словом *считает*, а во втором – наоборот. Это различие не просто стилистическое, ибо во втором случае Андрей может иметь некое мнение о соответствующем индивиде *у*, при этом не считая, что он является единственным главой фирмы *X*. В первом случае сообщается, что индивид,

являющийся, по мнению Андрея, щедрым человеком, является, с его точки зрения, еще и единственным главой фирмы X.

В наиболее распространенной сегодня семантике для сообщений о верованиях, восходящей к работам Я. Хинтикки [3], перспектива носителя той или иной психической установки выражается в терминах возможных миров, совместимых с соответствующей психической установкой этого носителя в том мире, в котором интерпретируется само сообщение (см., например, гл. 2 в [4]). Таким образом, если предложение (2) произносится в мире w (который также иногда называют *действительным* или *нашим* миром), то условия истинности (2) при *de re* и *de dicto* прочтении в терминах семантики возможных миров будут выглядеть так:

(7) *De dicto*: Предложение (2) истинно в возможном мире w , если и только если в каждом возможном мире w' , совместимом с верованиями Андрея, коими тот обладает в w , существует индивид y , такой что y является единственным главой фирмы X в w' и y является щедрым человеком в w' .

(8) *De re*: Предложение (2) истинно в возможном мире w , если и только если существует индивид y такой, что y является единственным главой фирмы X в w и в каждом возможном мире w' , совместимом с верованиями Андрея, коими тот обладает в w , y является щедрым человеком в w' .

Здесь различие между *de dicto* и *de re* прочтением проявляется более наглядно. В (7) в разных возможных мирах, совместимых с верованиями Андрея, возглавлять фирму X могут разные люди (в одном мире один человек, в другом – другой). В (8) главой фирмы X во всех возможных мирах, совместимых с верованиями Андрея в w , должен быть один и тот же индивид, который вводится квантором существования до того, как речь зашла о возможных мирах, совместимых с верованиями Андрея. Этот индивид вводится как единственный глава фирмы X в возможном мире w . В других возможных мирах, в том числе и в мирах, совместимых с верованиями Андрея в w , этот индивид может и не являться главой фирмы X. Таким образом, в *de re* прочтении выражается отсутствие требования, согласно которому тот, кого Андрей считает щедрым человеком, был еще и главой фирмы X, с точки зрения Андрея.

4. Проблема «двойного видения» в *de re* сообщениях о верованиях

В известной статье 1956 г. «Кванторы и пропозициональные установки» [10] У. Куайн указал на фундаментальную проблему, с которой сталкивается приведенное выше истолкование сообщений *de re*. Эта проблема получила в литературе название «проблема двойного видения» (*double vision problem*). Представим себе следующую ситуацию.

(9) *Ситуация*: Некто Ральф видит на улице человека в плаще, темных очках и шляпе. Ральф формирует верование, что человек в шляпе, которого он встретил на улице, шпион. Ральф не знает, что человек в шляпе – это индивид по имени Орткут. Чуть позже Ральф видит на пляже некоего индивида, с которым он тоже лично не знаком и который ведет себя открыто и приветливо. Это все тот же Орткут, но в другой одежде, и поэтому Ральф не узнает в нем человека, которого он ранее принял за шпиона. Ральф не считает, что человек на пляже шпион.

Куайн предлагает рассмотреть предложение (10).

(10) Ральф считает, что Орткут – шпион.

Скажем сразу, что данное предложение является *de re* сообщением о пропозициональной установке, поскольку в силу целого ряда известных в философии языка аргументов (см., например, [5]), имена собственные считаются выражениями, обозначающими один и тот же объект во всех возможных мирах, поэтому с данной точки зрения в предложении (10) речь должна идти об одном и том же индивиде во всех возможных мирах, совместимых с верованиями Ральфа (подобно тому, как это имело место выше при *de re* анализе предложения (2), представленном в (8)).

Куайн указывает, что довольно сложно определить истинностное значение предложения (10) в ситуации (9), ведь Орткут был и человеком в шляпе, которому Ральф приписал свойство *является шпионом*, и человеком с пляжа, которому Ральф приписал свойство *не является шпионом*. Но как же быть, если речь идет о самом Орткуте? Ведь мы не можем (9) утверждать, что Ральф считает и не считает Орткута шпионом, ибо это очень похоже на приписывание Ральфу несовместимых верований, чего мы делать при произнесении предложения (10) применительно к ситуации (9) явно не пытаемся. Ральф не рассматривается как человек, противоречащий самому себе. Как же в таком случае ответить на вопрос об истинностном значении предложения (10)? Данная проблема стала одной из ключевых при анализе интенциональных контекстов на долгие годы.

5. Основные подходы к решению проблемы двойного видения для сообщений *de re*

5.1. Куайн: интенциональный глагол как отношение между свойством и двумя объектами

Согласно Куайну, изначально поставившему проблему двойного видения, ее решением должен был стать полный и радикальный запрет на разложение интенционального контекста (т.е. придаточного предложения под интенциональным глаголом) на составляющие выражения. В частности, Куайн запрещал условия истинности, подобные тем, что были приведены в (8), где квантор существования вводился до интенционального глагола, переменная, связываемая этим квантором, имела входение и до и после этого интенционального глагола [1]. Однако в этой же статье Куайн сформулировал и альтернативный анализ, допускавший разложение интенционального контекста на составные элементы. Согласно этому анализу предложение (10) при *de re* истолковании было представлено как утверждение о том, что Ральф, Орткут и свойство *быть шпионом* связаны отношением, обозначаемым глаголом *считать*: *считает (Ральф, Орткут, быть шпионом)*.

При таком понимании предложение (10) сообщает о том, что один индивид (Ральф) приписывает другому индивиду (Орткуту) свойство быть шпионом. Здесь уже речь не идет о некоей психической установке Ральфа (его веровании и т.п.). Куайн демонстрирует, что подобное понимание предложения (10) позволяет избежать приписывания Ральфу веры в несовместимые вещи. В предложенном Куайном анализе не уточняется, как именно Ральф представляет себе Орткута. Речь идет лишь о том, что он приписывает ему свойство *быть шпионом*. А поскольку вопрос о том, как Орткут представляется

Ральфу, остается за скобками, то остается и возможность, при которой Ральф может вполне непротиворечиво считать, что человек в шляпе – шпион, а человек с пляжа нет. Ведь, с точки зрения Ральфа, человек в шляпе, равно как и человек с пляжа, может быть кем угодно и вовсе не обязательно Орткутом. Вопрос о том, что думает Ральф конкретно об Орткуте, оказывается отделен от вопроса о том, что думает Ральф о человеке с пляжа и о человеке в шляпе, ибо (повторим) в образе последних двух в разных возможных мирах, отображающих верования Ральфа, могут выступать разные индивиды и вовсе не обязательно сам Орткут. Данный анализ оставлял много вопросов. В частности, неясно, каким образом два разных способа представления Орткута, которые имеются у Ральфа, участвуют в условиях истинности предложения. Идеи Куайна были развиты в работах Д. Каплана и Д. Льюиса, к обзору которых мы переходим.

5.2. Метаязыковой анализ Д. Каплана

В философской литературе, которая последовала за статьей У. Куайна, проблема двойного видения обсуждалась по-разному. Д. Каплан в статье 1968 г. [6] выразил идеи Куайна в рамках системы, где сообщение о веровании могло рассматриваться как говорящее не только об экстенционалах или интенционалах, но и о лексических единицах. Поэтому его теорию можно назвать метаязыковой. В этой теории предложение типа (10) обретало следующее истолкование:

(11) Существует индивид α , такой что α – единичный терм и α обозначает Орткута и Ральф считает, что ${}^F\alpha$ – шпион F .

Кавычки FF (от «Frege») в (11) являются функцией от закавыченного ими выражения к интенционалу этого выражения. Получается, что в (10) речь идет о существовании единичного термина, обозначающего в действительном мире Орткута, но дающего истину во всех возможных мирах, совместимых с верованиями Ральфа в действительном мире, при сочетании с термином шпион.

В системе Каплана в мирах верований Ральфа термину, обозначающему Орткута в действительном мире, могут соответствовать другие термины. Тем самым эксплицируется идея о том, что в (10) речь идет об Орткуте лишь с точки зрения говорящего, но не обязательно с точки зрения Ральфа. Данная система, однако, имела ряд важных недостатков: она была некомпозиционной (т.е. не позволяла представить значение предложения (10) как производное от значения отдельных составляющих его выражений, а также допускала, что в предложении речь может идти не только о значениях, но также и о терминах.

5.3. Дэвид Льюис: самоприписывание свойств и отношение знакомства

Отправной точкой современных исследований в области *de re* сообщений о верованиях является работа Д. Льюиса «Отношения *de dicto* и *de se*» [7]. Основным предметом интереса Льюиса в этой работе являются так называемые верования *de se*. В рамках этой статьи мы не сможем дать подробного анализа данной проблематики. Однако в процессе обсуждения верований *de se* Льюис также предлагает анализ верований *de re*.

Льюис предложил рассматривать предложения о верованиях как приписывание некоторого свойства субъекту верования. Важную роль в теории Льюиса играет понятие централизованного мира. Централизованный мир – это сочетание возможного мира и перспективы внутри этого мира – центра. Льюис использует такую метафору: возможный мир – это карта, а централизованный возможный мир – это карта со стрелкой, указывающей на место, и надписью «Вы находитесь здесь». Централизованный возможный мир – это упорядоченная пара, состоящая из возможного мира и индивида (центра этого мира). В концепции Льюиса предложения о верованиях интерпретируются как кванторы не по возможным мирам, а по парам, состоящим из мира и индивида.

Множество доксистических альтернатив для индивида x и мира w с точки зрения Льюиса – это множество пар $\langle y, w' \rangle$ таких, что x в мире w считает, что он мог бы быть индивидом y в мире w' .

В рамках Льюисовской системы (12) рассматривается как утверждение, что все централизованные миры верований Андрея, т.е. миры, где все происходит так, как он считает в действительном мире, и где он является центром, являются мирами, в которых снег бел.

(12) Андрей считает, что снег бел.

Еще одним ключевым элементом анализа, предложенного Льюисом для сообщений *de re*, является понятие отношения знакомства с объектом. В сообщении о веровании *de re* носитель верования должен быть связан некоторым *отношением знакомства* с объектом верования, о котором идет речь, и в каждом мире его верований центр связан таким же отношением с объектом, которому приписывается то или иное свойство.

Применительно к предложению (10), которые мы повторяем в (13), система Льюиса приводит следующие условия истинности:

(13) Ральф считает, что Орткут – шпион.

(14) Предложение (13) истинно в w , если и только если существует определенное отношение знакомства R , и Орткут является тем единственным индивидом, который оказывается связанным этим отношением с Ральфом в w , и в каждом мире w' , совместимом с верованиями Ральфа в w , единственный индивид, связанный с центром w' отношением R , является шпионом в w' .

Эти условия истинности объясняют, каким образом предложение (13) может рассматриваться одновременно как истинное и как ложное, в сценарии, предложенном Куайном (и приведенном здесь в (9)), и это не означает, что Ральф придерживается противоречивых верований. Существует определенное отношение знакомства, в частности отношение «быть человеком, которого носитель верования видел в шляпе и очках», такое, что во всех мирах верований Ральфа тот индивид, с которым центр мира (Ральф) связан этим отношением, является шпионом. Существует также другое отношение знакомства «быть человеком, которого носитель верования встретил на пляже», такое, что неверно, что во всех мирах верований Ральфа тот индивид, с которым центр мира (Ральф) связан этим отношением, является шпионом.

Льюис, таким образом, воспроизводит ключевую интуицию Каплана без обращения к квантификации над лексическими единицами. Интенциональные глаголы представлены как трехместные предикаты. В современной формаль-

ной семантике естественного языка перспектива, предложенная Льюисом, является наиболее распространенной.

6. Две проблемы стандартной семантики для сообщений о верованиях *de re*

6.1. Проблема композициональности

Идеи, предложенные Льюисом для анализа *de re* сообщений о верованиях, как уже было сказано, являются отправной точкой для большинства современных концепций о значении таких предложений в философии языка и лингвистике. Однако эта теория оставляла ряд открытых вопросов.

Основным из этих вопросов был вопрос о том, каким образом объект верования (Орткут) оказывается одним из аргументов глагола *считать*. Каким образом предложение (13) получает значение, данное в (14)? Каким образом Орткут оказывается вне интенционального контекста?

Читатель может обратить внимание на то, что Орткут интерпретируется вне области действия квантора по возможным мирам, совместимым с верованиями Ральфа в мире w , относительно которого оценивается все предложение. В идеале мы хотели бы иметь теорию, где значение предложения (13) возникает как результат интерпретации его частей и правил их сочетания (принцип композициональности, сформулированный Г. Фреге).

Рассмотрим вложенное предложение отдельно в (15). Это предложение обозначает пропозицию. Пропозицию мы понимаем, следуя за Я. Хинтикке [3], как функцию от возможного мира к истинностному значению. Эта пропозиция является истинной в мире оценки предложения, если Орткут – шпион в этом мире, и ложной, если он шпионом не является. Если предложение произносится в нашем мире, то именно наш мир является миром оценки предложения.

Несложно представить, каким образом это целое значение (15) возникает как результат сочетания значений частей этого предложения. Согласно С. Крипке (и авторам других работ в области философии языка), имя собственное «Орткут» обозначает индивида Орткута. Слово «шпион» интерпретируется как предикат – это функция, которая применяется к индивиду и выдает пропозицию.

(15) Орткут – шпион.

Принимая эти допущения, глагол «считает» должен обозначать функцию, которая сочетается с пропозицией «Орткут – шпион» и индивидом, обозначаемым субъектом целого предложения и выдавать новую пропозицию. Таким образом, неясно, откуда в желаемых условиях истинности берется информация об индивидах, которые связаны с Ральфом отношением знакомства в каждом из возможных миров, совместимых с верованиями Ральфа. Эти индивиды не обязательно должны быть Орткутом в возможных мирах Ральфа, достаточно того, чтобы Ральф и Орткут в реальном мире были связаны соответствующим отношением знакомства.

Проблема композициональности анализа, предложенного Льюисом, была отмечена в работах Д. Абуш [8] и И. Хайм [9]. В этих работах они показывают, какие допущения о синтаксической структуре предложения требуются для того, чтобы Орткут мог быть объектом глагола «считать». И. Хайм [Ibidem] разрабо-

тала систему, в которой предложение (13) претерпевает невидимую трансформацию и Орткут выдвигается из вложенного предложения в позицию объекта глагола «считать». Отношение знакомства вводится самим глаголом. Она показала, что передвижение субъекта подчиненного предложения в объектную позицию главного предложения требует достаточно нетривиальных допущений относительно синтаксической структуры предложения (13).

6.2. Семантическая гибкость интенциональных глаголов

Согласно анализу Льюиса в предложении (13) глагол «считать» обозначает трехместное отношение между Ральфом, Орткутом и свойством *быть шпионом*. Но что если во вложенном предложении два единичных термина, как в предложении (16)?

(16) Ральф считает, что Орткут плохо относится к Джону.

В данном случае можно сконструировать сценарий, в котором предложение (16) может рассматриваться как истинное, и сценарий, в котором оно будет считаться ложным. Например, он мог видеть ссору Орткута и Джона в лифте и посчитать, что Орткут очень плохо обращается с Джоном. Позже он мог встретить двух друзей в кафе, один из которых чрезвычайно мил по отношению к другому. Он мог их не узнать и посчитать, что Орткут очень хорошо обращается с Джоном.

Таким образом, оба термина Орткут и Джон должны интерпретироваться *de re*. Но в таком случае глагол «считает» должен быть уже четырехместным отношением между Орткутом, Джоном и отношением *относиться плохо*.

Примеры такого рода можно генерировать и далее, вводя 4, 5 или более индивидов во вложенную клаузу. Таким образом, в каждом из этих случаев, валентность глагола должна быть разной. Это вторая проблема анализа, предложенного Д. Льюисом.

7. Перкус и Зауэрленд 2003: генераторы концептов и сообщения *de re*

Наиболее современной системой, в которой идеи Льюиса реализованы в соответствии с принципом композициональности и без нарушения синтаксических принципов, является система, предложенная О. Перкусом и У. Зауэрлендом [10]. Описание, которое мы предложим в рамках данной статьи является несколько упрощенным (мы опускаем детали их формального анализа, заинтересованный читатель может обратиться к оригиналу). Идея, предложенная данными авторами, проста. В логической форме предложения (13) присутствует произносимый элемент, или переменная *G*. Эта переменная обозначает функцию. Данная функция сочетается с объектом и выдает концепт этого объекта (т.е. функцию от возможного мира к дескрипции, которой объект соответствует в этом возможном мире). Одной из таких дескрипций является «человек в широкой шляпе». Другой – «человек, которого Ральф встретил на пляже». Возможны также любые другие дескрипции. В (17) мы приводим логическую форму данного предложения, которая была предложена О. Перкусом и У. Зауэрлендом. Логическая форма здесь – это еще не интерпретация, а синтаксическая репрезентация предложения, которая подвергается композициональной интерпретации.

(17) $[[\lambda w_2 \text{Ральф} [\text{считает } w_2, \text{ что } [\lambda w_1 \lambda G [G \text{Орткут } w_1]]] - \text{шпион } w_1]]]$

Это та структура, которая интерпретируется через правила интерпретации, сформулированные в работах И. Хайм и А. Кратцер [11] и И. Хайм и К. фон Финтеля [4]. Эта система интерпретации является достаточно стандартной и общепринятой в современной формальной лингвистике. В данной статье мы не сможем дать полного введения в эту систему. Для понимания основной идеи О. Перкуса и У. Зауэрленда читателю достаточно знать, что в логической форме предложения присутствуют неизменяемые элементы – это переменные по возможным мирам w_1 и w_2 , переменная G (об этом было сказано выше), а также λ -абстракторы (функционирующие как неизменяемые операторы). Конституента, которая начинается с λ -абстрактора, интерпретируется как функция, которая сочетается с аргументами такого же типа как переменная, следующая за λ , и выдает истинностное значение. Так все предложение целиком интерпретируется как функция от возможного мира к истинностному значению, т.е. как пропозиция.

Конституента, начинающаяся с λG , интерпретируется как функция, которая берет в качестве аргумента генератор концепта и выдает истину, если индивид, соответствующий концепту (дескрипции), которую выдает этот генератор в применении к Орткуту в мире w_1 , является шпионом в мире w_1 . Соответственно, глагол «считает» обозначает функцию, которая сочетается не с пропозицией (функцией от мира к истинностному значению), а с функцией от мира к функции от генератора концепта к истинностному значению, описанной выше.

Благодаря этому без всякого передвижения глагол «считает» получает доступ к возможным дескрипциям, концептам, в которые может отображаться Орткут. Глагол «считает» интерпретируется как функция, которая в мире w_2 сочетается с вложенной клаузой и субъектом главного предложения (Ральфом в данном случае). Эта функция после применения к этим объектам возвращает истину, если и только если существует генератор концептов, генерирующий концепты субъекта верования (Ральфа), такой, что в каждом возможном мире w , совместимом с тем, во что верит субъект верования в мире w_2 , человек, удовлетворяющий дескрипции, генерируемой этим генератором, в этом мире w является шпионом.

Именно интенциональный глагол вводит условие существования такого генератора концептов, который специфичен для Ральфа, – ведь от того, имеется ли у Ральфа определенное представление об Орткуте, зависит действительно ли во всех мирах, совместимых с верованиями Ральфа, индивид, удовлетворяющий данной дескрипции, является шпионом. В частности, предложение, которое мы рассматриваем, не будет истинным, если Ральф считает, что совершенно другой человек – Джон, которого он, скажем, видел вчера по телевизору, является шпионом. Это предложение является истинным, только если у Ральфа есть способ представления Орткута и именно человек, соответствующий этому представлению, является шпионом.

Данная система решает и вторую проблему, с которой сталкивается теория Льюиса. Если во вложенном предложении имеются два имени собственных, указывающих на разных объектов, как в предложении (16), то к каждому из них прикрепляется переменная по генераторам концептов G . Один и тот же генератор концептов G может применяться к двум разным объектам и выдавать разные дескрипции. Таким образом, семантический тип вложенной

клаузы остается неизменным, а соответственно, неизменным остается и значение глагола.

8. До сих пор не решенные проблемы

Система Перкуса и Зауэрленда является вариантом системы Льюиса, в которой две проблемы, рассмотренные нами выше, решаются успешным образом. Однако мы хотели бы отметить две проблемы, с которыми сталкивается система Перкуса и Зауэрленда.

Первая проблема состоит в том, что если вложенная клауза содержит два референциальных термина, которые указывают на одного и того же человека, то снова возникает вопрос о типовой флексибельности интенциональных глаголов. В частности, в философской литературе хорошо известны такие примеры, как (18).

(18) Ральф считает, что Кларк Кент не является Суперменом.

Этот пример отличается от примера, данного в (16): в (16) Джон и Орткут были разными людьми. Одна и та же функция G может применяться к двум разным индивидам и выдавать две разные дескрипции. Однако одна и та же функция G всегда будет выдавать одно и то же значение для одного и того же индивида. Поскольку имена «Кларк Кент» и «Супермен» обозначают одного и того же индивида, одна и та же функция G не может выдать разные дескрипции для этого индивида. При этом Кларк Кент и Супермен обозначают один и тот же объект во всех возможных мирах, но предложение (18) интуитивно не приписывает Ральфу веру в противоречие. Чтобы правильно представить значение предложения (18), нужно ввести две разные переменные по генераторам концептов G и P . Соответственно, глагол «считает» должен сочетаться с функцией от возможного мира к функции от генератора концепта к другой функции от генератора концепта. Логическая форма предложения (18) уже понимается так, как это показано в (19), где мы имеем уже не один, а два λ -абстрактора, связывающих переменные над генераторами концептов (λG и λP). Таким образом, проблема типовой флексибельности интенциональных глаголов никуда не исчезает.

(19) $[[\lambda w_2 \text{ Ральф } [\text{считает } w_2, \text{ что } [\lambda w_1 \lambda G \lambda P [G \text{ Кент Кларк } w_1]] \text{ является } w_1 [P \text{ Суперменом } w_1]]]]]$.

Вторая проблема, которую нам хотелось бы здесь отметить, носит более общий характер (это проблема для льюисовского подхода в целом, а не для конкретной реализации этого подхода в системе Перкуса и Зауэрленда) и состоит в следующем. Рассмотрим предложение (20), сказанное в контексте, приведенном в (21).

(20) Мария хочет наградить Илью.

(21) Мария является председателем жюри премии молодым талантам района. Она хочет в этом году наградить либо спортсмена, выигравшего больше всего золотых медалей, либо ученика, выигравшего больше всего школьных олимпиад. Она еще не определилась, давать ли премию за спортивные или академические достижения.

Илья – пловец и в этом году из всех спортсменов выиграл больше всех медалей, а также он очень умный и занял первые места по всем школьным олимпиадам. Этого Мария не знает.

Предложение (20), как диктуют нам наши языковые интуиции, описывает желание Марии в указанной ситуации, хотя она и не знает про Илью. (20) является истинным в контексте (21), потому что, что бы Мария не решила, она наградит Илью в любом из вариантов.

Согласно теории Перкуса и Зауэрленда предложение (20) является истинным, если, несколько упрощая, у Марии есть представление об Илье такое, что во всех мирах, совместимых с желаниями Марии, индивид, соответствующий этому представлению, награждается премией. Мы полагаем, что в случае с примером (20) одного такого представления не существует. Возьмем, например, дескрипцию «лучший спортсмен или лучший ученик». Мария не знает, что это один и тот же человек в реальном мире. Соответственно, в некоторых мирах, совместимых с ее желаниями, лучший спортсмен и лучший ученик – это два разных человека. Таким образом, в этих мирах не будет одного человека, соответствующего дескрипции, а следовательно, она не будет определена. Другой вариант «лучший спортсмен и лучший ученик» также не подходит, по той же самой причине: в тех мирах, где это два разных человека, дескрипция не будет определена. Варианты «лучший спортсмен» и «лучший ученик» также отпадают, потому что в некоторых мирах Мария нанимает спортсмена, а в некоторых ученика.

Здесь требуется, чтобы в некоторых мирах концепт был «лучший спортсмен», а в других «лучший ученик».

Таким образом мы привели пример, когда не существует одного понятия, концепта, дескрипции, которая оставалась бы постоянной для всех возможных миров, совместимых с интенциональной установкой. Здесь требуется система, в которой дескрипции могут варьироваться в зависимости от возможного мира. (Аналогичные сложности, обсужденные на примере других *de re* сообщений о пропозициональной установке, см. в [12].)

9. Заключение

В данной статье мы рассмотрели основные философские и лингвистическо-философские подходы к решению проблемы утверждений о верованиях *de re*. Мы обозначили основные проблемы, связанные с каждым решением. Отметим, что и самые современные системы имеют ряд сложностей и требуется дальнейшая работа в данной области.

Литература

1. Quine W.V. Quantifiers and Propositional Attitudes // The Journal of Philosophy. 1956. 53(5). P. 177–187.
2. Russell B. On Denoting // Mind. 1905. (14). P. 479–493.
3. Hintikka J. Semantics for propositional attitudes // Models for modalities. Springer, Dordrecht, 1969. P. 87–111.
4. Heim I., Fintel K. Von. Intensional Semantics. Lecture Notes. Available online. 2011.
5. Kripke S. Naming and necessity. Semantics of Natural Language. Springer, Dordrecht, 1972. P. 253–355.
6. Kaplan D. Quantifying // Synthese. 1968. 19. 1–2. P. 178–214.
7. Lewis D. Attitudes De Dicto and De Se // Philosophical Review. 1979. 88(4). P. 513–543.
8. Abusch D. Sequence of tense revisited: Two semantic accounts of tense in intensional contexts // H. Kamp (ed.) Ellipsis, Tense and Questions. 1994. P. 87–139.
9. Heim I. Comments on Abusch's theory of tense. Ms., 1994.

10. Percus O., Sauerland U. On the LFs of attitude reports // Proceedings of Sinn und Bedeutung 7. Konstanz : Universität Konstanz, 2003.

11. Heim I., Kratzer A. Semantics in generative grammar. Oxford : Blackwell, 1998.

12. Tiskin D. Locating hidden quantifiers in de re reports. Proceedings of the 20th Amsterdam Colloquium. 2015. P. 398–407.

Ekaterina V. Vostrikova, Institute of Philosophy, RAS (Moscow, Russian Federation).

E-mail: katerina-vos@mail.ru

Petr S. Kusliy, Institute of Philosophy, RAS (Moscow, Russian Federation).

E-mail: kusliy@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 33–46.

DOI: 10.17223/1998863X/47/4

DE RE ATTITUDE REPORTS: SOME CURRENT PROBLEMS AND DISCUSSIONS

Keywords: *de re* attitude reports; *de re/de dicto* distinction; concept generators; type-flexibility of attitude predicates.

This critical review presents the current state of the art in the approaches to semantic analysis of attitude reports. The authors present to the reader who is not familiar with the technicalities of the contemporary formal linguistic theory the essence of the *de re* and *de dicto* attitude reports as they were originally presented in the seminal work of Bertrand Russell. They continue with a discussion of the so-called double-vision scenarios discovered by Willard Quine and show how they are a problem of a compositional semantic analysis. Then the authors move on to discuss the most influential approaches towards accounting for *de re* attitude reports. The overview centers on the approaches by David Kaplan, David Lewis, Irene Heim, Orin Percus and Uli Sauerland. It is shown that a number of original syntactic problems, as well as problems with compositionality were solved in the most recent and influential theory of concept generators. Yet, the authors point out a number of problems that still remain unsolved. One such problem is the so-called flexibility of attitude verbs that stipulates their ability to combine with arguments with potentially any complexity. For some, it may seem as a technical glitch of the theory. Yet, the authors point out that any theory that could avoid type-flexibility and yield the same results as the theory of concept generators would be preferable. A second problem pointed out by the authors is more substantial. It has to do with counterexamples that cannot be captured by the standard approaches, in principle. The authors provide such examples. They are the so-called reports about a disjunctive attitude in which an attitude holder believes or desires something or other, but both of desires can be said to relate to one and the same individual, from the speaker's perspective. The speaker is thus justified to attribute the overall desire or believe of the attitude holder to this individual, ignoring the fact that the attitude holder herself does not know that either disjuncts of her disjunctive desire are attributable to one and the same individual. This setup creates a *de re* attitude reports that cannot be captured in terms of a standard approach in terms of concept generators because this approach fails to meet one requirement of these examples: make sure that different concepts can be applicable in different attitude alternatives of the attitude holder. In other words, in order to account for reports about disjunctive attitudes, no single concept generator can be sufficient. The authors observe that this kind of problem goes beyond just the theory of concept generators, and targets all the neo-Kaplanian approaches because it questions the correctness of the popular philosophical assumption that underlies these approaches: whether the attitude holder must be somehow acquainted with the object of which the *de re* report is made and that the attitude holder must have a certain unique description for this object by which she should apply in each of her attitude alternatives.

References

1. Quine, W.V. (1956) Quantifiers and Propositional Attitudes. *The Journal of Philosophy*. 53(5). pp. 177–187.
2. Russell, B. (1905) On Denoting. *Mind*. 14. pp. 479–493.
3. Hintikka, J. (1969) *Models for Modalities*. Springer, Dordrecht. pp. 87–111.
4. Heim, I. & Fintel, K. von (2011) *Intensional Semantics. Lecture Notes*. [Online] Available from: <https://dspace.mit.edu/bitstream/handle/1721.1/53741/24-973Spring-2005/NR/rdonlyres/Linguistics-and-Philosophy/24-973Spring-2005/19058019-AB15-4760-868A-52AEC2CAFA3C/0/intensnsemantic.pdf>.

5. Kripke, S. (1972) Naming and necessity. *Semantics of Natural Language*. Springer, Dordrecht. pp. 253–355.
6. Kaplan, D. (1968) Quantifying In. *Synthese*. 19(1-2). pp. 178–214.
7. Lewis, D. (1979) Attitudes De Dicto and De Se. *Philosophical Review*. 88(4). pp. 513–543. DOI: 10.2307/2184843
8. Abusch, D. (1994) Sequence of tense revisited: Two semantic accounts of tense in intensional contexts. In: Kamp, H. (ed.) *Ellipsis, Tense and Questions*. [s.l., s.n.]. pp. 87–139.
9. Heim, I. (1994) *Comments on Abusch's theory of tense*. [Manuscript]. MIT.
10. Percus, O. & Sauerland, U. (2003) On the LFs of attitude reports. *Proceedings of Sinn und Bedeutung*. 7.
11. Heim, I. & Kratzer, A. (1998) *Semantics in generative grammar*. Oxford: Blackwell.
12. Tiskin, D. (2015) Locating hidden quantifiers in de re reports. *Proceedings of the 20th Amsterdam Colloquium*. pp. 398–407.

УДК 164.08

DOI: 10.17223/1998863X/47/5

Г.В. Карпов

НЕПРЯМЫЕ ДЕЙСТВИЯ АГЕНТОВ И АВТОРИТЕТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В STIT И PDL

Рассматривается понятие авторитетных отношений между агентами с точки зрения логики действий и с точки зрения пропозициональной динамической логики (PDL). В первом случае наличие авторитетного отношения между агентами означает возможность отдать указание на исполнение действия, результатом которого является данное положение дел. Такое указание моделируется средствами NEXT-семантики, когда влияние одного агента на другого дается как композиция отношений достижимости между мирами. Во втором случае наличие авторитетного отношения между агентами обусловлено возможностью самостоятельного исполнения действия агентом, занимающим авторитетную позицию. Авторитетное отношение здесь предстает как транзитивный переход на процессуальных графах к третьему миру из первого, где действует автор указания, через второй, где действует исполнитель указания. Статья предлагает ряд семантических идей, направленных на объединение сильных сторон логики действий и PDL.

Ключевые слова: логика действий, STIT, NEXT-семантика, PDL, авторитетные отношения.

1. Авторитетные отношения в логике действий на базе NEXT-семантики

1.1. Язык, модельная структура, модель

Для того чтобы иметь возможность говорить об интересующем нас предмете, обозначенном в заглавии статьи, зададим язык L_{aut} логики действий¹. Пусть Φ есть множество пропозициональных переменных, а Γ – множество агентов. Правильно построенная формула φ языка L_{aut} определяется следующим образом:

$$\varphi := p \mid \neg\varphi \mid \varphi \wedge \psi \mid X\varphi \mid \Box\varphi \mid [\alpha]\varphi \mid \circ\varphi,$$

где $p \in \Phi$ и $\alpha \in \Gamma$.

Модельная структура F для L_{aut} есть упорядоченная шестерка элементов $\langle M, H, R_X, R_\square, R_\circ, R_A \rangle$. Множество $M = \{m_1, m_2, \dots\}$ есть бесконечное множество моментов времени. Множество $H = \{h_1, h_2, \dots\}$ есть бесконечное множество историй, такое, что каждая история h представляет собой множество упорядоченных элементов из M . Множество пар $\{\langle m/h \rangle, \langle m'/h' \rangle\} \in M \times H$ обозначает множество миров, относительно которых осуществляется означивание формул.

Отношение R_X есть отношение на множестве миров $M \times H$ такое, что если $\langle m/h \rangle R_X \langle m'/h' \rangle$, то $h = h'$. Другими словами, для каждого момента времени

¹ Читатели, знакомые с семантическими основаниями логики действий, могут пропустить эти четыре абзаца.

M отношение R_X определяет последующий, более поздний, момент m' , принадлежащий той же истории, что и m . R_X антирефлексивно, транзитивно и антисимметрично.

Отношение R_{\square} есть отношение на $M \times H$ такое, что если $\langle m/h \rangle R_{\square} \langle m'/h' \rangle$, то $M = m'$. Так отношение R_{\square} для каждой истории h указывает такую историю h' , которая проходит через тот же момент времени, что и история h . R_{\square} рефлексивно, транзитивно и симметрично.

Отношение R_{\circ} есть отношение на $M \times H$ такое, что если $\langle m/h \rangle R_{\circ} \langle m'/h' \rangle$, то $m = m'$ и каждая h' есть «идеальная» или «деонтически совершенная» история, т.е. такая история, которая наиболее предпочтительна для некоторого агента. R_{\circ} серийно (serial), т.е. для каждого мира $\langle m/h \rangle$ оно находит хотя бы один мир $\langle m'/h' \rangle$, такой, где h' – «идеальная» история.

Отношение R_A есть отношение на $M \times H$ такое, что $R_A \subseteq R_X \circ R_{\square}$ и $R_{\circ} \subseteq R_{\square} \circ R_X$, где A – метапеременная для $\{\alpha, \beta, \dots\} \in \Gamma$. Мы также будем называть R_A отношением эффективности для агентов A .

Модель M образуется присоединением к F функции означивания v , которая ставит в соответствие атомарным пропозициям языка L_{aut} множество миров из $M \times H$, где эти пропозиции истинны. Условия истинности формул языка L_{aut} определяются следующими правилами:

$M, \langle m/h \rangle \models p$ е. т.е. $\langle m/h \rangle \in v(p)$;

$M, \langle m/h \rangle \models \neg \phi$ е. т.е. $M, \langle m/h \rangle \not\models \phi$;

$M, \langle m/h \rangle \models \phi \wedge \psi$ е. т.е. $M, \langle m/h \rangle \models \phi$ и $M, \langle m/h \rangle \models \psi$;

$M, \langle m/h \rangle \models X\phi$ е. т.е. существует такой мир $\langle m'/h' \rangle$ и $M, \langle m'/h' \rangle \models \phi$;

$M, \langle m/h \rangle \models \square \phi$ е. т.е. для каждого мира $\langle m'/h' \rangle$, такого, что $\langle m/h \rangle R_{\square} \langle m'/h' \rangle$, имеет место $M, \langle m'/h' \rangle \models \phi$;

$M, \langle m/h \rangle \models [A]\phi$ е. т.е. для всех миров $\langle m'/h' \rangle$, таких, что $\langle m/h \rangle R_A \langle m'/h' \rangle$, имеет место $M, \langle m'/h' \rangle \models \phi$;

$M, \langle m/h \rangle \models \circ \phi$ е. т.е. $M, \langle m'/h' \rangle \models \phi$ для каждого мира $\langle m'/h' \rangle$, такого, что $\langle m/h \rangle R_{\circ} \langle m'/h' \rangle$.

1.2. Авторитетное отношение как возможность указывать

Будем считать, что α связан авторитетным отношением с β по ϕ , если и только если α может сделать так, что у β в будущем возникнет соответствующее обязательство. Подобное действие α мы иногда будем называть непрямым действием, так как оно предполагает участие другого агента. На все прочие действия, такого участия не предполагающие, мы будем ссылаться как на прямые. Наша непосредственная задача сводится, таким образом, к моделированию непрямого действия и тех отношений между агентами, которые существуют в связи с возможностью такого действия. Пусть формула $\langle \alpha \rangle \phi$, истинная в некотором мире $\langle m/h \rangle$, в M указывает на то, что существует хотя бы один мир $\langle m'/h' \rangle$, такой, что $\langle m/h \rangle R_{\alpha} \langle m'/h' \rangle$ и $M, \langle m'/h' \rangle \models \phi$. Тогда возможность для α отдать β указание на выполнение ϕ и, следовательно, авторитетное отношение α к β по ϕ можно выразить формулой $\langle \alpha \rangle \circ [\beta] \phi$.

Условия истинности для $\langle \alpha \rangle \circ [\beta] \phi$ определены на модели, представленной ниже (рис. 1), где отражена ситуация наличия авторитетного отношения между агентами α и β по ϕ , когда в некотором начальном моменте α отдает

указание β на выполнение ϕ , а в последующем моменте β , связанный теперь обязательством, принимает решение о том, исполнять это указание или нет.

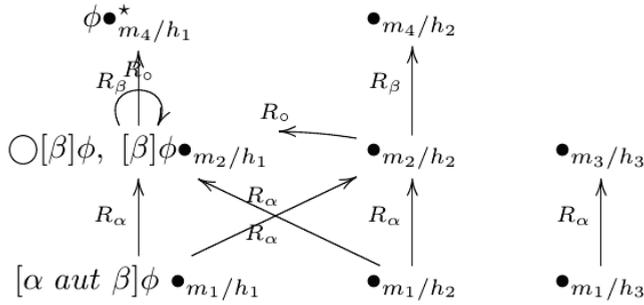

Рис. 1. Модель авторитетного отношения α к β по ϕ

Как видим, наличие авторитетного отношения по ϕ между α и β в мире $\langle m_1/h_1 \rangle$ порождает обязательство β (перед α) в одном из миров, связанных отношением R_α с данным миром. Действительное побуждение агентом α агента β к выполнению ϕ дает обязательство для β сделать так, что ϕ во всех мирах, связанных с данным миром отношением R_α . И в том и в другом случае у β сохраняется возможность уклониться от выполнения ϕ , выбрав мир $\langle m_2/h_2 \rangle$, где допустимо $\neg\phi$. Последнее не снимает $\circ[\beta]\phi$ в $\langle m_2/h_1 \rangle$, так как идеальной историей в данной модели назначена история h_1 (она отмечена звездочкой).

На основании изложенного нетрудно дополнить список определений истинности формул языка L_{aut} следующим производным определением:

$M, \langle m/h \rangle \models \langle \alpha \rangle \circ [\beta] \phi$ е. т.е $M, \langle m'/h' \rangle \models \circ[\beta] \phi$ для некоторого мира $\langle m'/h' \rangle$, такого, что $\langle m/h \rangle R_\alpha \langle m'/h' \rangle$. Или: $M, \langle m/h \rangle \models \langle \alpha \rangle \circ [\beta] \phi$ е. т.е $M, \langle m'/h' \rangle \models [\beta] \phi$, для некоторого мира $\langle m'/h' \rangle$, такого, что $\langle m/h \rangle R_\alpha \circ R_\alpha \langle m'/h' \rangle$ (где история h' – «идеальная» история).

Композиция $R_\alpha \circ R_\alpha$ отношений определяет миры для α , в которых действует его авторитет по ϕ в связи с β . Смоделируем теперь несколько случаев использования агентами авторитетных отношений.

Случай 1: вложенные авторитетные отношения. Пусть α находится в авторитетном отношении по ϕ к β , когда тот сам связан авторитетным отношением по ϕ к γ ; можно ли утверждать в этом случае, что в авторитетном отношении по ϕ к γ находится α ? И если да, то относительно какого именно момента это верно?

Формула, отражающая случай вложенных авторитетных отношений, имеет вид: $\langle \alpha \rangle \circ \langle \beta \rangle \circ [\gamma] \phi$. Модель для этой формулы дана на рис. 2.

Предположим, что α не связан авторитетным отношением по ϕ с γ ; т.е. во всех мирах, связанных с миром $\langle m_1/h_1 \rangle$ отношением R_α , имеет место $\neg \circ[\gamma] \phi$. Такая ситуация не является неприемлемой. Однако авторитетное отношение α к γ опосредовано авторитетным отношением α к β и β к γ , т.е. возможным действием β , для которого в модели должен найтись подходящий момент. Это действие и момент для него, следовательно, нужно учитывать в формуле, которая выражает отношение α к γ . Предположение, что авторитетного отношения по ϕ между α и γ нет, с учетом сказанного лучше всего выражает формула $\neg \langle \alpha \rangle X \circ [\gamma] \phi$ (неверно, что у α есть возможность сделать так, что в

некотором последующем моменте будет так, что γ должен сделать так, что ϕ . Тогда, $\neg X\circ[\gamma]\phi$ истинна во всех мирах, достижимых из мира $\langle m_1/h_1 \rangle$ по отношению R_α . Тогда, в каждом мире, связанном отношением R_X с данными мирами (т.е. в мирах $\langle m_4/h_1 \rangle$, $\langle m_4/h_2 \rangle$ и $\langle m_5/h_3 \rangle$), будет истинна $\neg[\gamma]\phi$. Это противоречит тому, что мы показали ранее: $\circ[\gamma]\phi$ истинна в $\langle m_4/h_1 \rangle$. Мы заключаем отсюда, что если $\langle \alpha \rangle \circ \langle \beta \rangle \circ [\gamma]\phi$, то $\langle \alpha \rangle X\circ[\gamma]\phi$.

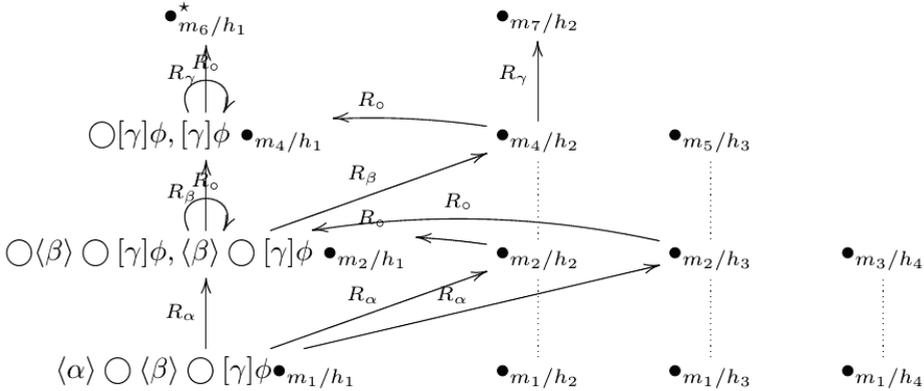

Рис. 2. Вложенные авторитетные отношения

Случай 2: подразумеваемое агентами. Пусть α обладает таким авторитетом, который позволяет ему обязать β сделать так, что при условии ϕ агент β будет делать так, что ψ . Пусть далее α способен сделать так, что у β возникает обязательство по выполнению ϕ . Означает ли это вместе, что α тем самым как бы обязывает β к выполнению ψ ? В языке L_{aut} подобная ситуация может быть воспроизведена, например, с помощью формул

$$\langle \alpha \rangle \circ ([\beta](\phi \rightarrow X[\beta]\psi)) \tag{1}$$

и уже привычной

$$\langle \alpha \rangle \circ [\beta]\phi. \tag{2}$$

Ниже мы покажем, что эти две формулы, взятые вместе, ведут к тому, что истинной оказывается также и формула

$$\langle \alpha \rangle X X \circ [\beta]\psi. \tag{3}$$

Для этого нам потребуется модельная структура¹, аналогичная той, что дана на рис. 3: здесь m_1 – момент выбора агентом α формулы (1); m_2 – момент, в котором виден результат решения, принятого α в m_1 , и одновременно момент, когда β принимает решение о выполнении или невыполнении назначенного ему действия. Неагентный переход (т.е. переход без ветвления) от m_4 к m_6 необходим, так как этого требует формула $X[\beta]\psi$, которая получает значение в моменте, связанном с текущим моментом отношением R_X .

¹ Из-за громоздкости формул мы не будем давать модель полностью и ограничимся лишь ее наброском. Мы предполагаем, что читатель может свободно видеть в древовидных структурах структуры NEXТ-семантики, и наоборот. Если это не так, то в качестве справочной литературы по этому вопросу мы рекомендуем обратиться к [1] и [2].

Означивание формул (1) и (2) на модели, в основе которой лежит модельная структура, представленная на рис. 3, идет обыкновенным образом – так, что в мирах $\langle m_2/h_1 \rangle$, $\langle m_2/h_2 \rangle$, $\langle m_2/h_3 \rangle$ верно, что $\circ([\beta](\varphi \rightarrow X[\beta]\psi))$ и $\circ[\beta]\varphi$; в мире $\langle m_2/h_1 \rangle$ (где h_1 – идеальная история) верно, что $[\beta](\varphi \rightarrow X[\beta]\psi)$ и $[\beta]\varphi$; в мире $\langle m_4/h_1 \rangle$ верно, что $\varphi \rightarrow X[\beta]\psi$ и Φ (и, следовательно, $X[\beta]\psi$) (в мире $\langle m_6/h_1 \rangle$ верно, что $[\beta]\psi$); наконец, в мире $\langle m_7/h_1 \rangle$ верно, что ψ .

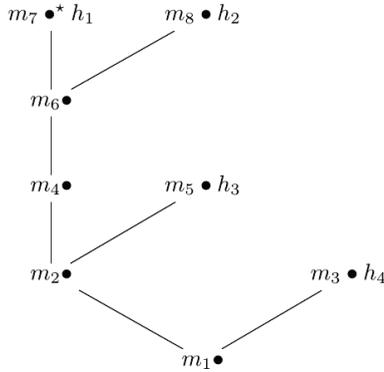

Рис. 3. Модельная структура для подразумеваемых действий

Модель, описываемая здесь, состоит из пяти временных отрезков, сменяющих друг друга один за другим, каждый из которых представлен набором моментов: $\{m_1\}$, $\{m_2, m_3\}$, $\{m_4, m_5\}$, $\{m_6\}$ и $\{m_7, m_8\}$. Формула (3), истинная в текущем моменте, дает $XX\circ[\beta]\psi$ в последующем (в m_2)¹, $X\circ[\beta]\psi$ в m_4 ; $\circ[\beta]\psi$ и $[\beta]\psi$ – в m_6 (точнее, в мире $\langle m_6/h_1 \rangle$, так как h_1 , напомним, идеальная история); ψ – в m_7 (в мире $\langle m_7/h_1 \rangle$). Напротив, предположение о том, что в m_1 истинна $\neg(\alpha)XX\circ[\beta]\psi$ влечет в конечном итоге противоречие, так как в $\langle m_7/h_1 \rangle$ оказывается в таком случае истинна $\neg\psi$.

Промежуточные итоги

1. Агентные формулы допускают суперпозицию, через которую выражается влияние, воздействие агентов друг на друга. Тогда один агент вместе с его возможными действиями в будущем предстает в качестве объекта действия другого агента.

2. Одни агенты обладают авторитетом по отношению к другим агентам в связи с некоторым положением дел: первые могут обязать вторых к выполнению некоторых действий; вторые могут исполнить обязательство или уклониться от него.

3. Синтаксически авторитетное отношение между агентами по φ выражается как возможность отдать указание на выполнение φ – сделать так, что выполнение φ становится обязательным; семантически авторитетное отношение агента α предстает как композиция $R_\alpha \circ R_\circ$, где R_α есть отношение эффективности для α , а R_\circ – отношение, указывающее для каждого возможного мира, достижимого для α , наилучший.

¹ Так как, очевидно, временной отрезок $\{m_2, m_3\}$ разбивается R_α на два класса эквивалентности, один из которых представлен множеством миров $\{\langle m_2/h_1 \rangle, \langle m_2/h_2 \rangle, \langle m_2/h_3 \rangle\}$, или, для краткости, моментом m_2 и всеми проходящими через него историями.

2. Авторитетные отношения, данные средствами PDL

2.1. О сходстве и отличии логики действий и PDL

Если мы дадим себе труд оторваться от текущей работы и оглядеться вокруг, то сразу же увидим те множества связей, которыми окружена логика действий, те нити, что ведут из нашей области в области, смежные с ней. Потянуть за одну из них означает обнаружить на том конце, к примеру, пропозициональную динамическую логику (PDL) и её семантическую основу – систему отмеченных переходов (labeled-transitions system, LTS). Чем обусловлена эта связь? Определенным сходством и определенным различием. Первым – так как и логика действий, и PDL семантически трактуют действия как бинарные отношения на множестве возможных миров. И там и тут совершить действие означает перейти из одного мира, с одним набором истинностных значений для пропозиций, в другой мир с, возможно, другим набором истинностных значений. Вторым – так как логика действий в такого рода переходе делает акцент на результате, на том наборе истинностных значений, с которым агенту придется иметь дело после того, как действие будет совершено. Для PDL, напротив, наиболее существенным оказывается именно процесс, посредством которого осуществляется переход между мирами. Логика действий и PDL здесь различны так же, как различны для нас выполнение рутинных обязанностей (поскорей бы с этим расправиться!) и игра на музыкальном инструменте или танец (которые доставляют удовольствие сами по себе). Одновременное существование сходств и различий между логикой действий и PDL говорит о том, что они нуждаются друг в друге, так как подходят друг другу как две разные части одной и той же головоломки. Отметим и то, что на многие версии логики действий (в частности, на *STIT* и *XSTIT*, *NEXT*-семантику которой мы использовали для построения логики L_{aut}) можно смотреть как на сокращенные версии PDL. Это сокращение касается множества возможных действий, которое представлено в них не классическим для пропозициональной динамической логики набором, включающим атомарное действие, тест, последовательность, выбор и повтор, а только первым элементом этого набора. Возможность перемещения акцента в исследовании действия с его результата на его процесс предоставит в наше распоряжение семантический инструмент несколько более компактный и удобный в обращении по сравнению с *NEXT*-структурами. Там, где в действии удобно видеть прежде всего процесс, мы будем использовать для моделирования процессуальные графы. На всё это стали обращать внимание ещё совсем недавно. Так, в частности, ван Бентем и Пакуит (Pacuit) в статье [3] наметили пути слияния этих логик в одну логику, трактующую действие наиболее совершенным и всеобъемлющим образом. В этом отделе по уже намеченному пути двинемся и мы.

2.2. Авторитетные отношения как возможность делать что-то руками другого

Исследования авторитетных отношений имеют давнюю историю. Обширная содержательная проработка понятия дана, среди прочих, юристом и философом права Иосифом Разом, см., в частности, [4]. Философ и логик Ингмар Пёрн в [5] дал формально-ориентированный анализ авторитетных,

властных отношений и порожденных ими иерархических структур. Для наших целей, однако, нам потребуется совсем немного из этого наследия.

В предыдущем отделе в качестве основного инструмента анализа использовалась *NEXT*-семантика. Это позволило нам увидеть в авторитетном отношении между агентами, прежде всего, возможность дать указание – выполнить некоторое действие, такое, что агент, выступающий объектом этого действия, связывался некоторым обязательством перед тем, кто дал ему указание. Разумеется, это не единственное сущностное свойство авторитетного отношения. Обращение к PDL позволит выявить и смоделировать его другие существенные черты.

Отдавая себе отчет в некоторой искусственности, ограниченности предлагаемого в этом отделе взгляда на понятие авторитетного отношения, скажем тем не менее, что авторитетным в некотором вопросе принято называть того, кто, прежде всего, знает, как следует поступать или думать, или того, кто может сделать что-то сам.

Например: инструктор по гребле, каллиграф, учитель музыки, специалист по компьютерной верстке текста – все они авторитетны в связи со своими занятиями и навыками, так как знают, что нужно делать, чтобы плыть, писать, играть и печатать, и сами могут показать, как нужно.

Будем считать, что α может выступать авторитетом для β в связи с некоторым положением дел, таким, что ϕ , если верно, что α сам в состоянии сделать так, что ϕ .

Процессуальный граф, иллюстрирующий эту идею, дан на рис. 4.

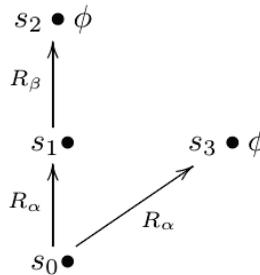

Рис. 4. Авторитетное отношение в PDL

Пусть в s_0 α отдает указание β на выполнение ϕ . В соответствии с основным определением авторитетного отношения предыдущего раздела следствием этого будет наличие авторитетного отношения между этими агентами по ϕ , подкрепленного теперь еще тем, что α может выполнить ϕ самостоятельно. Последнее верно, ведь из базового мира s_0 для α оказывается достижимым мир s_3 , где истинно ϕ (значит, в s_0 истинно $\langle \alpha \rangle \phi$, т.е. действительно α сам оказывается в состоянии сделать так, что ϕ). К процессуальному графу на рис. 4 несложно найти другой, связанный с ним отношением бисимуляции.

Считается, что если между моделями установлено отношение бисимуляции, то они отражают разными способами одни и те же явления, в нашем случае – одни и те же процессы. Мы увидим, что для интерпретации авторитетного отношения эта разница в способе представления процесса, связывающего агентов, наиболее существенна. Бисимуляцией между моделями M и N будем считать бинарное отношение E , связывающее миры s и t , принадле-

жащие соответственно моделям M и N , так, что sEt , и, для любых миров x и y , в том случае, когда xEy , оказывается верным следующее:

– в мирах x и y истинны одни и те же пропозициональные формулы (условие (1));

– если верно, что в M существует $R(x, z)$, то в N существует такой мир u , когда $R(y, u)$ и $R(z, u)$ (условие (2));

– если верно, что в N существует $R(y, u)$, то в M существует такой мир z , когда $R(x, z)$ и $R(z, u)$ (условие (3)).

Подробнее об этом см. [6. Р. 30]. Процесс и соответствующий ему граф, связанные отношением бисимуляции с процессом и графом, данными на рис. 4, изображены на рис. 5.

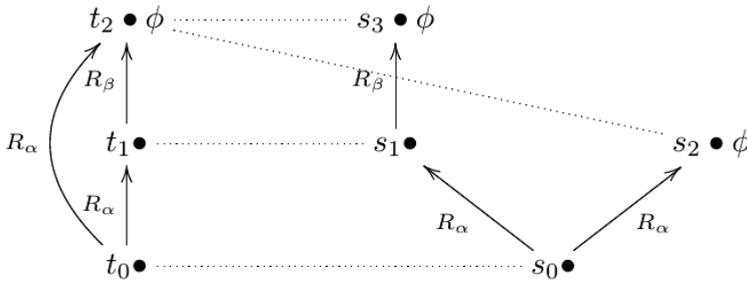

Рис. 5. Принцип *Qui facit per alium* в PDL

Покажем, что отношение, связывающее миры левого (модель M) и правого (модель N) процессуальных графов рис. 5, – это отношение бисимуляции. Процедура, сопоставляющая определение бисимуляции с конкретными процессуальными графами, заимствована нами из [7. Р. 223]. В соответствии с ней для проверки условия (2) определения бисимуляции необходимо выяснить, верно ли, что $\check{E} \circ R_M \subseteq R_N \circ \check{E}$ (где \check{E} – отношение между мирами x и y , обратное E : $\check{E}(x, y) = E(y, x)$); условие (3) проверяется посредством применения к паре моделей следующего утверждения: $E \circ R_N \subseteq R_M \circ E$. Условие (1) специальной упрощающей процедуры не требует. Тогда для отношения между моделями M и N справедливо следующее:

$\check{E} \circ R_{M, \alpha} = \{(s_0, t_1), (s_0, t_2)\}$ и $R_{N, \alpha} \circ \check{E} = \{(s_0, t_1), (s_0, t_2)\}$, т.е. для R_{α} выполняются условие (2);

$E \circ R_{N, \alpha} = \{(t_0, s_1), (t_0, s_2)\}$ и $R_{M, \alpha} \circ E = \{(t_0, s_1), (t_0, s_2)\}$, т.е. для R_{α} выполняются условие (3).

Условие (1) для M и N выполняется наиболее очевидным образом. Аналогично можно проверить выполнение условий (2) и (3) для отношения R_{β} .

Таким образом, между моделями M и N , т.е. между левым и правым процессуальными графами рис. 5, установлено отношение бисимуляции. Заметим, что M и N не были бы связаны отношением бисимуляции при другом обозначении переходов между мирами. Например, обозначить переход от t_0 к t_2 как R_{β} означает нарушить условие (3) для R_{α} (ведь в таком случае $E \circ R_N = \{(t_0, s_1), (t_0, s_2)\}$, а $R_M \circ E = \{(t_0, s_1)\}$); обозначить переход от s_0 к s_2 как R_{β} – значит нарушить для R_{α} условие (2).

Процесс, стоящий за понятием авторитетного отношения, за возможностью отдать указание, в PDL можно представить как транзитивный пере-

ход одного агента из первого мира в третий через второй мир, в котором действует другой агент. Авторитетное отношение выступает в PDL наиболее явным образом как возможность для одного агента добиться чего-то руками другого агента, воспользовавшись тем как инструментом. При этом полученное им воспринимается как такое положение дел, которого он добился так, как если бы действовал сам.

Подобная трактовка перекликается с известным в логике действий принципом **Q**, или *Qui facit per alium*: $[\alpha][\beta]\varphi \rightarrow [\alpha]\varphi$. Естественно, что оба процессуальных графа рис. 5 подтверждают этот принцип. В самом деле, невозможно представить ситуацию, когда $[\alpha][\beta]\varphi$ истинна в t_0 и при этом в том же мире истинна $\neg[\alpha]\varphi$: переход от t_0 к t_2 по отношению R_α гарантирует в t_0 истинность $[\alpha]\varphi$.

Ещё раз отметим в скобках компактность процессуальных графов по сравнению с другими модельными структурами, использующимися в логике действий. Челлас, при построении доказательства принципа **Q** (используя для этого модели BTS-семантики, которые гораздо ближе *NEXT*-семантике и её моделям, чем PDL и процессуальным графам) оговаривается, что рассуждение оказывается чрезмерно сложным (и чрезмерно длинным, заметим мы). Бисимуляция, таким образом, использовалась нами не только как средство, позволяющее установить сходство между моделями, выстроенными на основе *NEXT*-семантики, и процессуальными графами, но и по ее прямому назначению – для сокращения моделей. В самом деле, получившийся процессуальный граф компактен; он более наглядно представляет процессы взаимодействия агентов.

Отношения, подобные транзитивным отношениям на процессуальных графах, раскрывают существенные свойства агентов, обладающих авторитетом. Можно сказать, что здесь речь идет об агентах особого типа – тех, авторитет которых по некоторой φ сохраняется лишь в силу того, что они могут исполнить Φ самостоятельно. Можно ли представить существование агентов другого типа, таких, авторитет которых не зависит от их возможностей, как агентов, совершающих непосредственные действия? Этот вопрос намечает пути дальнейшего исследования, которое сегодня выходит за рамки статьи. Ниже мы рассмотрим лишь несколько случаев, где авторитетное отношение, представленное средствами PDL, проявляет себя особым, на наш взгляд, весьма любопытным образом.

До настоящего момента в этом разделе мы обходились без строгих определений. Того, что было в нашем распоряжении (и в распоряжении читателей), оказывалось достаточно для схватывания основной интуиции об авторитетном отношении. Но дальнейшее продвижение, безусловно, сопряжено с формальной работой в области, возникающей на стыке логики действий (в её STIT-редакции) и PDL. Необходимость в этом возникает в тот момент, когда на нашей логической сцене появляется третий агент γ .

2.3. Авторитетные отношения на тройке агентов

Пусть авторитетные отношения агентов по φ образуют такую цепочку, когда α выступает авторитетом для β , а β , в свою очередь, для γ . В этом случае, если мы попытаемся смоделировать авторитетные отношения на тройке агентов так, как мы делали это раньше, модельная структура, отражающая

процесс их взаимодействия, будет выглядеть так, как представлено на рис. 6 (левый процессуальный граф).

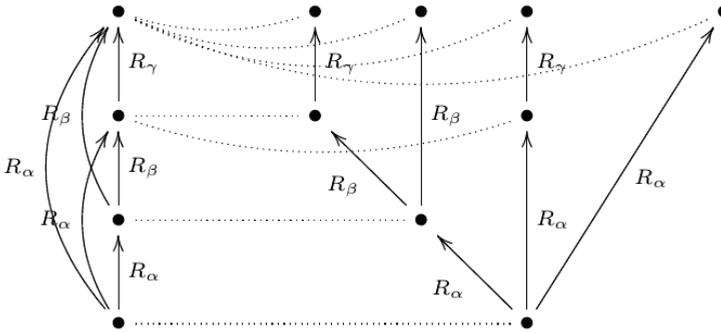

Рис. 6. Авторитетные отношения между агентами α , β и γ

Данный граф составлен из двух графов, связывающих соответственно агентов α и β , β и γ . Еще раз объявим те соображения, на которых основывается наличие переходов, указывающих на авторитетные отношения между агентами. Первое, неформальное, исходит из того содержания, которое обычно вкладывается в понятие авторитета. Второе, формализованное, представлено принципом **Q** и рождается из согласия синтаксического и семантического фрагментов выстраиваемой логики: принцип находит подтверждение на модельной структуре; та, в свою очередь, служит выражением принципа.

Принцип **Q**, приложенный к тройке агентов, даёт такие переходы: $[\alpha][\beta][\gamma]\phi \rightarrow [\alpha][\beta]\phi$ и $[\alpha][\beta]\phi \rightarrow [\alpha]\phi$. Каждая из формул – одно из действий α , множество которых, сосредоточенных в начальной точке процессуального графа, раскрывает перед ним как бы веер возможностей: выполнить ϕ самостоятельно, поручить выполнение β или γ ¹. Однако если мы попытаемся построить модель, используя для этого процессуальный граф рис. 6 (левый) или правый процессуальный граф указанного рисунка (оба они, связанные отношением бисимуляции, представляют одни и те же процессы; правый – в несколько более наглядной форме), то здесь применение указанных соображений вызовет ряд сложностей.

Наше построение снова выражает лишь интуицию авторитетных отношений на тройке агентов и в отличие от построения с использованием *NEXT*-семантики в строгом смысле не является моделью. Мы можем сопоставить с мирами процессуального графа формулы, однако такое сопоставление будет следствием интуитивного представления о процессах, связывающих тройку агентов. Оно не будет отражать главного – выбора, который делают, каждый в своем мире, α , β и γ . Процессуальный граф позволяет увидеть лишь возможные действия агентов в каждом из миров, но не то, каким образом соотносятся друг с другом их классы эквивалентности. Очевидно,

¹ Последнее справедливо, так как в противном случае пропадает одно из наших допущений. Синтаксически это можно выразить так: $\alpha[\beta]\phi \wedge [\beta][\gamma]\phi \rightarrow \alpha[\gamma]\phi$. Легко убедиться в том, что наличие в базовом мире $\neg\alpha[\gamma]\phi$ даёт $\neg\alpha[\beta]\phi$ или $\neg[\beta][\gamma]\phi$, что противоречит исходным предположениям о наличии авторитетных отношений между α и β или между β и γ .

что, например, в случае с α переходы от s_0 к s_1 и от s_0 к s_7 – это разные действия, не подпадающие, следовательно, под один и тот же класс эквивалентности. Мы сможем построить PDL-модель для тройки агентов и их авторитетных отношений тогда, когда найдем инструмент, позволяющий различать классы эквивалентности на процессуальных графах.

Еще одна сложность, которой мы не касались до настоящего момента, – это статус того, кому отдают указание: насколько он является агентом в связи с назначенной на исполнение ф? Сущность свойства быть агентом в связи с некоторым положением дел раскрывается в возможности реализовывать данное положение дел или, напротив, отказываться от действий, которые бы к нему привели. В построениях не следует надолго терять эту сущность «вторых», «третьих» и всех последующих агентов в цепочке из виду: каждый из них должен иметь возможность побыть немного Бартлби и в ответ на указание «Делай ф!» произнести: «Я бы предпочел отказаться».

2.4. Классы эквивалентности на процессуальных графах

Вопрос о представлении классов эквивалентности на процессуальных графах имеет философское основание. Найти способ их обозначения – это не то же, что решить исключительно техническую задачу. В основе этого вопроса лежит то, как мы понимаем ветвление на модельных структурах. Здесь допустимы два варианта: ветвление указывает на непредсказуемые последствия действий агента; ветвление есть само действие с его возможными последствиями, тот выбор, который осуществляет агент в некотором действительном мире. До того как мы научимся различать классы эквивалентности, эти две интерпретации формально развести не удастся. А значит, не удастся и выработать взгляд, объединяющий их. Тем не менее он необходим, так как, соединив эти два варианта толкования ветвления, мы наметим путь объединения логики действия и PDL, ведь первый из них принадлежит, собственно, PDL, в то время как второй касается в большей степени логики действия (STIT-логики в частности и преимущественно).

Отметим также, что в вопросах, касающихся ветвления, возможно, как нигде больше, проявляет себя ничем не связанная воля исследователя. Пусть агент получил приглашение на вечеринку и стоит перед выбором: идти или нет. Это, как кажется, выбор из двух, но так ли это на самом деле? Предположим, агент воздерживается от принятия решения, идти или нет, причем воздерживается сознательно, т.е. принимает выбор не выбирать. Тогда выбор из двух оказывается выбором из трех, или серией выборов из двух: решение о решении сначала и решение идти или нет потом. Исследователь вправе моделировать эту ситуацию так, как ему заблагорассудится, лишь бы выстраиваемая модель согласовывалась с ранее принятыми определениями. Мы будем поступать аналогично: наш набросок базовой модели (модельная структура) для трех агентов, данный на рис. 6, будет изменен так, чтобы учесть те особенности агентных действий, на которые мы указывали выше, и прежде всего – на возможность для агента «побыть Бартлби». Опишем инструмент, с помощью которого надеемся различать классы эквивалентности на процессуальных графах.

Пусть $w \sim_\alpha w'$ указывает на отношение, которое связывает миры w и w' так, что миром, где α делает выбор, является мир w , а миром, где содержится

описания всех последствий действия α , является мир w' . Тогда если $w \sim_\alpha w'$, то $[w]_\alpha = \{w, w'\}$.

Пусть $w \approx_\alpha w'$ указывает на отношение, которое связывает миры w и w' так, что снова миром, где α делает выбор, является мир w , а миром, который отсекается действием α в w , мир w' . Тогда если $w \approx_\alpha w'$, то $[w]_\alpha = \{w\}$ и $[w']_\alpha = \{w'\}$.

Например, если в мире w агент α принимает решение о том, пойти ему на вечеринку или не пойти, и если $w \sim_\alpha w'$ и $w \approx_\alpha w''$, то мир w' – это мир, в котором α идёт на вечеринку, а w'' – мир, отсекаемый выбором α , т.е. тот, в котором α предпочитает остаться дома.

Отношение \approx указывает на возможные альтернативы действию агента, не входящие в класс эквивалентности, определенный через отношение \sim . Средствами \sim и \approx можно благополучно указать на различия в толковании ветвления, о которых мы говорили выше: см. рис 7.

Рис. 7. Ветвление как непредсказуемые последствия выбора или как выбор

Здесь переходы, предоставленные в распоряжение α на левом процессуальном графе, попадают в разные классы эквивалентности, что означает, что в мире w α стоит перед выбором между ϕ и ψ . На правом процессуальном графе рис. 7, напротив, оба действия α подпадают под один и тот же класс эквивалентности. Можно сказать, что в этом случае α совершает одно действие, такое, что в мирах w' и w'' , составляющих один класс эквивалентности, заданный \sim_α , имеет место ϕ . Формула ψ появляется в w'' как возможное непредсказуемое последствие действия α или просто как возможное обстоятельство его действия, такого, что ϕ . Применительно к понятию авторитетных отношений, прямых и не прямых действий, осуществляемых в связи с ними, отношения \sim и \approx будут работать так.

Пусть α – агент в связи с некоторой ϕ , и пусть α обладает авторитетным отношением по ϕ к β . Будем считать, что отношения \sim и \approx вместе исчерпывают все возможности выбора агента в некоторый момент времени. Тогда наше допущение об α означает, что он может или исполнить ϕ самостоятельно, или обязать β сделать так, что ϕ . (До времени опустим возможность для α отказаться от осуществления выбора вообще.) Тогда данную ситуацию можно смоделировать так:

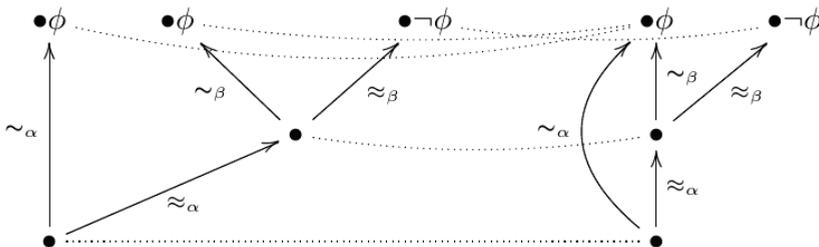

Рис. 8. Распределение классов эквивалентности при наличии авторитетного отношения между агентами

Начальный мир левого процессуального графа показывает, что перед α открывается выбор, как поступить: выполнить ϕ самостоятельно (т.е. осуществить переход к миру, где истинна ϕ , воспользовавшись для этого отношением \sim_α) или отказаться от самостоятельного выполнения, перепоручив осуществление ϕ агенту β (и осуществить переход в мир, связанный с начальным отношением \approx_α). Во втором случае уже β принимает решение о ϕ : выполнить (переход \sim_β) или отказаться (переход \approx_β).

Мы построили правый процессуальный граф рис. 8, связанный отношением бисимуляции с левым процессуальным графом, для демонстрации того, что обращение к отношениям \sim и \approx (и соответствующим модальностям $[\sim]_\alpha$, $[\sim]_\beta$, ..., $[\approx]_\alpha$, $[\approx]_\beta$, ...) сохраняет базовую интуицию данного раздела об авторитетном отношении по ϕ как о транзитивном переходе к ϕ через возможное действие другого агента (при обязательном условии возможности самостоятельного исполнения ϕ). Она, теперь выраженная средствами выстраиваемого на основе PDL фрагмента логической системы, примет следующий вид: $[\approx]_\alpha[\sim]_\beta\phi \rightarrow [\sim]_\alpha\phi$.

Будем считать, что модель M_{PDL} для представления авторитетных отношений между агентами в PDL дана набором $\langle W, \{\sim\}_\Gamma, \{\approx\}_\Gamma \rangle$, где $\{\sim\}_\Gamma$ и $\{\approx\}_\Gamma$ есть множества отношений на W для агентов из $\Gamma = \{\alpha, \beta, \dots\}$, в каждое из которых вкладывается указанное выше содержание. Тогда:

$M_{PDL}, w \models [\sim]_\alpha\phi$ е.т.е. для всех w' , таких, что $w \sim_\alpha w'$, верно, что $w' \models \phi$ (выбор α в w) и

$M_{PDL}, w \models [\approx]_\alpha\phi$ е.т.е. для всех w' , таких, что $w \approx_\alpha w'$, верно, что $w' \models \phi$ (альтернативный выбор α в w).

Эти определения позволяют показать то, как соотносятся классы эквивалентности для ситуации авторитетных отношений между тройкой агентов α, β и γ .

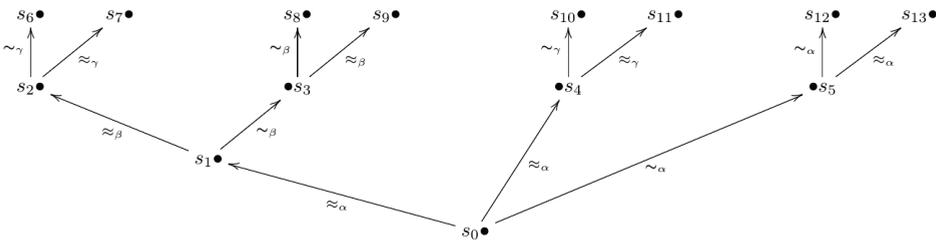

Рис. 9. Авторитетные отношения на тройке агентов данные средствами \sim и \approx

Процессуальный граф на рис. 9 дает описание следующих вариантов развития событий в ситуации наличия авторитетного отношения по ϕ между тройкой агентов α, β и γ :

$[\approx]_\alpha[\approx]_\beta[\sim]_\gamma\phi$ – α отдаёт указание β , β отдаёт указание γ , γ выполняет указание;

$[\approx]_\alpha[\sim]_\beta[\sim]_\gamma\phi$ – α отдаёт указание β , β отдаёт указание β (так), β выполняет указание;

$[\approx]_\alpha[\sim]_\gamma\phi$ – α отдаёт указание γ , γ выполняет указание;

$[\sim]_\alpha[\sim]_\alpha\phi$ – α отдаёт указание α , α выполняет указание;

$[\approx]_\alpha[\approx]_\beta[\approx]_\gamma$ – α отдаёт указание β , β отдаёт указание γ , γ отказывается выполнить указание;

$[\approx]_\alpha[\sim]_\beta[\approx]_\beta$ – α отдаёт указание β , β отдаёт указание β , β отказывается выполнить указание;

$[\approx]_\alpha[\approx]_\gamma$ – α отдаёт указание γ , γ отказывается выполнить указание;

$[\sim]_\alpha[\approx]_\alpha$ – α отдаёт указание α , α отказывается выполнить указание.

Обратим внимание читателя на несколько интересных моментов. Во-первых, мы ввели в модель «ветки Бартлби» для агентов: теперь α , β и γ могут отказаться от выполнения ϕ , что делает их агентами в связи с ϕ в еще большей степени, чем раньше, когда таких веток не было. Во-вторых, на нашей модели агенты обладают возможностью отдавать указание самим себе. Это делают β и α тогда, когда решают выполнить ϕ самостоятельно и не назначать к выполнению ϕ другого агента, связанного с ними авторитетным отношением по ϕ . Агент γ не отдаёт указание самому себе на выполнение ϕ , так как он не принимает такого решения, которое бы предполагало отдачу указания на выполнение ϕ другому агенту. Из второго замечания следует третье: мы интерпретируем отношение \approx двояким образом, в зависимости от того, связан ли некоторый агент, осуществляющий по нему переходы, авторитетным отношением с другим агентом. Если это так, то для такого агента переход по \approx означает отказ от самостоятельного исполнения и отдачу указания на исполнение другому агенту. Если авторитетного отношения нет, то переход по \approx означает отказ от выполнения некоторого (прямого) действия. В-четвертых, заметим, что теоретически мы можем отказаться от ограничения на возможные действия агента, связанного авторитетным отношением, и уклониться от дихотомии «делай сам или отдай указание другому». В самом деле, агент, связанный авторитетным отношением по ϕ с некоторым другим агентом, может отказаться от выполнения ϕ , но при этом не поручать выполнение ϕ другому агенту. Аналогично тот же агент может отказаться от отдачи поручения другому агенту, но при этом и не браться за выполнение ϕ самостоятельно. Пусть α – агент, который связан авторитетным отношением с β по ϕ . Тогда веер возможностей для α раскрывается так:

$[\sim]_\alpha\phi$ – выполнить ϕ самостоятельно;

$[\approx]_\alpha[\sim]_\alpha\phi \wedge \neg[\approx]_\alpha[\sim]_\beta\phi$ – отказаться от выполнения ϕ , при этом не поручая ϕ другому;

$[\approx]_\alpha[\sim]_\beta\phi$ – поручить выполнение ϕ агенту β ;

$[\approx]_\alpha[\approx]_\alpha\phi \wedge \neg[\sim]_\alpha\phi$ – отказаться от поручения ϕ агенту β , но при этом не выполнять ϕ самостоятельно.

В-пятых, предположим, что на модели (см. рис. 9) в мире s_0 истинна формула $[\approx]_\alpha[\approx]_\beta[\sim]_\gamma\phi$. Тогда по определению в s_1 и в s_4 истинна $[\approx]_\beta[\sim]_\gamma\phi$. Обращает на себя внимание второе: по определению $[\approx]_\beta[\sim]_\gamma\phi$ истинна в s_4 е.т.е. для всех миров, связанных с миром s_4 отношением \approx_β , верно, что в них истинна $[\sim]_\gamma\phi$. Но таких миров на модели нет! Тогда s_4 оказывается миром, который обычно называют *dead-end*. Но это своё качество s_4 проявляет не безусловным образом, а в связи с отношениями \approx_β и \sim_β (то же справедливо и для отношений \approx_α и \sim_α). Мир s_4 – это *dead-end* для агентов β и α . Поэтому в s_4 истинными оказываются любые формулы, начинающиеся с $[\approx]_\beta$ или с $[\sim]_\beta$ (снова, то же для α), подобно тому как в *dead-end*-мирах оказываются истинными любые формулы, начинающиеся с оператора \square . Подобное положение дел да-

ет два следствия: во-первых, наличие *dead-end*-миров для некоторого набора отношений или агентов позволяет сохранить истинность базовых формул, как мы только что убедились на примере формулы $[\approx]_{\alpha}[\approx]_{\beta}[\sim]_{\gamma}\varphi$; во-вторых, такие миры, и бесконечное множество формул, которое они порождают, приводят к ситуации, когда на моделях оказывается истинным слишком многое, что может сказаться самым пагубным образом на истинности базовых формул, непосредственно выражающих непрямые действия и авторитетные отношения.

Заключительные замечания. Дальнейшее исследование может развиваться по самым разным направлениям или оставаться в русле указанного и сосредоточиться на частностях (которые, в свою очередь, могут дать новые направления). Мы укажем на пару таких сюжетов.

Первый из них связан с типами агентов, в частности с таким, который сохранял бы авторитетное отношение по некоторой формуле φ даже после того, как он утратил возможность выполнять φ самостоятельно. Это тем более интересно для случаев, когда авторитетными отношениями связано достаточно большое количество агентов. Продолжает ли и в этом случае действовать принцип **Q**, и всегда ли в таких случаях действие последнего агента в цепочке равносильно действию первого, когда тот совершает некоторое φ как бы его или её руками?

В рамках второго возможного сюжета интересно найти способ показать на процессуальных графах различные действия агентов, связанные с уклонением от выполнения назначенного. До настоящего времени мы трактовали такое уклонение слишком узко: как выполнение $\neg\varphi$. Однако очевидно, что спектр подобных действий значительно шире. Возможно, уклонение некоторого β следует понимать как обратный переход между мирами по отношению к тому переходу, который делает агент α , связанный с β авторитетным отношением. Наложение обязательств, понуждение к некоторому действию тогда не предстают как одномоментные действия. Они, напротив, являются результатом целой серии конкурентных действий агентов и подобны игре в теннис: отскочивший от поля мяч (возможное обязательство) всегда можно выбить обратно – на поле противника.

Литература

1. Broersen J. A complete stit logic for knowledge and action, and some of its applications // Declarative Agent Languages and Technologies VI, p. 47–59. Springer, 2009.
2. Broersen J. Making a start with the stit logic analysis of intentional action // Journal of philosophical logic. 2011. 40(4). P. 499–530.
3. Benthem J. van, Pacuit E. Connecting Logics of Choice and Change // Nuel Belnap on Indeterminism and Free Action. Springer. 2014. P. 291–314.
4. Raz J. Practical Reason and Norms. Oxford, 1999. (Первое издание 1975.)
5. Pörn I. The Logic of Power. Oxford, 1970.
6. Handbook of Modal Logic / ed. by P. Blackburn, J. van Benthem, F. Wolter. Elsevier, 2007.
7. Benthem J. van, Ditmarsch H. van, Eijck J. van, Jaspars J. Logic in Action. 2012.

Gleb V. Karpov, Saint Petersburg University (Saint Petersburg, Russian Federation).
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 47–62.

DOI: 10.17223/1998863X/47/5

INDIRECT ACTIONS AND AUTHORITY RELATIONS IN STIT AND PDL

Keywords: logic of actions; STIT; NEXT-semantics; PDL; authority relations.

The article investigates the notion of an authority relation between agents from two perspectives. Its first part argues that the existence of an authority relation between agents, with respect to some state of affairs, means that an agent who is in authority has an ability to command to act in order to see to it that such state of affairs is true. A command of that kind is modelled in NEXT-semantics. Here an impact of one agent on another is pictured as a composition of accessibility relations between the worlds. A case of an embedded authority relation and a case of presupposed conditions are investigated. The second part of the article argues that an authority relation between agents, with respect to some state of affairs, exists due to a personal and immediate ability of an agent, who is in authority, to make that state of affairs true. Here an authority relation is interpreted on process graphs as a transitive move to the third world from the first one (where an agent who is in authority acts) via the second world (where an agent who is under authority acts) or as an ability of one agent to use others as a proxy for his or her actions. Such an ability is modelled for three agents by means of a special relation that can distinguish equivalent classes on process graphs. Finally, the article introduces some semantic ideas which are to make further synthesis of the logic of action and PDL fruitful.

References

1. Broersen, J. (2009) A complete STIT logic for knowledge and action, and some of its applications. *Declarative Agent Languages and Technologies*. VI. pp. 47–59. DOI: 10.1007/978-3-540-93920-7_4.
2. Broersen, J. (2011) Making a start with the stit logic analysis of intentional action. *Journal of Philosophical Logic*. 40(4). pp. 499–530.
3. Benthem, J. van & Pacuit, E. (2014) Connecting Logics of Choice and Change. In: Müller, T. (ed.) *Nuel Belnap on Indeterminism and Free Action*. Springer. pp. 291–314. DOI: 10.1007/978-3-319-01754-9_14
4. Raz, J. (1999) *Practical Reason and Norms*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198268345.001.0001
5. Porn, I. (1970) *The Logic of Power*. Oxford: Barnes & Noble.
6. Blackburn, P., Benthem, J. van & Wolter, F. (eds) (2007) *Handbook of Modal Logic*. Elsevier.
7. Benthem, J. van, Ditmarsch H. van, Eijck J. van & Jaspars, J. (2012) *Logic in Action*. [s.l., s.n.].

УДК 001.38

DOI: 10.17223/1998863X/47/6

И.Т. Касавин

ВЕЛИКИЙ ВТОРОЙ. РОЛЬ УИЛЬЯМА ХЬЮЭЛЛА В ФОРМИРОВАНИИ ЗОНЫ ОБМЕНА «ФИЛОСОФИЯ – ФИЗИКА»¹

Предлагается реконструкция фрагмента истории электролиза, в которой неожиданную значимую роль играет не только физик и химик (М. Фарадей), но и философ науки (У. Хьюэлл). Именно способность философа создавать терминологические новации оказывается признаком формирования зоны обмена, но обмена особенного, выступающего как дарение, как аргумент в пользу того, что настоящее знание нельзя купить, им можно только поделиться. Это же выступает и основанием для гипотезы о медиативной роли философа в науке.

Ключевые слова: философия науки, электролиз, зоны обмена, медиация в науке, Фарадей, Хьюэлл.

Эпистолярная история науки, которую символизируют фигуры типа М. Мерсенна и Б. фон Арним, позволяет утверждать: коммуникативные структуры науки начали формироваться еще до возникновения социального института науки. Намек на это мы находим в известном тезисе К. Маркса: «Ручная мельница даёт вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом» [1. С. 60]. Если эту мысль применить к эпистемическому сообществу, к науке, то окажется, что перекрестком общения когнитивных субъектов нередко оказывается достаточно сложный технический артефакт, репрезентативный в историческом и социальном смысле.

Конструирование, исследование и особенно интерпретация функционирования такого артефакта часто являются предметом коллективного обсуждения в силу естественного разделения труда между экспериментаторами и теоретиками. Примечательно, что даже тщательное историческое исследование не всегда способно установить, кто именно сформулировал ту или иную мысль или термин в ходе теоретического дискурса, поскольку многое в науке происходит в рамках неформальной коммуникации [2]. И большая удача, если в исторических источниках (автобиографиях, письмах, стенограммах)² можно вычитать что-то об этих неформальных дискурсивных актах, которые, как правило, остаются незадокументированными. Тогда порой оказывается, что за спиной ученого, с именем которого связывается некоторое открытие, стоял его почти забытый коллега, играя весьма творческую роль полемиста,

¹ Исследование выполнено по гранту РФ № 18-18-00238 «Негумбольдтовские зоны обмена: идея и проект новой научной инфраструктуры» 2018–2020; И.Т. Касавин, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, Нижний Новгород; Институт философии РАН, Москва; Ilya T. Kasavin, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; RAS Institute of Philosophy, Moscow.

² Обсуждение сложной связи науки и ее исторического контекста см.: [3. С. 47–51].

интерпретатора, редактора целых абзацев его публикаций и при этом не претендуя на формальное соавторство.

Роль такого персонажа нередко играл Уильям Хьюэлл – философ, теолог, поэт, ученый-энциклопедист, душа интеллектуальных клубов и научных обществ, инициатор реформ в британской науке и образовании, декан самого старого кембриджского Тринити колледжа. Среди его друзей – математик Ч. Бэббидж, астроном Дж. Гершель, геолог Ч. Лайель, экономист Р. Джонс, биолог Ч. Дарвин, физик М. Фарадей, поэт С. Кольридж. Со многими из них он бескорыстно делился своими проницательными теоретическими инсайтами, продвигавшими вперед данные области интеллектуальной деятельности. Его пример побуждает переосмыслить концепцию «зон обмена» (П. Галисон), убрав из нее элемент рыночной метафоры в понимании науки: «trading zone» буквально переводится как «торговая зона». Я считаю, что для науки как особого культурного явления¹ характерен иной тип общения, который можно обозначить как «дарение» (по аналогии с термином М. Мосса в «Эссе о даре»). Торговля, эквивалентный обмен – эти термины если и приемлемы, то лишь для характеристики прикладной науки.

Мы рассмотрим в качестве примера ситуацию, сложившуюся в лаборатории М. Фарадея в начале 1830 г. во время его исследований электролиза. Как известно, электролизом называли электрохимические процессы прямого преобразования электрической энергии в химическую, которые протекают на электродах под действием постоянного тока, проходящего через электролит. Электролиз состоит из двух процессов: миграции заряженных частиц под действием электрического поля к поверхности электрода и перехода заряда с частицы на электрод или с электрода на частицу. Упорядоченное движение ионов в электролите начинается в электрическом поле, которое создаётся электродами – проводниками, соединёнными с полюсами источника электрической энергии. Катодом при электролизе называется отрицательный электрод, анодом – положительный. Положительные ионы, или катионы, перемещаются к катоду, отрицательные ионы, или анионы, движутся к аноду. Реакции, происходящие при электролизе на электродах, называются вторичными. Именно разделение реакций на первичные и вторичные помогло М. Фарадею установить законы электролиза (первичными являются реакции диссоциации в электролите без действия электрического тока, они были изучены позднее С. Аррениусом).

М. Фарадей, как и многие английские ученые, был предан идеалам эмпиризма и в первую очередь занимался экспериментальной работой. Теоретические исследования вставали на повестке дня, когда нужно было продемонстрировать эксперимент перед научным сообществом и рассказать, что в нем происходит. Таким же мотивом была и подготовка печатной работы, в которой описание эксперимента требовало определенной терминологии и хотя бы минимальных обобщений. Фарадей не имел университетского образования, не владел древнегреческим и латынью, а ученым стал благодаря работе в лаборатории Х. Дэви. Концептуализация его революционных открытий в разных областях физики и химии была объективно трудным делом, помноженным на особенности его научной социализации.

¹ См. дискуссию о культурном факторе в развитии науки [4. С. 3–47].

Поэтому Фарадей нередко обращался к Хьюэллу, большому университетскому авторитету, с которым поддерживал дружеские отношения, за советом. Можно представить их собравшимися вокруг электролитической ванны и наблюдающими то, как происходит электролиз и как де-факто возникает новая научная дисциплина – электрохимия. Задача состояла в том, чтобы придумать названия для элементов наблюдаемого процесса. Некоторые из терминов уже были введены в оборот, но оказались неудачны; другие отсутствовали вообще. Хьюэлл, знаток классических языков и замечательный стилист, блистал эрудицией, жонглируя греческими корнями. Здесь нам придется прибегнуть к обширной цитате из письма Хьюэлла к Фарадею, неопровержимому документу по поводу роли философии в науке. Хьюэлл продолжает дискуссию с Фарадеем, начавшуюся в очной форме и получившую затем обстоятельное эпистолярное развитие.

«Если Вы примете термины *анод* и *катод*, – пишет Фарадею Хьюэлл, – я бы предложил для двух элементов, получаемых в ходе *электролиза*, термины *анион* и *катион*, которые представляют собой причастия, обозначающие *не-что, поднимающееся вверх, и нечто, идущее вниз*; и для обозначения их обоих Вы могли бы использовать термин *ион* вместо *зетод* или *стехион*. Это слово не является существительным в греческом языке, но может быть без труда взято в таком виде, и я убежден, что краткость и простота этих терминов за пару недель обеспечит им всеобщее принятие.

Анион – это то, что движется к *аноду*, *катион* – это то, что движется к *катоду*. «Т» (th) в слове *катод* происходит из придыхательного звука в слове *hodos* (путь), и поэтому его не следует использовать во втором случае, поскольку *катион* не содержит придыхательного, будучи образован от слова *ион*.

В таком случае Ваш пассаж будет выглядеть так».

И здесь Хьюэлл предлагает Фарадею закавыченную редакцию его текста с использованием указанных терминов, буквально повторяя предыдущее рассуждение. А потом заключает: «Я настолько уверен, что эти термины в силу их простоты предпочтительны по сравнению с теми, которые Вы опубликовали ранее, что полагаю, было бы несчастьем для науки, если бы Вы сохранили последние. Если же, однако, Вы по-прежнему привержены терминам *dexio* и *scaio*, то мне трудно объединить их с *ионом* без такого нагромождения гласных, которое бы испугало ваших читателей. Я припишу в конце страницы разъяснение, если Вы будете настаивать на этом. Я лишь молю Вас вспомнить, что даже с насильственными филологическими аномалиями вскоре свыкаются, если они используются, чтобы выразить важные законы, как мы видим в случае терминов *endosome* and *exosome*¹; и потому нет резона остерегаться возражений, которые обязаны невежеству относительно слов, наилучшим образом пригодных для аналогий. Долговременное принятие существующей химической номенклатуры обязано ее простоте [5. Р. 182–183].

Некоторые исследователи, впрочем, полагают, что терминология электролиза – исключительное достижение самого Фарадея [6. С. 178]. Однако в добавление к уже приведенному письму Хьюэлла к Фарадею опубликованы письма Фарадея к Хьюэллу, в том числе письмо от 3 мая 1834 г., в котором

¹ Биологические термины, обозначающие вход или выход воды через клеточную мембрану.

первый явно признает авторство Хьюэлла [7. Р. 181]. Иное дело, что в своих статьях, в частности в ключевых работах 1833–1834 гг., Фарадей не счит нужным об этом упомянуть [8].

Тот факт, что, помогая Фарадею концептуализировать процесс электролиза, Хьюэлл придумал для него термины «анод», «катод», «анион», «катион», «ион» и некоторые другие, также подтверждает путем анализа документов и один из наиболее глубоких исследователей его наследия, Л. Снайдер [9, 10]. Немало и иных независимых исследований отношений Фарадея и Хьюэлла [11], которые сообщают подробности того, с каким трудом Фарадей подыскивал подходящие термины, совершая банальные ошибки в классических языках, которых просто не знал. Поэтому он весьма охотно консультировался у профессиональных ученых (scholars) с университетским образованием¹. В этом смысле Хьюэлл был не одинок как советчик Фарадея, хотя его роль чрезвычайно велика. Одна из глав книги С. Росса так и называется: “Faraday consults scholars” [12].

Рассматривая вклад Хьюэлла в становление электрохимии и не желая умалять значение Фарадея, важно понимать контекст, в котором работал последний. Эксперименты, выполненные Фарадеем, и форма представления этих результатов были обязаны влиянию целого ряда факторов. К ним относятся его антипатия к математике, его религиозные убеждения, эпистемологические воззрения. Здесь же и большое количество других важных экспериментальных открытий, которые он сделал между 1831 и 1834 гг. Они угрожали избытком эмпирической информации, которая не могла быть быстро усвоена и осмыслена [13].

Таким образом, Хьюэлл не случайно принял участие в концептуализации электролиза, фактически представляя сторону как философов-теоретиков, так и химиков в коммуникации с физиком Фарадеем как исследователем электромагнетизма. Ведь Хьюэлл именно в это время серьезно работает над тем, чтобы предложить реформу всей химической терминологии. Здесь он одновременно выступает как философ и математик против плоского эмпиризма и экспериментализма английских химиков, а также против сложности и неоднозначности континентальной химии – с критикой такого авторитета, как Берцеллиус. Хьюэлл фактически пытается совместить принципы химического и алгебраического дискурса и тем самым создать фундамент для математизации химии, значительно опережая свое время [15].

Примеры изобретения Хьюэллом ключевых научных терминов – неологизмов в науке и философии – многочисленны. Такие его новации как «catastrophism» и «uniformitarianism», были востребованы в эволюционной геологии Дж. Лайеля, который пересмотрел идеи шотландского геолога Дж. Хаттона (J. Hutton). Кстати, Ч. Дарвина в то время именовали «Лайелем в биологии». Он и в самом деле немало почерпнул у Лайеля; и здесь становится ясна неоднозначная роль Хьюэлла в становлении эволюционизма: он критиковал Дарвина и вместе с тем предоставлял терминологические новации для концептуализации эволюционных идей. Предложенный Хьюэллом термин «physicist» в дальнейшем был востребован физиками; «scientist» – учеными вообще; «philosophy of science» – философами [16].

¹ Обсуждение сложного процесса профессионализации научных исследований (см.: [14. С. 174–188]).

Известно, что придумать удачный термин или компактное обозначение – это пройти полпути к научному понятию, сделать значительный шаг в развитии теоретического знания. В русском языке есть выражение «чеканить монеты». Англичане говорят «to coin a word» («чеканить», изобретать слово). Но природа научного термина не только денотативна, но и конвенциональна. Историк науки пишет о Хьюэлле в примечательной статье, название которой можно перевести одновременно как «изобретение терминов» и как «искусство договариваться» [17]. И здесь мы обнаруживаем, что в определенный момент коммуникация *вокруг технического артефакта* превращается в коммуникацию по поводу методов его исследования, *по поводу термина и понятия*. Коммуникация, нацеливаясь на создание нового междисциплинарного научного языка (жаргона, пиджина, креола), приобретает концептуальный характер и задает границы теории¹. А на место технического артефакта заступает субъект, организующий коммуникацию и создающий *коллективное знание* [19]. Участие Хьюэлла в формировании электрохимии является замечательной демонстрацией того, как философ может выполнять функцию медиатора в науке. И сам Хьюэлл в полной мере это осознает. Он пишет: «Авторы физических открытий отличаются от бесплодных схоластов не тем, что в их головах *отсутствует* метафизика, а тем, что они руководствуются *хорошей* метафизикой, а их противники – плохой, и тем, что они соединяют свою метафизику со своей физикой, а не практикуют их порознь» [20. С. 27]. Именно Хьюэлл и создавал хорошую метафизику для науки, щедро раздавая, *даря* свои концептуально-терминологические новации ученым. Тем самым он формировал вокруг себя зоны обмена, площадки междисциплинарной коммуникации (пусть и не совсем в стиле Галисона), на которых новое знание обретало теоретическую форму.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. М., 1986. Т. 3. 639 с.
2. Антоновский А.Ю. Коммуникация как эпистемическая проблема // Epistemology and philosophy of science. 2016. № 1. С. 5–24.
3. Столярова О.Е. Следует ли понимать науки вне истории? // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 51, № 1. С. 47–51.
4. Лекторский В.А. и др. Обсуждение книги академика В.С. Степина «Цивилизация и культура» // Вопросы философии. 2013, № 12. С. 3–47.
5. Whewell W., D.D. Master of Trinity College, Cambridge. An account of his writings with selections from his literary and scientific correspondence. By I. Todhunter, M.A. F.R.S. Honorary fellow of St John's College. Vol. 2. Cambridge : Macmillan and Co. 1876. 439 p.
6. Горюхов В.Г. Технические науки: история и теория. М. : Логос, 2012.
7. Faraday M. Letter to William Whewell, 15 May 1834 // A. Frank, J.L. James (eds.). The Correspondence of Michael Faraday. Vol. 2. London : The Institution of Engineering and Technology, 2013.
8. Faraday M. Experimental Researches in chemistry, 5th and 7th series, PhilTrans. 1833. P. 675–710; 1834. P. 77–122.
9. Snyder L.J. The Philosophical Breakfast Club: Four Remarkable Men who Transformed Science and Changed the World. Broadway Books, 2011.
10. Snyder L.J. Reforming Philosophy: A Victorian Debate on Science and Society. Chicago : University of Chicago Press, 2014.
11. Oesper R.E., Speter M. The Faraday-Whewell Correspondence Concerning Electro-Chemical Terms // The Scientific Monthly. Vol. 45, № 6 (Dec., 1937). P. 535–546.

¹ Подробнее о коммуникативной интерпретации науки см.: [18. С. 158–171].

12. Ross S. Nineteenth-Century Attitudes : Men of Science. Kluwer Dordrecht, 1991. 501 p.
13. Frank A.J.L. James, Michael Faraday's First Law of Electrochemistry. How Context Develops New Knowledge // *Electrochemistry, Past and Present*, ACS Symposium Series. 1989. Vol. 390. Washington : American Chemical Society. P. 32–49.
14. Бараш П.Э. *и др.* Наука Макса Вебера: рецепция и современность // *Эпистемология & философия науки*. 2018. Т. 55, № 4. С. 174–188.
15. Whewell W. On the Employment of Notation in Chemistry // *The Journal of the Royal Institution of Great Britain*. 1831. Vol. 1. P. 437–453.
16. Whewell W. *The Philosophy of the Inductive Sciences*. P. 1. Cambridge : John W. Parker, 1840.
17. Heilbron J.L. Coming to terms: Caloric, cathode, curium and quark-coinage from the mint of science // *Nature* (published 7 February 2002). 415 (6872). P. 585.
18. Antonovskiy A.Y. Science as a Social subsystem // *Вопросы философии*. 2017. № 7. P. 158–171.
19. Касавин И.Т. К эпистемологии коммуникации: сила и слабость аналитического оптимизма // *Вопросы философии*. 2014. № 7. С. 39–49.
20. Хьюэлл У. *Философия индуктивных наук, основанная на их истории*. М. : Кнорус, 2016. 504 с.

Ilya T. Kasavin, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Nizhni Novgorod, Russian Federation); Institute of Philosophy, RAS (Moscow, Russian Federation).

E-mail: itkasavin@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 63–69.

DOI: 10.17223/1998863X/47/6

THE GREAT SECOND. WILLIAM WHEWELL'S ROLE IN THE MAKING OF THE “PHILOSOPHY – PHYSICS” TRADING ZONE

Keywords: philosophy of science; electrolysis; trading zone; mediation in science; Faraday; Whewell.

The concept “trading zones” (Peter Galison, Harry Collins) has become a peculiar pattern of a discussion on scientific communication during the past decade. The idea that scientific communication is not only fruitful but also problematic, and needs developing an interdisciplinary language and special mediative activities applies to the description of the situation in the sciences and in the relationship between the science and society as well. The role philosophy can play, the nature of scholarly communication, ways to apply the market metaphor of exchange and trade to its understanding – one should not discuss these issues in general terms only, but consider them in the context of the specific historical and sociological studies of science and technology. The article proposes a reconstruction of a fragment of the history of electrolysis, in which not only the physicist and chemist (Michael Faraday), but also the philosopher of science (W. Whewell) plays an unexpected role. It is the philosopher's ability to create a terminological innovation that turns out to be a sign of the trading zone formation, but trading here is to be understood as a special gift, and this contributes to the argument that knowledge cannot be bought, it can only be shared. The same case acts as the basis for the hypothesis about a philosopher's mediative role in science.

References

1. Marks, K. & Engels, F. (1986) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Vol. 3. Translated from German. Moscow: Politizdat.
2. Antonovskiy, A.Yu. (2016) Communication as an epistemic problem. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 1(47). pp. 5–24. (In Russian).
3. Stolyarova, O.E. (2017) Should we conceive science outside the history? *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 1(51). pp. 47–51. (In Russian). DOI: 10.5840/eps20175117
4. Lektorsky, V.A. et al. (2013) Obsuzhdenie knigi akademika V.S. Stepina “Tsivilizatsiya i kul'tura” [Discussion V.S. Stepin's “Civilization and Culture”]. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 3–47.
5. Whewell, W. (1876) *An account of his writings with selections from his literary and scientific correspondence*. Vol. II. Cambridge: Macmillan and Co.

6. Gorokhov, V.G. (2012) *Tekhnicheskie nauki: istoriya i teoriya* [Technical Sciences: History and Theory]. Moscow: Logos.
7. Faraday, M. (2013) Letter to William Whewell, 15 May 1834. In: Frank, A. & James, J.L. (eds) *The Correspondence of Michael Faraday*. Vol. 2. London: The Institution of Engineering and Technology.
8. Faraday, M. (1833) *Experimental Researches in Chemistry*. 5th and 7th series, PhilTrans. pp. 675–710.
9. Snyder, L.J. (2011) *The Philosophical Breakfast Club: Four Remarkable Men who Transformed Science and Changed the World*. Broadway Books.
10. Snyder, L.J. (2014) *Reforming Philosophy: A Victorian Debate on Science and Society*. Chicago: University of Chicago Press.
11. Oesper, R.E. & Speter, M. (1937) The Faraday-Whewell Correspondence Concerning Electro-Chemical Terms. *The Scientific Monthly*. 45(6). pp. 535–546.
12. Ross, S. (1991) *Nineteenth-Century Attitudes: Men of Science*. Kluwer Dordrecht.
13. Frank, A.J.L. (1989) Michael Faraday's First Law of Electrochemistry. How Context Develops New Knowledge. *Electrochemistry, Past and Present, ACS Symposium Series*. 390. pp. 32–49. DOI: 10.1021/bk-1989-0390.ch003
14. Antonovsky, A.Yu. & Barash, R.E. (2018) Max Weber on science: Reception and perspectives. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 55(4). pp. 174–188. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201855475
15. Whewell, W. (1831) On the Employment of Notation in Chemistry. *The Journal of the Royal Institution of Great Britain*. I. pp. 437–453.
16. Whewell, W. (1840) *The Philosophy of the Inductive Sciences*. Part 1. Cambridge: John W. Parker.
17. Heilbron, J.L. (2002) Coming to terms: Caloric, cathode, curium and quark-coinage from the mint of science. *Nature*. 415 (6872). pp. 585.
18. Antonovsky, A.Yu. (2017) Science as a social subsystem. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 158–171. (In Russian).
19. Kasavin, I.T. (2014) K epistemologii kommunikatsii: sila i slabost' analiticheskogo optimizma [On the epistemology of communication: the strength and weakness of analytical optimism]. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 39–49.
20. Whewell, W. (2016) *Filosofiya induktivnykh nauk, osnovannaya na ikh istorii* [The Philosophy of the Inductive Sciences: Founded Upon Their History]. Translated from English. Moscow: Knorus.

УДК 17

DOI: 10.17223/1998863X/47/7

А.В. Прокофьев

ОБЪЕКТИВНОСТЬ И УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ МОРАЛИ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ¹

В статье проанализированы три подхода к соотношению объективности и универсальности моральных требований и оценок: 1) объективность и универсальность независимы друг от друга; 2) универсальность является дополнительным свойством объективных требований и оценок; 3) объективность и универсальность выступают как две параллельных характеристики одного и того же свойства морали.

Ключевые слова: этика, мораль, объективность морали, универсальность морали.

Одна из центральных задач этики как исследовательской дисциплины – создание корректной теоретической модели морали, отражающей формально-функциональные и нормативно-содержательные характеристики этого явления. Если со стороны содержания мораль можно охарактеризовать как систему ценностей и вытекающих из них требований, ориентирующих деятельность людей на благо Другого (отдельного индивида, общества, человечества), то ее формально-функциональная сторона определяется теми способами, которыми эти ценности и требования предъявлены деятелям, и теми механизмами, которые обеспечивают реализацию нормативного содержания. Выявляя формально-функциональные свойства морали, теоретики пытаются установить: 1) характер императивной силы моральных требований; 2) область их действия, значимость моральных требований по сравнению с требованиями другого рода; 3) специфику моральных санкций; 4) круг субъектов, уполномоченных выносить моральные оценки. В ходе обсуждения двух первых пунктов этическая теория активно использует такие понятия, как «универсальность» и «объективность». В некоторых случаях они применяются параллельно, в других – теоретики выстраивают свое рассуждение о морали, опираясь на одно из них. В этой связи возникает несколько взаимосвязанных вопросов. Что такое объективность и универсальность? Правомерно ли использование этих понятий в отношении моральных требований? Если правомерно, то как эти понятия связаны между собой? Отражают ли они одно свойство морали или разные ее свойства? В данной статье я попытаюсь предложить некоторые предварительные ответы на них.

Объективность

Проблема объективности моральных требований и опирающихся на них оценочных суждений обсуждается как обособленная проблема этической теории начиная с поздних работ Джорджа Мура [1. С. 252–290, 341–346], хо-

¹ Статья подготовлена в рамках проектного исследования «Феномен универсальности в морали», осуществляемого при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 18-18-00068. The paper has been developed within a project research «The Phenomenon of Moral Universality», supported by the Russian Science Foundation, project № 18-18-00068.

тя имплицитно присутствовала в этике постоянно. В настоящий момент она играет существенную роль в метаэтических исследованиях (см., например: [2–5]). При определенном расхождении в дефинициях теории подразумевают под объективностью несводимость моральных оценок к одобрению / неодобрению тех или иных действий, мотивов или черт характера со стороны отдельных индивидов, обладающих уникальными психическими характеристиками и уникальным жизненным нарративом, или со стороны групп людей, имеющих те или иные уникальные культурные особенности. Человек, выносящий моральные оценки, т.е. оценки, в которых используются такие понятия, как «справедливо» / «несправедливо», «гуманно» / «жесток», «достойно» / «недостойно» и т.д., рассматривает свои утверждения не как выражение собственных индивидуальных предпочтений или общепринятых ценностно-нормативных убеждений, а как *верную* характеристику оцениваемых явлений в свете *верного* нормативного стандарта. Расходящиеся с его оценкой утверждения он воспринимает как ошибочные. Конечно, он может допускать, что по каким-либо причинам его собственная моральная оценка окажется ошибочной. Но даже в этом случае он исходит из того, что верная моральная квалификация данного поступка (мотива, черты характера) существует и что она только одна. Два человека, один из которых утверждает допустимость действия, а другой – его недопустимость, не могут быть правы одновременно, так же как они не могут быть и одновременно неправы.

Даже признавая тот факт, что его моральные оценки зависят от наследственности, ранней социализации, особенностей культурной среды, выносящий моральные суждения индивид не может принять тезис, что эти обстоятельства всецело предопределяют его мнение о моральном качестве того или иного поступка. Он не может согласиться с тем, что если бы эти обстоятельства были иными и породили иную оценку, то эта иная оценка тоже была бы верной. Схожая установка воспроизводится по отношению к тем моральным оценкам, которые выносят другие люди. Представим себе ситуацию, в которой кто-то причиняет страдание другому человеку ради развлечения и не видит в этом ничего предосудительного. Это обращение с ближним вызывает у наблюдателей неодобрение, выраженное с помощью морально значимых терминов, – квалифицируется ими как жестокость. Наблюдатели знают о том, что специфика психики мучителя и условия его социализации создавали предпосылки как для такого поведения, так и для уверенности мучителя в том, что его поведение не является предосудительным. Информация об этом может уменьшить степень возмущения поступком, но она не создает оснований для вывода о том, что причинение страданий в данном конкретном случае является правильным или морально безразличным. Если мы представим также, что подобное отношение к другому человеку глубоко укоренено в традициях какого-либо общества и не оценивается в нем негативно, то и это никак не изменит ситуацию. Тот, кто считает причинение страданий ради развлечения жестокостью (то ли потому, что он принадлежит к другому обществу, то ли потому, что он пережил своего рода «нравоперемену»), даже оставаясь в абсолютном меньшинстве, будет утверждать, что общество в целом ошибается. Джон Мэки зафиксировал данное положение дел в виде следующих формулировок: «Находясь в состоянии нравственного затруднения,

[человек]... хочет знать, действительно ли какой-то поступок в этой ситуации плох или хорош, правилен или неправилен... Предположение о существовании объективных ценностей... инкорпорировано в базовое, конвенциональное значение моральных понятий... Претензия на объективность... запечатлена в нашем языке и в нашей мысли» [6. Р. 33–35].

Тезис об объективности моральных требований и суждений подвергается критике на основе двух аргументов. Первый ставит под вопрос его феноменологическую или психологическую обоснованность. К примеру, Марк Тиммонс и Терри Хорган, опираясь на феноменологический метод, полагают, что простейшей формой морального опыта является непосредственное переживание обязанности, которое включает в себя ощущение приложенной к деятелю внешней силы, создающей напряжение и «мотивационную тягу». Какие-то явные следы объективности морали, по их мнению, в этом опыте отсутствуют [7. Р. 296–297]. Однако вне зависимости от того, правы ли Тиммонс и Хорган в отношении непосредственного переживания обязанности, они вряд ли правы в отношении морального опыта в целом. Ведь они не анализируют более сложные состояния сознания, связанные с ситуациями моральных разногласий. Вместе с тем именно моральные разногласия, начиная с Мура, являются ключевым предметом обсуждения для философов, решающих проблему объективности морали [1. С. 262, 342; 8. Р. 41]. Психологи, утверждающие, что претензия на объективность свойственна моральным суждениям, также опираются на исследование реакции респондентов на случаи несовпадения моральных оценок: подавляющее большинство участников экспериментов воспринимает одну из сторон морального разногласия в качестве совершающей ошибку [9. Р. 169–170].

Второй аргумент связан с тем, что претензия на объективность, присутствующая в моральных суждениях, может оказаться неоправданной. Именно такой была позиция Мэки, утверждавшего, что «моральные понятия обычного человека» являются «странными», т.е. онтологически и эпистемологически несостоятельными [6. Р. 38–41]. Этой позиции успешно противостоит известное рассуждение Рональда Дворкина, обратившего внимание на слишком высокую цену, которую должно было бы заплатить живое моральное сознание в случае согласия с аргументом от «странности». Неизбежной альтернативой признания способности людей обнаруживать нечто объективное в мире ценностей и норм является потеря возможности иметь твердые моральные убеждения и вести аргументированные нормативные дискуссии (приняв логику Мэки, мы вынуждены будем согласиться с тем, что «не существует моральных возражений против уничтожения этнических групп, порабощения рас или пытки маленького ребенка ради развлечения и на глазах его связанной матери») [10. Р. 117–118]. Некоторые современные метаэтики пытаются показать, что дилемма Дворкина не совсем корректна. Однако возникающее в итоге их критики представление о статусе моральных суждений и требований не отличается радикально от классического понимания объективности морали. Требования, составляющие ядро морали, сохраняют у критиков Дворкина свою независимость от всех или от подавляющего большинства проявлений индивидуальной и культурной специфики в сфере ценностей [11, 12].

Универсальность

Наиболее удачную теоретическую репрезентацию такой характеристики морали, как универсальность, можно обнаружить в работах Ричарда Хэара. По его мнению, требование является универсальным, если оно ориентировано на универсальные свойства ситуации, в которой может быть совершено действие. Универсальным свойством ситуации, в свою очередь, следует считать то, в описании которого не упоминаются задействованные в ней индивиды [13. Р. 23]. И тот, кто совершает поступок (деятель), и тот, чьи интересы затронуты этим поступком (реципиент действия), в рамках универсального требования выступают в качестве своего рода переменных величин. Отсюда следует, что универсальное требование адресовано всем тем, кто попадает под описание обязанного совершить действие лица. В литературе эту особенность универсальных требований подчас называют общеадресованностью [14. С. 87]. Другое следствие универсальности требования состоит в том, что исполняющий требование человек не проявляет пристрастного отношения ни к кому из тех, кто попадает под описание реципиента требуемого действия. Реальная или воображаемая смена реципиентов не должна приводить к изменению характера поступка. Эту особенность универсальных требований обычно называют беспристрастностью [Там же]. В свете универсального требования перед деятелем неизбежно возникает перспектива мысленного обмена местами с реципиентом. Раз деятель и реципиент определяются значимыми для данного требования универсальными свойствами ситуации, то при тех или иных условиях деятель может оказаться в положении реципиента, и ему следует принимать во внимание это обстоятельство, совершая выбор между альтернативными линиями поведения. На уровне отдельных оценок и решений универсальность требований преобразуется в универсализуемость суждений. Тот, кто осуждает какое-либо действие, применяя моральную лексику (понятия «несправедливость», «жестокость», «подлость» и т.д.), берет на себя обязательство воспроизводить эту оценку во всех подобных ситуациях вне зависимости от того, какие индивиды попадают под описание деятеля и реципиента и как это наполнение нормативных переменных затрагивает интересы выносящего оценку человека.

Проблема соотношения

Существуют три подхода к вопросу о соотношении объективности и универсальности морали, получивших более или менее проработанное выражение в современной этической теории. В рамках первого из них объективность и универсальность моральных требований и суждений выступают в качестве самостоятельных, независимых друга от друга признаков. Это значит, что есть принципиальная возможность занимать объективистскую позицию, но не быть универсалистом, и наоборот, быть универсалистом, но отрицать при этом объективный характер моральных требований и суждений. Джеффри Гудвин и Джон Дарли формулируют позицию следующим образом: «Субъективизм утверждает нечто по поводу условий верности моральных требований, в то время как релятивизм утверждает нечто по поводу области их применения: для кого они верны, а не что делает их верными. Соответственно, можно быть объективистом и релятивистом одновременно,

говоря, что правильное для индивида А отличается от правильного для индивида Б и что это верно вне зависимости от субъективного отношения А и Б к данному вопросу. В этом случае область действия какого-то утверждения о том, что является морально правильным, будет относительной, поскольку это утверждение не относится ко всем людям, но условие его верности оказывается объективным» [9. Р. 164]. Равным образом они полагают, что универсализм совместим с субъективизмом. Утверждая зависимость суждений о правильности от субъективных психологических факторов, кто-то может считать, что существует «лежащее в основе этих суждений совпадение психических состояний... и значит, моральные требования применяются универсально» [Ibidem].

В обоснованности этого подхода есть серьезные сомнения. Прежде всего, сомнительна аргументация в пользу существования объективистов, которые не признают универсальности моральных суждений. Она опирается на некорректное понимание универсальности. Универсальность требования определяется не тем, что оно относится ко всем людям, а тем, что на его основе можно выделить группу людей, которым оно равным образом адресовано. Эта группа может быть более или менее широкой, но совсем не обязательно охватывается формулировкой «все люди». Соответственно, Гудвин и Дарли обсуждают не объективиста, который не признает универсальность требований, а всего лишь объективиста, который допускает, что моральные требования могут иметь разную степень общности. При этом, признавая обоснованными требования меньшей степени общности (т.е. те, которые относятся «не ко всем людям»), он остается универсалистом.

Не меньше сомнений вызывает аргументация в пользу существования субъективистов, которые воспринимают моральные требования как универсальные. Она допускает смешение двух других характеристик нормативных требований: «универсальности» и «общераспространенности». Первая является эмпирическим фактом, относящимся к сфере коллективной психологии и нуждающимся в подтверждении со стороны нейтрального исследователя, вторая – свойством ценностно-нормативных убеждений деятеля, которое может быть обосновано лишь с помощью неэмпирических рациональных аргументов. Понятие «универсальность» указывает не на то, что какое-то требование *поддерживается* определенной группой людей или всеми людьми, а на то, что оно, с точки зрения какого-то индивида, *обладает императивной силой* в отношении всей этой группы или же всех людей. Имеется ли у всех членов группы или у всех представителей человеческого рода психологическая основа для признания требования распространяющимся на них, в этом случае не важно. «Субъективист-универсалист» Гудвина и Дарли, пытающийся обнаружить совпадение психических состояний всех без исключения людей, которое приводит к итоговому совпадению их моральных убеждений, обсуждает «общераспространенность», а не «универсальность» и поэтому просто не является универсалистом.

Второй подход отрицает независимость универсальности от объективности. Он предполагает, что универсальность представляет собой свойство, которым обладают лишь те требования и оценочные суждения, которые являются объективными. В отличие от представителей первого подхода сторонники второго считают невозможным существование такой фигуры, как

«субъективист-универсалист», понимая, что тот неизбежно будет подменять универсальность общераспространенностью. Однако отрицание объективистом универсальности моральных требований они рассматривают как позицию, не имеющую неразрешимых внутренних противоречий. С точки зрения Дворкина, мы сталкиваемся с ней тогда, когда кто-то, считает, что определенная оценка зависит не от чьих-то реакций на действие или ситуацию, а от характеристик самого действия или ситуации, но при этом уверен, что для членов обществ, имеющих принципиально иное понимание ключевых моральных концептов, эта оценка будет неверна [10. Р. 98–99].

Рассуждение Дворкина подпадает под тот же критический аргумент, что и тезис Гудвина и Дарли о непротиворечивости позиции «объективиста-релятивиста». Исключение представителей какой-то культуры из числа людей, осуждаемых за участие в объективно неправильной, предосудительной практике, совсем не обязательно является признаком отрицания универсальности моральных требований. Универсальные требования очерчивают круг лиц, которым вменено требование, и люди, естественно, могут оставаться за пределами этого круга. В приведенном Дворкином примере за пределами круга остается группа, состоящая из членов тех сообществ, которые исторически не развили в себе те или иные ценностно-нормативные представления. Это не значит, что такое исключение обосновано. Но оно вполне совместимо с универсальностью требования. Вполне возможно, что оно противоречит задаваемому моралью уровню общности требований: очерченный круг имеющих обязанность людей оказывается слишком узким. Но это будет уже другая теоретическая проблема.

Остается возможность предположить, что Гудвин с Дарли и Дворкин дали неточные описания и привели неудачные примеры неуниверсального объективизма, такие, в которых универсальность все же присутствует, хотя и не выражена отчетливо. Тогда можно попытаться исправить их недочеты и сформулировать заведомо неуниверсальное, но при этом объективное требование. Неуниверсальное требование должно содержать прямые указания на индивидов. Скажем, «Иван Иванов обязан помочь Петру Петрову» или «Иван Иванов обязан уничтожить Петра Петрова». Представляется, что и в этом случае разделить объективность и универсальность не удастся. Неуниверсальное требование просто невозможно превратить в объективное. Объективность морального требования предполагает, что оно верно для каждого человека независимо от того, какое мнение о его верности или неверности имеют конкретные люди. Но если требование является «верным для каждого», то, значит, оно опирается на аргументы, которые могли бы убедить в его правильности всех людей или хотя бы тех, чье мнение формируется на основе применения разума. Приведенные выше требования сами по себе не могут получить поддержку со стороны такой аргументации, поскольку она с необходимостью оперирует классами и свойствами индивидов, подводит индивидов под определенные классы на основе их свойств. Рациональное обоснование требования неизбежно заставляет вести речь о группах деятелей, в отношении которых проявляет себя общеадресованность, и группах реципиентов, в отношении которых реализуется беспристрастность. Другими словами, необходимая для признания требования объективной аргументация может действовать только на фоне признания его универсальным. В этом случае

универсальность является своего рода аспектом или измерением объективности или наоборот.

Такое понимание их соотношения также встречается в исследовательской литературе. Например, оно характерно для Николаса Решера, который в специальной работе об объективности морали при переходе к анализу межкультурной проблематики просто заменяет понятие «объективный» понятием «универсальный» [15. Р. 402–406]. Это, конечно, не идеальный отклик на обсуждаемую проблему. Ведь в одном отношении Решер явно сужает смысл понятия «универсальность». Разнообразие нормативных убеждений, устойчивость по отношению к которому проявляют универсальные требования, носит не только историко-культурный характер. В другом отношении он, напротив, неоправданно расширяет смысл этого термина, поскольку не проводит отчетливого различия между универсальностью и общностью. Кроме того, он не задается вопросом о том, по какой причине в некоторых контекстах уместна замена понятия «объективность» понятием «универсальность». Однако общее направление мысли, заданное нерелексивным отождествлением объективности и универсальности морали у Решера, является правильным.

Как было показано выше, уверенность морального деятеля в том, что требование, являющееся основой его оценок, распространяется на группу обладающих определенными свойствами людей, имеет смысл только в том случае, если деятель считает это требование верным. С другой стороны, уверенность деятеля в том, что его оценка какого-либо поступка *верна*, поскольку она опирается на *правильную* ситуативную интерпретацию *верного* морального требования, может присутствовать только там, где речь идет о требованиях, которые обращены к более или менее широким группам людей. Соответственно, можно утверждать, что моральные ценности и нормы обладают таким комплексным свойством, как быть (или считаться) верными, обладая императивной силой в отношении определенного круга деятелей и порождая беспристрастное отношение к определенному кругу реципиентов. Когда мы обсуждаем сферу действия морального требования, уместно применять понятие «универсальность», понимая при этом, что признание требования верным подразумевается по умолчанию. Когда мы обсуждаем характер императивной силы требования, наш исследовательский интерес находит более точное выражение в термине «объективность», хотя и общеадресованность, и беспристрастность этого требования должны автоматически учитываться при исследовании оснований обязательности его исполнения.

Литература

1. Мур Дж.Э. Природа моральной философии. М. : Политиздат, 1999. 352 с.
2. Максимов Л.В. Этический объективизм: основные концепции и подходы // Этическая мысль: ежегодник. М., 2001. Вып 1. С. 132–148.
3. *Morality and Objectivity: A Tribute to J.L. Mackie* / Ed. by T. Honderich. Abingdon : Routledge, 1985. 228 p.
4. *Objectivity in Law and Morals* / Ed. by B. Leiter. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 354 p.
5. *Does Anything Really Matter? Essays on Parfit on Objectivity* / Ed. by P. Singer. Oxford : Oxford University Press, 2017. 300 p.
6. *Mackie J.L. Ethics: Inventing Right and Wrong*. London: Penguin Books, 1990. 256 p.

7. Horgan T., Timmons M. What Does Moral Phenomenology Tell Us about Moral Objectivity? // *Social Philosophy & Policy*. 2008. Vol. 25, № 1. P. 267–300.
8. Enoch D. *Taking Morality Seriously: A Defense of Robust Realism*. Oxford: Oxford University Press, 2011. 295 p.
9. Goodwin G.P., Darley J.M. The Perceived Objectivity of Ethical Beliefs: Psychological Findings and Implications for Public Policy // *Review of Philosophy and Psychology*. 2010. Vol. 1, № 2. P. 161–188.
10. Dworkin R. Objectivity and Truth: You'd Better Believe It // *Philosophy & Public Affairs*. 1996. Vol. 25. P. 87–139.
11. Street S. Objectivity and Truth: You'd Better Rethink It // *Oxford Studies in Metaethics*. 2016. Vol. 11. P. 293–335.
12. Hopster J. Two Accounts of Moral Objectivity: from Attitude-Independence to Standpoint-Invariance // *Ethical Theory and Moral Practice*. 2017. Vol. 20, № 4. P. 763–780.
13. Hare R.M. *Sorting out Ethics*. Oxford: Clarendon Press, 1997. 191 p.
14. Апресян П.Г. Феномен универсальности в этике: формы концептуализации // *Вопросы философии*. 2016. № 8. С. 79–88.
15. Rescher N. Moral Objectivity // *Social Philosophy & Policy*. 2008. Vol. 25, № 1. P. 393–409.

Andrey V. Prokofyev, Institute of Philosophy, RAS (Moscow, Russian Federation).

E-mail: avprok2006@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 70–78.

DOI: 10.17223/1998863X/47/7

MORAL OBJECTIVITY AND MORAL UNIVERSALITY: THE PROBLEM OF CORRELATION

Keywords: ethics; morality; moral objectivity; moral universality.

Objectivity and universality of moral requirements and moral judgments are the central formal and functional features of morality. Moral objectivity means that moral judgments are not reducible to approval or disapproval of actions by particular individuals or particular cultural groups. Those who use the moral vocabulary for judging actions consider their claims not as mere expressions of their preferences or mere expressions of beliefs commonly held in their communities, but as correct (right) evaluations made on the basis of correct (right) requirements. The phenomenology of moral experience and empirical moral psychology support the thesis that moral requirements and judgments are generally regarded to be objective. Moral philosophy, in its turn, has some compelling reasons to approve this pretension because the recognition of moral objectivity makes it possible to hold strong moral beliefs and to sustain productive discussions on moral matters. Universality of a moral requirement means that it relies upon such a description of a morally significant situation that does not mention any particular individual. A universal requirement establishes a circle of actors obliged to do something, and a circle of recipients who should be treated impartially. The contemporary ethical theory puts forward three approaches to the problem of the correlation between moral objectivity and universality. The first insists on their mutual independence and the possibility of two positions: relativistic objectivism and universalistic subjectivism. The second approach denies the independence of universality, and transforms it into an additional property of some objective requirements and judgments. Thus, relativistic objectivism remains possible, while universalistic subjectivism does not. For supporters of the third approach, objectivity and universality are two inseparable sides of the same feature of morality. The author argues for the third approach. He shows that (a) universalistic subjectivism is possible only if universality proper is substituted by general acceptance and (b) relativistic objectivism is possible only if universality proper is substituted by a high level of generality. Then the author adds one more argument for the third approach: objective requirements should be rationally justified, and we can rationally justify only universal requirements.

References

1. Moore, J.J. (1999) *Priroda moral'noy filosofii* [The Nature of Moral Philosophy]. Translated from English by L.V. Kononov. Moscow: Politizdat.
2. Maksimov, L.V. (2001) *Eticheskiy ob'ektivizm: osnovnye kontseptsii i podkhody* [Ethical Objectivism: Basic Concepts and Approaches]. *Eticheskaya mysl' – Ethical Thought*. 1. pp. 132–148.
3. Honderich, T. (1985) *Morality and Objectivity: A Tribute to J. L. Mackie*. Abingdon: Routledge.

4. Leiter, B. (2001) *Objectivity in Law and Morals*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Singer, P. (2017) *Does Anything Really Matter? Essays on Parfit on Objectivity*. Oxford: Oxford University Press.
6. Mackie, J.L. (1990) *Ethics: Inventing Right and Wrong*. London: Penguin Books.
7. Horgan, T. & Timmons, M. (2008) What Does Moral Phenomenology Tell Us about Moral Objectivity? *Social Philosophy & Policy*. 25(1). pp. 267–300. DOI: 10.1017/S0265052508080102
8. Enoch, D. (2011) *Taking Morality Seriously: A Defense of Robust Realism*. Oxford: Oxford University Press.
9. Goodwin, G.P. & Darley, J.M. (2010) The Perceived Objectivity of Ethical Beliefs: Psychological Findings and Implications for Public Policy. *Review of Philosophy and Psychology*. 1(2). pp. 161–188. DOI: 10.1016/j.jesp.2011.08.006
10. Dworkin, R. (1996) Objectivity and Truth: You'd Better Believe It. *Philosophy & Public Affairs*. 25. pp. 87–139. DOI: 10.1111/j.1088-4963.1996.tb00036.x
11. Street, S. (2016) Objectivity and Truth: You'd Better Rethink It. *Oxford Studies in Metaethics*. 11. pp. 293–335.
12. Hopster, J. (2017) Two Accounts of Moral Objectivity: from Attitude-Independence to Standpoint-Invariance. *Ethical Theory and Moral Practice*. 20(4). pp. 763–780. DOI: 10.1007/s10677-017-9796-z
13. Hare, R.M. (1997) *Sorting out Ethics*. Oxford: Clarendon Press.
14. Apresyan, R.G. (2016) Fenomen universal'nosti v etike: formy kontseptualizatsii [The phenomenon of universality in ethics: forms of conceptualization]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 79–88.
15. Rescher, N. (2008) Moral Objectivity. *Social Philosophy & Policy*. 25(1). pp. 393–409.

УДК 165.151

DOI: 10.17223/1998863X/47/8

А.В. Хлебагин

ИМПЛИЦИТНЫЕ ДОПУЩЕНИЯ В ТЕОРИИ ИСТИНЫ И В МАТЕМАТИКЕ¹

Показано, что обоснование принятия принципа рефлексии в случае теории истины и использование автономной прогрессии в случае выявления имплицитных допущений при принятии математической теории свидетельствуют в пользу возможности экспликации логико-синтаксическими средствами семантических по содержанию концепций истины и имплицитных допущений принятия математических теорий. Это является весомым аргументом в пользу как дефляционной концепции истины, так и утверждения о возможности экспликации семантического содержания формально-математических концепций синтаксическими средствами теории.

Ключевые слова: *имплицитные допущения, теория истины, принцип рефлексии.*

Ставшие классическими для современной философской логики ограничительные результаты К. Геделя и А. Тарского зачастую трактуются, среди прочего, как окончательная демонстрация невозможности выражения семантических характеристик теории синтаксическими средствами. Вместе с тем казавшиеся прежде незыблемыми результаты в последние десятилетия подвергаются значительной ревизии. Так, стремление преодолеть иерархический подход А. Тарского к определению понятия истины породило весьма широкое и бурно развивающееся направление безтиповых теорий истины, пионером которого можно считать С. Крипке. Ниже мы предлагаем анализ возможности выражения синтаксическими средствами семантических характеристик теории применительно к проблеме выявления имплицитно принимаемых обязательств, возникающих в результате принятия математической теории и аксиоматической теории истины.

Принятие системы S может предполагать, что некоторые компоненты процесса обоснования не выразимы и даже не формализуемы в самом языке S , т.е. являются имплицитными. Суть понятия «имплицитные обязательства» заключается в том, что принятием теории S мы обязываемся к принятию набора формальных или квазиформальных утверждений, которые невыразимы или недоказуемы в самой S . Разработка концепции имплицитных обязательств восходит к 50–60-м гг. XX в., и одним из классических прояснений ее назначения является утверждение С. Фефермана: «До какой степени содержание математической мысли может быть проанализировано в формальных терминах? Теоремы Геделя показывают неадекватность единственной формальной системы для этого, за исключением ограниченных частей математики. Несмотря на это, в то же самое время они указывают на возможность систематического производства все больших и больших систем, чья приемлемость имплицитно содержится в исходной теории. Средством для этого является то, что стало известно под названием принципы рефлексии» [1. Р. 1].

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10359.

Исходная постановка проблемы имплицитных допущений С. Феферманом была тесно связана с его программой оснований математики. Избегая этой связи с целью представить имплицитные допущения как более общую проблему, примем ее следующую формулировку: принятие формальной системы S обязывает к принятию дополнительных ресурсов, недоступных в самой исходной системе S . Необходимо отметить многообразие трактовок того, что следует понимать под «дополнительными ресурсами», к принятию которых нас обязывает принятие формальной системы. Некоторые, вслед за С. Феферманом, имеют в виду концептуальные ресурсы, которые недоступны непосредственно в S в силу «геделевского феномена», такие, например, как принцип рефлексии или утверждение о непротиворечивости. Им противостоит точка зрения, согласно которой, чем бы ни являлись те ресурсы, к принятию которых нас обязывает принятие S , они должны быть выразимы в языке самой исходной системы S [2]. Наиболее распространенная точка зрения связана с тем, что прояснение имплицитно принимаемых дополнительных ресурсов должно быть в явном виде связано с обращением к содержанию понятия истины [3, 4].

Обоснованность принятия принципа рефлексии оказывается одним из ключевых аспектов как в обсуждении имплицитных допущений принятия формальной системы, так и в определении того, каким содержанием обладает понятие истины. Наиболее популярная в последние десятилетия дефляционная концепция истины, согласно которой это понятие не имеет никакого семантического и метафизического содержания, а является исключительно логико-математическим по своей природе, столкнулась с серьезными возражениями в связи с обоснованностью одной из наиболее популярных своих формулировок – дисквотационной теорией истины, согласно которой единственная функция этого понятия – это функция раскавычивания. Классической формулировкой дисквотационной концепции истины является известная теория ТВ, которая включает в себя все аксиомы РАТ, т.е. арифметики Пеано, сформулированной в языке L_T , в том числе все примеры схемы индукции с предикатом истины. Возражения против дисквотационной концепции истины указывают на то, что, во-первых, композиционный характер истины не выражен аксиомами дисквотационной теории, а во-вторых, что дисквотационная концепция не выражает в полной мере ту роль, которую понятие истины играет в математических и метаматематических рассуждениях [4, 5]. Если композиционная теория истины способна обосновать использование принципа рефлексии, то дисквотационная слишком слаба для этой цели.

Сформулируем более строго концепции, к которым нам далее придется обращаться. Прежде всего, это касается принципа рефлексии. Необходимо различать следующие его формулировки [6. Ch. 22]:

Локальный принцип рефлексии (Rfn_s) представляет собой схематичный принцип формы $Prov_s(\varphi) \rightarrow (\varphi)$, где φ пробегает по предложениям некоторого языка L , S является теорией, сформулированной на языке L , а $Prov_s$ – канонический предикат доказуемости для S .

Единообразный принцип рефлексии (RFN_s) представляет собой схематичный принцип формы $\forall x : Prov_s(\varphi(x)) \rightarrow (\varphi)$, где $\varphi(x)$ пробегает по формулам с одной переменной некоторого языка.

Глобальный принцип рефлексии (GRP_s) является аксиомой формы $\forall \varphi \in L : Prov_s(\varphi) \rightarrow T\varphi$.

Наконец, принцип рефлексии выражает одно из основных свойств понятия истины, его своего рода распределенность по логическим символам:

$$\forall \varphi, \psi \in L_{PA} : T(\varphi \wedge \psi) \leftrightarrow [T(\varphi) \wedge T(\psi)].$$

Интересующая нас проблема возникает в следующей связи. Наиболее простым выражением дефляционной концепции истины является дисквотационная теория. Утверждение, что единственной функцией понятия истины, ясно представленной в концепции А. Тарского, высказывалось множество раз. Один из наиболее известных его защитников, У. Куайн, пишет: «Предикат истины является инструментом раскавычивания. Мы можем согласиться с единичным предложением, повторив его, обойдясь без помощи кавычек или предиката истины; но если мы хотим утверждать некоторое бесконечное множество предложений, которое мы можем разграничивать только говоря о предложениях, тогда начинается использование предиката истины» [7. P. 307].

Теория ТВ не влечет композиционный принцип: дисквотационная теория имеет дело с конечным количеством Т-предложений, тогда как композиционный принцип относится к бесконечному множеству предложений. Более того, как указывают С. Шапиро и Дж. Кетланд, в случае достаточно сильной исходной теории S мы рассчитываем, что теория истины позволит доказать Геделево предложение G_s теории S и локальный принцип рефлексии (Rfn_s). Если мы берем в качестве исходной теории Арифметику Пеано, от ТВ мы ожидаем возможности доказать G_{PA} и Rfn_{PA} . Но этого не произойдет по причине консервативности теории ТВ по отношению к исходной PA. Фактически это служит основанием для предпочтения композиционной теории СТ, включающей в принцип композиционной в качестве аксиомы. СТ не консервативна по отношению к PA и в ней может быть доказан глобальный принцип рефлексии (GRP_{PA}), а на его основе и доказуемых в СТ Т-предложений PA может быть доказан локальный принцип рефлексии Rfn_{PA} , недоказуемый в исходной теории PA.

Пока мы имели дело с типовыми теориями истины. Данный тип теорий истины является наиболее распространенным, и не в последнюю очередь в силу влияния традиции. А. Тарский положил начало типовому подходу в теориях истины. Выделение типов языков – языка-объекта и метаязыка – рассматривается в его семантической теории как средство предотвращения парадоксов. Это решение становится попросту магистральным для современной логики. В подходе А. Тарского язык можно уподобить тому, сто в современной теории называется дедуктивно системой или теорией; в семантической теории аксиомы и правила языка-объекта не важны, принципиальную роль играют аксиомы и правила метаязыка. Например, в типовых теориях ТС и СТ языком-объектом является язык L арифметики с ассоциированной системой PA, а метаязыком – тот же самый язык, расширенный единственно добавлением предикатного символа Т для предиката истины. В любом случае объектная теория – это подтеория метатеории, сформулированной в языке L_T . Тем самым задается иерархия теорий, в которой теория RT_γ является метаязыком для $RT_{<\gamma}$.

Как таковой, типовой подход не обязан своим возникновением ни А. Тарскому, ни парадоксу Лжеца; он уже был хорошо известен до появления семантической теории истины и применялся ко множествам, универсалиям и понятиям. А. Тарский распространяет этот подход на проблему определения предиката истины. В общем виде, не ограничиваясь только теорией А. Тарского, можно сказать, что типовой подход заключается в наложении синтаксических ограничений на выражения языка: термины языка разделяются на типы и применение предиката истины ограничивается определенным типом. Ограничения на применение предиката истины могут получить разные выражения, например через кодировку формул натуральными числами, когда кодируются только предложения L , не содержащие предикат истины. Типовой подход применим как к семантическим, так и к синтаксическим теориям истины. В случае языка, содержащего типы переменных и ограничения на формулировку формул, мы можем либо задать семантику, либо сформулировать аксиомы для этого языка. В первом случае получим семантическую теорию с синтаксическими типами, а во втором – аксиоматическую теорию с синтаксическими типами. И наоборот, возьмем язык L_T без каких-либо синтаксических ограничений и зададим для него в первом случае – семантику, а во втором – аксиоматическую систему в языке, представляющие его типовую структуру. В последнем случае мы получим семантически типовую аксиоматическую теорию истины. Очевидно, что синтаксический типовой подход одинаково возможен, хотя и влечет нотационные сложности.

В случае семантических теорий истины различие типовых и бестиповых теорий не вызывает особых трудностей: модель для языка L_T с предикатом истины будет типовой, если ни один номер предложения, содержащего предикат истины, не окажется в объеме предиката истины. В ином случае это будет бестиповая модель. В случае различения типовых и бестиповых аксиоматических теорий возникают определенные сложности, связанные с необходимостью предварительно прояснить, что вообще считается теорией истины, для какого рода теорий они строятся и т.п. Здесь будет достаточно весьма общего (двойного) критерия различения типовых и бестиповых аксиоматических теорий истины, предложенного В. Хэлбахом [6]. Аксиоматическая теория истины является типовой, если выполнен по крайней мере один из указанных критериев:

- (а) Теория доказывает, что только L -предложения истинны (или, возможно, что предложения с предикатом истины ложны);
- (б) Теория не накладывает никаких ограничений на истинность предложений с предикатом истины.

Возражения против типовых теорий могут быть связаны с тем, что бестиповые теории в большей степени позволяют выразить обобщающую функцию понятия истины: например, если мы хотим утверждать об истинности всех тавтологий теории, предполагается, что это будет и о тех тавтологиях, которые содержат в себе предикат истины. Естественно, типовые теории предполагают исключение последних из их числа. Так, С. Феферман [1] построил бестиповую теорию KF (теория Фефермана–Крипке) и ее теоретико-доказательный анализ в терминах бесконечных конъюнкций показал, что типовая теория, например ST, может доказать лишь небольшой фрагмент из доказуемого в KF. Вся проблематика, связанная с обязательствами принятия

принципа рефлексии для теории истины, рассмотренная в связи с типовыми теориями (ТВ и СТ), сохраняется и в случае бестиповых теорий, в частности в связи с бестиповой теорией композициональной истины Фефермана – Крипке (KF). Таким образом, вопрос о необходимости или допустимости признания принципа рефлексии с принятием теории истины оказывается общим для всех подходов к построению теории истины.

Обсуждение возможности и даже допустимости принятия принципа рефлексии как следствия принятия определенной теории истины породило различные позиции. Так, Н. Теннант настаивает на том, что не требуется вообще никаких дополнительных обоснований для принятия принципа рефлексии: «Никакого дополнительного обоснования не требуется для новых обязательств, порождаемых выражением наших более ранних обязательств. Как только мы допустили процесс рефлексии и выразили это через принцип рефлексии, мы уже тем самым получили объяснение того, почему принятие теории S обязывает нас принимать все случаи принципа рефлексии» [2. Р. 92]. Фактически Н. Теннант утверждает простое постулирование принципа рефлексии. Этой точки зрения противостоит позиция Дж. Кетланда, согласно которой принятие принципа рефлексии заключается в осознании истинности каждой теоремы PA и выражается заключением «я готов признать каждую теорему PA». Он оспаривает тот факт, что локальный принцип рефлексии адекватно выражает это: «Нужно заметить, что это не стандартное утверждение. Обычно схема рефлексии вроде Rfn_{PA} выражает обоснованность PA: чтобы ни доказывалось в PA, является истинным. И быть истинным – не то же самое, что быть принятым». [5. Р. 430]. Эти две крайние позиции опосредуются промежуточной, сформулированной Ц. Цислинским [3], демонстрирующей возможность обоснования признания принципа рефлексии в результате перехода от СТ (композициональной теории истины, аксиома индукции которой не содержит предикат истины) к СТ. В этом противостоянии различных точек зрения на обоснованности принятия обязательств по отношению к принципу рефлексии нам кажется продуктивным подход, предложенный Л. Хорстеном и Г. Лэйом [8]. В его рамках обязательство принятия принципа рефлексии проистекает из нашей веры в арифметику, базовые законы логики и исходный набор непроблематичных T-предложений: «...это очевидно из того, как мы обращаемся с тем, что утверждается базовой арифметикой и базовой дисквотационной теорией истины. Так же как наши данные восприятия интегрированы в нашу систему вер, наши доказательства в арифметике интегрированы в нашу систему вер. ...Аналогично и наши рассуждения в рамках дисквотационной теории интегрированы в нашу общую систему вер». [Ibid. Р. 19–20]. Принцип рефлексии выражает нашу веру в теорию; как показывает В. Хэлбах, наше принятие дисквотационной теории истины выражается универсальным принципом рефлексии для ТВ [9. Р. 1963]. Мы можем, хотя и вовсе не обязаны, рассуждать о нашем принятии арифметики или теории истины, и в случае, если мы обратимся к этому, наша вера в принимаемую теорию будет выражена посредством принципа рефлексии. И в этом случае исходная теория будет расширена, и вера в эту расширенную теорию будет имплицитно содержаться в расширенной теории. Итерация может быть, естественно, продолжена.

Аналогичную ситуацию с выявлением имплицитных допущений принимаемой теорией мы наблюдаем и в случае математической теории, а не только применительно к теории истины. Здесь центральной выступает концепция автономной прогрессии теории, разработанная Г. Крайзелем и С. Феферманом. Оно происходит из следующего вопроса: что имплицитно содержится в принятии определенной математической теории, что мы должны принять в качестве обязательств в случае согласия с теорией? Это говорит нам, в свою очередь, что мы можем обоснованно принять, обоснованно принимая исходную теорию.

Мы признаем математическую систему, если верим, что эта теория обладает определенными желательными или необходимыми, в свете наших задач и интересов, свойствами. Очевидно, что если теория противоречива, то мы не принимаем ее; вместе с тем, признавая теорию, мы признаем ее непротиворечивость. Или же, например, можно утверждать, что, признавая систему, мы признаем ее обоснованность, а тем самым та или иная форма принципа рефлексии будет имплицитно приниматься нами в результате признания системы. Но теорема К. Геделя говорит нам, что ни доказательство противоречивости, ни принцип рефлексии для теории S не могут быть получены в самой S . Таким образом, согласно такому пониманию «признания системы» мы имплицитно, вместе с системой, принимаем что-то выходящее за ее пределы. Как указывает С. Феферман: «Теорема Геделя указывает на возможность систематически производить все большие и большие системы, чье принятие подразумевается принятием исходной системы» [1. Р. 2]. Автономная прогрессия является наиболее естественной формулировкой такого систематического порождения для любой трактовки «признания системы».

Помимо того, что мы должны принять, признавая систему S , понятие автономной последовательности предлагает и ответ на вопрос о том, что мы можем принять на тех же самых фундаментальных основаниях, признавая S . Типичным примером такой идеи является подход С. Фефермана к предикативизму: коль скоро признана система S , все определимые в S множества могут быть обоснованно постулированы и квантификация по ним допущена; мы можем автономно повторить эту процедуру и достичь системы предикативного анализа.

Вполне естественным подходом к понятию «признания системы» является взгляд, согласно которому признание системы S имеет в виду то, что мы принимаем S как истинную. Что значит признать теорию как истинную? Рассмотрим следующую интерпретацию: когда мы признаем систему S_0 , то имплицитно принимаем ее в качестве истинной; мы добавляем новый предикат T к S_0 (на основании теоремы о неопределимости Тарского) для выражения ее истинности; так как мы признали S_0 в качестве истинной, аксиомы, что « T выражает предикат истины для языка S_0 » и « S_0 истинно (в терминах предиката T)» могут и должны быть приняты. Таким способом мы достигаем и принимаем новую систему S_1 . И мы можем повторить эту процедуру производства (и принятия) S_0, S_1, \dots, S_n и повторяя бесконечно много раз этот шаг до достижения хорошо-упорядоченности.

Прогрессия зависит от аксиом для предиката истины. «Это очень глубокий и сложный вопрос: какими аксиомами и правилами должна быть охарактеризована математическая истина?» [10. Р. 915]. Наиболее известная такая

характеристика дана в семантической теории А. Тарского, и ординалом его (предиката) автономной прогрессии является ординал Фефермана – Шютте Γ_0 . Однако теория истины А. Тарского типовая и не допускает самоприменимости истины. Бестиповые аксиоматические теории истины являются более подходящими для решения этой задачи. Вопрос о выборе аксиом для бестиповой теории истины, особенно об их способности выразить философские представления, в высшей степени сложный как с логико-математической, так и с логико-философской точки зрения. На данный момент можно утверждать, что среди существующих аксиоматических бестиповых теорий наиболее формально корректной и при этом обладающей значительной теоретико-доказательной мощью является предложенная А. Кантини система VF [11]. К. Фуджимото установил [10], что именно система VF наиболее перспективна для использования автономной прогрессии в целях выявления имплицитных допущений принятия математической теории.

На наш взгляд, сама проблема выявления имплицитных допущений, как в случае принятия математической теории, так и в случае принятия теории истины, еще далека от окончательного разрешения. Обсуждение указанных проблем несомненно важно как для оснований математики, так и для решения проблемы построения аксиоматических теорий истины и выявления степени адекватности и полноты выражения ими философских представлений, лежащих в их основании. Но нам представляется, что сказанного вполне достаточно для утверждения того факта, что современная философская логика в состоянии предложить логико-синтаксические средства экспликации семантических по своей сути концепций истины и имплицитных допущений принятия математических теорий. Это, в свою очередь, весомый аргумент как в пользу дефляционной концепции истины, трактующей последнюю в качестве исключительно логико-математического понятия, так и в пользу утверждения о возможности экспликации семантического содержания формально-математических концепций синтаксическими средствами.

Литература

1. *Feferman S.* Reflection on incompleteness // *The Journal of Symbolic Logic.* 1991. Vol. 56, № 1. P. 1–49.
2. *Tennant N.* Deflationism and the Gödel phenomena // *Mind.* 2002. Vol. 111. P. 551–582.
3. *Cieslinski C.* Truth, Conservativeness, and Provability // *Mind.* 2010. Vol. 119. P. 409–422.
4. *Shapiro S.* Proof and Truth: Trough thick and thin // *Journal of Philosophy.* 1998. Vol. 95. P. 493–521.
5. *Ketland J.* Deflationism and Tarski's Paradise. // *Mind.* Vol. 108. 1999. P. 69–94.
6. *Halbach V.* Axiomatic theories of truth. Cambridge University Press, 2014.
7. *Quine W.V.* Philosophy of Logic. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1970.
8. *Horsten L., Leigh G.* Truth is simple // *Mind.* 2017. Vol. 126. P. 195–232.
9. *Halbach V.* Disquotational Truth and Analyticity // *Journal of Symbolic Logic.* 2011. Vol. 66. P. 1959–1973.
10. *Fujimoto K.* Autonomous progression and transfinite iteration of self-applicable truth // *The Journal of Symbolic Logic.* 2011. Vol. 76, № 3. P. 914–945.
11. *Cantini A.* Logical frameworks for truth and abstraction. Elsevir, 1996.

Aleksandr V. Khlebalin, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: sasha_khl@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 79–86.

DOI: 10.17223/1998863X/47/8

IMPLICIT COMMITMENT IN TRUTH THEORY AND IN MATHEMATICS**Keywords:** implicit commitment; reflection principle; truth theory.

The restrictive results of Kurt Gödel and Alfred Tarski are often interpreted as a final demonstration for the impossibility of expressing the semantic characteristics of a theory by syntactic means. At the same time, the seemingly unshakable results have undergone significant revisions in recent decades. For example, the desire to overcome the hierarchical approach to the truth definition gave rise to the rapidly developing direction of creating untyped truth theories, going back to Saul Kripke. The article offers an analysis for the possibility of expressing, by syntactic means, the semantic characteristics of a theory applied to the problem of implicit commitments arising from the adoption of a mathematical theory and the axiomatic truth theory. The very problem of identifying implicit commitments, both in the case of adopting a mathematical theory, and in the case of adopting the truth theory, is far from its final resolution. The article shows that the rationale for adopting the principle of reflection in the case of the truth theory and the application of an autonomous progression in the case of implicit commitments for a mathematical theory adopting shows that modern philosophical logic is able to offer logical-syntactic tools for explication of semantic concepts of truth and implicit commitment for adopting a mathematical theory. This is a serious argument both in favor of the deflationary concept of truth, which interprets the latter as an exclusively logical-mathematical concept, and in favor of the statement that the semantic content of formal-mathematical concepts can be explicated by syntactic means.

References

1. Feferman, S. (1991) Reflection on incompleteness. *The Journal of Symbolic Logic*. 56(1). pp. 1–49. DOI: 10.2307/2274902
2. Tennant, N. (2002) Deflationism and the Gödel phenomena. *Mind*. 111. pp. 551–582.
3. Cieslinski, C. (2010) Truth, Conservativeness, and Provability. *Mind*. 119. pp. 409–422. DOI: 10.1093/mind/fzq034
4. Shapiro, S. (1998) Proof and Truth: Trough thick and thin. *Journal of Philosophy*. 95. pp. 493–521. DOI: 10.5840/jphil199895102
5. Ketland, J. (1999) Deflationism and Tarski's Paradise. *Mind*. 108. pp. 69–94.
6. Halbach, V. (2014) *Axiomatic theories of truth*. Cambridge University Press.
7. Quine, W. V. (1970) *Philosophy of Logic*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
8. Horsten, L. & Leigh, G. (2017) Truth is simple. *Mind*. 126. pp. 195–232. DOI: 10.1093/mind/fzv184
9. Halbach, V. (2011) Disquotational Truth and Analyticity. *Journal of Symbolic Logic*. 66. pp. 1959–1973. DOI: 10.2307/2694987
10. Fujimoto, K. (2011) Autonomous progression and transfinite iteration of self-applicable truth. *Journal of Symbolic Logic*. 76(3). pp. 914–945. DOI: 10.2178/jsl/1309952527
11. Cantini, A. (1996) *Logical frameworks for truth and abstraction*. Elsevier.

УДК 16+17+2+51-7
DOI: 10.17223/1998863X/47/9

V.O. Lobovikov

ANALYTICAL THEOLOGY: GOD'S OMNIPOTENCE AS A FORMAL-AXIOLOGICAL LAW OF THE TWO-VALUED ALGEBRA OF FORMAL ETHICS (DEMONSTRATING THE LAW BY "COMPUTING" RELEVANT EVALUATION-FUNCTIONS)¹

The paper submits a significantly new method for analytical theology – mathematical representing and solving knotty problems of theology by means of constructing and investigating their discrete mathematical models at the level of artificial language of algebraic system of formal ethics. For the first time God's omnipotence is formulated by the artificial language and demonstrated as a formal-axiological law by "computing" relevant evaluation-functions².

Keywords: *algebra-of-formal-ethics, formal-axiological-equivalence, formal-axiological-contradiction, formal-axiological-law, omnipotence-of-God³.*

We proceed thus to the Third Article: It seems that God is not omnipotent. ... Further, sin is an act of some kind. But God cannot sin, nor deny Himself, as it is said II Tim. 2. 13. Therefore He is not omnipotent. ... On the contrary, it is said: No word shall be impossible with God (Luke I. 37). I answer that, All confess that God is omnipotent; but it seems difficult to explain in what His omnipotence consists...

*Thomas Aquinas. Summa Theologica
(Part I. Question 25. Article 3)*

1. Introduction

The knotty paradoxical problem of omnipotence came to us from ancient times: Augustine [1]; Pseudo-Dionysius [2]; Aquinas [3]; Descartes [4]; Leibniz [5]. Today there are plenty of profound theological and philosophical writings devoted to this problem [6–33]. Therefore, publishing a new article on this topic can be justified only if it submits a really new nontrivial attitude missed by the others.

¹ **Заголовок (рус.):** Аналитическая теология: всемогущество Бога как формально-аксиологический закон в двузначной алгебре формальной этики (Обоснование этого закона "вычислением" соответствующих ценностных функций).

² **Аннотация (рус.):** предлагается качественно новый метод для аналитической теологии – математическое моделирование и разрешение сложных проблем теологии посредством конструирования и исследования дискретных математических моделей этих проблем на уровне искусственного языка алгебраической системы формальной этики. Впервые всемогущество бога формулируется на этом искусственном языке и обосновывается как формально-аксиологический закон путем «вычисления» соответствующих ценностных функций.

³ **Ключевые слова (рус.):** алгебра формальной этики, формально-аксиологическая эквивалентность, формально-аксиологическое противоречие, формально-аксиологический закон, всемогущество Бога.

I think that this is just the case. The above-mentioned authors have concentrated almost all their attention on proper logic semantics of the natural language used in discussing the omnipotence problem. As a rule, theologians and philosophers have discussed *statements of being or non-being* (or possibility or impossibility) of the omnipotence. *Statements of (moral) value* of the omnipotence are presumed but they do not undergo a systematical *formal-axiological* analysis using discrete mathematics. Therefore, the submitted paper is targeted at rational filling in this blank in the literature on the topic. To make the text understandable first of all it is indispensable to introduce, precisely to define, and to instantiate the minimal set of basic definitions necessary and sufficient for proving strictly that God's omnipotence is a *formal-ethical law* of the *algebraic system of formal ethics*. Therefore, let us introduce the novel conceptual apparatus (new terms) systematically to be used below for obtaining the result.

2. A Two-Valued Algebraic System of Formal Ethics (A Set of Basic Definitions Necessary-And-Sufficient for Proving Strictly That God's Omnipotence Is a Formal-Ethical Law of the Algebraic System)

In this part of the paper, I make the reader aware of the basic definitions of algebra of formal ethics which are already published, for instance, in [34–42]. Starting with this already published set of basic definitions is necessary for understanding the substantially novel nontrivial result submitted in this article. The paper's novel statement of provability of the formal-ethical law of omnipotence of God by computing relevant moral-evaluation-functions is still not published elsewhere.

Two-valued algebra of formal ethics is based upon the set A of either moral acts or moral agents (persons). By definition, moral acts are such and only such operations, which are either good, or bad ones in the moral meaning of the words "good" and "bad". In general, any elements of A (and, in particular, any moral agents) are such and only such entities which are either good, or bad ones in the moral meaning of the words "good" and "bad". The set A is homogenized by accepting such an identity-abstraction according to which an agent (person) is identified with the compound moral action uniting all moral acts of that person in his conduct as a whole. Thus, a moral agent is nothing but his complex moral act (called his moral life as a whole) made up by all his moral acts.

Algebraic operations defined on the set A are moral-evaluation-functions (or moral-value-ones). Moral-evaluation-variables of these functions take their values from the set $\{g, b\}$. Here the symbols "g" and "b" stand for the moral values "good" and "bad", respectively. The functions take their values from the same set. The symbols: "x" and "y" stand for moral-forms of acts (or agents). Elementary moral-act-or-agent-forms deprived of their contents are independent moral-evaluation-variables. Compound moral-act-or-agent-forms deprived of their contents are moral-evaluation-functions determined by these variables.

Let symbol Σ stand for the *moral evaluator*, i.e. the person (individual or collective one – it does not matter), in relation to whom all evaluations are generated. In the moral-evaluation-relativity theory, Σ is a variable: changing values of the variable Σ can result in changing moral evaluations of concrete acts and agents. However, if a value of the variable Σ is fixed, then moral evaluations of concrete acts and agents are definite.

Speaking of moral-value functions in this paper, I mean the following mappings (in the proper mathematical meaning of the word “mapping”): $\{g, b\} \rightarrow \{g, b\}$, if one speaks of the moral-value functions determined by *one* moral-value variable; $\{g, b\} \times \{g, b\} \rightarrow \{g, b\}$, where “ \times ” stands for the Cartesian multiplication of sets, if one speaks of the moral-value functions determined by *two* moral-value variables; $\{g, b\}^N \rightarrow \{g, b\}$, if one speaks of the moral-value functions determined by *N* moral-value variables, where *N* is a finite positive integer.

Below let us consider some concrete examples of mathematically elementary moral-value-functions immediately related to the theme of this article. Let us start with the functions determined by *one* moral-value variable.

The *glossary* for the below-submitted moral-value-table 1: Let the symbol *Bx* stand for the moral-value function “*being (existence), life of (what, whom) x*”. *Nx* stands for the moral-value function “*non-being (nonexistence), death of (what, whom) x*”. *Gx* stands for the moral-value function “*God of (what, whom) x in monotheistic world religion*”. *Ix* stands for the moral-value-function “*god¹ of (what, whom) x in polytheistic local (barbaric) religion*”. *Dx* means the moral-value-function “*daemon of x in polytheistic local religion*”. *Ax* – “*Anti-God (God’s Enemy) of (what, whom) x in monotheistic world religion*”. *Zx* means the moral-value function “*self-destruction, self-extermination, suicide of (what, whom) x*”. *Px* means the moral-value function “*self-preservation, self-conservation, self-protection, self-defense of (what, whom) x*”. The introduced functions are defined by the following Table 1. (This tabular definition may be found in [41; 42].)

Table 1. The Unary Functions

<i>x</i>	<i>Bx</i>	<i>Nx</i>	<i>Gx</i>	<i>Ix</i>	<i>Dx</i>	<i>Ax</i>	<i>Zx</i>	<i>Px</i>
<i>g</i>	<i>g</i>	<i>b</i>	<i>g</i>	<i>g</i>	<i>b</i>	<i>b</i>	<i>b</i>	<i>g</i>
<i>b</i>	<i>b</i>	<i>g</i>	<i>g</i>	<i>b</i>	<i>g</i>	<i>b</i>	<i>b</i>	<i>g</i>

The *glossary* for the below-submitted moral-value-table 2: Let the symbol *L₂xy* stand for the moral-value-function “*necessity of y for x*”. (The lower numerical index 2 informs that the indexed capital letter stands for a moral-value-function determined by *two* arguments.) *The symbol M₂xy* stands for the moral-value-function “*possibility of y for x*”. *I₂xy* stands for the moral-value-function “*impossibility of y for x*”. *F₂xy* – “*x’s freedom from y*”, i.e. “*nonbeing of necessity of y for x*”. These functions are defined by Table 2. (The tabular definition may be found in [34; 35; 37–39; 43; 44].)

Table 2. The Binary Functions

#	<i>x</i>	<i>y</i>	<i>L₂xy</i>	<i>M₂xy</i>	<i>I₂xy</i>	<i>F₂xy</i>
1	<i>g</i>	<i>g</i>	<i>b</i>	<i>g</i>	<i>b</i>	<i>g</i>
2	<i>g</i>	<i>b</i>	<i>b</i>	<i>g</i>	<i>b</i>	<i>g</i>
3	<i>b</i>	<i>g</i>	<i>g</i>	<i>g</i>	<i>b</i>	<i>b</i>
4	<i>b</i>	<i>b</i>	<i>b</i>	<i>b</i>	<i>g</i>	<i>g</i>

¹ In the glossary for Table 1 in one sentence the word “God” starts with the capital letter “G” but in another sentence the word “god” starts with the small letter “g”. Here it is worth emphasizing that this is not a mistake by negligence: this is implemented on principle. The deliberately implemented difference indicates to the important difference of formal-axiological meanings of the word in *monotheistic world religions* and *polytheistic local ones*. It is easy to see the significant difference between the two formal-axiological meanings of the word, i.e. between the two moral-value-functions *Gx* and *Ix*, by attentive comparing their tabular definitions (see Table 1).

Definition 1 (of *formal-ethical-equivalence*-relation): in two-valued algebraic system of formal ethics, moral-evaluation-functions (moral-forms of human activity) Ω and Ψ are *formally-ethically equivalent* (this is represented by the symbol “ $\Psi = + = \Omega$ ”), if and only if they acquire identical moral values (from the set $\{g$ (*good*), b (*bad*) $\}$) under any possible combination of moral values of their moral-evaluation-variables.

Definition 2 (of *formal-ethical law*): in two-valued algebra of formal ethics, a moral-evaluation-function (moral activity form) is called *formally-ethically (or invariantly) good* one (or a *law* of algebra of formal ethics), if and only if it acquires the moral value g (*good*) under any possible combination of moral values of its variables.

Definition 3: (of *formal-ethical contradiction*): in two-valued algebra of formal ethics, a moral-evaluation-function is called *formally-ethically (or invariantly) bad* one, if and only if it acquires the moral value b (*bad*) under any possible combination of moral values of its variables.

Now the set of basic definitions necessary and sufficient for constructing the above-promised proof (of God’s omnipotence as the formal-ethical law of the algebraic system) is already presented. Therefore, let us start proving.

3. Proving the Formal-Ethical Law of God’s Omnipotence by Computing Moral-Evaluation-Functions and Systematic Using the Above-Given Definitions

As (according to the table 1) it is true that $Gx = + = g$, only Rows 1 and 2 of Table 2 are relevant to the main theme of the article. Attentively looking at these rows one can see that the following four equations are true.

1) $L_2gy = + = b$.

2) $I_2gy = + = b$.

3) $F_2gy = + = g$.

4) $M_2gy = + = g$.

From the above four equations it is easy to obtain the below four ones, respectively, by substituting Gx for g (as according to the table 1 it is true that $Gx = + = g$).

5) $L_2Gxy = + = b$: *necessity* of some (any) y for God (of x) is a *formal-axiological contradiction*.

6) $I_2Gxy = + = b$: *impossibility* of some (any) y for God (of x) is a *formal-axiological contradiction*.

7) $F_2Gxy = + = g$: the *formal-axiological law of God’s freedom*: any y is *not-necessary* for God (of x).

8) $M_2Gxy = + = g$: the *formal-axiological law of God’s omnipotence*: any y (i.e. everything) is *possible* for God (of x).

Thus, constructing the proof is finished. Here you are. From the purely mathematical technical viewpoint the submitted proof is surprisingly elementary, but I think that from the conceptual metaphysical viewpoint it is quite nontrivial. In any way, it is worth recognizing that accepting all the above-given nontrivial definitions necessarily results in accepting God’s omnipotence as the *formal-ethical law*.

His omnipotence is not the only *law of algebra of formal ethics* important for mathematical theology as a system of the laws. According to the following equation also *God’s existence is the formal-ethical law*.

9) $BGx = + = g$.

Consequently, the existence and omnipotence of God are quite compatible. Moreover, according to the below equation, they are equivalent.

10) $BGx = + = M_2Gxy$.

However, it is quite natural to expect that normal human creatures equipped with commonsense, formal logic, and empirical knowledge of facts can generate a lot of alleged objections against the above-submitted seemingly paradoxical equations 1–10. Also, it is quite natural that, in fact, many of such objections are already generated, presented, and discussed in the literature, for instance, in works of Englebretsen [7], Frankfurt [8], Mavrodes [22], Rosenkrantz and Hoffman [25; 26], Ramsey [27], Savage [29], Schlesinger [31] et al.

Nevertheless, I think that often the so-called refutations of God's omnipotence are not proper refutations but illusions of the ones naturally produced by the ambiguity and homonymy of the words "is", "means", "implies", "entails", "equivalence", "compatibility", "inconsistency", etc. in the natural language [42]. I think so because often the refutations invented (artificially constructed on purpose) and submitted by the sophisticated critics contain a well-camouflaged and hence not-recognized violation of the principle of logic autonomy of moral-values (evaluations) and facts. According to this principle, it is strictly forbidden to make up a formal logic inference from purely evaluative *a priori* statements to purely factual *a posteriori* ones and conversely. Generally speaking, it is not logical to go from empirical "what is" to "what is good" and from "what is good" to empirical "what is". In general, the gap is unbridgeable by means of formal logic-inference rules. Forbidden attempts to bridge up this gap by logic-inferences generate various paradoxes which could be dissolved by systematical using the logic-autonomy principle. In accordance with this principle the above equations 1–10 *only seem* paradoxical from the empirical viewpoint because they are not logic connections of empirical statements about facts but *a priori* formal-ethical statements about formal-axiological relations between moral-value-functions.

References

1. Augustine, St. (1994) The Confessions. The City of God. On Christian Doctrine. In: Adler, M. (ed.). *Great Books of the Western World*. Vol. 16. Chicago; Auckland; London; Madrid: Encyclopaedia Britannica, Inc.
2. Pseudo-Dionysius, Areopagite. (1980) *The Divine Names and Mystical Theology*. Milwaukee: Marquette University Press.
3. Aquinas, St. Thomas. (1994) The Summa Theologica. V.I. In: Adler, M. (ed.) *Great Books of the Western World*. Vol. 17. Chicago; Auckland; London; Madrid: Encyclopaedia Britannica.
4. Descartes, R. (1994) Meditations on First Philosophy. In: Adler, M. (ed.) *Great Books of the Western World*. Vol. 28. Chicago; Auckland; London; Madrid: Encyclopaedia Britannica. pp. 295–519.
5. Leibniz, G.W. (1952) *Theodicy: Essays on the Goodness of God, the Freedom of Man, and the Origin of Evil*. London: Routledge and Kegan Paul.
6. Conee, E. (1991) The Possibility of Power Beyond Possibility. *Philosophical Perspectives*. 5. pp. 447–473. DOI: 10.2307/2214105
7. Englebretsen, G.F. (1971) The Incompatibility of God's Existence and Omnipotence. *Sophia*. 10. pp. 28–31.
8. Frankfurt, H.G. (1964) The Logic of Omnipotence. *Philosophical Review*. 73. pp. 262–263. DOI: 10.2307/2183341
9. Geach, P.T. (1973) Omnipotence. *Philosophy*. 48. pp. 7–20.
10. Grave, S.A. (1956) On Evil and Omnipotence. *Mind*. 65. pp. 259–262. DOI: 10.1093/mind/65.1.259

11. Hill, D.J. (2005) *Divinity and Maximal Greatness*. London: Routledge.
12. Hoffman, J. (1979) Mavrodes on Defining Omnipotence. *Philosophical Studies*. 35. pp. 311–313. DOI: 10.1007/BF00357701
13. Hoffman, J. (1979) Can God Do Evil? *Southern Journal of Philosophy*. 17. pp. 213–220. DOI: 10.1111/j.2041-6962.1979.tb00238.x
14. Hoffman, J. & Rosenkrantz, G. (1988) Omnipotence Redux. *Philosophy and Phenomenological Research*. 49. pp. 283–301.
15. Hoffman, J. & Rosenkrantz, G. (2002) *The Divine Attributes*. Oxford: Blackwell.
16. Hoffman, J. & Rosenkrantz, G. (2010) Omnipotence. In: Taliaferro, C., Draper, P. & Quinn, P. (eds). *A Companion to Philosophy of Religion*. Oxford: Wiley-Blackwell. pp. 243–250.
17. Hoffman, J. & Rosenkrantz, G. (2014) Omnipotence. In: Zalta, E. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/>. (Accessed: 16 February 2016.)
18. Kenny, A. (1979) *The God of the Philosophers*. Oxford: Clarendon Press.
19. Khamara, E.J. (1978) In Defense of Omnipotence. *Philosophical Quarterly*. 28. pp. 215–228. DOI: 10.2307/2218842
20. Mackie, J.L. (1955) Evil and Omnipotence. *Mind*. 64. pp. 200–212. DOI: 10.1093/mind/LXIV.254.200
21. Mackie, J.L. (1962) Omnipotence. *Sophia*. 1. pp. 13–25.
22. Mavrodes, G.I. (1963) Some Puzzles Concerning Omnipotence. *Philosophical Review*. 72. pp. 221–223. DOI: 10.2307/2183106
23. Pike, N. (1969) Omnipotence and God's Ability to Sin. *American Philosophical Quarterly*. 6. pp. 208–216.
24. Plantinga, A. (1974) *God, Freedom, and Evil*. New York: Harper and Row.
25. Rosenkrantz, G. & Hoffman, J. (1980) The Omnipotence Paradox, Modality, and Time. *Southern Journal of Philosophy*. 18. pp. 473–479. DOI: 10.1111/j.2041-6962.1980.tb01400.x
26. Rosenkrantz, G. & Hoffman, J. (1980) What An Omnipotent Agent Can Do. *International Journal for Philosophy of Religion*. 11. pp. 1–19. DOI: 10.1007/BF00138761
27. Ramsey, I.T. (1956) The Paradox of Omnipotence. *Mind*. 65. pp. 263–266.
28. Rowe, W.L. (2004) *Can God be Free?* Oxford: Oxford University Press.
29. Savage, W. (1967) The Paradox of the Stone. *Philosophical Review*. 76. pp. 74–79.
30. Schlesinger, G. (1965) Omnipotence and Evil: An Incoherent Problem. *Sophia*. 4. pp. 21–24.
31. Swineburne, R. (1973) Omnipotence. *American Philosophical Quarterly*. 10. pp. 231–37.
32. Urban, L. & Douglass, W. (eds) (1978) *The Power of God: readings on Omnipotence and Evil*. New York: Oxford University Press.
33. Wierenga, E.R. (1989) *The Nature of God: An Inquiry into Divine Attributes*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
34. Lobovikov, V.O. (2007) Aristotelian and Juridical Modalities: A New Theory of Their Unity (A Two-Valued Algebra of Formal Natural-Law Philosophy of Modalities as Moral-Legal Evaluation-Functions Determined by Two Variables – A Complement to G. H. Wright's Deontic Logic Interpretation of G. W. Leibniz's Idea about the Unity of the Two Kinds of Modalities). *Revista da Faculdade de Direito de Conselheiro Lafaiete*. 3. pp. 181–187.
35. Lobovikov, V.O. (2007) *Matematicheskaya etika, metafizika i estestvennoe pravo (Algebra metafiziki kak algebra formal'noy aksiologii)* [Mathematical ethics, metaphysics and natural law (Algebra of metaphysics as an algebra of formal axiology)]. Ekaterinburg: Institute of Philosophy and Law.
36. Lobovikov, V.O. (2009a) Mathematical Logic as a Particular Case of Mathematical Ethics: Algebra of Formal Ethics as a Generalization of Algebra of Formal Logic. In: Drossos, C., Peppas, P. & Tsinakis, C. (eds). *Proceedings of the 7th Panhellenic Logic Symposium (PLS7)*. Patras University, Greece. July 15–19, 2009. Patras: Patras University Press. pp. 109–111.
37. Lobovikov, V.O. (2009b) Modal Logic and Formal Axiology of Alethic and Epistemic Modalities. In: Drossos, C., Peppas, P. & Tsinakis, C. (eds). *Proceedings of the 7th Panhellenic Logic Symposium (PLS7)*. Patras University, Greece. July 15–19, 2009. Patras: Patras University Press. pp. 112–116.
38. Lobovikov, V.O. (2010) Between Writing and Picturing: The Square of Opposition in Formal Logic and Formal Axiology of Alethic and Deontic Modalities. In: Nemeth, E., Heinrich, R. & Pichler, W. (eds). *Image and Imaging in Philosophy, Science, and the Arts*. Papers of the 33rd International Wittgenstein Symposium. Kirchberg am Wechsel, Lower Austria. August 8–14, 2010. Vol. XVIII. Kirchberg am Wechsel: Austrian Ludwig Wittgenstein Society. pp. 183–185.

39. Lobovikov, V.O. (2011) Discrete Mathematical Representing G. W. Leibniz' Philosophy of Law, Morals and Theology by Means of Two-Valued Algebra of the Natural Law (Studying Moral-legal Evaluation-Functions Determined by Two Variables in Algebra of Formal Axiology). In: Breger, H., Herbst, J. & Erdner, S. (eds). *XI International Leibniz-Congress "Nature and Subject" under the Auspices of Federal President*. Hannover. September 26 – October 1, 2011). Vol. 2. Berlin: Akademie Verlag; Bahlsen GmbH & Co. KG. pp. 611–615.

40. Lobovikov, V.O. (2014) Algebra of Morality and Formal Ethics. In: Bronk, K. (ed.) *Looking Back to See the Future: Reflections on Sins and Virtues*. Oxford, UK: Inter-Disciplinary Press. pp. 17–41.

41. Lobovikov, V.O. (2015a) The principle of compositionality in formal axiological semantics of the natural language (evaluation-functions determined by a finite number of evaluation-variables in two-valued algebraic system of formal axiology as meanings of words and complex word. *Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki – Izvestia Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Sciences*. 10(2). pp. 84–97. (In Russian).

42. Lobovikov, V.O. (2015b) The Trinity Triangle and the Homonymy of the Word "Is" in Natural Language (A Logically Consistent Discrete Mathematical Representation of the Trinity by Means of Algebra of Morality and Formal Ethics). *Philosophy Study*. 5(7). pp. 327–341. DOI: 10.17265/2159-5313/2015.07.001

Vladimir O. Lobovikov, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: vlobovikov@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 87–94.

DOI: 10.17223/1998863X/47/9

ANALYTICAL THEOLOGY: GOD'S OMNIPOTENCE AS A FORMAL-AXIOLOGICAL LAW OF THE TWO-VALUED ALGEBRA OF FORMAL ETHICS (DEMONSTRATING THE LAW BY "COMPUTING" RELEVANT EVALUATION-FUNCTIONS)

Keywords: algebra-of-formal-ethics; formal-axiological-equivalence; formal-axiological-contradiction; formal-axiological-law; omnipotence-of-God.

The paper submits a significantly novel method for analytical theology – discrete mathematical representing and solving knotty problems of theology by means of constructing and investigating their models at the level of the artificial language of the algebraic system of formal ethics. For the first time in the world literature, the religion tenet of omnipotence-of-God is formulated by the artificial language and proved as a formal-axiological law by computing relevant moral-evaluation-tables in two-valued algebra of formal ethics. From the viewpoint of pure mathematics, the submitted demonstration of the moral-value-functional law in question is quite elementary but from the conceptual theological point of view God's omnipotence as a formal-axiological-law of mentioned algebra is quite nontrivial and psychologically unexpected one. After a short historical-philosophical introduction into the philosophical theology problem, the author gives a set of basic definitions necessary-and-sufficient for accomplishing, testing, and perfect understanding the submitted original proving by "computing". Among the given basic definitions, one can find precise definitions of the notions "two-valued algebra of formal ethics", "moral-value-form-(of-actions)", "moral-evaluation-function", "formal-ethical-(axiological)-equivalence-of-evaluation-functions", "formal-ethical-contradiction", "formal-ethical-law". In addition to these definitions, which are basic ones for the two-valued algebraic system of formal ethics in general, by means of moral-value-tables, the author gives tabular definitions of the specific philosophical-theology notions involved in formulating and solving the problem in question. Namely, by means of moral-value-tables, moral-value-functional meanings of the terms "God (of x)", "necessity of y for x ", "possibility of y for x ", "impossibility of y for x ", "contingency of y for x ", etc., are defined precisely. Thus, a hitherto non-recognized possibility is created to construct and investigate various compositions of the unary and binary moral-value-functions within the algebraic system of formal ethics. For the first time in the world literature on philosophical theology, this possibility is realized in the paper, namely, relevant compositions of moral-value-functions ["God (of x)", "necessity of y for x ", "possibility of y for x ", "impossibility of y for x ", "contingency of y for x "] are constructed and studied systematically. By means of accurate "computing" the relevant compositions of moral-value-functions, it is demonstrated in the paper that "God is almighty: everything is possible for Him; nothing is impossible for Him" is the law of algebra of formal ethics.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 323.329

DOI: 10.17223/1998863X/47/10

А.В. Бутина

К ПРОБЛЕМЕ ОЦЕНКИ РОЛИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Анализируются современные условия сотрудничества интеллектуалов и гражданских активистов как самостоятельных социальных субъектов в различных государствах в типологически схожих исторических ситуациях. Предложена методика анализа практик интеграции интеллектуалов в различные формы самоорганизации граждан, в рамках которой определены факторы, сопутствующие эффективному сотрудничеству. Установлено, что успеху взаимодействия сопутствуют: отсутствие доступа групп гражданских интересов к центрам принятия политических решений; развитие «патовой ситуации» расстановки политических сил; стигматизация интеллектуалов, служащая стимулом к поиску нового адреса социальных проектов, а также потребность движений в мобилизации ресурсов.

Ключевые слова: интеллектуалы, гражданская самоорганизация, социальная динамика, метод теоретической истории, конфликтная теория коалиций.

Роли интеллектуалов в обществе меняются от эпохи к эпохе. Но неизменной остается их направленность на интерпретацию действительности, а также производство идей, имеющих значение вне исторического контекста и географической локализации. Однако несмотря на то, что в современной науке накоплен значительный материал по проблемам культурной и институциональной истории интеллектуалов в различных странах, ощущается недостаток исследований, дающих объективное представление об их роли в динамике общественных процессов.

Оценка социального влияния интеллектуалов представляется проблематичной в силу целого ряда причин. Во-первых, изучение интеллектуалов, форм и практик гражданской самоорганизации традиционно проводится в рамках независимых друг от друга теоретических направлений, а специальные исследования, посвященные феномену интеллектуалов в России, чаще всего представляют собой критику зарубежных концепций или попытку новой социально-антропологической интерпретации интеллигенции. Для современного теоретического дискурса об интеллектуалах характерно, с одной стороны, приписывание им таких качеств, как гражданский долг [1], а с другой – указание на исчерпание интеллектуалами своей социальной роли [2]. Кроме того, большая часть научных работ в исследуемой области тяготеет к анализу отношений между интеллектуалами и политическими элитами.

С фигурой интеллектуала непременно связана дихотомия мира идей и мира действий, критики и ответственности, этики и политики. В этой связи

представляется актуальным проведение анализа современных условий сотрудничества интеллектуалов и гражданских активистов как самостоятельных социальных субъектов в различных государствах в типологически схожих исторических ситуациях.

Методологической основой исследования выступают положения теоретико-исторического подхода Н.С. Розова [3], конфликтной теории коалиций Р. Вутноу [4], а также парадигмы социологии социальных движений (Д. Макадам, Дж. Маккарти и М. Залд, Ч. Тилли) [5, 6], позволяющие дать современную оценку явлению сотрудничества интеллектуалов и гражданских активистов. При этом исходным уровнем анализа выступает *микроисторический* уровень, на котором открывается возможность проследить столкновения индивидов и групп с социальными структурами и процессами.

Для достижения цели объективной оценки социального влияния интеллектуалов, их роль в развитии процессов гражданской самоорганизации следует рассматривать в качестве переменной (формирование и распад значимой взаимной связи между субъектами гражданской активности и интеллектуалами), значение которой определяется степенью выраженности причинных факторов объективного и субъективного характера. Уровень влияния высок при увеличении интенсивности интеграции интеллектуалов в процессы гражданской самоорганизации. В свою очередь, компоненты успеха интеграции целесообразно считать показателями роста влияния интеллектуалов на исследуемые процессы.

Эмпирическую базу исследования составляют случаи сотрудничества интеллектуалов и активистов общественных движений в государствах Латинской Америки (Бразилии, Мексике), Восточной Европы и России во второй половине XX в. Выбор случаев определен наличием черт сходства в динамике социально-политического развития указанных государств (опыт установления и распада недемократических режимов, социальных потрясений, сопровождавшийся развитием практик низовой самоорганизации граждан), а также относительной общностью структуры и механизмов трансформации элементов культуры. Как отмечает В.А. Красильщиков, в социокультурном плане страны евразийского и латиноамериканского цивилизационных ареалов объединяет внутренняя борьба между двумя взглядами на мир и место человека в этом мире – индивидуалистическим, антропоцентричным, ставящим в центр человека, личность, и социоцентричным, общинным, ставящим во главу угла общество и государство; борьба между стремлением к инновации и приверженностью традиции [7].

Случаи распределены на группы в зависимости от показателей успеха взаимодействия. В качестве основания распределения использована классификация успешности общественных движений американского социолога У. Гэмсона, основными критериями которой выступают достижение целей самоорганизации, а также формальное признание организации как представителя интересов определенной группы граждан со стороны оппонентов и политической элиты. В проведенном нами исследовании комбинация критериев дополнена реализацией гражданскими активистами и интеллектуалами совместных проектов и задает следующую систему координат результатов сотрудничества: *успех* интеграции характеризуется достижением совместных целей – внедрением проектов интеллектуалов, признанием (легитимацией) и

достижением целей общественных движений; *частичный успех* определяется неполнотой внедрения проектов интеллектуалов, общественным признанием социальной инициативы или движения без достижения основных целей (или достижением целей, но отсутствием признания); *провал интеграции* означает, что цели и признание не достигнуты, проекты, разработанные интеллектуалами, не реализованы.

Успех интеграции наиболее очевиден в случаях участия интеллектуалов в деятельности следующих социальных движений и инициатив: Сапатистская армия национального освобождения (Мексика, начало 1990-х гг.); Мексиканское гражданское демократическое движение (Мексика, 1992 г.); Движение безземельных крестьян и Движение против строительства ГЭС (Бразилия, середина 1970-х гг.); Бразильское демократическое движение (Бразилия, 1979 г.).

Частичный успех взаимодействия можно фиксировать в случае сотрудничества интеллектуалов с такими движениями, как движения КОС/КОР и «Солидарность» (Польша, конец 1970-х – 1980-е гг.); Экологическое движение (СССР, 1970-е гг.); Немецкое национальное движение (СССР, середина 1960-х гг.); Московская школа политических исследований (Россия, середина 1990-х гг.); движение «Альтернативы» (Россия, 1996 г.); Клуб социальных инициатив (СССР, 1986 г.); диссидентское движение (СССР, 1960-е гг.); Московский методологический кружок (СССР, 1979–1993 гг.).

Провал интеграции очевиден в результате их включения в такие гражданские инициативы, как Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СССР, 1978 г.); протесты ученых (СССР, 1950-е гг.); деятельность сотрудников Института международного рабочего движения (СССР, 1960-е гг.).

Безусловно, такая выборка не исчерпывает перечень всех возможных единиц анализа, однако исследование представленных случаев позволяет произвести проверку гипотез об общих закономерностях участия интеллектуалов в практиках самоорганизации граждан в странах, удаленных друг от друга территориально и исторически, а также отличающихся культурным своеобразием.

Изучение теоретических источников по проблемам истории и социологии интеллектуалов позволило выявить ряд условий, значимых для успеха взаимодействия интеллектуалов и гражданских активистов. К ним относятся: особенности среды взаимодействия (определены структурой социально-политических возможностей развития ситуации сотрудничества [8, 9]); характеристики участников взаимодействия (уровень организационного потенциала субъектов гражданской активности; особенности социального положения интеллектуалов); характеристики процесса взаимодействия (формирование каналов взаимодействия; содержание совместных коммуникативных практик интеллектуалов и гражданских активистов).

Анализ случаев сотрудничества показывает, что успешное включение интеллектуалов в практики гражданской самоорганизации оказывается возможным не только в ситуации политической конкуренции, но и в условиях закрытой политической системы и отсутствия явной оппозиционности. Тем не менее в рассматриваемых случаях успех интеграции определяется развитием ситуации сотрудничества, адекватной эвристической моделью описания

которой является концепция *патовой ситуации* взаимодействия конкурирующих социальных субъектов американского социолога Р. Вутноу. Исследуя механизмы культурной динамики и социальную структуру обществ в период трех великих волн революций эпохи модерна (Реформация, Просвещение и европейский социализм), Р. Вутноу отмечал, что в *патовой ситуации*, т.е. ситуации длительного равновесия сил между представителями политической и экономической элит государств (например, между государственными акторами и основными собственниками), открывается пространство для так называемых «культурных предпринимателей», которые и выигрывают от борьбы [4]. В исследуемых случаях полного и частичного успеха именно *патовая ситуация* определяла характер взаимоотношений политической и экономической элит государств. В Бразилии и Мексике политические лидеры укрепляли государственный сектор за счет опоры на экономические ресурсы крупных землевладельцев и промышленников, в свою очередь выказывавших лояльность режимам. В СССР и Польше и вовсе произошло сращивание государственного и экономического секторов [10, 11]. Однако здесь и происходит становление таких материальных основ культурного производства, которые предоставляют пространство действия интеллектуалам, а именно формирование площадок для выражения интеллектуалами идей по проблемным аспектам общественного развития и социального диалога с гражданскими активистами. Такими площадками в исследуемых случаях являлись, к примеру, собрания приходских общин в Бразилии, организованные христианами активистами, на которых часто делили трибуну интеллектуалы и участники движений [12]. В рамках «иной кампании» мексиканских сапатистов подобные встречи происходили непосредственно на территории индейских поселений [13, 14]. Диалоговыми площадками в России и Польше выступали академические кружки, домашние семинары, а с середины 1990-х гг. так называемые «школы гражданского образования» и социальные форумы.

Важным условием интеграции интеллектуалов в процессы гражданской самоорганизации служит *стабильность социального статуса интеллектуалов*. В работе «Естественная история революции» американский социолог Л. Эдвардс называет в качестве необходимой составляющей коренных изменений в обществе *смещение лояльности интеллектуалов*, что проявляется в том, что большая часть интеллектуального сообщества в предреволюционных обществах оборачивается против правительства и позже выражает идеи, которые формируют и определяют групповое недовольство [15]. В подобной ситуации происходит раскол элиты, за которым вскоре следует кризис правительства и наступление революционной ситуации.

Другой американский социолог, С. Хантингтон, был убежден, что подлинно революционным классом в большинстве модернизирующихся обществ является средний класс, в котором заключен главный источник городской оппозиции правительству. Он выводит две основные предпосылки любой революции: неспособность политических институтов служить каналами входа в политику для новых социально-политических сил и элит, а также мобилизацию отчужденных от политики групп с целью участия в ней. Хантингтон выделяет и ряд этапов, через которые проходит эволюция среднего класса. По его мнению, первые группы среднего класса, появляющиеся на общественной сцене, – это интеллектуалы с традиционными корнями, но совре-

менными ценностями. Первые появляющиеся элементы среднего класса наиболее революционны; по мере того как средний класс растет, он становится консервативнее. Все или почти все эти группы могут иногда играть революционную роль, но в целом к оппозиции, насилию и революции наиболее склонны небюрократические и непредпринимательские группы среднего класса. И отсюда наиболее склонны к революционности интеллектуалы [16. С. 293–294]. Таким образом, предвестником революции может выступать не смещение лояльности интеллектуалов, о котором писал Эдвардс, а их выход на сцену в качестве отдельной группы. Интеллектуал-революционер, по Хантингтону, является практически повсеместным культурно-антропологическим типом в обществах, переживающих модернизацию. В то же время способность интеллектуалов играть революционную роль зависит от их отношений с другими общественными группами.

Немецкий социолог К. Мангейм в работе «Идеология и утопия», определяя модели поведения интеллектуалов по отношению к участию в общественной практике, указывал на то, что в любом обществе социальное бытие интеллектуалов задано картиной мира или утопией, связывающей их с определенными социальными слоями. Смена мотивации интеллектуалов к взаимодействию с теми или иными группами общественных интересов, по мнению К. Мангейма, наступает тогда, когда положение интеллектуалов в обществе становится проблематичным. Это происходит «каждый раз тогда, когда стоящий за ними социальный слой приходит к власти, когда в результате этого процесс развития не нуждается больше ни в связи утопии с политикой, ни в упомянутом духовном слое» [17. С. 216].

Проведенный теоретико-исторический анализ позволяет и нам фиксировать динамику социального статуса интеллектуала в случаях взаимодействия с гражданскими активистами. Здесь заметна существенная *стигматизация* интеллектуалов, проявлением которой могут служить как признание их проектов неприемлемыми и сопровождающая данный процесс утрата общественного статуса, так и применение репрессий со стороны политической элиты. Обращает на себя внимание, что в большинстве государств в исследуемых случаях имело место законодательное закрепление гражданских прав и свобод, однако конституционно-правовые принципы и гарантии встречали препятствия на пути своей реализации. Так, например, статьи Конституции СССР 1977 г. закрепляли права граждан на участие в управлении общественными и государственными делами, обсуждении и принятии законов и решений общегосударственного и местного значения, а также право на внесение в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в их работе [18]. Однако на практике обсуждения и критика встречали резкое противодействие властей. Другим примером служит Конституция Бразилии, принятая 24 января 1967 г. и действовавшая до 1988 г. Хотя она и гарантировала основные права, но существенно усиливала централизацию государства, а также укрепляла власть президента, который мог приостанавливать действие конституционных прав и свобод граждан [19. С. 84–87]. Анализ случаев показывает, что репрессии имели место в большинстве из них, вне зависимости от успеха сотрудничества. Формы такого противодействия сотрудничеству интеллектуалов и гражданских активистов различны. Тем не менее открытое противодей-

ствие властей не является достаточным фактором для прекращения разработки интеллектуалами социальных проектов, а в случаях успеха, напротив, может служить стимулом их вовлечения в гражданские практики.

Обращает на себя внимание, что в большинстве случаев успеха взаимодействие с субъектами гражданской активности осуществляли интеллектуалы-одиночки. Они могли быть формально не причастными к какому-либо центру производства знаний, а также находиться в числе тех, кто подвергался критике со стороны института, членом которого являлись. Безусловно, институционализация интеллектуалов была возможной и в советский период российской истории в форме институтов, отделов, секторов, лабораторий АН СССР и ее региональных отделений. Именно в такой форме работал Ю. Левада, существовал Институт международного рабочего движения. Организационное оформление игротехнического (методологического) движения происходит с конца 1980-х гг. В 1988 г. Г.П. Щедровицкий организует при Союзе научных и инженерных обществ СССР Комитет по СМД-методологии и ОДИ (первый случай организационного оформления под собственным именем). При комитете создается печатный орган – журнал «Вопросы методологии». С 1989 г. начинают проводиться ежегодные съезды методологов [20]. Однако правовое поле для институционализации складывается только в середине 1990-х гг., тем не менее успешное взаимодействие гражданских активистов осуществляется с относительно формализованными центрами, в которых работают интеллектуалы, например «Индем», «Стратегия», «Леонтьевский центр».

Необходимо отметить, что в большинстве случаев успеха деятельность интеллектуалов носила внеакадемический характер. Этим качеством отличались миссионерская работа о. А. Меня, разработка и реализация проектов аналитическими центрами, практика игрового движения в СССР. В Польше заседания дискуссионного клуба «Опыт и будущее», ориентированного на поддержку основанного в 1976 г. Комитета защиты рабочих, также выходили за рамки академической среды. Исключение здесь составляют семинары Г.П. Щедровицкого и протесты советских ученых. В случаях провала, напротив, имеет место академическая направленность деятельности интеллектуалов, работа над знанием ради знания, укреплении господствующей парадигмы, а вовсе не выход на решение практических задач. Однако не только ориентация на академическую деятельность, но и стремление участвовать в разработке политических решений приводит к отрицательной включенности интеллектуалов в процессы гражданской активности. Так, «чикагские мальчики», в 1992–1994 гг. разрабатывавшие стратегию развития новой России, в своих проектах ориентировались не на ресурс самоорганизации граждан, но на государственную поддержку и логику рынка.

Безусловно, взаимодействие представляет собой обоюдонаправленную систему действий социальных субъектов. В исследуемых случаях успех сотрудничества определяется также формированием общественного запроса на разработку альтернативной концепции социального развития и осознанием гражданскими активистами потребности в компенсации дефицита ресурсов движений для достижения их целей. Характеризуя участников движений, необходимо отметить, что в большинстве положительных случаев они выступают малоресурсными акторами политического процесса. Такие социальные субъекты могут добиться успеха, если обладают средствами, альтерна-

тивными тем, которыми владеет правящая элита. Спецификой ресурсов, доступных гражданским движениям, в большинстве положительных случаев является их нематериальный характер – это, как правило, ресурсы социального взаимодействия и группового авторитета. В случаях полного и частичного успеха сотрудничества роль интеллектуалов заключалась в мобилизации ресурсов самоорганизованных групп граждан, важнейшими из которых выступают социальные ресурсы (формирование коллективной идентичности, чувства солидарности и т.д.) – они малозатратны и более доступны для ущемленных групп. Интеллектуалы в представленных случаях участвуют в аккумуляции организационных, информационных, а зачастую и материальных ресурсов. К примеру, международные фонды, институты и другие организации в 1990-е гг. выступали самым мощным источником финансирования центров публичной политики в России. Общественным организациям и движениям для получения грантов от этих фондов необходимо было обладать умением писать заявки, быть известными грантодателю, обладать проектной культурой, что также обеспечивалось сотрудничеством с публичными интеллектуалами. В исследуемых положительных случаях именно интеллектуалы выступали катализаторами ресурсной мобилизации движений.

Таким образом, анализ интеграции интеллектуалов в практики самоорганизации граждан позволяет сделать вывод, что успеху сотрудничества в большинстве исследуемых случаев сопутствуют: отсутствие доступа групп гражданских интересов к центрам принятия политических решений; развитие «платовой ситуации» расстановки политических сил, характеризующейся состоянием затянувшегося равновесия сил между представителями политической и экономической элит государств; стигматизация интеллектуалов, которую характеризует невостребованность идей интеллектуалов у представителей правящей элиты, служащая стимулом к поиску нового адреса социальных проектов; потребность в мобилизации ресурсов движений, которой способствует сотрудничество гражданских активистов с интеллектуалами. Развитию самоорганизации способствует формирование альтернативных материальных основ культурного производства посредством установления отношений сотрудничества с интеллектуалами. Таким образом, включение интеллектуалов в практики гражданской самоорганизации представляется значимым, поскольку способствует аккумуляции ресурсов, формулированию стратегии и тактики, формированию тактики коллективных действий и развитию активистской среды.

Литература

1. Дарендорф П. Гражданская ответственность интеллектуалов: против нового страха перед просвещением // Полис. 1997. № 6 [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=polis&jn=polis&jid=2338 (дата обращения: 11.02.19).
2. Posner R.A. Public intellectuals: a study of decline. Cambridge : Harvard University Press, 2003.
3. Розов Н.С. Историческая макросоциология: Методология и методы. Новосибирск, 2009.
4. Wuthnow R. Communities of discourse: Ideology and Social Structure in the Reformation, the Enlightenment, and European Socialism. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1993.
5. McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. Comparative perspectives on social movements: political opportunities, mobilizing structures, and cultural framing. Cambridge, 2004.
6. Tilly Ch. From mobilization to revolution. Englewood Cliffs, 1978.
7. Красильщиков В.А. Латинская Америка сегодня – Россия завтра (оптимистический вариант будущего России) // Мир России. 2002. Т. 11, № 1. С. 57–96.

8. Meyer D. Protest and political opportunities // *Annu. Rev. Sociol.* 2004. 30. P. 125–145.
9. Meyer D., Minkoff D. Conceptualizing political opportunity // *Social Forces*. June 2004. 82(4). P. 1457–1492.
10. Чернышев А.Л. Политическая борьба индейского населения Мексики в конце XX – начале XXI в. // *Латинская Америка*. 2009. № 8. С. 93–100.
11. Цыганков П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М., 1995.
12. Rothman F.D., Oliver P.E. From local to global: the Anti-Dam movement in Southern Brazil, 1979–1992 // *Mobilization*. April. 1999. Vol. 4, № 1. P. 41–57.
13. Гуадараме Р.Д. Роль интеллектуалов в изменении мексиканской политики: 1994–2002 гг. // *Неприкосновенный запас*. 2003. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/gua.html> (дата обращения: 11.02.19).
14. Starr A., Martinez-Torres M.E., Rosset P. Participatory democracy in Action: practices of the Zapatistas and Movimiento sem terra // *Latin American Perspectives*. 2011. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0094582X10384214> (дата обращения: 11.02.19).
15. Грязнова О.С., Подвойский Д.Г. Социология революции Лайфорда Эдвардса // *Социологический журнал*. 2005. № 1. С. 82–85.
16. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.
17. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1995.
18. Конституция СССР 1977 г.
19. Конституционное (государственное) право зарубежных государств. Т. 4. Часть особенная: страны Америки и Азии. М., 2001. 656 с.
20. Московский методологический кружок в лицах. М., 2008. Т. 2.

Anastasiya V. Butina, Altai State University (Barnaul, Russian Federation), Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: butina@email.asu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 94–102.

DOI: 10.17223/1998863X/47/10

TO THE PROBLEM OF THE STUDY OF THE INTELLECTUALS' ROLE IN MODERN SOCIETY

Keywords: intellectuals; civil self-organization; social dynamics; method of theoretical history; coalition conflict theory.

The paper analyzes the modern conditions of cooperation between intellectuals and civil society activists as independent social actors in various states in typologically similar historical cases. The research is based on the theoretical position-historical approach of Nikolay S. Rozov, the coalition conflict theory of Robert Wuthnow, and modern concepts of the sociology of social movements' paradigm. These methodological approaches provide a modern assessment to the phenomenon of cooperation between intellectuals and civil society activists. The author interprets the role of intellectuals in the development of civil self-organization processes as a variable, whose value is determined by the severity of causal factors. The level of influence is high in a situation of increasing the intensity of the intellectuals' integration into civil self-organization processes. Thus, the components of the integration success should be considered as indicators of the growth of the intellectuals' influence on the studied processes. The empirical basis of the study is made up of cases of cooperation between intellectuals and social movements' activists in Latin America (Brazil, Mexico), Eastern Europe, and Russia in the second half of the twentieth century. The author identifies social conditions that are significant for the success of interaction between intellectuals and civil society activists. They are the political opportunity structure, the level of organizational potential of subjects of civic engagement, features of the social status of intellectuals, the formation of a social interaction channel, the content of communicative practices of intellectuals and civil society activists. The case study shows that the successful intellectuals' integration to the practices of civil self-organization is possible not only in a situation of political competition, but also in a closed political system with the absence of political opposition. Theoretical and historical analysis allows noticing the instability of the intellectuals' social status and signs of their stigmatization, such as non-recognition of their projects, loss of social status and repressions by the political elite. The study of the intellectuals' integration into the grassroots practices suggests that the

success of cooperation in most of the cases depends on the lack of access for the groups of civic interests to the centers of political decision making; the development of a “stalemate situation” characterized by a lingering balance of power between representatives of the political and economic elite of states; the requirement to movements’ resource mobilization. The author concludes that the development of self-organization also contributes to the formation of alternative material foundations of cultural production through the establishment of cooperative relations with intellectuals.

References

1. Darendorf, R. (1997) Grazhdanskaya otvetstvennost' intellektualov: protiv novogo strakha pored prosveshcheniem [Civil liability of intellectuals: against the new fear of enlightenment]. *Institut sotsiologii RAN. Polis – Polis (Political Studies)*. 6 [Elektronnyy resurs]. [Online] Available from: http://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=polis&jn=polis&jid=2338 (Accessed: 11.02.19).
2. Posner, R.A. (2003) *Public intellectuals: a study of decline*. Cambridge: Harvard University Press.
3. Rozov, N.S. (2009) *Istoricheskaya makrosotsiologiya. Metodologiya i metody* [Historical Macrosociology. Methodology and Methods]. Novosibirsk.
4. Wuthnow, R. (1993) *Communities of discourse: Ideology and Social Structure in the Reformation, the Enlightenment, and European Socialism*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
5. McAdam, D., McCarthy, J.D. & Zald, M.N. (2004) *Comparative perspectives on social movements: political opportunities, mobilizing structures, and cultural framing*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Tilly, Ch. (1978) *From mobilization to revolution*. Englewood Cliffs: Longman Higher Education.
7. Krasilshchikov, V.A. (2002) Latinskaya Amerika segodnya – Rossiya zavtra (optimisticheskii variant budushchego Rossii) [Latin America today – Russia tomorrow (optimistic version of Russian future)]. *Mir Rossii – Universe of Russia*. 11(1). pp. 57–96.
8. Meyer, D. (2004) Protest and political opportunities. *Annual Review of Sociology*. 30. pp. 125–145.
9. Meyer, D. & Minkoff, D. (2004) Conceptualizing political opportunity. *Social Forces*. 82(4). pp. 1457–1492. DOI: 10.1353/sof.2004.0082
10. Chernyshev, A.L. (2009) Politicheskaya bor'ba indeyskogo naseleniya Meksiki v kontse XX – nachale XXI vv. [The political struggle of the Mexican Indian population in the late 20th – early 21st centuries]. *Latinskaya Amerika*. 8. pp. 93–100.
11. Tsygankov, P. (1995) *Sovremennye politicheskie rezhimy: struktura, tipologiya, dinamika* [Modern political regimes: structure, typology, dynamics]. Moscow: Interpaks.
12. Rothman, F.D. & Oliver, P.E. (1999) From local to global: the Anti-Dam movement in Southern Brazil, 1979–1992. *Mobilization*. 4(1). pp. 41–57.
13. Guadarrama, R.D. (2003) Rol' intellektualov v izmenenii meksikanskoy politiki: 1994–2002 gg. [The role of intellectuals in changing Mexican politics: 1994–2002]. *Neprikosnovennyi zapas*. 1. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/gua.html>. (Accessed: 11th February 2019).
14. Starr, A., Martinez-Torres, M.E. & Rosset, P. (2011) Participatory democracy in Action: practices of the Zapatistas and Movimiento sem terra. *Latin American Perspectives*. 1. [Online] Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0094582X10384214>. (Accessed: 11th February 2019). DOI: 10.1177/0094582X10384214
15. Gryaznova, O.S. & Podvoyskiy, D.G. (2005) Sotsiologiya revolyutsii Layforda Edvardsa [Sociology of the Lyford Edwards Revolution]. *Sotsiologicheskii zhurnal – Sociological Journal*. 1. pp. 82–85.
16. Huntington, S. (2004) *Politicheskii poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh* [Political Order in Changing Societies]. Translated from English by V. Rokityansky. Moscow: Progress-Traditsiya.
17. Mannheim, K. (1995) *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of Our Time]. Translated from German by M. Levina, S. Karpushina, A. Miller, T. Studenkina. Moscow: Yurist’.
18. The Soviet Union. (1977) *Konstitutsiya SSSR 1977 g.* [The USSR Constitution of 1977]. [s.l., s.n.].
19. Strashun, B.A. (ed.) (2001) *Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh gosudarstv* [Constitutional (state) law of foreign states]. Moscow: Norma.
20. Khromchenko, M.S. (ed.) (2008) *Moskovskiy metodologicheskii kruzhok v litsakh* [Moscow Methodological Group in Persons]. Vol. 2. Moscow: G.P. Schedrovitsky Institute for Development Foundation.

УДК 165.12

DOI: 10.17223/1998863X/47/11

М.В. Гончаренко, В.Н. Гончаренко

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСКУРСА КАК СЛЕДСТВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ

Проанализированы процесс трансформации дискурса и появление новых эпистемологических полей. Этот процесс изучен в контексте корреляции лингвистической и внелингвистической реальности. Рассмотрено значение динамического объекта в процессе формирования нового знания: схемы познания, ограниченные социальными практиками, развиваются по мере обнаружения ранее неизвестных аспектов действительности, создавая новые интерпретации известных фактов.

Ключевые слова: эпистемологическое поле, дискурс, факт, метафора, интерпретация.

Начиная разговор о метафоре в контексте формирования нового знания, мы всегда возвращаемся в как бы исходную позицию, в которой пытаемся снова и снова выяснить, что представляет собой феномен первоосновной черты, который позволяет нам давать определения всем терминам любого лексикона [1]. Данная попытка, как показывает история мировой культуры, является настолько же успешной, насколько и бесплодной одновременно. Потому что, с одной стороны, как утверждал Аристотель [2], мы, давая определение субстанции, выявляем её сущностные признаки [1], при этом субстанция таковой является именно для нас, что актуализирует проблему бесконечно возможной переинтерпретации этой субстанции для нас посредством постоянно обновляющегося дискурса. С другой стороны, история наших представлений о первооснове никак не помогает приблизиться к рассмотрению, собственно, оснований этой первоосновы.

У. Эко, ссылаясь на идею неограниченного семиозиса Ч. Пирса, полагает, что любой лексикон, обладая кодом того или иного семиотического механизма, обеспечивает процедуру истолкования каждого своего термина посредством других своих же терминов [Там же]. Если принять это предположение, мы окажемся в континууме, в котором функционируют семиотические механизмы, формирующие всё новые ступени познания за счёт появления новой терминологии или новых понятий, но при этом, невзирая на процессы неограниченного семиозиса, первооснова (субстанция, которая не для нас) занимает то же место, что и прежде, т.е. она не приобретает в процессе неограниченного семиозиса новых интерпретаций. Связано ли с этим, что лингвистические знания и познание мира с точки зрения семантики эквивалентны? Предположительно, да, так как лингвистические знания – это запрототипированный процесс конституирования мира для познающего субъекта, реальность этого мира во всём его разнообразии сосредоточена именно в лингвистических знаниях: любой термин лексикона представляет тот или иной денотат как элемент мира. На этом основании естественным выглядит утверждение: реальность является не семантической, а онтологической проблемой. К примеру, У. Эко настаивает на том, что метафора способ-

на на многое с точки зрения формирования нового знания, однако она не в состоянии ничего изменить в случае с *непознаваемым*, так как трансцендентальным признакам мироздания присуща онтологическая сущность [1].

Тем не менее данное утверждение, как и идея неограниченного семиозиса Ч. Пирса, которая, безусловно, включает в себя и феномен метафоры, не являются продуктивными до тех пор, пока мы не определимся по поводу их роли в контексте проблемы факта как эпистемологического поля. В этом аспекте идея лабиринта как формы развития и фиксации знания [Там же] хорошо освещает проблему генезиса и трансформации эпистемологического поля, которое может в любой момент по совершенно различным причинам приобрести новое качество за счёт «включения» / «выключения» необходимых для этого сегментов или элементов знания.

В связи с этим возникает вопрос о возможности рассмотрения понятий «эпистемологическое поле» и «временная искусственная конструкция» как эквивалентных. Если искусственные конструкции существуют временно и функционируют с определённой целью, то это значит, что, с одной стороны, область их использования ограничена, а с другой стороны, что это ограничение одновременно становится вектором возможного дальнейшего следования. Так, филологические изыскания классического периода Древней Греции не предусматривали исторической реконструкции языка, которая стала возможной в Новое время, поскольку методология сравнительно-исторического анализа языка предусматривает в качестве необходимых такие элементы и факты исследования, как хронологические и пространственные характеристики праязыковых состояний, историческая дифференциация языков, их эволюция и мн. др., которые были неизвестны в древнегреческую эпоху. Обратим внимание на подвижность классификаций, исходя из приведённого примера.

Итак, любая, даже самая незначительная, классификация – это вариант *параэнциклопедии* (как систематизации определённого набора *так*-известных сущностей), который делает возможным дальнейшее следование или переход от уже имеющегося знания к ещё необходимому знанию. Одним из существенных признаков классификаций, как, впрочем, и энциклопедий, является их подвижность, т.е. вариативность. По-нашему мнению, такого рода подвижность классификаций объясняется перманентно меняющимся порядком изложений или представлений, который обусловлен семиотическими механизмами (актуальность того или иного порядка связана с актуальностью того или иного семиотического механизма). Таким образом, если определение – это результат энциклопедии / классификации [Там же], то различные энциклопедии – это основания для различных определений, поэтому феномен вариативности дефиниций – это следствие феномена вариативности порядка, конструируемого различными семиотическими механизмами.

Возвращаясь к вопросу об эпистемологическом поле, важно отметить следующее. **Эпистемологическое поле** – это некоторая дискурсивная область / дискурс, ядром которой является факт с его логически возможным бесконечным множеством интерпретаций. Каждая следующая интерпретация становится возможной в результате появления или конституирования нового знания, нового определения того или иного элемента этого дискурса и пр. Совокупность всех этих интерпретаций и создаёт единую дискурсивную об-

ласть / область дискурса, относящуюся к конкретному факту. Эпохальная актуальность того или иного дискурса всегда обусловлена эпохальной актуальностью той или иной интерпретации факта; новое эпистемологическое поле как концептуальный каркас формируется как результат новой фактуальной интерпретации. Однако при этом нельзя отождествлять онтологию дискурса и эпистемологическое поле, так как эпистемологические поля – это множество исключительно актуальных, а не предполагаемых интерпретаций. Что касается возможных интерпретаций, то они, безусловно, являются частью онтологии дискурса наряду с эпистемологическими полями. Онтология дискурса всегда шире эпистемологического поля, т.е. эпистемологическое поле является частью онтологии дискурса, а не наоборот. Таким образом, актуальность определённого множества эпистемологических полей служит показателем культурного уровня в самом широком смысле.

Исходя из нашего представления о сущности и причинах формирования эпистемологических полей, мы совершенно согласны с У. Эко в вопросе об онтологии как репрезентации части энциклопедического знания [1]. Действительно, энциклопедия знания постоянно расширяется в результате формирования новых эпистемологических полей, которые представляют всё новые аспекты онтологии дискурса. В этой связи пример, на который ссылается У. Эко [Там же], очень кстати: Гамлет у Шекспира не только не имеет свойства наличия или отсутствия волос, но не имеет и таких свойств, как наличие или отсутствие здоровья, осознания, обоняния и пр., однако при необходимости Гамлет получает такие свойства, иначе как мы можем снять о нём фильм или поставить спектакль. Онтология дискурса любезно предоставляет возможность репрезентации героя Гамлета и лысым, и здоровым, и лишённым обоняния, и т.д. И эти реализованные возможности будут как раз теми эпистемологическими полями, которые получают свою актуальность в результате того, что эпохальный культурный дискурс будет в них нуждаться.

Если мы обратимся к энциклопедии научного знания, то здесь дело будет обстоять приблизительно так же. Как хорошо известно, ни геометрия Г. Римана (эллиптическая геометрия), ни геометрия Н. Лобачевского (гиперболическая геометрия) не элиминировали геометрию Евклида. Дело в том, что в основе гиперболической геометрии представлены те же посылки, что и в евклидовой геометрии, но аксиома о параллельных прямых заменена её отрицанием. Эллиптическая геометрия имеет намного больше отличий, так как в её контексте две прямые имеют только одну точку пересечения. Как бы то ни было, для нас особую ценность в этом примере представляет то, что все эти геометрии (как эпистемологические поля) «занимаются» трансформацией пространства постоянной кривизны, которое и организует, как мы видим, на протяжении тысячелетий онтологию дискурса геометрии. Плоскость, прямая, сфера как понятия и факты абсолютной геометрии не утратили своей актуальности, каждая из них соответствует своему назначению и используется в соответствующем контексте. Помимо этого, этот процесс показывает нам свою вечную незавершённость, так как энциклопедия геометрического знания остаётся открытой по причине всегда незавершённой онтологии дискурса. Онтология дискурса может иметь совершенно различные принципы организации (это зависит от доминирования на том или ином этапе того или

иного способа организации её эпистемологических полей), но именно она сопричастна к появлению феномена энциклопедии знания.

Так, рассуждая о методе онтической редукции, К.-О. Апель [3] утверждает, что Новое время исходило из возможности объяснения фактически сущего из другого сущего, что было возможно в связи с актуальностью причинно-аналитического метода исследования естествознания. Цель – это причинное следствие уже известного факта, т.е. это схема редукции сущего к сущему, которая не предполагает завершения, она постоянно открыта за счёт уже известных фактов [4]. Следовательно, разделение Ч. Пирса [5] между реальным познаваемым *в конечном счёте* и фактически познанным *тогда-то* достаточно хорошо объясняет возможность такого рода нововременной энциклопедической схемы.

Однако, по-нашему мнению, в связи с описанием процессов порождения и трансформации значения мы отвлеклись от смысла, который сопровождает, а возможно во многом и обуславливает эти процессы. Вслед за У. Эко [1] обратимся к теории четырёх смыслов у Августина Дакийского (XIII в.), которая говорит о том, что *буква* сообщает о событиях, *аллегория* говорит о том, во что верить, *нравоучение* сообщает, что нужно делать, *анагогическое истолкование* показывает то, к чему необходимо стремиться. Применим данную теорию, чтобы разобраться с тем, что происходит с Дон Кихотом, который прочитал множество рыцарских романов. На примере Дон Кихота рассмотрим процесс трансформации реальности вследствие многомерности смысла. Иными словами, в соответствии с каким из четырёх возможных смыслов разворачивается поведение Дон Кихота?

Первое, что приходит в голову: с *анагогическим смыслом*, т.е. «в соответствии с тем, к чему ты должен стремиться». В таком случае уместен следующий вопрос: что именно в рыцарском романе обусловило данное устремление героя? Очевидно, здесь необходимо обратиться к *аллегории*, которая, согласно теории четырёх смыслов, указывает на то, во что должно верить. Дон Кихот, как мы помним, верит в Прекрасную Даму (Дульсинею Тобосскую), которой и посвящает свою жизнь, своё служение, поэтому, когда происходит встреча героя с той реальной Дамой, он не может признать в ней Дульсинею, во имя которой в его жизни происходят все события и совершаются все подвиги. Таким образом, событийный / буквальный смысл дискурса становится недоступным для героя, так как он исключительно: 1) верит; 2) делает; 3) стремится.

Следовательно, смысл буквального, а вернее, изъятие данного смысла из когнитивного континуума Дон Кихота, погружает героя в неполный, дефектный, дискурс, трагикомизм которого, обусловлен неполноценностью самого этого дискурса. Реальность рыцаря Печального Образа упразднила реальность романного испанского идальго посредством изъятия исторической эпохи, в которых был создан рыцарский роман.

Продолжая разговор о метафоре в контексте формирования нового знания после анализа феномена *первоосновной черты*, которая позволяет определять термины любого лексикона, обратимся к следующему. Утверждение, что определением может быть как характеристика наличия некоторых элементов у объекта познания, так и характеристика отсутствия каких-то элементов у того же объекта познания, не является новым. Однако с точки зре-

ния познавательного процесса данные типы определения приводят к неожиданным выводам. У. Эко приводит пример идеи-определения Единого у Псевдо-Дионисия Ареопагита [1], в соответствии с которым божественное описывается как *не существующее* как тело, *не имеющее* образа, массы, *не находящееся* в пространстве, как *невидимое* и *неосязаемое*, *не чувствующее* и *нечувственное* и т.д. В конечном итоге на основании этих характеристик-отрицаний Дионисий приходит к заключению, что природа божественного – это пресветлый мрак молчания. По мнению У. Эко, здесь мы имеем дело с оксюморонами, которые основаны на метафорах. Однако не составит особой трудности предположить, что основанием этих оксюморонов является как раз отрицательная характеристика, т.е. характеристика, основанная на перечислении отсутствующих или невозможных элементов объекта, создающая новый аспект видения объекта посредством метафоры.

Возможно, оксюморон в принципе метафоричен; способствует такому предположению выражение Абельяра “*nulla rosa est*”, которое указывает на реальность проблемы существования несуществующей вещи. Таким образом, определение Единого у Псевдо-Дионисия Ареопагита (а вернее, его оксюморонно-метафорное основание) отсылает нас к известному рассуждению У. Оккама, который допускает возможность высказывания типа *я видел, что там ничего не видно*. По У. Оккаму, данного типа высказывания возможны, так как противоречие видения того, чего не было, является следствием интуитивного познания несуществующего объекта [6]. Безусловно, причиной такого положения вещей у У. Оккама является божественное могущество, но не есть ли это метафора, формирующая новое прочтение противоречия в дискурсе средневековой схоластики? Разве не это имеет в виду П. Фейерабенд, утверждая, что различные типы информации и разные принципы утверждения приводят нас к совершенно различным видам знания [7]? В конечном итоге различные виды знаний и различные типы определений, как неотъемлемый атрибут знаний, – это всего лишь различные способы конституирования реальности¹.

Вернёмся к проблеме знака: к его природе и коммуникативной роли. Не разрешённая Августином дихотомия между отношением инференции (как отношением между знаком и вещью, им обозначенной) и отношением эквивалентности (между лингвистическим термином и понятием, которое он означает, или вещью, которую он десигнирует) [1] говорит в том числе и о том, что теоретически интерпретировать использование знака (в тех или иных контекстах) можно бесконечно, однако практически интерпретация ограничивается несколькими типами контекстов, которыми ограничено употребление этого знака. Наверное, поэтому Августин выделил всего два рода

¹ Для демонстрации наглядности принципа *правомерности* различных видов знания очень хороший пример приводит П. Фейерабенд [7]. Он обращается к «On Poetics» Аристотеля [8. 1451b 5-20], в которой утверждалось, что трагедия, будучи литературным жанром, лучше раскрывает законы человеческого бытия, чем история, которая повествует о том, что было. И возможно это по причине того, что трагедия повествует о том, что могло бы быть (ведь если бы оно было невозможно, то его и не было бы в трагедии), а история о том, что было. Трагедия говорит об общем, а история – о единичном. Поэт-трагик использует частные факты, постигая логику их возникновения и развития, чтобы ознакомить зрителя / читателя с такими-то возможными положениями дел и сделать его сопричастным. Историк же занят другим: его интересует единственно возможное положение дел, в то время как установить это едва ли возможно (фальсификация далеко не всегда бывает преднамеренной).

знаков: естественные и искусственные. Естественные демонстрируют что-то, что является непреднамеренным действием (так дым символизирует огонь), а искусственные – то, что преднамеренно должно нам сообщать о чём-то [9. II, 1–4]. Однако для того чтобы нечто символизировало что-то, нужно, чтобы этот знак был известен познающему субъекту, потому что если субъект не имеет представления о причинно-следственной связи между огнём и дымом (по сути не знаком с такого рода химическим процессом), то для него дым не будет знаком огня. И здесь мы сталкиваемся с прагматическим аспектом использования знака: актуальность значения знака предопределяется как возможностями его интерпретанта, так и прагматикой того эпистемологического поля, в котором этот знак используется.

Как-то в одной из бесед Л. Витгенштейн [10], отвечая на вопрос, почему древнегреческая философия и современная философия задаются одними и теми же вопросами, сказал, что по-другому и быть не может, потому что язык один и тот же. Таким образом, и древнегреческий, и современные английский, немецкий и прочие языки, будучи разными языками, объединяются одним и тем же десигнатом. Другими словами, философский дискурс (как и другие типы дискурсов) конституируется не знаками, обладающими конвенциональной природой, а тем, что мы можем обозначить как герменевтическую необходимость: определённого рода означаемое нуждается в понимании и конституировании. Мир, подлежащий истолкованию или изменению, – это идея социальной практики познающего субъекта, которая целиком предопределяет структуру его когнитивного континуума, поэтому не имеет значения, на каком языке говорит этот субъект. В этом случае механизм инференции обеспечивает участникам коммуникации возможность необходимого рода умозаключений.

В XII–XIII вв. с точки зрения экстатической каббалы язык сам по себе рассматривался как универсум, а структура этого языка воспринималась как структура реальности. Правда, мысль в этом направлении начала развиваться задолго до этого; к этому относится попытка сравнения сущности Торы и Логоса Филона Александрийского (I в. н. э.), а позже Тора стала рассматриваться в качестве схемы, в соответствии с которой Бог сотворил мир, поэтому Тора отождествлялась с универсумом архетипов [1]. Этот пример исторического становления представлений о структуре языка и структуре реальности необходим для демонстрации преемственности направлений. В XX в. позиция Л. Витгенштейна раннего периода, в соответствии с которой: '1.13 The facts in logical space are the world.', '1.1 The world is the totality of facts, not of things' [11], фактически продолжает эту традицию. Это говорит о том, что атрибутами понятия «мир» являются и структура и язык (конечно, это далеко не все его атрибуты), актуальность которых конституирует развитие того или иного типа дискурса (социального / научного / религиозного) в конкретный исторический период, поэтому данный процесс не предусматривает завершённости, он бесконечен. Следовательно, не принципиально, является ли конвенциональной или произвольной природа языка, был или нет протоязык, находившийся в гармонии с природой вещей, потому что структура, им воссоздаваемая, постоянно «требуется» взаимодействия от субъекта познания, т.е., если воспользоваться метафорой, мир и субъект познания пребывают в непрерывной интерактивной среде [12].

Таким образом, «эпистемологическая фальсификация» (каких-либо текстов, тезисов, конструктов) происходит в результате формирования новых эпистемологических полей, непрерывающаяся трансформация которых обеспечивается метафорой, помимо других элементов.

Литература

1. *Eco U.* Dall'abero al labirinto. Studi storici sul segno e l'interpretazione. Milano : Bompiani, 2007.
2. *Aristotle.* Posterior analytics // The works of Aristotle. Vol. 1. Chicago : William Benton, 1952. P. 97–137. Translated by G.R.G. Mure.
3. *Apel K.-O.* Transformation der Philosophie. Frankfurt. a. M.: Suhrkamp, 1973.
4. *Гончаренко М.В.* Трансформация мира фактов в смысле фактов в аналитической философии К.-О. Апеля // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 54–58.
5. *Peirce C.S.* The Collected Papers of Charles Sanders Peirce, Vol. 2 : Elements of Logic. Cambridge : Harvard University Press, 1932.
6. *Ockham W.* Philosophical writings. A Selection. Indianapolis; Cambridge : Hackett Publishing Company, 1989.
7. *Feyerabend P.K.* Farewell to Reason. London : Verso, 1987.
8. *Aristotle.* On Poetics // The works of Aristotle. Vol. 2. Chicago : William Benton, 1952. P. 681–699. Translated by Ingram Bywater.
9. *Augustine.* De Doctrina Christiana. Oxford : Clarendon Press, 1995. Latin text with an English translation by R.P.H. Green.
10. *Edmunds D., Eidinow J.* The poker Wittgenstein: A History of a ten-minute dispute between the two great philosophers. New York : Harper Collins Publishers, 2001.
11. *Wittgenstein L.* Tractatus logico-philosophicus. London : Routledge, Kegan Paul Ltd. German text with an English translation by C.K. Ogden. 1973 [1922].
12. *Karpova A., Ardashkin I., Kabanova N.* Organizational culture in focus of measurements // Procedia Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 166. P. 246–253.

Mark V. Goncharenko, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: markgon73@rambler.ru

Valentina N. Goncharenko, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Tomsk Branch (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: albaregia1960@mail.ru
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 103–110.
DOI: 10.17223/1998863X/47/11

DISCOURSE TRANSFORMATION AS A CONSEQUENCE OF NEW EPISTEMOLOGICAL FIELDS FORMATION

Keywords: epistemological fields; discourse; fact; metaphor; interpretation.

Discourse transformation as a consequence of new epistemological fields formation is analyzed in this article. The process of discourse structuring from the historical perspective is analyzed on the basis of a historical investigation of a sign and its interpretation represented by Umberto Eco in his work “Dall'albero al labirinto. Studi storici sul segno e l'interpretazione”. The process is studied in the context of linguistic and extra linguistic realities correlation. Also, the influence of a dynamic object on the formation of new knowledge is analyzed: cognitive schemes, limited by the society's practice, are developed by discovering unknown aspects of reality, and give new interpretations to the known facts. A metaphor, being one of the factors of new knowledge creation used by a cognizer in different types of discourse, is connected with this process. Among the other issues, the dynamic object, as well as permanent discourse transformation, raises the problem of knowledge falsification that occurs as a consequence of new epistemological fields formation. From the point of view of epistemology, this process is interactive, and may be considered a result of a constant cognizer's interaction with the world. The role of a metaphor in this case is difficult to overestimate. As a metaphor is a tool for creating some new knowledge, it hides the mechanism of its usage from a cognizer. A metaphor gives unusual meanings to the extra linguistic reality; these meanings bring new senses, relations, directions and

so on. Metaphor functioning shows that this speech pattern is a compulsory part of semiosis. The object of the research is the reasons and grounds of new epistemological fields formation. The authors suppose that these fields condition discourse transformation.

References

1. Eco, U. (2007) *Dall'abero al labirinto. Studi storici sul segno e L'interpretazione* [From the tree to the labyrinth. Historical studies on the sign and the interpretation]. Milano: Bompiani.
2. Aristotle (1952a). *Posterior Analytics. The Works of Aristotle*. Vol. I. Translated by G.R.G. Mure. Chicago: William Benton. pp. 97–137.
3. Apel, K.-O. (1973) *Transformation der Philosophie* [Transformation of Philosophy]. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
4. Goncharenko, M.V. (2014) The problem of transformation of the world of facts into meaning of facts in the analytical philosophy of K.-O. Apel. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 388. pp. 54–58. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/388/9
5. Peirce, C.S. (1932) *The Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. Vol. 2. Cambridge: Harvard University Press.
6. Ockham, W. (1989) *Philosophical Writings. A Selection*. Indianapolis; Cambridge: Hackett Publishing Company.
7. Feyerabend, P.K. (1987). *Farewell to Reason*. London: Verso.
8. Aristotle. (1952b) *On Poetics. The Works of Aristotle*. Vol. II. Translated by I. Bywater. Chicago: William Benton. pp. 681–699.
9. Augustine. (1995) *De Doctrina Christiana*. Latin text with an English translation by R.P.H. Green. Oxford: Clarendon Press.
10. Edmunds, D. & Eidinow, J. (2001) *The Poker Wittgenstein: A History of a ten-minute dispute between the two great philosophers*. New York: Harper Collins Publishers.
11. Wittgenstein, L. (1973 [1922]) *Tractatus Logico-Philosophicus*. German text with an English translation by C.K. Ogden. London: Routledge, Kegan Paul Ltd.
12. Karpova, A., Ardashkin, I. & Kabanova, N. (2015) Organizational culture in focus of measurements. *Procedia Social and Behavioral Sciences*. 166. pp. 246–253. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.12.519

УДК 1:316+330.8
DOI: 10.17223/1998863X/47/12

Л.Ф. Емелева

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ФОЛЬКЛОРЕ

Обосновывается тезис о социально-экономической обусловленности идей, характеризующих конкретные обстоятельства жизни крестьян. Фольклор аккумулирует их представления о хозяйственных взаимоотношениях в обществе. Анализ этого вида народного творчества с использованием различного методологического инструментария (герменевтического, диалектического, феноменологического) позволяет описать условия жизнедеятельности людей, эксплицировать структуру европейского общества Нового времени, определить место в ней и роль «непросвещенного сословия».

Ключевые слова: фольклор, сказка, человек, общество, экономика, социально-философские основания.

Исследование жизни людей в различных культурно-исторических обстоятельствах открывает возможности для понимания причин, побуждающих к социальному взаимодействию, и оснований, на которых протекает общественная жизнь. Изменчивость социокультурной реальности постоянно актуализирует вышеозначенную проблематику.

Совокупность возникающих в ходе проявления человеческой активности связей, выражающаяся в освоении окружающего мира, приспособлении его к удовлетворению собственных нужд, образует особую сферу общества – сферу экономических отношений. Цель данной статьи заключается в выявлении обусловленности экономических представлений крестьянства социально-экономическими обстоятельствами их жизни в конкретный период европейской истории. Достижение поставленной цели требует решения следующих задач: выявление сложностей, противоречий хозяйственной жизни крестьян; определение места крестьянства в экономической структуре общества; фиксация онтологического статуса крестьянства, особой связи крестьян с миром природы. Одним из важнейших источников эмпирических сведений об организации хозяйственной жизнедеятельности крестьянства является фольклор. Изучение этого источника дает возможность, во-первых, установить, как понимается человек и его связи с другими людьми; во-вторых, определить условия, обеспечивающие возможность общественной системы; в-третьих, раскрыть обстоятельства, которые инициируют деятельность людей в обществе, и, наконец, зафиксировать цель общественной жизни.

Выбор методологического подхода к исследованию обусловлен динамикой общественной жизни. Понимание источников и механизмов преобразований в социальной реальности осуществляется посредством диалектического метода, обнаруживающего противоречия во взаимоотношениях людей в определенных социокультурных обстоятельствах, выражающиеся в различных интересах, потребностях, целях, в результате достижения которых происходят изменения, в том числе меняется отношение человека к миру. При-

менение герменевтического метода позволяет обнаружить в сюжетах и персонажах сказок, притч, пословиц выраженные в иносказательной форме условия обыденной жизни людей, их представления о желаемом, возможном, должном. Изучать человека в контексте его повседневной жизнедеятельности, в условиях актуально протекающей и меняющейся действительности, но тем не менее сохраняющей некие инварианты, позволяет инструментарий феноменологического метода.

Внимание к произведениям фольклора как источнику изучения представлений простого народа о мире вообще и экономических отношениях в частности связано, прежде всего, с характерным способом передачи информации, обеспечивающим преемственность накопленного опыта, знаний, традиций из поколения в поколение – из уст в уста – путем их включения в сюжетную линию сказок, баллад, песен. Плоды духовного творчества простонародья, которые являет фольклор, раскрывают представления крестьян о быте, отношениях, образе жизни, о понимании собственного места в устройстве общества [1. С. 18–24].

Здесь важно отметить, что сказки могли стать предметом исследования только с получением письменной фиксации. А начало этого процесса, согласно Р. Дарнтону, относится к XVIII в., когда европейское просвещенное общество познакомилось с литературно обработанным материалом. В России сказочный фольклор получает литературное переложение в XIX в. [2. С. 10]. Таким образом фольклор, в частности сказочный, перестает быть объектом интереса исключительно простонародья и становится популярным среди представителей состоятельного сословия благодаря усилиям собирателей сказок (Шарль Перро, братья Гримм и др.). Исследования фольклористов (среди которых В.Я. Пропп, А.Н. Афанасьев, В.С. Бахтин), историков (Р. Дарнтон), социальных философов (Б. Мандевиль, Ф. Бродель) позволили выявить представления об отношениях и связях, характеризовавших европейское общество в период становления национальных государств, развития мануфактурного производства наряду с сельским хозяйством, расширения торговли, способствовавших усложнению отношений хозяйственной жизнедеятельности и экономической структуры общества.

Одновременно с пробуждением интереса к фольклору происходит формирование первых теоретических представлений об экономической сфере и месте человека в государственной и хозяйственной структурах. Человек, понимаемый как часть государства-организма, занимал конкретное место в социально-экономической структуре, обеспечивая тем самым его стабильность [3. Т. 2. С. 265]. Основу функционирования таким образом понимаемого государства составляет материальная жизнь как система хозяйственных общественных отношений и связей, расширение которых, в свою очередь, способствует становлению других уровней – рыночной экономики и капитализма [4. С. 50].

Изучение работ упомянутых исследователей и ученых дает возможность выявить широкий диапазон идей социально-экономического характера, свойственных представителям разных сословий, в частности крестьянства.

В фольклоре как универсальном способе самовыражения «молчаливого большинства», не имеющего письменной культуры, отразилась картина горького существования бедноты, противопоставленная образу жизни богатых

людей. Сказки, пословицы, песни в крестьянской среде служили средством общения, просвещения, передачи традиций. Однако в первую очередь они являлись своеобразной формой миропонимания и мироощущения, отражением реальной жизни, поэтому сказки были полны жестокости, страха, грубости. Единственным моральным основанием сказок была сама жизнь, точнее, ее сохранение или утрата. Отсюда их главная цель – предостеречь детей, указать на наиболее опасные реальные последствия их действий. Выполняя свою задачу, сказки тем не менее исполняют и другую скрытую роль – демонстрируют социально-экономическую структуру общества, фиксируют место представителей различных сословий в нем, их взаимоотношения.

Над крестьянами довлело тяжелое экономическое бремя в виде государственных и церковных налогов и сборов. Страны Европы Нового времени отличались преимущественно аграрной ориентацией экономики. Необходимость выживания вынуждала крестьян объединяться в общину, где взаимоотношения часто не носили дружественного характера, напротив, имели место зависть и противоборствующие интересы. Поэтому сказки ярко иллюстрируют такие отношения между непримиримыми соседями, зажиточным крестьянином и бедняком, или между старшими братьями и младшим – непременно «дурачком». Сюжеты о жестокости, жадности барина, помещика, попа по отношению к нанимающемуся к нему крестьянину, работнику раскрывают социальное противоречие складывающегося в тот период капиталистического способа ведения хозяйства [2. С. 89]. При этом деятельность всегда выступает в качестве условия, определяющего характер взаимоотношений героев сказок. Она представлена в форме выполняемого физического труда, как, например, «пахал мужик ниву», «пошел в лес дрова рубить», «вот хорошо, зачал мужик горох сеять», «мужик репу копает», «наклат свою репу на воз и поехал продавать» [5. С. 22, 79].

Ряд сказок включает героя, активность которого сложно трактовать однозначно. Здесь имеются в виду Иванушка-дурачок из русской сказки, Ханс Чурбан – из французской и другие подобные персонажи, наиболее яркими характеристиками которых являются непосредственность, бескорыстие, бодрость духа, равнодушие к материальным трудностям. Образ такого героя-простака можно рассмотреть в рамках двух различных моделей жизнедеятельности человека. В первой модели рационально-созерцательная активность направлена на гармоничное существование человека в мире природы, которое достигается путем невмешательства, чуткости к этому миру, вписывания человека в него. Примерами такого отношения могут служить сюжеты о том, как Иванушка по пути с базара надел на пеньки шапки, чтобы те не мерзли, пустил стол идти на своих четырех ногах либо о том, как герой другой сказки после очередной неудачи выслушивал наставления жены, матери и сестры, а после снова попадал впросак [2. С. 23; 5. С. 39, 291]. Очевидно, что обществом одобряется иная модель жизнедеятельности простого человека, а именно рационально-преобразующая, создающая экономические условия материального благополучия человека. При этом бездействие трактуется как лень, сострадание и материальная незаинтересованность – как проявления неразумности и глупости. Таким образом, сказки демонстрируют общественное одобрение трудолюбия как одного из важнейших качеств крестьян, которое может обеспечить человеку выживание. Наряду с этим в среде кре-

стьянства культивируется неодобрительное отношение к обогащению как самоцели, вероятно, для сохранения целостности структуры общества, в котором социальная позиция человека должна быть зафиксирована в пределах выполняемых им функций («каждый сверчок – знай свой шесток»).

В образе Иванушки отразилось понимание простым человеком устройства общества в контексте натуралистической модели социальной реальности, в котором хозяйственные взаимоотношения складываются на принципах самообеспечения, осознании связи с миром природы и зависимости от ее сил. Персонаж, подобный Иванушке-дурачку, с данной позиции может быть рассмотрен как базовый в описании внеэкономических условий возможности общества. Его активность представлена как отрицание или пренебрежение экономическими обстоятельствами повседневной жизнедеятельности, материальная незаинтересованность Иванушки-дурачка проявляется в уклонении от физического труда, который «ничего не делал, только на печи в углу сидел да сморкался» либо «все на печке сидел да мух ловил» [5. С. 135, 291]. Здесь следует отметить, что образ печи, часто используемый в сказках, символизирует теплое уединенное безопасное место в доме, позволяющее наблюдать, оценивать, делать выводы о происходящем вокруг, т.е. осуществлять интеллектуальную активность. Будучи бесполезным в рутинной хозяйственной жизни, персонаж-простака в нестандартных обстоятельствах оказывается способным на такие поступки и действия, от которых зависит будущее благополучие семьи, жизнь человека [Там же. С. 190]. Сказанное позволяет заключить, что в образе героя-простака получили свою интерпретацию неоднозначность проявления человеческой активности и существование связи между условиями выполнения физического труда и интеллектуального и их результатами.

Жизнь простого человека проходит на фоне монотонного, тяжелого, изнуряющего труда, результатом которого не всегда выступает справедливое вознаграждение. Подобная зависимость от воли случая, непредсказуемость (например, погодных условий) чаще характеризуют материальные обстоятельства жизни; к примеру, на собранный мужиком урожай, который тот планировал продать, покушается сильный медведь [Там же. С. 22]. Похожий сюжет описывают и скандинавские сказки [6]. Очевидный социально-экономический дисбаланс определяет условия жизнедеятельности в обществе в целом, он воспринимается как само собой разумеющееся обстоятельство жизни, что и воплощено в образах богатого, но жестокого, часто глупого и скупого барина или богатого соседа. Встречаются и другие сюжеты, например, такой, где бедный крестьянин, семье которого грозит голодная смерть, решается украсть хлеб у богатого соседа, не покушаясь при этом на другие запасы, и тот в результате помогает ему [2. С. 45]. Данный пример можно характеризовать по-разному, автор видит здесь ситуацию разрешения материальной проблемы средствами морали, точнее, каждый персонаж совершает моральный поступок: один решается на воровство, другой находит в себе силы к прощению, пониманию и сочувствию. Нужда жестоко мотивирует человека на трудовую активность, изменяя тем самым представление о труде от общественно одобряемого качества трудолюбия до осознания тягот беспросветной изнуряющей тяжелой работой жизни. Также влияние различных внеэкономических обстоятельств, какими являются непредсказуемость явлений природы и такие человеческие пороки, как жадность, зависть, обман, обу-

словливающие враждебные взаимоотношения людей, сводит к минимуму экономический эффект, позволяет человеку в лучшем случае выживать, а в худшем – пускаться в скитания по свету в поисках лучшей доли [7. С. 48]. Не в силах избежать влияния данных обстоятельств, человек приспосабливается к возможным неожиданностям и несправедливости и действует, проявляя активность умственную, а именно хитрость и находчивость [2. С. 31, 35, 36]. Таким образом, наряду с трудолюбием названные качества, а также другие, характеризующие приспособляемость человека к различным жизненным ситуациям, позволяют человеку сохранять себя и выживать [8. С. 163].

Сюжетное сходство сказок дает возможность предположить наличие общих социально-культурных оснований в экономических идеях, бытовавших у представителей разных европейских народов в Новое время [1. С. 19; 2. С. 5]. Французским, немецким, скандинавским сказкам присуща естественная рациональность, а экономические идеи характеризуются целесообразностью, понимаемой как практичность; в них обретение материальных благ сулит успех и в иных сферах (женитьба, крепкая семья, долгая счастливая жизнь). В русских сказках экономическая активность человека часто обусловлена внеэкономическими факторами, а материальное обогащение является скорее средством, а не целью. Сказка «Неосторожное слово» демонстрирует экономические ценности, наиболее характерные для русской фольклорной традиции: «...очутился добрый молодец опять на калиновом мосту, а подле него кулек с золотом. Вот так-то разбогател он, женился на хорошей девице и зажил себе счастливо; а кабы польстился он на деньги – черт, наверно, обманул бы его...» [5. С. 179]. «Жить-поживать да добра наживать», «...и жил с нею долгие лета в любви и согласии» – эти и подобные завершения русских сказок как раз иллюстрируют пример достижения цели – внутренней (моральной) удовлетворенности. [Там же. С. 118, 134]. Отсюда можно заключить, что для общества XVII–XVIII вв. труд является естественным условием, определяющим возможность физического существования. Благополучие выступает главной целью жизнедеятельности во многих европейских социальных моделях того периода и связывается с результатами трудовой деятельности.

Труд, составляя основу экономических взаимоотношений, создает возможности существования общества, заполняя повседневную жизнь бедных людей, становится самой жизнью, что обуславливает выживание как ее основную цель. При этом исходные основания в понимании труда как способности человека к целенаправленному преобразованию окружающей реальности лежат за пределами общественной жизни, в самой природе человека. Обращение к народному фольклору позволяет увидеть ту сторону трудовой деятельности, которая отражает личное, сугубо индивидуальное проживание человеком жизни в повседневной рутинной работе [9. С. 32]. Несмотря на то, что условия социальной реальности вызвали необходимость объединения крестьян в общины, в текстах сказок не удалось отыскать сюжеты выполнения коллективной трудовой деятельности. Связано это скорее всего с тем, что совместная деятельность являлась, прежде всего, следствием непредвиденных, стихийных событий, подобных пожару, наводнению, засухе, голоду после сбора податей, налогов, либо крупных и значимых событий, подобных строительству дома для нуждающейся семьи сообща всей деревней, с которыми человеку не справиться в одиночку. Сказки также демонстрируют, как

одинокость, вследствие разрушения социальных (семейных) связей героя, в частности распада семьи после гибели матери или отца, выражается в утрате социального статуса и превращает любимую дочь в падчерицу, сироту (Золушка из французской сказки, Крошечка-Хаврошечка из русской, Мария из австрийской сказки «Госпожа метелица» и пр.). В контексте натуралистической модели общественной жизни результатом действия причинно-следственных связей, вероятно, должна была стать неминуемая гибель героини: Мария из вышеназванной сказки бросилась в колодец за упавшим веретеном [10]. Однако развитие сюжета кардинально меняет направление, события оказываются непредсказуемыми: происходит вмешательство волшебных сил, и мир обретает новые очертания, а счастливое замужество обеспечивает героиням материальное и моральное благополучие [11. С. 96]. Герои других сказок получали в дар за добрые дела скатерть-самобранку, мельничку, волшебный горшочек и скоро избавлялись от нужды и тягот бедности. Подобные сюжеты также демонстрируют действие в обществе иных (не только каузальных) закономерностей в достижении человеком благополучия.

Материальное обогащение при этом не всегда имеет первостепенную ценность. Например, в русских сказках богатство также выступает средством достижения других целей и теряет свое значение, когда важнейшие жизненные ценности достигаются. В связи с этим в сказках богатство не зарабатывается трудом: оно случайно приходит (с помощью сказочных помощников, таких как Сивка-Бурка, Конек-Горбунок) и часто случайно уходит [8. С. 53–63]. Есть также сказки, как, например, «Царь Иван и лапотник», где царь вынуждает бояр покупать лапти, обеспечивая условия торговли лапотнику и возможность наладить жизнь, чутко передающие противоречия социально-экономического и политического устройства общества [2. С. 14–16]. Сверхестественные и необыкновенные обстоятельства, связанные с вмешательством иных сил, можно интерпретировать как условия совместной жизнедеятельности людей в обществе, где действуют иные, отличные от природных, законы и связи [12. С. 64]. И если в реальной жизни бедному человеку практически нереально было преодолеть несправедливость общественного устройства, что приводило к противозаконным действиям, то в сказках справедливость устанавливалась либо чудесным образом, либо посредством хитрости и находчивости, а тяжкий труд и доброта всегда вознаграждаются.

В крестьянской среде постоянно воспроизводились условия мотивации людей к труду как единственной возможности избежать смерти. При этом у человека был выбор: труд либо скитание по свету, иллюстрацией которого выступает множество сказок [13. С. 171]. Отсюда модель человека, включающая сочетание таких черт, как трудолюбие, хитрость, ловкость, сноровка, смекалка. Этим обуславливается активное отношение человека к жизни, при этом появляется возможность избежать непосильного труда, тогда как смирение, страдание еще более обременяют состояние человека. Таким образом, активная экономическая деятельность – вот что обеспечивало безопасность, целостность крестьянской общины.

Внимание к народному творчеству в контексте социально-философской обусловленности экономических представлений позволяет обнаружить еще один аспект – материальное благополучие часто связано с характером взаимоотношений человека и природного мира. Многие сказки демонстрируют

связь природы с человеком, причем эта связь далеко не однозначна: природа может выступить как заступница, а может показать свою власть над человеком. Например, в сказке «Медведь», где старик отсекает медведю лапу, а старуха потом ее варит, кожу и шерсть обрабатывает, можно обнаружить близкие крестьянству социально-экономические идеи: вред природе оборачивается вредом человеку; пользу приносит только то, что добывается трудом, а не отнимается силой; семья, а одинокая бездетная жизнь не способствует благополучию [5. С. 40]. Так или иначе, природа являет человеку самую суть естественного закона жизни. В одной из скандинавских сказок отец благополучно выдает дочь замуж за медведя, в русской сказке отец находит мужей трем дочерям – карася, орла и медведя [6]. Похожий сюжет есть и в русских сказках, где Иван-царевич выдает замуж своих сестер за сокола, орла и ворона [5. С. 108].

Эти и подобные сказки демонстрируют связь основ существования общества с действующими в нем отношениями, в том числе хозяйственно-бытовыми. Они очевидно указывают на значимый и одновременно подчиненный социальный статус женщины в семье отца, который она сохраняет, выходя замуж и занимая свое место рядом с супругом. При этом такие сказки, кроме того что иллюстрируют связь простого человека с природой, фиксируют изменения, которые также происходят в обществе, а именно: в сказке женихами являются не люди, а птицы и звери, что можно рассматривать как то, что новые семейно-бытовые отношения будут складываться по иному, не знакомому ранее порядку, к которому их участникам предстоит приспособиться. А благополучие и счастливая жизнь в сказке часто связаны с достатком пищи и безопасностью членов семьи. Таким образом, в русских сказках, в том числе сказках, собранных Афанасьевым, Бахтиным, и в иностранных наличие семьи или, напротив, бездетность выступают своеобразным мерилом благополучия крестьянского хозяйства.

Сказки демонстрируют понимание и принятие представителями народа собственного места в обществе, что соответствует натуралистической модели общества Нового времени, направленной на сохранение стабильности социальной структуры. Социальные позиции бедствующих крестьян в сказках представлены в образах одинокого старика и старухи, проживших жизнь и так и не родивших детей, либо многодетным отцом, ищущим приработка на стороне, чтобы прокормить семью. В реальной действительности их житейская доля незавидная, сказка же позволяет наладить жизнь благодаря волшебному появлению детей, как в сказках про Терешечку, Заморышка, Снегурочку, потому что дети нужны «...во младости на поглядение, а под старость на прокормление...» [5. С. 73–76, 90]. Наличие полной семьи обуславливает соблюдение в ней социальных ролей: бабушка-дедушка олицетворяют отношения помощи, признания опыта, внимания, уважения к старости (например, в сказках «Почему стариков не стали изгонять», «Красная шапочка»), роль отца связана с активностью в добывании средств жизни, роль матери проявляется посредством отношений заботы [2. С. 286]. В сказках нарушение традиционных отношений в семье, ослабление семейных родственных связей часто влечет за собой нужду, что в целом ориентирует человека на признание духовной и практической ценности семейных отношений [Там же. С. 46]. Данное обстоятельство в сказках подмечается по-разному. Стремление до-

стичь материального благополучия посредством торговли (как в сказке «Любовь жены») либо заработков на стороне.

По контексту упомянутых сказок можно предположить, что выполнение социальных функций, закреплённых соответствующей позицией простого народа как массы людей бедных, угнетённых непосильным трудом, несправедливо унижаемых, в целом соответствует общепринятым ожиданиям. Этим обусловлено пренебрежительное отношение к интеллектуальной активности непросвещённого человека, с одной стороны, не одобряющее, но, с другой – признающее её существование и полезность в достижении благополучной жизни. В целом сказки демонстрируют, что, несмотря на сильную привязку к истокам материальной жизни, простой народ не ограничивает ту самую жизнь исключительно материальными условиями.

В той части европейского общества, именуемого непросвещённым словом, сложилось собственное представление об устройстве общества и об условиях, определяющих модель жизни человека. Сказки – английские, немецкие, французские и русские – демонстрируют главную общую черту – все они нацелены на фиксацию представления человека о жизни в обществе как его единственной возможности сохранения этой самой жизни, средством при этом выступает труд. С другой стороны, сохранение целостности общества достигается за счёт сохранения его структуры; для этого в обществе закрепляется понимание того, что смена социального статуса человека естественно приводит к изменению выполняемых функций. Таким образом, физический труд становится характеристикой жизни простого народа. Обществом одобряется активность, соответствующая его социальной позиции и лежащая в основе экономического поведения человека на принципах рациональности, целесообразности, выгоды. Фольклор в образной форме демонстрирует, как изменение обстоятельств приводит к изменениям в человеке и обществе. Устойчивые социальные отношения, протекающие в условиях повседневной хозяйственной жизнедеятельности, суть отношения материального, экономического характера, они обеспечивают существование общества как способа бытия человека. Следовательно, экономические взаимоотношения, закладывающие материальные основания общества, объясняются законами общественной жизни, действие которых обусловлено также существованием внеэкономических условий, обнаруживающихся в социальных взаимоотношениях, понимание которых также получило интерпретацию в фольклоре.

Литература

1. *Пропн В.Я.* Фольклор и действительность. М. : Наука, 1976. 327 с.
2. *Русская бытовая сказка* / сост. В.С. Бахтин. Л. : Лениздат, 1987. 510 с.
3. *Гоббс Т.* Избранные произведения в 2 т. / пер. с англ. А. Гутермана. М. : Мысль, 1965. Т. 2. 748 с.
4. *Бродель Ф.* Динамика капитализма / пер. с фр. В. Колесникова. Смоленск : ТОО «Полиграмма», 1993. 128 с.
5. *Народные русские сказки* : Из сборника А.Н. Афанасьева / вступ. ст. и словарь малоупотреб. и обл. слов В.П. Аникина. М. : Худож. лит., 1979. 348 с.
6. *Невеста белого медведя* / пересказ Е. Толстой. СПб. : Амфора, 2012. 48 с. (Сказки народов мира).
7. *Пропн В.Я.* Морфология сказки. Л. : Academia, 1928. 152 с. (Репринтное издание).
8. *Тесля С.Н.* Опыт аналитики повседневности. М. : Изд-во МГУ, 1995. 229 с.

9. Дарнтон Р. Великое кошащее побоище и другие эпизоды из истории французской культуры / пер. Т. Доброничкой, С. Куланды. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 384 с.
10. *Госпожа метелица* / пересказ А. Галль. СПб. : Амфора, 2012. 47 с. (Сказки народов мира).
11. *Измутьева К.В.* Трансформация сюжета Золушки в пьесе Л. Филатова «Золушка до и после» // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 94–105.
12. *Философия* в современном мире: поиск методологических оснований, вып. 3 / МГУ им. М.В. Ломоносова, УлГТУ; под ред. Т.Н. Брысиной. Ульяновск : УлГТУ, 2004. 85 с.
13. *Волкова Е.Г.* Феномены архаической культуры в концепции В.Я. Проппа (философско-культурологический анализ) // Философская мысль. 2015. № 5. С. 170–187.

Liliya F. Emeleeva, Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russian Federation).

E-mail: l.emeleeva@ulstu.ru, emlf@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 111–120.

DOI: 10.17223/1998863X/47/12

ECONOMIC IDEAS IN FOLKLORE

Keywords: nature of human; society; activity (performance); economics.

The aim of the article is to reveal the dependence of social and economic representations of the “uneducated” class (peasants) on the sociocultural conditions of their life during a specific period of the European history. For this purpose, it is necessary to find out what a human being is and what connects people with each other; to describe the living conditions of society; to find out which circumstances initiate people’s activity in society; to define what the purpose of public life is. The combination of hermeneutic, dialectic, and phenomenological methods allows to understand the place and role of a person who represents the “uneducated” class in the structure of the European society in the 17th–18th centuries. Peasants’ views on the world in general, the society organization, their standards of living, socio-economic ideas found reflection in folklore. Studying European (German, French, Scandinavian, Russian) fairy tales collected by Charles Perrault, the brothers Grimm, Alexander Afanasyev, and works of Fernand Braudel and Robert Darnton allow to draw a conclusion that for ordinary people fairy tales served as means of communication, education, transmission of traditions and cultural schemes. Harmonious communication with nature is found when characters of fairy tales work on land and hunt. Their dearest wish is to get a magic object as a gift and not to need food any more, which reflects the agrarian orientation of economy, the natural reasons of deficiency of means for life. Images of silly, greedy, lazy rich men and of poor people who are forced to work to earn a living, not to get rich, indicate not only the understanding of the unfair social structure by an ordinary person, but also offer available means of maintenance of the socio-economic balance: cunning, wit, resourcefulness, and also theft, deception. Financial interest is a common condition for people’s activity in European fairy tales. The image of a fool in Russian folklore discloses the non-economic value of human life in harmony with nature. Society ignores the contemplative activity of a person as it does not lead to a change of the surrounding space, but can call into question the bases of the social fabric in which financial interest acts as a condition of society’s existence, and human activity is a condition of its functioning.

References

1. Propp, V.Ya. (1976) *Fol'klor i deystvitel'nost'* [Folklore and Reality]. Moscow: Nauka.
2. Bakhtin, V.S. (1987) *Russkaya bytovaya skazka* [Russian folk tale]. Leningrad: Lenizdat.
3. Hobbes, T. (1965) *Izbrannye proizvedeniya v 2 t.* [Selected Works. In 2 vols]. Vol. 2. Translated from English by A. Guterman. Moscow: Mysl'.
4. Braudel, F. (1993) *Dinamika kapitalizma* [Dynamics of Capitalism]. Translated from French by V. Kolesnikov. Smolensk: Poligramma.
5. Afanasyev, A.N. (1979) *Narodnye russkie skazki: Iz sbornika A.N. Afanas'eva* [Russian folk tales: From A.N. Afanasyev’s collection]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
6. Anon. (2012) *Nevesta belogo medvedya* [The Bride of a Polar Bear]. Adapted by E. Tolstaya. St. Petersburg: Amfora.
7. Propp, V. Ya. (1928) *Morfologiya skazki* [Morphology of the Folk Tale]. Leningrad: Academia.
8. Teslya, S.N. (1995) *Opyt analitiki povsednevnosti* [Everyday Analytics]. Moscow: Moscow State University.

9. Darnton, R. (2002) *Velikoe koshach'e poboishche i drugie epizody iz istorii frantsuzskoy kul'tury* [The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History. Translated from English by T. Dobronitskaya, S. Kulanda. Moscow: NLO.

10. Anon. (2012) *Gospozha metelitsa* [Mother Holle]. Adapted by A. Gall. St. Petersburg: Amfora.

11. Izmestieva, K.V. (2016) Transformation of the plot of Cinderella in the play by Leonid Filatov "Cinderella: before and after". *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 94–105. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/55/11

12. Brysina, T.N. (ed.) (2004) *Filosofiya v sovremennom mire: poisk metodologicheskikh osnovaniy* [Philosophy in the modern world: the search for methodological grounds]. Issue 3. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University.

13. Volkova, E.G. (2015) Fenomeny arkhaischeskoy kul'tury v kontseptsii V.Ya. Proppa (filosofsko-kul'turologicheskiy analiz) [Phenomena of archaic culture in the concept of V.Ya. Propp (philosophical and cultural analysis)]. *Filosofskaya mysl'*. 5. pp. 170–187. DOI: 10.7256/2409-8728.2015.5.15688

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 141

DOI: 10.17223/1998863X/47/13

М.Ю. Загирняк

СОЛИДАРНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ В ФИЛОСОФИИ С.И. ГЕССЕНА¹

Исследована солидарность как инструмент коммуникации индивида и культурной ценности в философии С.И. Гессена. Проанализировано значение аксиологии баденского неокантианства для трактовки культуры. Установлено, каким образом солидарность приводит к формированию системы сообществ и институтов на основе характерного для данной культуры определения свободы.

Ключевые слова: неокантианство, аксиология, индивид, свобода, солидарность.

А знаете вы, что такое история? Это само человечество! И нельзя переломить хребет истории и не переломить хребет человечеству.

А. и Б. Стругацкие. Попытка к бегству

Понятие «солидарность» актуализируется в европейской философии XIX в. с развитием социалистических учений. Происходит отказ от понимания общества времён расцвета классического либерализма с точки зрения социального атомизма. Автономной этики недостаточно для обоснования социальных процессов. Расцвет социалистических теорий в конце XIX – начале XX в. представляет множество вариаций решения проблемы свободы индивида с учётом культурного контекста.

Указанная тенденция истории политических учений оказала влияние на русскую социально-философскую мысль, прежде всего – на открытую для западных идей её часть. Авангардом *неозападнического* движения можно считать группу мыслителей, объединённых вокруг ежегодника по философии культуры «Логос», в программной статье первого выпуска которого был обозначен камертон политики издания: поспособствовать интеграции русской философской мысли в мировую философию [1. С. 719]. Представители данного направления развития отечественной философии дооформили собственные разработки до социально-философских учений уже в статусе эмигрантов в 20–40-е гг. прошлого столетия.

В данной статье планируется проанализировать, каково значение концепта «солидарность» в процессе институционализации свободы в философии С.И. Гессена, что позволит обосновать характерную для неё специфику социального взаимодействия.

¹ Данное исследование было поддержано из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

Социальная философия С.И. Гессена построена на либеральном принципе приоритета ценности индивида над любыми социальными сообществами и институтами (в том числе и над государством). Отечественный мыслитель применяет принципы неокантианской антинатуралистической исследовательской стратегии, согласно которой культура позиционируется как сфера самоактуализации человека. Культура в работах С.И. Гессена трактуется как главная макро-социологическая категория, сосредоточившись на процессе развития которой можно проанализировать специфику свободы личности. Поэтому свобода индивида – важнейший индикатор для оценки культурной динамики.

Вслед за своим учителем Г. Риккертом С.И. Гессен обосновывает онтологию культуры через аксиологию, определяя её сферы как ценные сами по себе трансцендентные объекты за пределами времени, содержательно принципиально неисчерпаемые¹. С.И. Гессен акцентирует внимание на континуальности социальных феноменов как на принципиальном ракурсе, необходимом для осмысления их особенностей. Наука, искусство, нравственность, хозяйство, право существуют независимо от какого-либо индивида в статусе неисчерпаемых ценностей, которые постепенно воплощаются в действительности, благодаря чему возможно мыслить культуру исторически: «...сохраняется именно то прошлое, которое имеет отношение к культурным ценностям» [4. С. 34].

При этом воплощённое в конкретной культуре содержание ценностей обладает самостоятельным бытием². С.И. Гессен сконструировал социальное время, в котором человек и культура представляют собой две континуальности, связанные между собой обществом. В рамках данной аксиоматики С.И. Гессен попытался холистически переосмыслить общество как объект изучения не в качестве простой суммы индивидов, но как сложный феномен, качественно отличающийся от простой совокупности входящих в неё индивидов. Культура является продуктом всего общества, что позволяет ей функционировать и развиваться независимо от какого-либо индивида. Однако каждый человек может внести вклад в развитие культуры, если овладеет пониманием, что в ней нуждается в совершенствовании. Человек формируется и развивается как социальный индивид в условиях определённого общества, функционирующего а контексте определённой культуры³. В связи с этим Б. Голек (B. Gołek) совершенно справедливо называет философию С.И. Гессена персоналистической и отмечает, что человек рождается человеком, но

¹ Данную точку зрения С.И. Гессен иллюстрирует примером с развитием науки: «Так, например, научное творчество живёт идеей науки. Науку нельзя отделить от своих специальных областей, ею нельзя раз навсегда овладеть, как о том мечтает дилетант. Оно *есть* общее для всех научных областей *задание*, к которому можно только приближаться в непрерывном прогрессе, но которое нельзя исчерпать, превратить в готовую данность» [2. С. 92]. Противопоставление ценности и действительности С.И. Гессен сформировал уже в 1909 г. в защищённой во Фрайбурге у Г. Риккерта диссертации на соискание докторской степени [3. S. 150].

² По этому поводу отечественный мыслитель недвусмысленно пишет: «Наука, искусство, язык, общественные учреждения, религия и все другие формы жизни объективного духа существуют не менее реально, чем виды органической жизни или химические элементы и физические электроны и атомы» [5. С. 322].

³ С.И. Гессен отмечает, что каждый индивид имеет возможность творчества в определённых культурных условиях: «Если и верно, что отдельный человек выбирает себе мировоззрение в соответствии со своим характером, т.е. в соответствии со своей личной установкой („подходом“) к мировому целому, то, с другой стороны, столь же бесспорно, что он ограничен в этом своём выборе своей исторической эпохой, т.е. той формой самосознания, которой достиг в данный исторический период в данном историческом месте объективный дух» [Там же].

обретает личность в процессе собственного развития, что является его пожизненной задачей¹.

Другими словами, человеку необходимо выйти за рамки индивидуальных целей и интересов, чтобы осознать, что культура представляет собой процесс совершенствования в осуществлении вневременных ценностей. Причём, как справедливо замечает Т. Новацки (T. Nowacki) во вступительной статье к польскому изданию избранных произведений С.И. Гессена, биография человека зависит от объективной реализации ценности, и наоборот: тот, кто не осознаёт ценности, не имеет собственной биографии личности². Поэтому человек нуждается в коммуникации с культурными ценностями, чтобы построить собственную личность.

Данный процесс рационализирован в соответствии с диалектическим методом Г.В.Ф. Гегеля. Диалектика позволяет каждому индивиду осмыслить превосходящую его систему жизненных целей и интересов как культурную динамику – логику содержательного раскрытия ценностей в действительности³. Индивид соотносит себя с объективным духом в результате *сверхиндивидуальной* оценки действительности⁴. С.И. Гессен использует диалектический принцип Г.В.Ф. Гегеля как принципиальное условие возможности коммуникации, с одной стороны, с индивидами, с другой – с культурными ценностями. Общество представляет собой постоянно конструируемую структуру для поддержания и улучшения коммуникации культуры и индивида, которая даёт каждому человеку возможность сформировать *мировоззрение*, связать личность с бытием мира [5. С. 320]⁵. В этом смысле уместно прозвучат слова Ч. Кукатаса о том, что для человека важно в своей жизни видеть нечто большее, чем случайную последовательность эпизодов [9. С. 106].

Аксиологическая модель макросоциологии – это способ позиционирования индивида в мире, способ самоактуализации индивида в сеттинге определённой культуры. Аксиология позволяет С.И. Гессену рассматривать культуры как эквивалентные способы воплощения ценностей и соответствующие способы организации социума. Независимо от содержательных особенностей различных культур формула взаимодействия индивида и культуры посредством общества осуществляется по одному и тому же алгоритму: начиная от трактовки свободы индивида, соответствующей историко-культурным условиям, к оценке препятствий для осуществления свободы. Человек ориентируется на культурное развитие *per se*, которое представляет собой *социальное согласование* реализации вневременных ценностей. Совершение этой опера-

¹ «Człowiek rodzi się osobą, a osobowością się staje, i ten wszechstronny rozwój osobowości jest jego całozyciowym zadaniem» [6. S. 246].

² «Biografia człowieka jest uzależniona od realizowania przezeń obiektywnych wartości. Kto ich nie realizuje, ten nie ma właściwie biografii» [7. S. XIII].

³ Следует заметить, что излишняя рационализация процесса культуры приводит С.И. Гессена к необходимости признания развития правовых учений как исполнения диалектических принципов Г.В.Ф. Гегеля. См. об этом: [8. С. 32–34].

⁴ «Кем бы мы ни были – учёными, поэтами, общественными деятелями или просто творцами собственной жизни, – только через сверхиндивидуальное в нас можем мы стать индивидуальностями. Сверхиндивидуальное в нас образует нас, сохраняя частности нашей жизни и собирая их в единое целое» [2. С. 93].

⁵ Ср.: «Только Мировоззрение даёт человеку сознание своего места в Мире и тем самым „почув“ в жизни, возможность выйти из себя самого, оставаясь вместе с тем самим собой» [5. С. 322].

ции требует соответствующего инструмента социальной коммуникации [10. С. 428].

В связи с этим С.И. Гессен вводит концепт солидарности. Солидарность – это социальная технология, повышающая коммуникативную эффективность и помогающая каждому индивиду определить векторы творчества.

Для объяснения того, каким образом функционирует солидарность, играя роль инструмента для взаимной корреляции индивида и культурных ценностей, С.И. Гессен преобразует понятие *общей воли* Ж.-Ж. Руссо. В отличие от женевого мыслителя С.И. Гессен не рассматривает общую волю как статичное образование, сгенерированное в результате простой арифметической операции как общее кратное всех частных волеизъявлений за вычетом всего того, что относится только к уникальным личным интересам. Общая воля – это, по выражению мыслителя, не карта Франции [11. С. 200], не константа, а феномен, находящийся в перманентном состоянии формирования, изменения, развития. Общая воля – это процесс, в котором происходит генерирование целей, выходящих за рамки отдельной личности [Там же. С. 201–202].

Солидарность играет роль инструмента коммуникации индивида и культуры, позволяя прояснять направления реализации ценностей в условиях содержания определённой культуры. Каждый человек остаётся свободным в выборе направления и сферы самоактуализации, ограниченный только формами выражения и общественного одобрения. При этом все ограничения условны, поскольку в культуре могут быть открыты новые сферы социального взаимодействия¹. Остаётся неизменной только форма взаимодействия общества и индивида.

Поэтому С.И. Гессен предлагает рассматривать социальные институты как постепенную эволюцию механизмов взаимодействия людей, в рамках которой совершенствование оценивается по критерию обеспечения условий для реализации свободы индивида и уменьшения помех для самоактуализации индивида в условиях культуры. Социальные институты – это пластичные образования, развитие которых зависит от интерпретации идеи свободы в обществе в условиях данной культуры. Идея свободы непосредственно связана с трактовкой справедливости в рамках определённой культуры.

Солидарность позволяет задать границы юрисдикции в соответствии с содержательным раскрытием понятия свободы индивида в обществе, а также оценить соответствие статуса и функциональности социальных институтов задаче актуализации каждым человеком свободы. Поэтому солидарность приводит к развитию такой системы институтов (в том числе и государства), чтобы максимально обеспечить самореализацию личности.

Каким же образом надо организовать социум, чтобы избежать эксплуатации индивида и в то же время сформировать алгоритмы социальных практик с сохранением порядка и обеспечением возможностей для самоактуализации каждого человека? Существует ли *внесодержательный* алгоритм для определения свободы человека, применимый в условиях любого культурного контекста?

¹ Например, «Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела», принятый резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 1966 г., предполагает возможность космических полётов, которые сложно было представить до появления ракетно-космических систем [12].

Сложность оценки самоактуализации индивида заключается, по мнению С.И. Гессена, в том, что трактовка понятия свободы меняется со временем¹. Если в современном обществе применить трактовку свободы античного полиса, то современный индивид не будет ощущать себя свободным [13. С. 107]. В связи с этим С.И. Гессен определяет свободу личности как самостоятельную ценность, которая не должна превращаться в «простое орудие для удовлетворения чужих потребностей» [11. С. 190].

Наилучшим образом проблема институционализации свободы решается в системе *социального права*. В статье «Идея социального права» С.И. Гессен обсуждает близкое к солидарности по смыслу (но, по его мнению, *довольно спорное* [10. С. 434]) понятие соборности из социологии права Г.Д. Гурвича, который тоже предложил учение о социальном праве. С.И. Гессен отмечает, что правовое устройство общества, в связи с отсутствием субординации предполагающее равновесие целого и частей, проявляет свой *соборный* или *интеграционный* характер [Там же. С. 424–425]. Соборность представляет собой возможность *уравновешивания индивида и целого в высшем синтезе* [Там же. С. 428]², т.е. позиционируется как инструмент для воплощения идеального единства, в котором максимально сопряжены личные и общественные интересы.

Социальное право – это право *координации* (а не субординации) множества правопорядков, каждый из которых позволяет индивиду раскрыть свою свободу в определённой сфере творчества³. Причём индивид может состоять одновременно во многих социальных общностях, чтобы максимально реализовать собственную свободу. Государство как один из социальных институтов в системе социального права – это координатор, инструмент оптимизации взаимодействия существующих правопорядков, в условиях которых каждый индивид мог максимально реализовать собственный потенциал свободы.

Концепт солидарности позволяет установить важнейшие признаки мышления человека как социального существа, его принципы обработки культурной информации. Как справедливо замечает С. Штобрин (S. Sztobryn). С.И. Гессен поставил знак равенства между автономией личности, как основой нормотворчества в обществе, и свободой личности⁴. Культурцентричная модель С.И. Гессена, конечно, основана на позиционировании социальной нормативности индивида в качестве важнейшего фактора формирования личности, что предполагает приоритет рациональных конструкций как критериев осмысления реальности. Поэтому С.И. Гессен выстраивает рационалистическую антропологию, рассматривающую свободу человека только как источник рациональных предложений в рамках актуальной культуры.

¹ «Таким образом, современное понимание свободы шире того, которое было известно древним. Участие в государственной власти уже не удовлетворяет современного человека. Необходима также свобода от государства, то есть право каждого человека жить и действовать так, как велит ему его совесть...» [13. С. 110].

² Об особенностях трактовки соборности в философии С.И. Гессена см.: [14].

³ С.И. Гессен отмечает, что существующие сообщества и институты выражают определённые интересы человека: «...личность принадлежит сейчас одновременно... разнообразным общественным целым («союзам»), перекрещивающимся между собою и в личности отдельного человека скрещивающимся, ни к кому из них однако не принадлежа безраздельно» [15. С. 369].

⁴ «Dla Hessena pojęcie autonomii, której istotą jest zdolność rządzenia się własnymi prawami (ale nie jest autarkią), jest równoznaczne z pojęciem wolności, którą definiuje jako samoistość osoby, nie zaś jako samowolę działania» [16. S. 203].

К достоинствам учения С.И. Гессена следует отнести социальный анти-редукционизм, который предполагает выход на метакультурный уровень осмысления социальности. Данная модель позволяет с позиции культурного релятивизма отстаивать равенство различных культур. Проблема взаимодействия разных воплощений ценностей в разных культурах – это проблема соотношения словарей терминов.

На основе модели солидарности С.И. Гессена в современности возможно выявление и обоснование ключевых концептов локальных культур как самоценных, оцениваемых без сравнения с образцами культурных достижений Европы или ещё какого-либо другого так называемого «эталонного» варианта. Каждая культура – это воплощение ценностей в определённых условиях, качество которого можно оценить только по успешности развития свободы в контексте её трактовки в рамках данной культуры.

В полиэтническом, мультикультурном, многоконфессиональном современном мире данный метаэтический вопрос обостряется в связи с проблемами международного права. Поэтому метаэтическая схема С.И. Гессена может служить основой для обоснования принципов толерантности¹. Также модель оценки культуры через соответствие систему институтов уровню свободы в определённом обществе даёт возможность оценить культурные практики различных эпох².

Возможности применения модели ограничены логоцентричностью учения. Применение диалектики Г.В.Ф. Гегеля позволило рационализировать процесс воплощения в культуре ценностей, но при этом сблизило модель социальности С.И. Гессена с философией классической рациональности больше, чем с современными социально-философскими разработками. Идея солидарности в философии С.И. Гессена – это способ объяснения институционализации свободы, который позволяет мыслителю оставаться в условиях кантовского антинатурализма когнитивного стиля мышления.

Литература

1. Гессен С.И., Стенун Ф.А. От редакции // Избранное. М., 1999. С. 707–722.
2. Гессен С.И. Идея нации // Избранные сочинения. М., 1999. С. 78–105.
3. Hessen S. Individuelle Kausalität. Studien zum transzendentalen Empirismus // Kant-Studien. № 15. "Journalfranzen" Arnulf Liebeng, oHG. Würzburg, 1909.
4. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М. : Школа-Пресс, 1995.

¹ С.И. Гессен пишет о том, что, несмотря на различия в воплощении истины, добра, красоты, формальная схема их содержательного раскрытия остаётся неизменной: «Jeśli nawet treść prawdy w dziejach ludzkości zmienia się i ludzie w różnych warunkach czasowych i przestrzennych mają różne poglądy na to, co jest prawdą, dobrem i pięknem, jednakże formalne własności tego, co pretenduje do tego, aby być prawdą, dobrem i pięknem, zostają te same» [17. S. 14].

² Например, Р. Дарнтон исследует типичную сторону жизни средневекового французского рода, которая в современном западном мире вызвала бы этическое и юридическое осуждение: два работника типографии устроили массовое убийство кошек; животных пытали и вздёргивали на импровизированной виселице [18. С. 93–94]. Причём происходящее воспринималось как шутка. Данный образец культурной практики связан с выражением недовольства бесправной полуголодной жизнью. И адекватность его восприятия как шутки связана с характерной для данной эпохи трактовкой свободы, которой соответствует её институционализация в данном социуме. В связи с этим Р. Дарнтон замечает: «Что забавного во взрослых мужчинах, которые блеют по-козлиному и колотят обо что попало орудиями своего труда, пока мальчишка изображает ритуальное убийство беззащитного животного? Наша неспособность воспринять подобную шутку свидетельствует о том, какая огромная дистанция отделяет нас от тружеников доиндустриальной Европы» [Там же. С. 95].

5. Гессен С.И. Мироззрение и идеология // Современные записки. 1935. Т. 57, январь. С. 316–330.
6. Golek B. Wychowanie jako proces duchowy w koncepcji Sergiusza Hessena // Sympozjum. Rok 22, 2018, № 1(34). S. 241–260.
7. Nowacki T. Wstęp, w: S. Hessen, Filozofia – kultura – wychowanie, wybór i opracowanie. M. Hessenowa, Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich-Wydaw. PAN, 1973. S. V–XXXVI.
8. Загирняк М.Ю. Диалектика Г.В.Ф. Гегеля в политической философии С.И. Гессена // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С. 30–36.
9. Кукатас Ч. Либеральный архипелаг: Теория разнообразия и свободы. М. : Мысль, 2011.
10. Гессен С.И. Идея социального права // Современные записки. 1932. Т. 49, май. С. 421–435.
11. Гессен С.И. Правовое государство и социализм // Избранные сочинения. М., 1999. С. 147–542.
12. «Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела». URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 01.08.2018).
13. Гессен С.И. Политическая свобода и социализм // Избранные сочинения. М., 1999. С. 106–144.
14. Загирняк М.Ю. Специфика трактовки соборности в социальной философии С.И. Гессена // Евразийский юридический журнал. 2017. № 11 (114). С. 435–436.
15. Гессен С.И. Правда демократии // Современные записки. 1935. Т. 58, июнь. С. 361–377.
16. Szobryn S. Dialektyka swobody i przymusu w pedagogice S. Hessena // Studia Filozoficzne. 1983. № 11–12. S. 203–212.
17. Hessen S. O sprzecznościach i jedności wychowania: zagadnienia pedagogiki personalistycznej. Lwów ; Warszawa : Książnica-Atlas, 1939.
18. Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М. : Новое литературное обозрение, 2002.

Mikhail Yu. Zagirnyak, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation).

E-mail: mikhail.zagirnyak@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 121–128.

DOI: 10.17223/1998863X/47/13

SOLIDARITY AS AN INSTRUMENT OF THE INSTITUTIONALIZATION OF FREEDOM IN SERGIUS HESSEN'S PHILOSOPHY

Keywords: Neo-Kantianism; axiology; individual; freedom; solidarity.

This paper is devoted to the analysis of the notion of solidarity in Sergius Hessen's philosophy. He applies macrosociology of the Southwest School of Neo-Kantianism to determine the principles of interaction between an individual and a culture. The axiological method allows one to understand reality as the opposition of value and fact. A culture is a process of improving the realization of values. According to Hessen, values exist independently of any individual. In this case, any person is free, he or she is not a mechanism for the formation of culture. Freedom is a necessary condition for the creativity of an individual, which makes it possible to contribute to the development of this culture. However, there is no unambiguous interpretation of freedom. Freedom is a value, like science and art, so its content is revealed in different ways in different cultures. Any individual realizes his or her freedom in creativity. But creativity is possible only as making a personal contribution to the embodiment of a cultural value. According to Hessen, a person can understand the logic of embodying a value in a certain culture due to Hegel's dialectic. The dialectical method is a scheme for understanding the dynamics of the embodiment of cultural values. Thus, through the dialectical method, every person can understand the specifics of the development of culture and determine the directions for self-actualization. Solidarity allows each individual to assess the current system of communities and institutions of a certain culture, and determine what needs to be changed to achieve personal freedom. Solidarity creates the possibility of correlating the tasks of cultural development and individual freedom ensuring. A common will is formed in society; this will determines whether the current system of communities and institutions corresponds to the potential for realizing personal freedom. Solidarity allows us to evaluate cul-

tures in terms of tolerance as equivalent phenomena, each of which has its own specificity of freedom development. Therefore, the interpretation of the freedom of one culture is not suitable for determining freedom in another culture. Summing up, this paper proves that it is possible to determine the degree of freedom in a particular society only as a result of an analysis of the obstacles to personal creativity in the context of the system of communities and institutions in a certain culture.

References

1. Hessen, S.I. & Stepun, F.A. (1999a) Ot redaktsii [Editorial]. In: Hessen, S.I. (1999) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN. pp. 707–722.
2. Hessen, S.I. (1999b) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN. pp. 78–105.
3. Hessen, S. (1909) Individuelle Kausalität. Studien zum transzendentalen Empirismus [Individual causality. Studies on transcendental empiricism]. *Kant-Studien*. 15.
4. Hessen, S.I. (1995) *Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnyuyu filosofiyu* [Basics of Pedagogy. Introduction to Applied Philosophy]. Moscow: Shkola-Press.
5. Hessen, S.I. (1935a) Mirovozzrenie i ideologiya [Worldview and ideology]. *Sovremennye zapiski* [Modern Notes]. LVII. pp. 316–330.
6. Gołek, B. (2018) Wychowanie jako proces duchowy w koncepcji Sergiusza Hessena [Education as a spiritual process in the concept of Sergius Hessen]. *Symposium*. 1(34). pp. 241–260.
7. Nowacki, T. (1973) Wstęp [Introduction]. In: Hessen, S. *Filozofia – kultura – wychowanie, wybór i opracowanie* [Philosophy – culture – upbringing, selection and development]. M. Hessenowa, Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich-Wydaw. pp. V–XXXVI.
8. Zagirnyak, M.Yu. (2017) Hegel's dialectic in political philosophy of Sergius Hessen. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 37. pp. 30–36. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/37/3
9. Kukatas, Ch. (2011) *Liberal'nyy arhipelag: Teoriya raznoobraziya i svobody* [Liberal archipelago: Theory of diversity and freedom]. Translated from English by N. Edelman. Moscow: Mysl'.
10. Hessen, S.I. (1932) Ideya sotsial'nogo prava [The idea of social law]. *Sovremennye zapiski*. XLIX. pp. 421–435.
11. Hessen, S.I. (1999c) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN. pp. 147–542.
12. UNO. (1966) *Dogovor o printsipakh deyatel'nosti gosudarstv po issledovaniyu i ispol'zovaniyu kosmicheskogo prostranstva, vklyuchaya Lunu i drugie nebesnye tela* [Treaty on Principles Governing the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, including the Moon and Other Celestial Bodies]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml. (Accessed: 1st August 2018).
13. Hessen, S.I. (1999d) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN. pp. 106–144.
14. Zagirnyak, M.Yu. (2017) Features of the interpretation of conciliarity in social philosophy of Sergius Hessen. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal*. 11(114). pp. 435–436. (In Russian).
15. Hessen, S.I. (1935b) Pravda demokratii [True Democracy]. *Sovremennye zapiski*. LVIII. pp. 361–377.
16. Sztobryn, S. (1983) Dialektyka swobody i przymusu w pedagogice S. Hessena [Dialectics of freedom and coercion in the pedagogy of S. Hessen]. *Studia Filozoficzne*. 11-12. pp. 203–212.
17. Hessen, S. (1939) *O sprzecznościach i jedności wychowania: zagadnienia pedagogiki personalistycznej* [On the contradictions and unity of education: the issues of personalistic pedagogy]. Lviv; Warsaw: Książnica-Atlas.
18. Darnton, R. (2002) *Velikoe koshach'e poboishche i drugie epizody iz istorii frantsuzskoy kul'tury* [The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History. Translated from English by T. Dobronitskaya, S. Kulanda. Moscow: NLO.

УДК 1(091)

DOI: 10.17223/1998863X/47/14

V. Asakavičiūtė, V. Valatka¹

EXISTENTIAL COMMUNICATION AS THE BASIS FOR AUTHENTIC HUMAN EXISTENCE IN KARL JASPERS'S PHILOSOPHY²

The article analyzes from different aspects the conception of existential communication and its significance from the perspective of Karl Jaspers's existential philosophy. An attempt is made to prove that the need for existential communication is primordial and naturally linked with human existence. On this basis, the definition of existential communication as life communication, is formed and analyzed. Ties between existential communication and existential truth are singled out³.

Keywords: *Jaspers, existence, existential communication, Transcendence⁴.*

Introduction. At first glance, communication seems an obvious and natural phenomenon. However, the analysis and definition of the conception of communication is not an easy task. The notion of communication is very broad and manifold, its scientific investigations are always expanding, there is a rapid increase in scientific resources which distinguish between and discuss different kinds of communication: interpersonal communication, group communication, mass communication, inter-cultural communication, international communication, and many others.

The phenomenon of communication is also examined in the works of many philosophers. Such prominent existentialists as Karl Jaspers, Martin Buber, Martin Heidegger and others are associated with the theory of existential communication. "Here communication is considered in the 'pre-scientific' level as a feature of human existence" [1. P 12]. According to the existentialists, existential communication, which is based on a direct dialogue, is one fundamental condition of human life. Therefore, its understanding and investigations provide a new insight into human communication and its very essence as well as points the right way to an authentic relationship between people.

Therefore, this article attempts to reveal the mystery of existential communication from the perspective of Jaspers's existential philosophy. One can argue that Jaspers was one of those thinkers whose main concern in his philosophy was existential communication. He sought to thoroughly reveal communication and its

¹ **Имена авторов (рус.):** Вайда Асакавичюте, Витис Валатка.

² **Название статьи (рус.):** Экзистенциальное общение как основа подлинного человеческого существования в философии Карла Ясперса.

³ **Аннотация (рус.):** в статье в различных аспектах анализируется понятие экзистенциальной коммуникации и ее значение с точки зрения экзистенциальной философии Карла Ясперса. Утверждается, что необходимость экзистенциального общения изначально и непосредственно связана с человеческим бытием. На основании этого положения в статье анализируется определение экзистенциальной коммуникации как коммуникации жизни, а также выявляются связи между экзистенциальной коммуникацией и экзистенциальной истиной.

⁴ **Ключевые слова (рус.):** Ясперс, существование, экзистенциальная коммуникация, жизнь, трансценденция.

origin from the perspective of human relations and individual existence. Ronald Gordon indicates that “Jaspers was ahead of his time in his recognition of the epistemological and ontological significance of human communication” [2. Vol. 65. P. 106]. Jaspers in his works draws attention to the person’s critical spiritual condition in the modern world and observes that in the age of technology and rationalism, the individual experiences loneliness, alienation, and torment for lack of existential communication which, due to the predominant materialism and mass character of the society, is not highly regarded as indispensable and essential. It is evident that these Jaspers’s insights and investigations of existential communication are important and relevant to the individual living in the present age of communication and information.

Gordon in his scholarly article makes an attempt to substantiate the idea that Jaspers’s philosophy is particularly significant to communication sciences which, being absorbed in the objective schemes of communication, seem to forget the importance of the person’s soul and heart in interpersonal communication [2. Vol. 65. P. 105–118]. The theory of existential communication is also associated with Buber’s philosophy of dialogue, Gabriel Marcel’s, Jean-Paul Sartre’s, Heidegger’s existentialism [3], Merleau-Ponty’s theory of phenomenology [4]. It can be argued that “Jaspers more than Buber and other existential philosophers contributed most to our understanding of existential communication which is possible only in deep and authentic personal relationships” [5. P. 110].

Existential communication as life communication

Communication and existence become one of the key concepts in Jaspers’s philosophy. In his works *Reason and Existenz* (1997) [6], *Way to Wisdom* (1973) [7], the famous three-volume *Philosophy* (1970) [8] and other works, Jaspers developed the theory of existential philosophy in an attempt to emphasize its practical value and close ties with an individual human life. The different aspects of the philosopher’s conception of existential communication are explored in many authors’ scholarly works (Maghdouri, Mostafavi 2015 [9]; Deurzen, Iacovou 2013 [5]; Hermann-Josef Seideneck 2012 [10]; Ashman, Lawler 2008 [11] et al.) Krystyna Górniak-Kocikowska points out that existential communication “is central to Jaspers’s understanding of human existence” [12. P. 423]. A human being in Jaspers’s philosophy is understood as existence *Existenz* who is in search for his own self, the meaning of his life, who is in doubt, who questions, and experiences borderline situations. A human being as existence *Existenz* is not an empirical object that could be described or examined using scientific methods, as the depth of human existence is unique and immaterial. Drawing on Kierkegaard, Jaspers points out that the individual’s existence is not a given, – it is the aim and goal set to him. In other words, the individual himself has to create his own essence, that is, be *himself* and live authentically. This determines the importance of communication. In Jaspers’s view, a human being cannot know himself and consummate his existence by himself, – other people are indispensable to him. Jaspers writes “that a solitary man is nothing” [13. P. 28]. Therefore, communication in the person’s life assumes great importance, namely *existential communication* directed to an open interpersonal dialogue. Kocikowska observes that “Jaspers established early on that human existence as the true and authentic being-in-itself is only real and true in the process of communication with other human beings” [12. P. 423].

The overview of the aforementioned philosophical works of Jaspers shows that the philosopher discusses different possible forms of communication; however, the greatest importance is attached to the analysis of existential communication. Why? The reason is that Jaspers was concerned about a man's situation, his mental state in the modern world. He left many works in which he analyzed the spiritual and political situation of Western Europe. It is claimed that in post-war years, "Jaspers was regarded as one of the spiritual leaders in Germany" [14. P. 221]. In his book *Man in the Modern Age* (2010) [15], the German philosopher provides a critique of technological dominance, mass society, observes the ever-growing alienation of man and his mass character. Jaspers writes that "the most distinct sign of the present-day turmoil and crisis is that people understand each other less and less, they meet and part indifferently, and there is no longer any unflinching loyalty or fellowship" [13. P. 27]. This shows that Jaspers perceived the necessity for existential communication. Juozas Girnius states that "Jaspers regarded existential communication as the main prerequisite to solve the cultural and spiritual human crisis" [16. P. 38]. It is obvious that Jaspers's existential insights become particularly relevant to our contemporary society which is called a communication society. One can speak about a "digital era" and "web society" [17. Vol. 27. P. 240] in which relationships among people and their way of life are virtually changing. Many researchers analyze both positive and negative consequences of the consolidation of modern technologies [18–21]. Stasulis observes that technologies bring about "destructive changes in a man's ontology" [22. Vol. 29. P 1–5], distorts a man's relationship with the other and reality. Interpersonal communication is increasingly turning to mass communication, the widespread mobile phones as well as other consolidated forms of virtual communication determine interpersonal communication as an interactive dialogue. According to Filiz Peach, "at an individual level the skill of face-to-face communication with others seems to be deteriorating. <...> we have lost the skill of communicating with others in this age of technology and computerization" [18. P. 255]. In the age of technologies, people's relationships lack frankness, immediacy, a spiritual bond. Communication with the other is based not on being together and mutual help, but rather on the principle of benefit and calculation, seeking to dominate and control the other. However, as Jaspers claims, in order for a man to be able to develop and improve his personality, he needs an authentic, sincere love dialogue with the other. Thus the uniqueness of Jaspers's philosophical texts resides in their attempt to speak to people's souls and hearts and to encourage them to be open to authentic interpersonal communication.

Thus, what is existential communication? Salamun proposes that "the existential communication which is the highest and most valuable form of communication cannot be researched by the sciences, nor adequately described in an objectifying language. <...> It can be elucidated only by philosophy and is to be experienced in one's own life" [23. Vol. 1. P. 5]. This shows that this communication is revealed only by the subjective human experience; therefore, it cannot be strictly defined and interpreted. It is also regarded as communication of the highest level, authentic communication, absolute communication, or, communication in search of truth. Jaspers asserts that a longing and desire for existential communication lie in the heart of every human being. Thus from Jaspers's philosophical perspective, this communication is the person's primordial need, an integral part of his existence.

Jaspers understood that a man's "soul and heart" are called for communication, and his personality is formed through existential communication [2. Vol. 65. P. 107]. Thus, in Jaspers's philosophy there is an inextricable connection between communication and human life. Jaspers obviously adopts this essential attitude from Kierkegaard's philosophy. In his work *Reason and Existenz* (1997) [6], Jaspers speaks about three modes of being. In this context one can discern the obvious parallels with Kierkegaard's three stages of life. According to Salamun [23. Vol. 1. P. 4–5], each mode entails a different kind of relationship and communication. The first is the *empirical or biological mode of existence*. This dimension of being characterizes the person's life as primitive, governed by spontaneous instincts, and unstable emotions. To this stage Kierkegaard ascribes the lowest – aesthetic stage, when communication with others is based on selfish motives. The second mode is *consciousness* – a "world of thinking and rationality." Like Kierkegaard, Jaspers remarks that in this stage, communication is based on logical thinking and rules. People communicate among themselves to achieve concrete results and common aims. The third mode is *Geist (spirit)*. This mode of being reveals a man's inner spiritual world and it is related with moral norms and religious faith. Therefore, communication is based on a human being's subjective beliefs, his world outlook and set of values. In contrast to Kierkegaard, Jaspers points out the fourth – the highest – mode of being which is closely connected with religious freedom. A man's existence rises above the primitive needs, limitations of the mind, and religious dogmas. Communication in this stage of being is based on an authentic and intimate interpersonal relationship.

Jaspers in his texts often asserts that human existence is oriented unconditionally to communication, stressing that "a human being's greatest achievement in this world is communication of one personality with another one" [7. P. 71]. Here Jaspers means existential communication which is presented as a man's chief aim. Jaspers's philosophy is full of propositions which point underline special importance of existential communication in human life. It can be claimed that Jaspers tries to prove "the primacy of human communication to human becoming" [2. Vol. 65. P. 111]. In the philosopher's words, every new human being begins in communication. Thus, existential communication enables the "birth" of human personality and his existence. In addition, Jaspers, like Kierkegaard, stresses the person's constant being in communication. First of all, a "man exists as being-in-the-world who has a relationship with himself. Secondly, a man exists as existence which is in a relationship with other people as existences" [24. P. 114]. This shows that Jaspers perceives people as relative beings, as *homo communicativus* whose authentic existence and identity result from existential communication. Thus it can be argued that existential communication is an inextricable part and the mystery of human existence. In analyzing this approach, Gordon states that "Jaspers sees communication as the "universal condition" of a human being, so much our "comprehensive essence" that what we are, and what is for us, are "bound up with communication" [2. Vol. 65. P. 106].

In summarizing briefly the provided insights, first, it should be noted that existential communication is a certain mystery of human life, his existential need. Second, this communication is the foundation of authentic existence and its main goal, as only through this highest form of communication a human being can perceive the purpose of his existence and become himself. It can be argued that this

kind of communication reveals unique “horizons of existential creation” [25. Vol. 21. P. 18]. Therefore, “for Jaspers existential communication is the fullest, most fundamental, and most effective form of relations” [12. P. 423]. Third, existential communication is not a process of a mere exchange of words, it is communication in which two people’s worlds and their innermost self meet, when “*existence communicates with existence.*” Thus, existential communication can be reasonably called life communication.

The second aspect which reveals itself in discussing existential communication, is the truth. In his book *Way to Wisdom*, Jaspers writes: “The truth begins with two” [7. P. 124]. Elsewhere it is stated that existential communication is a “truth-loving struggle” [13. P. 28]. What does this proposition imply? According to Girnius [16. P. 33–34], Jaspers, referring to existential communication as a “*truth-loving struggle,*” attempted to highlight a distinction between *existential truth* and *logical cognitive truth*. If the truth of scientific knowledge is objective and universal, then existential truth for Jaspers is essentially inimitable, subjective, related with a human right to self-determination. The essence of truth is freedom, – asserted Heidegger [26. P. 298]. This position was also adopted by Jaspers who remarked that freedom is the necessity of truth. It is evident that logical cognitive truth is related with the second mode of human existence, whereas existential truth signifies the existential mode of being. From the comparative point of view, if logical truth states facts and appeals only to the human mind, then *existential truth is what we must be, i.e. it is our human mission*. Therefore, it is evident that existential truth is closely connected with human life as it illuminates human possibilities and the meaning of existence. Thus viewed in this context, existential communication “is the communication of *truth* that draws the individual into the realization of *Existenz*” [11. Vol. 4. P. 253–269]. In this way, existential communication liberates a human being in his search for truth and personality growth.

The third aspect which stands out in analyzing Jaspers’s existential communication, is existential ethics that can be associated with the ethics of communication. Speaking about existential communication, Jaspers specifies the individual’s ethical position and values with regard to another person when we want to communicate authentically. It is significant that Jaspers is a moralistic existentialist who places a high value on such virtues and moral attitudes as “courage, patience, dignity, integrity, fidelity, solidarity and, in particular, responsibility” [27. P. 151]. Girnius states that for Jaspers, one of the main ethical principles is love. Love as the fundamental principal of communication shows that an authentic dialogue between two persons must be mutual and disinterested. Existential communication is not a struggle between two personalities which should result in subjugating the other or destroying his truth, this communication is only possible as a “*loving struggle,*” “where all kinds of power and superiority, prejudice and calculating strategic reserve against the other, are eliminated” [23. Vol. 1. P. 6]. Similar to Buber’s concepts of the *I-Thou* relationship, Jaspers emphasizes that a man must be frank and sincere if he wants to be engaged in a considerably deeper and closer dialogue, “a trusting and deep personal relationship facilitates existential communication” [5. P. 110]. Jaspers also sought to ground the principle of existential equality on the principle of love. Existential equality implies that a man must respect another man as a personality, his freedom and truth, regardless of sex, social status, and cultural differences. Such an impartial stance in communication shows

the individual's readiness to hear the other. Thus existential communication can reveal itself only as an open and free dialogue between two personalities. In this relationship, everyone accepts the existence of the other and sees himself in the other. This shows that Jaspers attaches the greatest importance not to the final result of existential communication, but to the very process of communication and its existential quality (it comes from the individual's soul and heart). In other words, the meaning and value of existential communication lie in its continuous process rather than in a concrete result. A human being in the process of this communication evaluates himself anew and develops himself, testifying his existential truth.

However, the "truth of existence" is not ultimate, – the highest truth is the "truth of transcendence" [11. Vol. 4. P. 5]. This transcendental truth is related with God, it makes one transcend the objective existence and open himself to Eternal Being. Having been influenced by Kierkegaard's works, Jaspers stressed the importance of Transcendence in communication, stating that Transcendence alone substantiates the deepest existential communication. Jaspers argues that every existence is rooted in Transcendence. What does this connection mean? It shows that finite human existence can never attain the full credibility and security of its being, as its foundation and mainstay reside in Transcendence. Hence, a man is related with God: "if there was no Transcendence, there would be no existence" [16. P. 83]. Jaspers urges the individual to search for God not as the object of knowledge, but by coming into contact with Him, experiencing Him existentially in his soul. And in order for this to happen, a free philosophical belief is necessary. Jaspers explains that existential communication is inconceivable without Transcendence because God, as Absolute Being and Eternal Truth, is the inexhaustible source of existential truth, a guarantee of the continuation of people's communication. Therefore, the individual's existence, his existential communication and existential truth is authentic and significant, free and moral insofar as it is rooted in Transcendence, is oriented to Transcendence and testifies it.

Conclusion

To sum up, it can be stated that Jaspers's philosophy attached great importance to the problem of existential communication. From the perspective of Jaspers's existential philosophy, this communication becomes one of the highest forms of communication which is of crucial importance in human life. Only through this direct interpersonal communication a man can know and realize himself, i.e. become himself and live a life of full value. Jaspers explains that this communication does not seek any material profit or final results. The goal of this communication is simply to be in an open and sincere relationship with the other. Existential communication reveals itself as a direct dialogue when two people's inner worlds and their innermost self meet, when "one's existence communicates with another's existence." Therefore, this communication can be rightly called life communication. It is very unique and subjective. Therefore, it cannot have any definite model of how it works. Jaspers claims that its beginning lies in religious freedom, and its precondition is mutual frankness, mutual equality, and love, and its aim is a search for existential truth. It is notable that this communication entails not only human relationships, but also directs a human being to God as Absolute Being – Transcendence. Thus, it can be concluded that this interpersonal existential communication is the mystery of man's life and the foundation of authentic human

existence which facilitates the individual's development, his knowledge of reality and experience of the meaning of human existence.

References

1. Kirtiklis, K. (2009) *Komunikacijos samprata šiuolaikineje filosofijoje* [The conception of communication in modern philosophy]. Dr. Diss. Vilnius.
2. Gordon, R.D. (2000) Karl Jaspers: Existential philosopher of dialogical communication. *Southern Journal of Communication*. 65(2–3). pp. 105–118. DOI: 10.1080/10417940009373161
3. Marthaler, B.L. (ed.) (2003) *New Catholic Encyclopedia. Communication, Philosophy*. Washington: Catholic University of America.
4. Lanigan, R. L. (1991) *Speaking and Semiology: Maurice Merleau-Ponty's Phenomenological Theory of Existential Communication*. 2nd ed. Berlin: Mouton de Gruyter.
5. Deurzen, E. & Iacovou, S. (2013) *Existential Perspectives on Relationship Therapy*. Palgrave Macmillan.
6. Jaspers, K. (1997) *Reason and Existenz*. Milwaukee, WI: Marquette University Press.
7. Jaspers, K. (1973) *Way to Wisdom*. New Haven: Yale University Press.
8. Jaspers, K. (1970) *Philosophy*. Vol. II. Chicago: University of Chicago Press.
9. Maghdouri, S. & Mostafavi, S. (2015) The concept of the "Other" in Karl Jaspers. *Philosophical Investigations*. 11 (27). pp. 129–154.
10. Seideneck, H. J. (2012) Faith as Humanity's Essential Communication Bridge: In: Wautischer, H. et. al. (eds) *Philosophical Faith and the Future of Humanity*. London: Springer Verlag. pp. 365–374.
11. Ashman I. & Lawler, J. (2008) Existential Communication and Leadership. *Leadership*. 4(3). pp. 253–269. DOI: 10.1177/1742715008092361
12. Górniak-Kocikowska, K. (2012) The Factor of Listening in Karl Jaspers' Philosophy of Communication. In: Wautischer, H. et. al. (eds) *Philosophical Faith and the Future of Humanity*. London: Springer Verlag. pp. 419–434.
13. Jaspers, K. (1998) *Filosofijos įvadas* [Introduction to philosophy]. Vilnius: Pradai.
14. Šliogeris, A. (1998) Karlas Jaspersas [Karl Jaspers]. In: Jaspers, K. *Filosofijos įvadas* [Introduction to philosophy]. Vilnius: Pradai. pp. 216–245.
15. Jaspers, K. (2010) *Man in the Modern Age*. London: Routledge.
16. Girmius, J. (1991) Laisvė ir Būtis. Karlo Jasperso Egzistencinė metafizika [Freedom and Being. The Existential Metaphysics of Karl Jaspers]. In: Vienuolis, A. *Raštai*. Vol. I. Vilnius: Mintis.
17. Pečiulis, Ž. (2016) Digital era: from mass media towards a mass of media. *Philosophy, Sociology*. 27(3). pp. 240–248
18. Mickevičius, T. M. (2018) Heidegger's Twofold Treatment of Modern Technology. *Philosophy, Sociology*. 29(1). pp. 32–38
19. Rimkus, E. (2017) Everyday Life and Technoscience. *Philosophy, Sociology*. 28(3). pp. 212–222.
20. Kačerauskas, T. (2015) Technologies in creative economy and creative society. *Technological and Economic Development of Economy*. 21(6). pp. 855–868. DOI: 10.3846/20294913.2015.1036325
21. Stasiulis, N. (2018) Ontology and technology in the everyday. *Philosophy, Sociology*. 29(1). pp. 1–5.
22. Peach, F. (2012) Reflections on Philosophical Faith and Faith in the Twenty-First Century. In: Wautischer, H., Olson, A.M. & Walters, G.J. (eds) *Philosophical Faith and the Future of Humanity*. London: Springer Verlag. pp. 253–268.
23. Salamun, K. (2006) Karl Jaspers' Conceptions of the Meaning of Life. *An International Journal in Philosophy, Religion, Politics, and Arts*. 1. pp. 1–8.
24. Jaspers, K. (2000) *Vsemirnaya istoriya filosofii. Vvedeniye* [World History of Philosophy. Introduction]. St. Petersburg: Nauka.
25. Kačerauskas, T. (2010) Seeing, viewing and imagination: existential interactions. *Philosophy, Sociology*. 21(1). pp. 11–19.
26. Heidegger, M. (1992) *Rinktiniai raštai* [Selected Works]. Vilnius: Mintis. pp. 291–312.
27. Salamun, K. (1999) Existenz [Existence]. In: Gordon, H. (ed) *Dictionary of Existentialism*. London: Fitzroy Dearborn.

Vytis Valatka, Department of Philosophy and Cultural Studies (Vilnius, Lithuania).

E-mail: vytis.valatka@vgtu.lt

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 129–136.

DOI: 10.17223/1998863X/47/14

EXISTENTIAL COMMUNICATION AS THE BASIS FOR AUTHENTIC HUMAN EXISTENCE IN KARL JASPERS'S PHILOSOPHY

Keywords: Jaspers; existence; existential communication; Transcendence.

The article analyzes from different aspects the conception of existential communication and its significance from the perspective of Karl Jaspers's existential philosophy. An attempt is made to prove that the need for existential communication is primordial and naturally linked with human existence. On this basis, the definition of existential communication as life communication is formed and analyzed. Ties between existential communication and existential truth are singled out. The conclusion is made that existential communication is unique, individual and inimitable; therefore, it cannot have any objective criteria. This communication is related to religious freedom, love, and existential truth, and its depth reveals the transcendental realm of existence – God. Thus, existential communication is the mystery of human existence, and the authenticity and consummation of life are achieved through it.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.344.6-056.24:316.774:004.738.5

DOI: 10.17223/1998863X/47/15

В.Б. Агранович, В.С. Иванова, Н.А. Колодий

ГОРОД РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА¹

Выявляются возможности структурно-семантического анализа онлайн-высказываний локальных городских сообществ о доступности городской среды для лиц с ограниченными возможностями здоровья (ЛОВЗ) и использования результатов анализа в процессе проектирования стратегий городского развития. Осуществить подобный анализ стало возможно с помощью спонтанных данных, которые создаются пользователями социальных сетей. Отличие предлагаемого подхода в том, что анализируются не только онлайн-высказывания на специальных сайтах и форумах, а реконструируется общий контекст обсуждения проблем городской среды разными паблик-группами, а мнения ЛОВЗ включены в общий контекст.

Ключевые слова: онлайн высказывания, доступная среда, лица с ограниченными возможностями здоровья (ЛОВЗ).

Вводные замечания

Для успешного планирования и реализации стратегий городского развития необходимо оценить социальное восприятие городской среды и выявить проблемы, вызывающие разнообразные реакции горожан. Современные средства коммуникации и технологии позволяют различным городским сообществам оставлять цифровые следы в Интернете, в социальных сетях в виде утверждений на форумах, фотографий, лайков, репостов и пр., а исследователям на основе изучения цифровых отпечатков формировать профили предпочтений и потребностей, оценок согласия или несогласия различных социальных групп.

Особенно интересно это в отношении проблематики города равных возможностей. Актуализация данной темы связана с выявлением общего «градуса» обсуждения различными группами, имеющими равные права на город, вопроса «особого социального пространства инвалидности». Иными словами, конструирования жизни в городе на принципах пространственной справедливости: мобильности, доступности всех объектов города для лиц с ограниченными возможностями (ЛОВЗ), а также реакции власти на эту проблему. Сказываются ли действия власти на улучшении городской среды, меняют ли они

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Европейские практики совместного создания человеко-ориентированных умных городов» / Co-creation of EU Human Smart Cities (CoHuSC) при поддержке программы Эразмус+ Европейского союза, грантовое соглашение № 2017-3017/001-001, номер проекта 600426-EPP-1-2018-1-RU-EPPJMO-PROJECT. Содержание данной публикации отражает мнение авторов, и Европейская комиссия не несет ответственности за использование содержащейся в ней информации.

в целом «атмосферу города», всегда ли «самые активные» в виртуальном поле навязывают релевантную повестку дня – вот вопросы, ответ на которые необходим всем акторам современного городского пространства. Ответ необходим власти, которая порой «зачищает» информационное поле и больше ориентируется на рейтинги, чем на конкретные жалобы ЛОВЗ и адресное удовлетворение потребностей. Он важен для градостроителей, девелоперов, создающих не самое удобное и не самое безопасное пространство для отдыха, шоппинга, спорта. Он актуален для научного сообщества, так как его рекомендации должны включать этот совокупный эффект обсуждения.

Сведения о городской среде формируются авторами постов и пользователями пабликов: ВКонтакте, Twitter, Instagram, Facebook и других социальных сетей. Пользователи, действуя в городском пространстве, обмениваются информацией, вносят комментарии и оценки. Эти спонтанные данные позволяют получить детальные представления о предпочтениях и практиках в городском пространстве, об отношении к городу, о поведении горожан на индивидуальном уровне¹. Несмотря на возможности спонтанных данных, в настоящий момент стратегии анализа оценок восприятия городской среды, основанные на сведениях из Интернета, используются редко.

В научных гуманитарно-ориентированных сообществах дискурс «города равных возможностей» возник благодаря развиваемой А. Лефевром идее о «производстве пространства» [1]. Затем благодаря трудам Е. Soja, D. Harvey возник дискурс пространственной справедливости [2, 3]. Позднее этот дискурс включил в себя обсуждение категории мобильного гражданства благодаря таким авторам, как M.P. Smith and M. McQuarrie, A. Ong, S.D. Phillips [4–6]. Мобильное гражданство рассматривается сегодня как важная форма социального гражданства, так как в современных условиях происходит коэволюция социальных и материальных инфраструктур города, начинается формироваться дигитальный город, в котором стираются границы, пространство жизни становится мобильным.

В российском научном сообществе мобильное гражданство людей с ограниченными возможностями анализируется с недавних пор в контексте теории «города для всех» [7]. Ряд авторов, среди которых Е.Г. Лапина-Кратасюк, О.Н. Запорожец, А.В. Павлов, П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова, для анализа данной проблематики привлекают данные социальных медиа [8–10]. Социологи города, опираясь на методологически важные труды Э. Гофмана, Р. Сеннета [11–12], актуальные и сегодня работы J. Logan., Н. Molotch [13], концепцию К. Линча [14], исследования Р. Парка [15], взгляды на современный урбанизм Л. Вирта [16], активно обсуждают проблемы маломобильных групп, меньшинств, оказавшихся в депрессивных районах города, в условиях жёсткой изоляции.

Собственно, именно эти авторы создают концептуальное поле исследований «независимой жизни» людей с ограниченными возможностями, анализ того, как глобальные сети и потоки меняют социум, социальные структуры, паттерны коллективного поведения. Понятно, что эти паттерны возникают и

¹ Эксперты разрабатывают новые методики оценки городского развития. См.: Федеральный центр проектного финансирования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fcpf.ru/media/eksperyty-razrabatyvayut-novye-metodiki-otsenki-gorodskogo-razvitiya/> (дата обращения: 16.04.2018).

под влиянием цифровизации жизненных практик в современном городе. И хотя дигитализация города происходит несистемно, фрагментарно, попытка описать ее в универсальных категориях, в диаграммах «больших данных», как считает ряд исследователей, пока неэффективна, она осуществляется в русле техноцентризма, исключая нормы партисипативной культуры, сложившейся сегодня [17].

Особенностям коммуникации локальных городских сообществ, включая ЛОВЗ, в социальных сетях посвящены труды D.M. Walker, в которых была выдвинута гипотеза о том, что такая коммуникация не является собственно только online-коммуникацией, она происходит не только в форме «публичных сетевых разговоров», но и в форме коммуникации реальных городских соседских сообществ [18]. Подобный режим коммуникации описывается как идеально-типическая модель, возникшая на базе исследований Р. Ольденбурга [19], Дж. Джекобса [20], Л. Болтански, Э. Кьяпелло [21]. Спонтанные online-сообщения локальных городских сообществ D.M. Walker характеризует как «публичные сетевые разговоры» (networked public talk). Эти «публичные сетевые разговоры» предстают особой формой e-партисипаторности [18].

В современной социологии города с особой интенсивностью исследуются особенности жизни с «чужаками в больших городах», очень часто делается вывод о том, что во многом благодаря городской архитектуре происходит «складирование», герметизация пространственного социально-экономического неравенства и формируется дисциплинарный порядок, закрепляющий это неравенство, которое очень часто и не осознаётся таковым. Напряженность ситуации ежедневного выживания становится одним из ключевых факторов обсуждения отношения ЛОВЗ к качеству жизни в современной городской среде. Они или остаются неуслышанными, или включаются в общий поток обсуждений на правах младшего брата, ответственность за которого берёт старший, более понимающий, более ответственный или более равнодушный, дистанцирующийся по отношению ко всякого рода проблемам ЛОВЗ в целом.

Проблема межличностного дистанцирования в современной городской среде осмысливается достаточно интенсивно в контексте дискурса блазириванности. Он появился в социологии города благодаря идее Г. Зиммеля, который первым начал понимать блазириванность в крупных городах как тип взаимоотношений людей в пространстве города, характеризующийся обезличиванием людей и городов, взаимной замкнутостью и безразличием: «Сущность блазириванности есть притупленность восприятия различия вещей, не в том смысле, чтобы различия воспринимались неправильно, как это бывает с тупоумными людьми, а в том, что значение и ценность разницы между вещами, а потому и сами вещи кажутся ничтожными. Они представляются человеку с притуплёнными чувствами однообразно тусклыми и сырыми, ничего не стоящими, недостойными никакого предпочтения перед другими» [22. Р. 5].

Может быть, в силу этого обстоятельства или в силу того, что не выявлены все особенности восприятия различными маломобильными и низко-ресурсными группами качества жизни в современной городской среде, в России не оформилась единая модель адекватной стратегии развития горо-

дов, реализующей право на город этих групп, концепция нового урбанизма до сих пор не воспринята в качестве актуальной [23]. Анализ трудов отечественных исследователей свидетельствует о недостаточной разработанности проблемы мобильного городского гражданства и права людей с ограниченными возможностями на город. Российская политика формирования доступной среды, конечно, существует, но проблемы мобильного гражданства ЛОВЗ слабо проработаны в границах инклюзивного направления.

Отличие предлагаемого подхода заключается в том, что реконструируется общий контекст обсуждения проблем городской среды самыми разными публик-группами, а мнения ЛОВЗ включены в этот контекст. И при этом мы пытаемся выявить, насколько сетевые разговоры способствуют преодолению социальной апатии в целом. «Публичные сетевые разговоры» – это особая форма участия онлайн-сообществ в формировании городского пространства. Помимо технологической опосредованности и неиерархичности, подобные разговоры характеризуются отсутствием формализованных и четких границ между обсуждением частных вопросов, волнующих горожан, с одной стороны, и общественно значимых интересов и проблем – с другой. При обсуждениях городской повседневности в Интернете «общезначимые интересы» далеко не всегда могут быть определены изначально. В повседневной локальной онлайн-коммуникации эти интересы могут артикулироваться многими пользователями как частные проблемы или личные желания, связанные с городским пространством.

Учитывая актуальность изучения проблемы формирования доступной среды и убеждаясь в целесообразности использования спонтанных данных, генерируемых пользователями, мы выбрали алгоритм анализа онлайн-высказываний локальных городских сообществ трех региональных центров Сибирского федерального округа: Томска, Новосибирска и Барнаула. Сначала осуществлялся отбор релевантных для каждого города интернет-ресурсов; затем проводился поиск онлайн-высказываний по проблеме формирования доступной среды представителей трех групп: горожане, участвующие в «публичных сетевых разговорах»; официальные лица, осуществляющие мониторинг безбарьерного городского пространства и отвечающие за разработку базовых принципов создания доступной среды, а также лица с особыми возможностями здоровья (ЛОВЗ). Далее составлялся список поисковых запросов, относящихся к теме «доступная среда», при помощи поисковой системы Яндекс. Вордстат и проводился тематический анализ высказываний, выявлялись контекстно значимые темы с учетом специфики каждого города (один из них является городом-университетом, другой – научно-индустриальным флагманом Сибири, третий – туристско-рекреационной зоной). В целом по каждому городу было проанализировано примерно одинаковое количество слов в онлайн-высказываниях (Томск – 4 974 слова, Новосибирск – 4 818 слов, Барнаул – 4 135 слов). Проведение латентно-семантического индексирования (LSI) массива online-высказываний осуществлялось при помощи сервисов Адвего, Stxt, Istio.com, Seozog.ru и др. Это обусловлено различием программ в объемах загружаемого текста. Алгоритм вычислений использовался стандартный: сервисы разбивают текст на отдельные слова и фразы, что позволяет увидеть, какие из них встречаются чаще всего.

Реакции горожан на проблемы доступной среды (на примере сибирских городов)

В качестве основной категории анализа массива онлайн-высказываний жителей Томска, Новосибирска и Барнаула использовалась так называемая «региональная популярность» (affinity index), обозначающая долю, занимаемую регионом в показах по данному слову, деленную на количество всех результатов поиска, пришедшихся на этот регион. Популярность словосочетания, равная 100%, означает, что данное слово в данном регионе ничем не выделено. Если популярность более 100%, это означает, что в данном регионе существует повышенный интерес к словосочетанию, если меньше 100% – пониженный¹.

Статистика запросов по исследуемым городам свидетельствует о степени популярности проблематики, связанной с доступностью городской среды для ЛОВЗ. Региональная популярность запросов по теме «доступная среда» в Томске составляет 135%, в Барнауле – 114%, в Новосибирске несколько ниже – 83% (отметим, что по России средний affinity index словосочетания «доступная среда» составляет 112%)².

Сами оценки формального наличия объектов доступной среды иные. По результатам мониторинга, проведенного общественной организацией «Союз добровольцев России» и посвященного доступности в регионах РФ объектов социальной инфраструктуры для ЛОВЗ, Новосибирская область занимает 10-е место, набрав 5,6 балла (первое место у Москвы – 8,4 балла); Томская область – 40-е место (3,8 балла); Алтайский край – 48-е место (3,6 балла). Оценка проводилась по десятибалльной системе, итоговый балл и место в национальном рейтинге «Доступная среда» присваивались в соответствии со средним значением показателей. Мониторинг осуществлялся при постоянной консультации представителей 116 общественных организаций, объединяющих граждан-инвалидов, в ходе которой согласовывалось, на какие элементы необходимо обращать особое внимание³. Результаты рейтинга упомянутого исследования приводятся как одно из оснований для сравнения положения дел по вопросу формирования доступной среды в интересующих городах. Что касается индивидуального уровня оценки качества городской среды, можно отметить, что они формулируются иначе, чем критерии комфорта в официальных рейтингах. Рассмотрим их отдельно по каждому городу.

По поводу реализации в Томске проекта «Доступная среда» предпринят анализ онлайн-высказываний групп: Vkontakte, Facebook, посты на популярных в городе пабликах и форумах (где томичи проявили наибольшую активность), таких как электронная версия газеты «Томская неделя», интернет-проект «Новости здесь. Томск», портал VTOMSKE.RU, сайт tvtomsk.ru, официальные группы ГТРК «Томск» Vkontakte и Facebook.

¹ Сервис Yandex Wordstat [Электронный ресурс]. URL: <https://wordstat.yandex.ru/#/regions?filter=cities&words=%D0%B4%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D1%81%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B0> (дата обращения: 16.04.2018).

² Там же.

³ Национальный рейтинг: доступная среда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dostupnigoro.ru/useful-news/natsionalnyiy-reyting-dostupnaya-sreda/> (дата обращения: 16.04.2018).

Анализ показал, что, во-первых, предпосылками востребованности безбарьерной среды и появления «активных инвалидов» являются рост продолжительности жизни, а также относительно высокий уровень доходов (средняя заработная плата в Томске составляет 38 тыс. 350 руб., в Новосибирске – 33 тыс. 256 руб., в Барнауле – 28 тыс. 445 руб.)¹. Представители обследуемых групп: чиновники, горожане и лица с ограниченными возможностями едины в том, что основная причина отсутствия активности ЛОВЗ – экономическая. Спорным для томской общественности является вопрос: что первично? Появление активных инвалидов или предоставление условий для их активности? Суждения разнообразны, но чаще ироничного характера: *Конечно, ведь именно сводящие еле-еле концы с концами пенсионеры мешают криворуким строителям сделать плавный перепад высот*².

Во-вторых, значимым для томичей оказался вопрос: зачем заранее делать избыточную инфраструктуру? Следует решить для начала более первоочередные проблемы маломобильных людей: *Не лучше ли сделать 2% парковочных мест вместо 10% и одну аптеку с пандусом... чем оборудовать КАЖДЫЙ вход пандусом? ...Вложения, которыми не пользуются... представляют собой напрасно потраченные ресурсы и человеческий труд*³.

В-третьих, для большей части горожан не очевиден тот факт, что инвалиду нужно посещать больницы и магазины, работать (кто может), гулять и пр. Активность ЛОВЗ не всегда оценивается однозначно, отсутствие достоверной информации порождает негативное отношение к людям с особыми потребностями: *Эти активисты пиарятся к выборам или оторваны от жизни? Невозможно ВСЕ тротуары переделать под калек, когда в городе тротуаров кое-где в принципе нет. Чиновники высказываются подобным образом: ...считаю, это неправильный подход, пытаться разжалобить и пробудить совесть. Поверьте, она у нас и так есть... Те, кто побуждают чиновников проехать несколько десятков метров в инвалидном кресле, не понимают, как устроено финансирование проектов... в Томске – не везде технически возможно реализовать доступную среду*⁴.

В-четвертых, активно обсуждался вопрос о нерациональном и, возможно, несправедливом распределении областных финансовых средств: «В то время как 132,3 млн руб. выделяется на строительство школы танцев „ЮДИ“... на программу „Доступная среда“ в 2017 г. – 10 млн руб., а на проект „Школа родителей особенных детей“ в 2015 г. – 800 тыс. руб. ... этих денег (132,3 млн руб.) хватило бы на 165 лет работы подобного общественно значимого проекта»⁵. Подобного рода суждения порождают недопонимание и недоверие со стороны горожан, ведь на официальном портале городской администрации по доступной среде можно увидеть лишь нормативные доку-

¹ Средняя зарплата по регионам России в 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://kurs.com.ru/novost/41817-srednjaja-zarplata-po-regionam-rossii-v-2018-godu?gclid=EAlaIqobChMlq66awZCm3wIVj-iaCh3yxA8nEAAAYASAAEGJicfD_BwE (дата обращения: 15.12.2018).

² Козьякин А. Недоступный город. Новости vtomske.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://news.vtomske.ru/view/129949-nedostupnyi-gorod> (дата обращения: 16.04.2018).

³ Там же.

⁴ Чиновники мэрии не собираются садиться в инвалидные коляски ради эксперимента. Здесь новости Томск [Электронный ресурс]. URL: <https://news.vtomske.ru/news/143279-tomskie-invalidy-jaluyutsya-na-nedostupnost-gorodskih-trotuarov> (дата обращения: 16.04.2018).

⁵ Благотворительный фонд «Обыкновенное чудо». Школа родителей особенных детей [Электронный ресурс]. URL: <https://chudo.tomsk.ru/project/view?id=3> (дата обращения: 16.04.2018).

менты на эту тему. Таким образом, контекстно значимыми являются следующие темы: необходимость объективных предпосылок для появления «активных инвалидов», нуждающихся в безбарьерной среде; нехватка средств в городском бюджете на реализацию программы «Доступная среда»; избыточность инфраструктуры, создаваемой для ЛОВЗ.

В Новосибирске анализировались ресурсы: Сибкрай.ру, «Вечерний Новосибирск», РИА «Новости», Аргументы и факты. nsk.aif.ru, все новости Новосибирской области НГС. НОВОСТИ, НГС. НОВОСИБИРСК tvoi54.ru, Новосибирский городской сайт – портал, Новосибирские новости, Новосибирский городской сайт: последние новости 2018, Facebook, группа «Доступная среда в Новосибирске» Facebook, группа «Новосибирск – Город Безграничных Возможностей».

Результаты следующие. Во-первых, в Новосибирске проводится больше мероприятий представительского характера, таких как форум «Новосибирск – город безграничных возможностей». Хотя оцениваются форумы горожанами далеко не позитивно: как *бессмысленные, дорогостоящие и времязатратные*¹. Активная критика форумов такова: *многочасовые заседания, модерирующиеся московскими экспертами, содержание которых оплатили из бюджета Новосибирска...; говорильни, эдакие ярмарки тщеславия... или Обсуждение проблем с людьми, не имеющими к ним отношения...*².

Во-вторых, инициатива новосибирских инвалидов направлена не столько на протестные мероприятия, как в Томске, сколько на попытки обустроить и сделать безбарьерным свое локальное пространство. Складывается впечатление, что в Новосибирске идут два параллельных процесса – парадный (форум, разного рода чиновничьи проверки) и повседневный – борьба инвалидов и маломобильных граждан за свои права, а простые горожане наблюдают за процессом, оживляясь, когда нужно заклеить или пожалеть.

В-третьих, актуальным для обсуждения является тема западного опыта: *...и Новосибирск сможет перенять опыт европейцев!*³. Подобные высказывания редки на томских и барнаульских ресурсах. В итоге контекстно значимыми оказались следующие темы: оценка форума «Город безграничных возможностей»; активная жизненная позиция инвалидов (примеры из серии «Помоги себе сам»); российский и зарубежный опыт.

При исследовании особенностей барнаульской ситуации анализировались ресурсы: Банкофакс. Информационное агентство; Amik.Новости Barnaul 22. Интернет-сообщество; Barnaul 22. Интернет-сообщество; Комсомольская правда. Барнаул; блог губернатора Алтайского края Александра Карлина; официальный сайт Алтайского края; Доступная среда Барнаул. Группа STAR't; Аргументы и факты; ALTAI.AIF.RU.

Результаты: во-первых, на процесс формирования в Барнауле доступной среды для ЛОВЗ и интеграции их в социальную жизнь влияет в значительной степени общая ситуация в регионе. Алтайский край входит в число самых кризисных в России: в рейтинге по благосостоянию семей регион занимает

¹ Форумы бессмысленные и беспощадные. Сибкрай.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://sibkrai.ru/blogs/Antonov/1091/> (дата обращения: 16.04.2018).

² Там же.

³ Комментарий к материалу «Катись отсюда». НГС. Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://news.ngs.ru/comments/50621261/> (дата обращения: 16.04.2018).

82-ю позицию из 85¹. Собственно, о формировании безбарьерной среды в онлайн-высказываниях жителей города речь практически не идет. Одним из важных событий, обсуждаемым в сети, стала *установка двух светофоров со специальным звуковым сигналом для слабовидящих*².

Во-вторых, в Барнауле, как и в любом другом регионе актуальна тема инфраструктуры, созданной «для галочки»: «сколько слышу о борьбе за права инвалидов, складывается впечатление, что она заключается только в строительстве пандусов... Вы их видели? Туда здоровый человек не залезет. ...недоступными остаются даже избирательные участки... пандус имеется, но участок на ВТОРОМ этаже!!!!»³.

В-третьих, лица с ограниченными возможностями здоровья мало проявляют активности и в обсуждении проблем доступной среды в социальных сетях практически не участвуют. В основном это делают их родственники, адвокаты или просто жители города. Группы в социальных сетях, представляющие сообщество инвалидов, малоинформативны, имеют небольшое количество подписчиков и конструктивных комментариев, как правило, не содержат.

В-четвертых, в онлайн-высказываниях чаще говорится не об удовлетворении базовых потребностей ЛОВЗ, а о коррупции или преступной халатности официальных структур. Блогеры вскрывают противоречия в деятельности властей: *С одной стороны, на официальных сайтах есть информация о ремонте конкретного учреждения соцобслуживания (Романовский дом-интернат для престарелых), а с другой – это учреждение приватизируют для отдыха и туризма*⁴. Проблема коррупции часто связывается с проблемой формирования безбарьерной среды и сопровождается резкими суждениями: *...обращение в прокуратуру БЕСПОЛЕЗНО. Алтайская прокуратура – это полугомерческая-полукриминальная структура в ЗАКОНЕ*⁵. В такой ситуации у политиков разного масштаба возникает желание сделать себе политический (и не только) капитал на острой и трудноразрешимой для Барнаула проблеме формирования доступной среды.

В-пятых, конструктивный диалог между ЛОВЗ и представителями других локальных сообществ практически невозможен из-за отсутствия информации, что рождает недоверие и агрессию как со стороны горожан, так и со стороны власти. Это находит выражение в высказываниях чиновников: *А наш народ мастер за углами кричать и ждать, что кто-то обязан принести всё на блюдечке с золотой каёмочкой. И со стороны горожан: Мечтаю*

¹ *Демография* с грифом «Секретно». Какие официальные цифры миграции на Алтае? Электронная версия газеты «Аргументы и факты» [Электронный ресурс]. URL: http://www.altai.aif.ru/society/demografiya_s_grifom_sekretno_kakie_oficialnye_cify_migracii_na_altae (дата обращения: 16.04.2018).

² В Алтайском крае продолжается реализация программы «Доступная среда». Без формата.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://barnaul.bezformata.ru/listnews/altajskom-krae-prodolzhaetsya-realizatsiya/51032808/> (дата обращения: 16.04.2018).

³ *Комментарий* к материалу «Алтайский омбудсмен отказался от «услуг» прокуратуры в защите прав инвалидов». Банкфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bankfax.ru/news/107575/> (дата обращения: 16.04.18).

⁴ *Скажи, председатель, кому мы нужны: образцовый дом-интернат оптимизируют в алтайском муниципалитете*. Банкфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bankfax.ru/news/98809/> (дата обращения: 16.04.18).

⁵ *Комментарий* к материалу «Алтайский омбудсмен отказался от «услуг» прокуратуры в защите прав инвалидов». Банкфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bankfax.ru/news/107575/> (дата обращения: 16.04.18).

увидеть всю нашу власть там, где ей и положено быть...¹. В целом можно говорить о пассивности людей и безликости государственных структур в обсуждении вопросов, связанных с формированием доступной среды. Все происходит на уровне «переругивания» и «зарабатывания очков». Наиболее живой интерес вызывают публикации, призывающие наказать власть, заклеить бездействие, осудить бездушные, проявить сочувствие. Контекстно значимыми оказались темы: формализованное отношение к инфраструктуре; попытки сделать политический капитал на инвалидах; «оптимизация» учреждений для инвалидов; низкая активность лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Заключение

Анализ онлайн-высказываний жителей трех городов позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, представителям госструктур, отвечающим за разработку целевых программ, достаточно сформированной точечной (не тотальной) доступной среды, а в контексте пространства города равных возможностей безбарьерная среда подразумевает инклюзивность, включающую создание условий для практик повседневности любых групп городского сообщества. Точно создаваемые объекты дискредитируют данную программу в глазах общественности, вызывают недоверие к власти, формируют оценочные представления о нерациональном использовании бюджетных средств. Фрагментарное создание безбарьерной среды порождает пространственные конфликты, которые и отражены в онлайн-высказываниях анализируемых групп.

Во-вторых, использование спонтанных данных, детальный анализ содержания постов или треков лиц с ограниченными возможностями показал, что идеал доступной среды имеет свою специфику в зависимости от своеобразия города, хотя, казалось бы, императив «город равных возможностей» предполагает универсальность характеристик. В Новосибирске этот идеал неявно связан с формальной событийно-патерналистской ориентированностью городской политики. В Томске – отражает протест против создания параллельного городского пространства для ЛОВЗ, в Барнауле – воспроизводит потребность в максимизации условий для включения ЛОВЗ в повседневную жизнь.

В-третьих, как и предполагалось, лица с ограниченными возможностями здоровья отвергают модель особого, даже тщательно продуманного, с точки зрения социальных служб, пространства, которое для них и есть место «складирования инвалидности», где они ощущают себя «социально проигравшими». Они хотят динамичного взаимодействия с окружающей средой, формируя свои тактики независимой жизни.

В-четвертых, необходимость наработки практики конструктивного диалога с использованием современных технологий для снижения социальной напряженности обусловлена высоким уровнем конфликтогенности в сибирских городах, где столкновение позиций горожан имеет зачастую пространственную природу. Городские сообщества могут иметь свои приоритет-

¹ *Комментарий* к материалу «Алтайский омбудсмен отказался от «услуг» прокуратуры в защите прав инвалидов». Банкфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bankfax.ru/news/107575/> (дата обращения: 16.04.18).

ные представления о том, как развивается городская среда, однако средства на их реализацию обеспечивает местная власть, что порождает конкуренцию и соперничество. Для решения подобного рода конфликтов необходим анализ не только онлайн-, но и офлайн-высказываний, а также использование экспертных оценок, причем экспертами могут являться сами лица с ограниченными возможностями здоровья.

В-пятых, становится очевидным, что коммуникативное сопровождение проекта «Доступная среда» должно основываться на принципе партисипаторности. Подобные решения необходимы для нивелирования социальной напряженности, возникающей в процессе проектирования стратегий городского развития и формирования безбарьерной среды в исследуемых городах.

Литература

1. *Lefebvre H.* The production of space. Cambridge : Cambridge Center, 1984.
2. *Soja E.* Seeking Spatial Justice. Minnesota : University of Minnesota Press, 2010.
3. *Harvey D.* The Right to the City // *New Left Review*. 2008. № 53. P. 23–46.
4. *Smith M.P., McQuarrie M.* Remaking urban citizenship: organizations, institutions, and the right to the city / Michael Peter Smith and Michael McQuarrie, editors. New Brunswick; New Jersey : Transaction Publishers, 2012.
5. *Ong A.* Flexible Citizenship: The Cultural Logics of Transnationality. Durham : Duke University Press, 1999.
6. *Phillips S.D.* Disability and Mobile Citizenship in Postsocialist Ukraine. Bloomington: Indiana University Press, 2010.
7. *Наберушкина Э.К.* Город для всех: социологический анализ доступности городского пространства для инвалидов // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2011. № 3. С. 119–138.
8. *Лапина-Кратасюк Е.Г., Запорожец О.Н.* Цифровые коды российских городов: связи, разрывы и немного любви к человеку // *Шаги/Steps*. 2016. Т. 2, № 1. С. 103–113.
9. *Павлов А.В.* Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «соседской» и «гражданской» коммуникацией // *Лабиринт*. 2016. № 5. С. 46–57.
10. *Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р.* Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов : Научная книга, 2006.
11. *Goffman E.* The Presentation of Self in Everyday Life. University of Edinburgh Social Sciences Research Centre, 1969.
12. *Сеннет Р.* Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // *Логос*. 2008. № 3 (66). С. 95–107.
13. *Logan J., Molotch H.* Urban fortunes: The political economy of place. Berkeley, CA : University of California Press, 1987.
14. *Lynch K.* The Image of the City. The MIT Press, 1960.
15. *Park R.* The City: Suggestions for the Study of Human Nature in the Urban Environment. Chicago : University of Chicago Press, 1965.
16. *Wirth L.* Urbanism as a Way of Life. Chicago : Chicago University Press, 1964.
17. *Rainie L, Wellman B.* Networked: The New Social Operating System. Cambridge, MA : MIT Press, 2012.
18. *Walker D.M.* Networked Public Talk: Attention, Difference, and Imagination in Online Urban Forums. Ph.D., University of Michigan, 2011.
19. *Oldenburg R.* The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community. Paperback, 1999.
20. *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. New York : Random House, 1993.
21. *Boltanski L., Chiapello É.* The New Spirit of Capitalism. London; New York : Verso, 2005.
22. *Simmel G.* The Metropolis and Mental Life. Chicago University Press, 1971.
23. *Urry J.* Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century (International Library of Sociology). Paperback, 1999.

Vera S. Ivanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mai: vcsoc@rambler.ru

Nataliia A. Kolodii, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mai: kolna@tpu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 137–148.

DOI: 10.17223/1998863X/47/15

A CITY OF EQUAL OPPORTUNITIES REFLECTED IN THE SOCIAL MEDIA

Keywords: on-line statements; accessible environment; people with disabilities; oversaturation; mobile citizenship; e-participation; public network chatting.

The article attempts to develop an algorithm for analyzing on-line statements of various social groups on the accessibility of the urban environment. Results of the analysis can be used in the design of urban development strategies. The focus of the research is aimed at identifying the problems of urban well-being for everyone. In modern conditions, there has appeared a unique opportunity to carry out such an analysis using spontaneous data, which are created by social network users. Messages created in the social media necessitate the development of approaches, tools and methods of analysis for structured and unstructured voluminous and diverse data, which are created in the virtual space and are supported by social networks. The distinctive characteristic of the approach proposed is that it analyses not only on-line statements of people with disabilities on special sites and forums, but also the general context for discussing the problems of the urban environment by different communities and public groups is reconstructed. The possibilities of the structural-semantic analysis of the on-line statements made by the representatives of three main groups (officials, citizens and people with disabilities) on the problem of the formation of an accessible environment have led to an unambiguous conclusion: the social life of urban strata demonstrates a high degree of inequality and weak mobility opportunities for the majority of the population.

References

1. Lefebvre, H. (1984) *The Production of Space*. Cambridge: Cambridge Center.
2. Soja, E. (2010) *Seeking Spatial Justice*. Minnesota: University of Minnesota Press.
3. Harvey, D. (2008) The Right to the City. *New Left Review*. 53. pp. 23–46. DOI: 10.1111/j.0309-1317.2003.00492.x
4. Smith, M.P. & McQuarrie, M. (eds) (2012) *Remaking urban citizenship: organizations, institutions, and the right to the city*. New Brunswick; New Jersey: Transaction Publishers.
5. Ong, A. (1999) *Flexible Citizenship: The Cultural Logics of Transnationality*. Durham: Duke University Press.
6. Phillips, S.D. (2010) *Disability and Mobile Citizenship in Postsocialist Ukraine*. Bloomington: Indiana University Press.
7. Naberushkina, E.K. (2011) Gorod dlya vseh: sotsiologicheskii analiz dostupnosti gorodskogo prostranstva dlya invalidov [City for all: a sociological analysis of the accessibility of urban space for people with disabilities]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 3. pp. 119–138.
8. Lapina-Kratasyuk, E.G. & Zaporozhets, O.N. (2016) Tsifrovye kody rossiyskikh gorodov: svyazi, razryvy i nemnogo lyubvi k cheloveku [Digital codes of Russian cities: links, breaks and a little love for a person]. *Shagi – Steps*. 2(1). pp. 103–113.
9. Pavlov, A.V. (2016) Lokal'nye gorodskie soobshchestva v sotsial'nykh setyakh: mezhdru "sosedskoy" i "grazhdanskoy" kommunikatsiyey [Local urban communities in social networks: between "neighborhood" and "civil" communication]. *Labirint – Labyrinth*. 5. pp. 46–57.
10. Romanov, P.V. & Yarskaya-Smirnova, E.R. (2006) *Politika invalidnosti: Sotsial'noe grazhdanstvo invalidov v sovremennoy Rossii* [Disability Policy: Social Citizenship of Disabled People in Modern Russia]. Saratov: Nauchnaya kniga.
11. Goffman, E. (1969) *The Presentation of Self in Everyday Life*. University of Edinburgh Social Sciences Research Centre.
12. Sennett, R. (2008) Kapitalizm v bol'shom gorode: globalizatsiya, gibkost' i bezrazlichie [Capitalism in the big city: globalization, flexibility and indifference]. *Logos*. 3(66). pp. 95–107.
13. Logan, J. & Molotch, H. (1987) *Urban fortunes: The political economy of place*. Berkeley, CA: University of California Press.
14. Lynch, K. (1960) *The Image of the City*. The MIT Press.

15. Park, R. (1965) *The City: Suggestions for the Study of Human Nature in the Urban Environment*. Chicago: University of Chicago Press.
16. Wirth, L. (1964) *Urbanism as a Way of Life*. Chicago: Chicago University Press.
17. Rainie, L. & Wellman, B. (2012) *Networked: The New Social Operating System*. Cambridge, MA: MIT Press.
18. Walker, D.M. (2011) *Networked Public Talk: Attention, Difference, and Imagination in Online Urban Forums*. Ph.D., University of Michigan.
19. Oldenburg, R. (1999) *The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community*. Marlowe & Company.
20. Jacobs, J. (1993) *The Death and Life of Great American Cities*. New York: Random House.
21. Boltanski, L. & Chiapello, È. (2005) *The New Spirit of Capitalism*. London; New York: Verso.
22. Simmel, G. (1971) *The Metropolis and Mental Life*. Chicago University Press.
23. Urry, J. (1999) *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century (International Library of Sociology)*. Routledge.

УДК 316.014

DOI: 10.17223/1998863X/47/16

А.П. Глухов

ДОМЕСТИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА И РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ¹

На основе концепций ресоциализации межличностных отношений под влиянием социальных медиа, в частности теории полимедиа М. Мандиану и Д. Миллера, в статье представлен микросоциологический анализ трансформации таких типов межличностных отношений, как виртуальный флирт, френдинг и троллинг. Выдвигается обоснованное предположение, что данный тип номинаций / отношений можно интерпретировать как квазиблизкие (т.е. маргинальные между интимными и публичными).

Ключевые слова: социальные медиа, межличностные отношения, полимедиа, квазиблизкие отношения.

Введение: обзор подходов

В XXI в. наряду с многочисленными изменениями, вызванными четвертой промышленной революцией, происходит реконфигурация и пересборка достаточно консервативного типа повторяющихся интеракций, мало изменяющегося на протяжении истории, – межличностных отношений.

Фундаментальная особенность влияния новых медиа на отношения, как ее видит голландский социолог Ян ван Дейк в своей работе «Сетевое общество», состоит в том, что «технология позволяет эффективно контролировать контакты и последующее общение. Эти процессы можно планировать более чем когда-либо до сих пор. Вероятным следствием является сокращение числа случайных встреч в медиа сетевого общества. Наиболее вероятным результатом окажется то, что социальные отношения будут становиться более прагматичными, деловыми и рационализированными. Побочным эффектом может быть упадок традиционных социальных навыков, таких как гибкое реагирование на случайные встречи в публичном пространстве» [1. Р. 233].

В качестве иллюстрации избирательности, рационализма и возможностей менеджмента отношений Ван Дейк приводит пример организации романтических отношений на сайтах онлайн-знакомств: «Это хороший пример повышения избирательности и потенциала контроля над онлайн-социальными контактами. В данном случае фантастический романтический идеал нахождения «единственного» шанса заменяется более деловым поиском потенциальных партнеров с определенными параметрами» [Ibid. Р. 234]. Более того, со временем «традиционные навыки ухаживания и флирта могут быть потеряны и заменены навыками онлайн-управления кастингом» [Ibidem].

Представители цифровой антропологии как особого поля исследований предлагают выйти за рамки спекулятивных предложений о последствиях распространения новых средств коммуникации и сосредоточиться вместо

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 18-011-00225 «Культура сетевых полупубличных коммуникаций цифрового поколения».

этого на тех открытиях, которые сейчас доступны через подробные этнографические исследования.

С. Бредбент отмечает резкий поворот в исследованиях виртуальной коммуникации, произошедший с начал 2000-х гг. с появлением и распространением мобильной связи: от первоначальной эйфории, связанной с надеждами на возобновление комьюнити и создание новых форм социальной жизни, исследователи пришли к выводу, что опосредованные коммуникации инициируют процессы приватизации и индивидуализации [2. Р. 129]. Подобные наблюдения практики приватизации общественного пространства среди пользователей мобильных телефонов хорошо вписываются в рамки социологической дискуссии об исторической эволюции социальности в сторону сокращения социальной сплоченности и участия общественности [3].

Как естественная интеллектуальная реакция на новый скачок в развитии коммуникативных технологий чрезвычайно распространен в интеллектуальной среде критический подход к оценке интернет-коммуникаций как инструмента редукции аутентичного межличностного общения.

Чем больше времени пользователь проводит в Интернете, тем меньше времени он тратит на аутентичные отношения. Краут, Паттерсон и др. обнаружили, что частое использование сайтов социальных сетей приводит к циклическим психологическим отклонениям [4]. Как отмечают аналитики [5], пользователи социальных сетей, как правило, не выпускают из рук свои гаджеты и используют сетевые мобильные приложения, даже во время встреч лицом к лицу со своими друзьями. Становится почти невозможным обнаружить людей, прогуливающих без мобильных устройств в руках. Уэлман и его коллеги описывают «семьи после семьи», которые взаимодействуют со своими устройствами больше, чем друг с другом [6].

Шерри Тёркл в книге «Одиночество совместно» («Alone together») отмечает утрату рефлексивности и реактивность реакций современных подростков, коммуникационные технологии заставляют их быть всегда подключенными: «Текстовый мир быстрого реагирования не то чтобы делает вообще невозможным самоанализ, но мало способствует его развитию. Когда коммуникативные обмены переформатируются под формат небольшого экрана и сводятся к эмоциональной стенографии смайликов, это приводит к неизбежным упрощениям коммуникации» [7. Р. 143].

Как только исследователи выяснили интенцию мобильной связи на поддержку приватности коммуникаций («мобильные телефоны позволяют людям поддерживать постоянный контакт в интимной сфере отношений» [2. Р. 129], было установлено, что и другие цифровые технологии используются главным образом для поддержки небольшого числа контактов в рамках близких отношений: «...пользователи мгновенного обмена сообщениями, например, независимо от длинных списков друзей, взаимодействовали, прежде всего, с несколькими членами семьи и близкими друзьями» [8].

Британские исследователи-антропологи сетевых межличностных коммуникаций М. Мадриану и Д. Миллер в статье «Полимедиа: новый подход к пониманию цифровых средств коммуникации в межличностном общении» [9] предлагают вниманию новую теория полимедиа, позволяющую понять последствия использования цифровых средств коммуникации именно в межличностной коммуникации. Авторы утверждают, что из пользователей «ред-

ко кто ограничивает себя одним средством коммуникации, большинство оперируют репертуаром альтернативных медиа, которые могут быть связаны с разными людьми, разными типами сообщений, а также с вопросами сдерживания и выражения эмоций. Для каждого человека полимедиа представляет собой его персональный репертуар средств коммуникации и эмоциональных регистров» [9. С. 347].

Основывая свое этнографическое исследование на кейсах сетевой коммуникации мигрантских семей, авторы приходят к выводу, что мигранты используют социальные медиа не как разрозненный набор технологий, но как комплексную коммуникативную среду, позволяющую, благодаря широкому арсеналу предоставляемых возможностей, различным образом выстраивать различные межперсональные отношения. Предлагаемая теория полимедиа дает возможность акцентировать момент рефлексивности выбора тех или иных сервисов, технологий и форматов общения в рамках среды социальных медиа в отношении моральных последствий выбора между этими различными типами. С точки зрения исследователей, выбор определенного средства коммуникации не случаен, но движим определенным коммуникативным намерением. Управление полимедиа-средой становится частью управления и выстраивания межличностных отношений.

Выбор канала коммуникации в отношении его синхронного / асинхронного характера сильно зависит от властной позиции и статуса собеседника и предполагает стратегию ненавязчивого привлечения внимания через асинхронный канал в случае низкого иерархического статуса инициатора контакта или требовательное использование синхронного канала связи в случае более высокой статусной позиции. Данный процесс доместикации и адаптации социальных медиа под установки и стратегии пользователей с определенной социальной идентичностью исследователи называют ресоциализацией медиа [2. Р. 139]. Ключевым признаком этого процесса является рефлексивное отношение к выбору конкретного носителя или формата, обусловленное как социальной, так и личностной позицией: «...атрибуция моральной ответственности фактически ресоциализирует использование медиа, когда мы переходим от технологических соображений к новым нормам, которые существуют в любом данном обществе вокруг значения каких-либо конкретных медиа» [10. Р. 157]. Социальные медиа сами эволюционируют и трансформируются в сторону полимедийности, поскольку их функция смещается в направлении предоставления эффективной инфраструктуры для выстраивания близких отношений или слабых связей.

Исследовательский дизайн и методология

В 2018 г. в Томском государственном университете стартовал исследовательский проект, направленный на изучение трансформации коммуникативной культуры в области повседневных межличностных виртуальных коммуникаций цифрового поколения в социальных медиа. Его цель – описание и концептуализация характеристик «цифровой грамотности» и коммуникативного порядка сетевой полупубличной (semi-public) коммуникации как основы виртуальной коммуникативной культуры.

В данной статье из всего комплекса элементов виртуальной коммуникативной культуры мы затронем только одну ключевую тему – новое ролевое

номинирование и фреймирование межличностных отношений как квазиблизких.

Изначально дизайн исследования строился на предпочтительном использовании качественных методов социологического исследования как наиболее адекватно отвечающих заданной цели описания цифровых компетенций и коммуникативного порядка сетевой полупубличной коммуникации.

Для описания интериоризации и применения в среде продвинутых пользователей студенческой аудитории вузов Томска новой виртуальной культуры полупубличных коммуникаций и менеджмента коммуникаций цифровым поколением Z были использованы методы анализа творческих эссе на заданную тему, глубинных (полуструктурированных или лейтмотивных) интервью и фокус-группы как в офлайн-, так и в онлайн-формате (ссылка на материалы исследовательской онлайн фокус-группы «Менеджмент режимов коммуникации»: <https://vk.com/event163852830>).

В исследовании приняли участие обучающиеся различных уровней образования и направлений подготовки, в основном магистранты; рекрутинг участников осуществлялся на основе принципа доступности, способности к саморефлексии и высокой цифровой компетентности.

Ролевое номинирование в социальных сетях: квазиблизкие отношения виртуального флирта, френдинга и троллинга

Одной из ключевых задач исследовательского проекта являлась тематизация нового типа фреймирования квазимежличностных отношений представителями цифрового поколения (сетевой флирт, френдинг, троллинг, фоллоуинг) как новой статусно-ролевой маргинальной номинации. Было сделано предположение о квазиблизком характере данного типа виртуальных межличностных отношений, маскирующем за счет использования лексического ряда понятий из области сильных связей (любовь, дружба, вражда, поклонение) «пограничный» тип отношений, основанный на смешении межличностных / деловых ролей и статусов в рамках сетевой коммуникативной культуры. По аналогии со сферами воинского или этнического «братства» или политического вождизма с восприятием лидера как «отца нации» номинация «френда» или романтического поклонника в социальных сетях призвана служить психологическому «утеплению» отношений, но никем из участников не воспринимается буквально.

В плане поддержания романтических отношений в сети большинство респондентов отмечают их более высокую управляемость и в то же время симулятивный характер: *Задача наладить внутренний контакт посредством симуляции расположения – виртуальные стикеры и подарки, картинки с сердечками и цветочками, все это упрощает ситуацию ведения коммуникации (смайл с розочкой доступен по паре кликов, розочка в реальности стоит денег и т.д.)* [Д.И.] (здесь и далее инициалы респондента, орфография и пунктуация авторов сохранены. – А.Г.).

В поддержании романтических виртуальных отношений, по мнению респондентов, в наибольшей степени обнаруживается недостаток социальных «подсказок», позволяющих составить реалистичное представление о партнере по отношениям, которое мгновенно формируется при личной встрече offline: *Могу сказать, что большинство неадекватно оценивает виртуального*

партнёра. Это как игра с завязанными глазами. Ты не видишь, но пытаешься понять на ощупь, угадать на вкус. Многие люди склонны додумывать то чего они не знают в более выгодном для себя ключе. Потому, виртуальные собеседники всегда лучше, чем реальные [С.Д.].

Часть респондентов изначально интерпретирует романтические отношения online как несерьезные и игровые: ...даже, если присутствуют ЖЕРТВЫ, то это скорее симуляция ЖЕРТВЫ. Игра, тренинг, что-то вроде компьютерной игры Sims [И.Д.].

При этом, суррогатный характер виртуальных романтических отношений проявляется в их переходном характере, либо они служат мостиком к offline-отношениям, либо при личной встрече оказываются неудачными в результате иллюзорного видения партнера: Ситуация, когда человек, общение с которым понравилось мне в сети, не понравился при личной встрече, было много раз. Как раз таки дело в сопоставлении основных факторов – я вижу, я слышу, я обоняю, я трогаю. Этого в виртуальном окружении нет. Кто-то курит, кто-то обладатель ужасного голоса, кто-то хитро цурируется, что становится не по себе [С.Д.].

В рамках реальных романтических отношений социальные сети и мессенджеры используются трояко. Во-первых, как инструмент синхронной континуальной поддержки отношений, особенно важный для партнерш по отношениям: ...отношения как поддержка. Ну ответ в вопросе. Это доп. способ связи с партнером, можно сказать бонус современного общества. Ведь быть рядом двадцать четыре часа в сутки не реально, а благодаря мессенджерам и соц. сетям можно попытаться [Е.О.].

Во-вторых, как инструмент мониторинга и контроля за поведением партнера и отношениями со сторонними людьми: Мониторинг активности конечно ведется, причем достаточно скрупулезно, часто люди следят за каждым лайком партнера и его адресатом, за тем, кого он добавляет в друзья и кому отвечает на комментарии, что порождает страшную штуку – ВИРТУАЛЬНУЮ РЕВНОСТЬ [Д.И.].

В-третьих, соцсети могут выступать как инструмент публичного обозначения отношений: Можно поставить статус в соц. сети. Зачастую это больше нужно для девушек. Если статуса нет - это знак, что девушка свободна и ей можно написать. Статус в соц. сети - это как определение границ между собеседниками (в каком стиле они будут общаться и будут ли общаться вообще) [О.З.]. Степень допустимой публичности и выставления напоказ романтических отношений сильно варьируется у различных респондентов.

Резюмируя, можно отметить, что виртуальные романтические отношения в социальных сетях воспринимаются большинством информантов в несерьезном, игровом, суррогатном формате флирта, который может перерасти / не перерасти в близкие отношения только в случае offline-встречи.

В отношении возможностей виртуальной дружбы присутствует широкий диапазон мнений представителей цифрового поколения от восприятия виртуального френдинга как симуляции до неотличимости offline и online дружеских отношений.

Пессимисты утверждают, что для дружбы в сети не хватает возможности личностных инвестиций и совместного опыта проживания: Дружба и любовь,

когда ты вкладываешь хоть немного. А как вкладываться в сети? [Г.П.]; Также важно, что любые отношения людей поддерживаются двумя составляющими – общие интересы и совместно пережитый опыт, и если обсуждать какие то общие темы в сети можно, то что касается совместного опыта, пережитых ситуаций – то в сети с этим очень сложно [Ю.П.].

Оптимисты утверждают, что принципиальных отличий нет, а современные средства коммуникации, обеспечивая мультимедийный контакт, позволяют получить комплексное представление о партнере по коммуникации: *Дружеские отношения могут быть вполне реальными и в сети. Нет ничего страшного в том, что ты не видишь собеседника. Если вам так удобнее или нет другого выхода – пожалуйста! Цели всегда одни и те же: найти поддержку, собеседника, помощника [А.К.].*

Большинство респондентов используют общение в социальных медиа как online-поддержку реальных дружеских связей, дающую возможности оперативного обмена информацией и эмоциями: *На мой взгляд, сейчас мы имеем возможность поддерживать бесконечный диалог, перетекающий из офлайн в онлайн и обратно. А бывают ситуации, когда ты или твой друг уезжаете куда-то, то тогда только онлайн-коммуникация (не считая телефонных звонков, которые, в принципе, можно заменить, на видеозвонки) [Е.Б.].*

Обобщая, можно сделать выводы, что исключительно online-френдинг имеет в глазах большинства респондентов симулятивный характер, поскольку для по-настоящему близких отношений ему не хватает личностных инвестиций участников и возможности составить адекватный образ партнера в силу ограниченности каналов связи и отсутствия социальных «подсказок»; в то же время социальные сети как поддержку реальных дружеских отношений используют все наши информанты.

При описании и характеристике троллинга респонденты подчеркивают такую его отличительную черту, как анонимность самого инициатора – «тролля», а также безличность его «жертвы», отсутствие индивидуальной, личностной обусловленности вражды: *...троллю без разницы кто перед ним, его главная цель получить удовольствие от этого процесса, когда это закончится, он скорее всего забудет, кого троллил, а вражда офлайн может длиться довольно долго. В офлайне враг не будет так открыто выступать, скорее всего, все будет происходить за «спиной» у человека, и возможно будут редкие стычки. Главное различие тролля от офлайн врага это наличие антипатии у офлайн врага к определенному человеку, а у троллей нет антипатии к конкретному человеку [В.Б.].*

Многие респонденты отмечают наличие анонимности «тролля» как сильно растормаживающий процесс троллинга фактор: *Очень просто – маска снимает ответственность с личности. За любое социальное действие социальный субъект несет ответственность, а анонимный – нет, это дает ложное чувство свободы [В.К.]; ...анонимность также защищает тебя. Ты ведь не нападаешь на таких же анонимов, а на реальных юзеров, а ты по факту никто и как появился внезапно так внезапно и исчезнешь. Ты не несешь никаких издержек, например, репутационных, если ты вот такой жирненький анонимный [М.К.].* Одна из пользовательниц называет подобный катализирующий эффект эффектом невидимки.

Позитивно относящиеся к феномену троллинга и троллям информанты ищут для себя рационализацию одобрения подобного вида активности в дистинкции троллинга на «толстый» (простые, безыскусные, грубые оскорбления) и «тонкий» (вид интеллектуального турнира, тонкого стёба).

Помимо анонимности участников и безличности вражды респонденты видят ключевое отличие троллинга от реального противостояния offline в несерьезности последствий для участников и отсутствии ресурсов, которые стоят на кону: *Сетевого тролля мы можем никогда не видеть и не слышать в реальной жизни, его мы можем кинуть в черный список или игнорировать. Поведение врага в реальной жизни куда больше отличается от тролля в сети возможностью физического контакта. Действия врага в реальной жизни конечно можно игнорировать, но иногда это просто невозможно [А.Л.]; ...все зависит от степени неприязни, тролль в сети не нападет на тебя с битой возле дома [М.К.]*.

Резюмируя, можно отметить, что представители цифрового поколения хорошо понимают симулятивный характер такой социальной активности, как троллинг (частично обусловленной причинами психопатологического порядка), проявляющийся в анонимности, отсутствии личностной интенциональности и серьезных (затратно-ресурсных) последствий, а также в возможности прервать в любой момент ненужный контакт.

Обращаясь к интерпретации сильных связей, основанных на близких отношениях, М. Гранновetterом, можно отметить, что различия в степени близости людей можно измерять через определение комбинации затрат времени, эмоциональной интенсивности общения, близости / раскрытия (взаимного доверительного общения) и взаимных услуг, которые все вместе и характеризуют силу связи [11].

Поддержание отношений с помощью социальных медиа дистанционно значительно экономит ресурсы времени, эмоций, самораскрытия и услуг со стороны партнеров по коммуникации (что выражается, в частности, во взрывном росте объема отношений – увеличении количества френдов – за счет сокращения издержек на поддержание отношений с каждым из них), но оборотной стороной сокращения издержек является снижение ценности подобных отношений для участников и вытекающая отсюда необязательность серьезной поддержки партнера по взаимодействию. Отношения, оставаясь по номинации близкими, на деле являются квазиблизкими, занимая маргинальное положение между действительно интимными интеракциями и публичными (порой, в случае френдинга, деловыми) или симулятивно-игровыми коммуникациями. Природа подобного рода квазиблизких отношений требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Dijk J. van The Network Society. Social Aspects of New Media. London : SAGE Publications Ltd., 2006.
2. Broadbent S. Approaches to Personal Communication // Digital Anthropology / Ed. by Heather A. Horst, Daniel Miller. English edition. Berg, 2012. P. 129.
3. Sennett R. The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism. New York : W.W. Norton, 1998.
4. Kraut R., Patterson M., Lundmark V., Kiesler S., Mukophadhyay T., Scherlis W. Internet paradox: a social technology that reduces social involvement and psychological well-being? // American Psychologist. 1998. 53(9). P. 1017–1031.

5. *Busko M.* Cell phone crazy: anxiety linked with increased cell-phone dependence, abuse. 2009. URL: <http://cellphonecrazytech.blogspot.com/2009/08/anxiety-linked-with-increased-cell.html> (accessed 20.11.2018).
6. *Wellman B., Hogan B.* Connected Lives: The Project // P. Purcell (Ed.). Networked Neighbourhoods. London : Springer-Verlag, 2006.
7. *Turkle Sh.* Alone together : why we expect more from technology and less from each other. Published by Basic Books. 2011.
8. *Kim H., Kim G.J., Park H.W., Rice R.E.* Configurations of Relationships in Different Media // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. 12(4): article 3.
9. *Мадиану М., Муллер Д.* Полимедиа: новый подход к пониманию цифровых средств коммуникации в межличностном общении / пер. с англ. А. Пауковой, В. Чумаковой // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 334–356. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.17 (PDF) Полимедиа: новый подход к пониманию цифровых средств коммуникации в межличностном общении [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32535333_75189797.pdf (дата обращения: 26.12.18).
- 10 *Miller D.* Social Networking Sites // Digital Anthropology / Ed. by H.A. Horst, D. Miller. English edition. Berg, 2012. P. 146–165.
11. *Granovetter M.S.* The Strength of Weak Ties // The American Journal of Sociology. 1973. 78 (6). P. 1360–1380.

Andrey P. Glukhov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: GlukhovAP@tspu.edu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 149–157.

DOI: 10.17223/1998863X/47/16

DOMESTICATION OF SOCIAL MEDIA AND RE-SOCIALIZATION OF INTERPERSONAL RELATIONS

Keywords: social media; interpersonal relationships; polymedia; quasi-close relationships.

The article analyzes the phenomenon of the formation of a network communicative culture among the digital generation in the social media space in the field of interpersonal relations on the example of quasi-close virtual relationships of virtual flirting, friending and trolling. The analysis of the concepts of re-socialization of interpersonal relations under the influence of social media is presented. The key positions and problems of Jan van Dijk's concepts of controllability of the relations and Mirca Madianou & Daniel Miller's polymedia are considered. A study of the virtual communication culture of the Tomsk university students as representatives of the network generation Z with a high digital competence was made. The methods used in the study were analyzing creative essays on a given topic, in-depth interviews and focus groups, both offline and online. The study thematized role-nomination and filling of virtual quasi-close relationships as an element of the new network communication culture. It is argued that virtual romantic relationships in social networks are perceived by the majority of informants in a frivolous, playful, surrogate format of flirting, which can grow/not grow into close relationships only in the case of offline meetings. With regard to virtual friendship, it is confirmed that, in the eyes of most respondents, exceptional on-line friending is simulative, since for really close relationships, it lacks the participants' personal investments and the opportunity to create an adequate image of a partner due to limited communication channels and lack of social cues. At the same time, social networks, as support for real friendships, are actively used. It is also noted that representatives of the digital generation are well aware of the simulative nature of such a social activity as trolling (partly due to the psychopathological reasons) manifested in anonymity, lack of personal intentionality and serious (cost-resource) consequences, as well as the ability to interrupt an unnecessary contact at any time. Conclusions are made about the explosive growth in the volume of relations, in particular, the increase in the number of friends, by reducing the cost of maintaining relationships with each of them; the downside is in the form of reducing the value of such relationships for participants and their consequent simulation-game nature.

References

1. Dijk, J. van (2006) *The Network Society. Social Aspects of New Media.* London: SAGE.
2. Broadbent, S. (2012) Approaches to Personal Communication. In: Horst, H.A. & Miller, D. (eds) *Digital Anthropology.* Berg Publishers. pp. 129.

3. Sennett, R. (1998) *The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism*. New York: W.W. Norton.
4. Kraut, R., Patterson, M., Lundmark, V., Kiesler, S., Mukophadhyay, T. & Scherlis, W. (1998) Internet paradox: a social technology that reduces social involvement and psychological well-being? *American Psychologist*. 53(9). pp. 1017–1031. DOI: 10.1037/0003-066X.53.9.1017
5. Busko, M. (2009) *Cell phone crazy: anxiety linked with increased cell-phone dependence, abuse*. [Online] Available from: <http://cellphonecrazytech.blogspot.com/2009/08/anxiety-linked-withincreased-cell.html>. (Accessed: 20th November 2018).
6. Wellman, B. & Hogan, B. (2006) *Connected Lives: The Project*. In: Purcell, P. (ed.) *Networked Neighbourhoods*. London: Springer-Verlag.
7. Turkle, Sh. (2011) *Alone together: why we expect more from technology and less from each other*. Basic Books.
8. Kim, H., Kim, G.J., Park, H.W. & Rice, R.E. (2007) Configurations of Relationships in Different Media. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 12(4). Article 3. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2007.00369.x.
9. Madianu, M. & Miller, D. (2018) Polimedia: novyy podkhod k ponimaniyu tsifrovyykh sredstv kommunikatsii v mezhlchnostnom obshchenii [Polymedia: Towards a new theory of digital media in interpersonal communication]. Translated from English by A. Paukova, V. Chumakova. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 1. pp. 334–356. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.17
10. Miller, D. (2012) Social Networking Sites. In: Horst, H.A. & Miller, D. (eds) *Digital Anthropology*. Berg Publishers. pp. 146–165.
11. Granovetter, M.S. (1973) The Strength of Weak Ties. *The American Journal of Sociology*. 78(6). pp. 1360–1380. DOI: 10.1086/225469

УДК 316.4

DOI: 10.17223/1998863X/47/17

Н.П. Лукина, П.В. Сазонова

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РАМКАХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Рассмотрена трансформация семейных отношений в рамках шестого технологического уклада информационного общества и раскрыта важность их тематизации в современном социально-философском дискурсе. Семья как одна из центральных общественных систем отражает перемены, присущие шестому технологическому укладу, который возникает в результате становления информационного общества. Под современными трансформациями семьи понимается изменение представлений о браке, родителстве, функциях семьи в обществе.

Ключевые слова: информационное общество, технологический уклад, современная критическая теория, трансформация семейных отношений, деинституционализация семьи.

Понятие технологического уклада зарождается в рамках западной экономической науки. Соответствующая теория вписывается в эволюционную парадигму развития экономики, к разработке которой причастны такие исследователи, как К. Фримен, Р. Нельсон. Основоположники эволюционной экономики используют идею *естественного отбора*, который формирует определенный *организационный генотип* развития экономики как перехода от одного технологического уклада к другому [1, 2]. Эволюционный подход к исследованию экономического развития предполагает проникновение в его внутреннюю логику, ритм и механизмы движущих факторов. Эволюционная парадигма творчески проинтерпретирована российским экономистом С.Ю. Глазьевым, отстаивающим идею социального развития как перехода от одного технологического уклада к другому через предпосылки. Автор рассматривает технологический уклад с привлечением обширных сведений по институциональной, поведенческой экономике с учетом социальных и психологических факторов. Технологический уклад – это группы технологических совокупностей, связанные друг с другом однотипными технологическими цепями и образующие воспроизводящиеся целостности [3. С. 91]. Технологические нововведения, определяющие ядро и революционизирующие технологическую структуру экономики, являются ключевым фактором. Отрасли, использующие ключевой фактор и распространяющие новый технологический уклад, называются несущими отраслями или устойчивыми кластерами производства нового уклада. [Там же. С. 92–93]. Одновременно с этим в концепции С.Ю. Глазьева значительное внимание уделяется социальной инфраструктуре технологического уклада: культуре, науке, образованию, средствам массовой информации. Речь идет о встроенной в технологический уклад системе защиты воспроизводства человеческого капитала, самореализации человека. Глазьев выделяет пять технологических укладов, начиная отсчет от промышленной революции XVIII в., а также формирующийся в

настоящее время шестой уклад. Собственно экономике информационного общества соответствует пятый технологический уклад, временные границы которого обозначены 1970–2010-ми гг. Он представлен микроэлектроникой, программным обеспечением, робототехникой, новыми материалами. Шестой технологический уклад (2010–2050-е гг.) маркируется биотехнологиями, нанотехнологиями, системами искусственного интеллекта, глобальными информационными сетями. Здесь актуализируется тема инноваций в значении, которое им приписывается экономической традицией, т.е. трансформации научных изобретений в нововведения, позволяющие производить новые товары и получать дополнительные доходы. С шестым технологическим укладом связано представление о коренном антропологическом перевороте, этические, юридические, медицинские последствия которого активно обсуждаются. В частности, Ю. Хабермас и Ф. Фукуяма, размышляя об этических проблемах вторжения биотехнологий в человеческую природу, полагают, что свобода манипулирования природными субстанциями грозит человеческому достоинству как праву на отстаивание своей уникальности в условиях технических возможностей моделирования человека [4, 5].

Особенности технологического уклада информационного общества и его воздействия на семейные отношения невозможно эксплицировать, не ответив на вопрос о том, является ли это общество качественно новой моделью социальной системы или оно демонстрирует преемственность с индустриализмом и постиндустриализмом со всеми вытекающими отсюда характеристиками и противоречиями, присущими институту семьи. Мы придерживаемся второй точки зрения, артикулированной известными социальными теоретиками Г. Бехманном и Т. Шаниным. Г. Бехманн отмечает, что «информационное общество уместно рассматривать как информатизированное индустриальное общество, живущее по законам рыночной экономики» [6. С. 115]. А профессор Манчестерского университета Т. Шанин утверждает: «Эмпирической основой эпистемологии современных обществ является индустриализация с ее бесконечным удовлетворением все возрастающих потребностей при помощи увеличивающихся богатств, улучшения технологий, силы науки, всеобщего образования, индивидуальных свобод» [7. С. 111]. Соответственно, информационное общество имеет преимущество перед индустриальным обществом лишь в том, что использует новые возможности интеракции на основе информационно-коммуникационных технологий. Онтология информационного общества формируется в направлении поступательного движения человечества в рамках индустриального вектора, его фундаментальных мировоззренческих установок на прогресс, стандартизацию, унификацию, универсализацию. Значительная часть теорий информационного общества отражает технологический оптимизм, трансцендентность научно-технического прогресса по отношению к социуму, позитивное отношение к информационно-коммуникационным технологиям как определяющему фактору социальных преобразований.

Необходимо отметить наличие альтернативы индустриализму как сквозному укладу западного общества, сформулированной Т. Шаниным, который отстаивает концепцию эксполлярной экономики как «второй, неформальной экономики», выпадающей из индустриальных схем. «Эксполлярные типы экономической деятельности укоренены или растворены в широком контексте

человеческого взаимодействия... поэтому они более социальны, то есть определены нормами первичных сообществ и индивидуализированных выборов со стороны семей или индивидуальных участников» [7. С. 109–111]. Глубокая социальная укорененность подобных укладов, их жизнеспособность, по мнению Т. Шанина, должны стать предметом аналитического и идеологического откровения, поскольку им присущи гибкость в реагировании на спрос, передача опыта через социализацию детей в семейном бизнесе, а не бюрократический и юридический характер организации [Там же. С. 111, 115]. Возникает вопрос, какие идеологические и социокультурные смыслы заложены в понятии технологического уклада, если мы придерживаемся концепции индустриального вектора развития современного общества? В обозначенном исследовательском тренде концепт технологического уклада не выходит за рамки технико-технологических характеристик, обеспечивающих развитие в условиях перехода от фордистско-кейнсианской модели массового производства, поддерживаемого государством (1940–1980 гг.), к модели постфордистской, с установкой на всецелое новых технологий.

Таким образом, особенность технологического уклада информационного общества заключается в том, что его технико-технологическая структура вторглась в природу человека, иницируя ее качественные изменения. В этой связи не случайным оказывается совпадение во времени становления технологического уклада и обсуждения темы постчеловеческого существования как важнейшей социокультурной проблемы, втягивающей в свое пространство семейную тематику.

Семейные отношения причислены к тем социальным институтам, которые обладают четко выраженными аксиологическими параметрами. Ценностная система семейных отношений является также практически ориентированной программой, теоретическое оформление которой проникает в общественную дискуссию, темами которой оказываются вопросы модернизации семьи, ее демографические характеристики, лежащие в основании успешности национальных экономик. Репродуктивная функция семьи связана с пониманием того, как упорядочивается социальная жизнь, каким образом институты и паттерны воспроизводятся во времени и обеспечивают непрерывность культурных традиций. В современном социально-гуманитарном дискурсе само определение понятия семьи становится проблематичным. В литературе признается разнообразие семейных конфигураций, в результате чего термин «семья» должен уступить место термину «семьи» во множественном числе. В современных исследованиях семья трактуется не как стабильный феномен, а как динамичный компонент общества, отражающий социальные, культурные, политические изменения. Во многих регионах мира традиционные семейные структуры переживают трансформацию, особенно в связи со стремлением женщин к большему равноправию.

На взаимосвязь между изменениями, испытываемыми институтом семьи, и более широким контекстом социетальных трансформаций обращали внимание многие социальные теоретики. На протяжении последнего столетия в академической науке идут дебаты по поводу ценностной характеристики изменений, наблюдаемых в сфере семейно-родительских отношений. Традиция их квалификации в терминах «кризиса семьи» восходит к работе русско-американского социолога П. Сорокина «Кризис современной семьи». Со-

гласно мнению автора нуклеаризация семьи, снижение рождаемости, рост числа разводов и распространение практики одинокого родительства сигнализируют о том, что семья превращается «из цельного слитка во все более и более худеющую... и разваливающуюся храмину» [8] (цит. по: [9. С. 22]). Современный исследователь В.Н. Лексин [10] считает трансформацию семьи следствием распространения ценностей эгоистического индивидуализма, карьеризма и потребительства, девальвации родительского участия и заботы, утраты взаимных обязательств членов семьи по отношению друг к другу. Другие социальные теоретики, напротив, оценивают современные тенденции в оптимистической перспективе, видя в них предпосылки к формированию более свободных и равноправных биографических проектов в результате индивидуализации и рационализации современного общества [11–15] (см. также [16]). Так, Э. Гидденс убежден, что трансформация семьи должна осмысливаться как процесс конструирования новой этики повседневной жизни [14]. В понимании автора, семья – это в первую очередь форма отношений, основанная на взаимной заботе ее членов друг о друге вне зависимости от кровного родства, брака, наличия детей и социодемографических характеристик ее членов [17. С. 60]. В работе «Трансформация интимности» истоки трансформаций идеологии и практики семейных отношений Э. Гидденс рассматривает в контексте изменений более общего порядка, а именно в переходе общества к современным образцам производственно-экономических отношений. Так, модель традиционной расширенной семьи, характерная для доиндустриальной эпохи, была обусловлена экономическими функциями, которые выполняло домохозяйство, и вытекающей взаимозависимостью ее членов. Романтическую любовь и нуклеарную семью, создаваемую на ее основе, социолог считает продуктом индустриализации, когда в результате сокращения экономической роли семьи последняя превращается в партнерский союз, основанный на взаимной симпатии и эмоциональной близости партнеров, состоящих или нет в официальном браке. Современный брачный союз требует постоянных переговоров и «работы над собой» [14] и сохраняется до тех пор, пока в его рамках партнеры равны и обладают личной автономией, позволяющей каждому из них успешно реализовывать «рефлексивный проект самости».

Детализацию концепта технологического уклада в сформулированном семейно-ценностном аспекте содержат социально-философские исследования О. Тоффлера и С. Лэша. Первый использует понятие цивилизационного уклада, который возникает как результат технических мутаций, оказывающих революционное воздействие на социальный мир, качественно реформируя сферу труда, коммуникации, управления, досуга. Технологические изменения вызревают медленно, эволюционно, в терминологии О. Тоффлера, волнами, сопровождаясь при этом радикальными трансформациями социальных форм. О. Тоффлер подчеркивает, что для информационного общества (третьей волны) характерны «сильнейшие перемены, которые мы сейчас переживаем... и которые... не хаотичны и случайны; на самом деле они имеют четкую, хорошо различимую структуру... Предполагается, что эти перемены имеют кумулятивный характер, т.е. они суммируются с некоей гигантской трансформацией в соответствии с тем, как мы живем, трудимся, развлекаемся и мыслим» [18. С. 37]. В предисловии в книге Э. Гидденса социолог В.Ф. Анурин указывает, что сексуальная революция «является следствием и

одной из составных частей такого поистине гигантского явления, как глобальная индустриальная революция, и... выступает как своего рода завершающий этап ее. Индустриальная революция начинается... с технологической революции, что выражается в механизации производства, которое благодаря этому приобретает массовый характер. ...Впоследствии революционные преобразования постепенно охватывают и все другие сферы общественной жизни... происходит целый ряд политических революций, культурных революций, затем управленческих – революций менеджеров. В конце концов, революционные сдвиги охватывают и один из самых консервативных социальных институтов – брачно-семейный» [19. С. 10–11].

Британский философ С. Лэш пытается вернуть понятию информационного общества содержательный статус, опираясь на критический анализ технологического уклада данного типа социальной реальности. В результате становления информационного общества возникает новый технологический уклад жизни, затрагивающий развитие человека, его поведение, ценности и смыслы человеческого бытия [20. Р. 1]. Информация оказывается своеобразной точкой сбора технологического уклада информационного общества и одновременно категорией, составляющей ядро его теоретического анализа. С. Лэш показывает, как информация трансформирует современное общество на всех уровнях его структурной организации. Так, область социальных изменений связана с замещением социальных норм лабильными культурными ценностями, в то время как общество постепенно приобретает черты сообщества. Отмеченные тенденции дают автору основания для вывода, что информационное общество характеризуется нарастающей неопределенностью и иррациональностью [Ibid. Р. 2]. Парадоксальным в концепции С. Лэша представляется стремление соединить анархистские, индивидуалистические, субъективистские тенденции информационного общества с комплексными, структурирующими и организующими интенциями его технологического уклада. Однако данное противоречие вполне разрешимо, если, вооружившись логикой автора, рассматривать технологический уклад как внутренне запрограммированный на качества индивидуализма и субъективности, реализация которых в социальном бытии невозможна без технологического сопровождения. С. Лэш настаивает на том, что социальность, формирующаяся в условиях дистанционной культуры, т.е. способа бытия-на-расстоянии, невозможна без технологических дополнений [Ibid. Р. 15]. Например, логика технологического уклада трансформирует природу современного домохозяйства, формулирует новые требования к его экономической и технической эффективности, связанной с понятием «умного дома», в котором энергоснабжение, утилизация отходов, обслуживание сложной инфраструктуры отдаются на откуп роботизированной системе управления, заменяющей принцип устройства домохозяйства в традиционной семье как экономической единицы, основанной на взаимозависимости ее членов. В этом плане описанная Т. Шаниным модель эксплоярной экономики с ее эмоциональным человеческим взаимодействием внутри семьи как экономической единицы общества, ответственной за социализацию ее членов и передачу опыта, представляется актуальной альтернативой развитию семейных отношений.

Таким образом, информационное общество, становясь более субъективированным, в то же время не утрачивает, а усиливает свои технологические

черты. «В информационном обществе средства производства уступают свое центральное место инструментам коммуникации, а производственные отношения – отношениям, возникающим в процессе общения» [20. Р. 112]. Какие опасности содержит в себе технологический уклад информационного общества в отношении института семьи? По образному замечанию У. Бека, индивидуализация, сделав мужчину и женщину по отдельности единицами воспроизводства социальных отношений, проникает внутрь семьи, делает ее неустойчивой, превращает в «затяжное жонглирование многочисленными устремленными в разные стороны амбициями, касающимися профессии, образования, воспитания детей и одинакового участия в ведении домашнего хозяйства» [12. С. 67]. В понимании С. Лэша, концепция информационного общества сопрягается не с его апологией, а с критикой, поскольку в нем имеет место смешение всех традиционных категорий и ценностей, что дезориентирует человека и подчиняет его действию нечеловеческих сил и обстоятельств, в которых скрыта идеология технологического уклада.

Концептуализация технологического уклада в теориях С.Ю. Глазьева, О. Тоффлера и С. Лэша с разных позиций раскрывает его методологический потенциал, выходя за пределы технико-технологических параметров функционирования информационного общества, и утверждает, что распространение нового технологического уклада кардинальным образом меняет всю систему глобальных социально-экономических процессов.

Современное общество все больше признает и принимает разнообразие семейных и партнерских отношений, тем самым мультиплицируя их формы [21. Р. 6], что, в свою очередь, имеет ярко выраженные последствия для глобальной экономики и культурного ландшафта [22]. В рамках современной модели нуклеарной семьи партнерские отношения отделяются от остальных аспектов организации семьи и становятся ключевым условием существования семейного союза [23]. В отечественной традиции данная модель семьи получила название супружеской постсовременной моногамной семьи [24] (см. также [25]), где отношения с детьми выполняют роль надстройки [16] и основаны на идее формирования индивидуальности человека. При этом, добавляет Ж. Чернова [26], современное родительство становится гендерно нейтральным, предполагает многообразие поведенческих и ценностных образцов и приобретает договорной характер. С другой стороны, подчеркивая амбивалентность процессов, протекающих в семье, А. Шадрин [22] обращает внимание на замечание о том, что современная семья все чаще представляет собой различные конфигурации союзов, строящихся вокруг матери и ребенка. Важным социокультурным и экономическим феноменом стало распространение практики одиночного проживания: например, в США в 2010-х гг. проживает около 18 миллионов одиноких женщин и 14 миллионов одиноких мужчин, под нужды и потребности которых сегодня подстраивается рынок товаров и услуг [27] (цит. по: [17. С. 38]). Другое заслуживающее внимания явление – это распространение «не романически значимых» отношений [28] (цит. по: [17. С. 22]), основанных на ведении совместного домохозяйства людьми, не состоящими в традиционных партнерских отношениях.

Завершая анализ, сформулируем следующие выводы.

В современном мире трансформациям подвержены как представления, так и практики в сфере брачного поведения, родительства, любви, интимно-

сти [29]. При этом, как отмечает социолог Ф. Уиллиамс, изменения в семье находятся в динамичной взаимосвязи с трансформациями экономического, социального, культурного и демографического характера [21. Р. 11]. Среди них – возросшее участие женщин на рынке труда, рост затрат на содержание домашнего хозяйства, увеличение периода финансовой зависимости от родителей молодого поколения, хрупкость и кратковременность брачных союзов, смешение традиций и рост разнообразия семейных форматов в условиях процессов мультикультурализма и глобализации. Социальная теория, исследующая отмеченные тенденции, приобретает форму критической теории, интенция которой развернута в сторону анализа явного несоответствия шестого технологического уклада нормам разума и гуманизма. Главная опасность в рамках критического дискурса расценивается как рассогласование векторов технологического и гуманитарного развития информационного общества. Критика его технологических проекций является свидетельством сдвига традиционной социогуманитарной парадигмы в сторону исследования законов развития человека, фундаментальных ценностей и смыслов его жизни, основополагающих структур самоидентичности, реализующихся в институте семьи. Наметившиеся критические тенденции в исследовании технологического уклада информационного общества в контексте его влияния на трансформации семейных отношений лежат в русле понимания того обстоятельства, что социальное развитие происходит не только благодаря техническим прорывам и инновациям, но и должно совпадать с органикой социокультурного процесса.

Литература

1. Nelson R.R., Winter S.G. *Evolutionary Theory of Economic Change*. Cambridge, 1982.
2. Freeman K., Louca F. *As time goes by: From The Industrial Revolution to the Information Revolution*. 2002.
3. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М. : Экономика, 2010.
4. Хабермас Ю. *Будущее человеческой природы*. М. : Весь мир, 2002.
5. Fukuyama F. *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution*. 2002.
6. Бехмани Г. Общество знания – краткий обзор теоретических поисков // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 113–126.
7. Шанин Т. *Формы хозяйства вне систем* // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 109–115.
8. Сорокин П.А. *Кризис современной семьи* // Ежемесячный журнал литературы, науки, общественной жизни. 1916. № 3.
9. Носкова А.В. Семейная тематика в европейской социологии // Социологические исследования. 2012. № 3. С. 21–27.
10. Лексин В.Н. Государственная семейная политика и обычная русская семья // Общественные науки и современность. 2010. № 2. С. 57–69.
11. Бауман З. *Текучая современность*. Питер, 2008.
12. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // *Theory, Culture and Society*. 1992. Т. 9, № 1. С. 97–123.
13. Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М. : Прогресс-Традиция, 2000.
14. Гидденс Э. *Трансформации интимности*. СПб. : Питер, 2004.
15. Beck U., Beck-Gernsheim E. *Families in a runaway world* // *The Blackwell companion to the sociology of families*. 2004. С. 499–514.
16. Шпаковская Л.Л. Политика институционализации и практики приватизации семейной жизни: партнерство и брак в России // *Журнал исследований социальной политики*. 2012. Т. 10, № 3. С. 309–322.
17. Шадрина А. *Не замужем : Секс, любовь и семья за пределами брака*. М. : Новое литературное обозрение, 2014.
18. Тоффлер Э. *Третья волна* : пер. с англ. М. : АСТ, 2002.

19. Анурин В. Сексуальная революция на марше // Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб. : Питер. 2004. С. 7–28.
20. Lash S. Critique of Information. London; Thousand Oaks (Ca) : Sage Publications, 2002.
21. Williams F. Rethinking families. London : Calouste Gulbenkian Foundation, 2004.
22. Шадрина А. Дорогие дети: сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке. М. : Новое литературное обозрение, 2017.
23. Тартаковская И.Н. Э. Гидденс. Трансформации интимности // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 214–219.
24. Кузьмина К.А. Трансформация модели семьи и потребностей в социальной защите в условиях социально-демографических и социально-экономических перемен // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6, № 2.
25. Голод С.И., Клецин А.А. Состояние и перспективы развития семьи: теоретико-типологический анализ, эмпирическое обоснование. СПб. : Санкт-Петербургский филиал Ин-та социологии РАН, 1994. № 3.
26. Чернова Ж.В. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
27. Klinenberg E. Going solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone. New York : The Penguin Press, 2012.
28. Clark L. The Roommate Revolution: Why Living Alone is Overrated // Yes! Magazine. 2011. Sep. 19. URL: [http:// www.yesmagazine.org/happiness/the-roommate-revolution-why-living-alone-is-overrated](http://www.yesmagazine.org/happiness/the-roommate-revolution-why-living-alone-is-overrated) (дата обращения: 31.07.2013).
29. Ridley P. Preface // Williams F. Rethinking families. London : Calouste Gulbenkian Foundation, 2004. P. 5.

Nelli P. Lukina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: lukinanp1@gmail.com

Polina V. Sazonova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Goethe University (Frankfurt, Germany).

E-mail: lukinapv@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 158–167.

DOI: 10.17223/1998863X/47/17

TRANSFORMATION OF FAMILY RELATIONS WITHIN THE TECHNOLOGICAL STRUCTURE OF THE INFORMATION SOCIETY

Keywords: information society; technological structure; modern critical theory; transformation of family relations; deinstitutionalization of family.

The article attempts to clarify the theoretical and methodological potential of the concept of the technological structure of the information society in understanding the direction and nature of the transformation of family relations during the transformation of modern social reality. The problem situation, which is articulated within the socio-philosophical reflection, involves searching for answers to the following questions: What is the ontological and axiological orientation of modern social processes within the framework of the sixth technological revolution? How does the technological development affect the transformation of social reality? The aim of the research is to explain the narrowness of technocratic approaches in understanding the specifics of the technological structure of the information society exclusively in technical and technological projections, ignoring the anthropological, socio-cultural, axiological aspects of its functioning. The objectives of the research are as follows: a categorical analysis of the concepts of the technological structure and family relations; identification of the relationship between the shifts in the family and the broader context of societal transformations, articulated by Pitirim Sorokin, Ulrich Beck, Anthony Giddens, Alvin Toffler, Scott Lash. At the core of the modern technological structure are technological innovations, revolutionizing the economy and becoming a sustainable cluster of production. The key factors of its development are biotechnology, nanotechnology, and artificial intelligence. Social infrastructure is incorporated into the technological structure as a system of reproduction of human capital and is represented by culture, science, education, and media. The modern family is one of the central social systems, which is undergoing transformations as a result of the influence of the technological structure of the information society, whose ontology has a communicative nature. It is shown that critical reflection on the impact of the technological structure of the information society on the transformation of family relations reveals the ten-

dency that social development occurs through technical breakthroughs and innovations, but must correlate with the nature of the socio-cultural processes as well.

References

1. Nelson, R.R. & Winter, S.G. (1982) *Evolutionary Theory of Economic Change*. Cambridge: Belknap Press.
2. Freeman, K. & Louca, F. (2002) *As time goes by: From The Industrial Revolution to the Information Revolution*. Oxford University Press.
3. Glaziev, S.Yu. (2010) *Strategiya operezhayushchego razvitiya Rossii v usloviyakh global'nogo krizisa* [The strategy of advanced development of Russia in the context of the global crisis]. Moscow: Ekonomika.
4. Habermas, J. (2002) *Budushchee chelovecheskoy prirody* [The Future of Human Nature]. Translated from German. Moscow: Ves' mir.
5. Fukuyama, F. (2002) *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution*. Picador.
6. Bekhmann, G. (2010) Obshchestvo znaniya – kratkiy obzor teoreticheskikh poiskov [Knowledge Society – a brief overview of theoretical searches]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 113–126.
7. Shanin, T. (1990) Formy khozyaystva vne system [Business patterns outside systems]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 109–115.
8. Sorokin, P.A. (1916) Krizis sovremennoy sem'i [The crisis of the modern family]. *Ezhemesyachnyy zhurnal literatury, nauki, obshchestvennoy zhizni*. 3.
9. Noskova, A.V. (2012) Semeynaya tematika v evropeyskoy sotsiologii [Family themes in European sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 3. pp. 21–27.
10. Leksin, V.N. (2010) Gosudarstvennaya semeynaya politika i obychnaya russkaya sem'ya [State family policy and an ordinary Russian family]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 2. pp. 57–69.
11. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Translated from English by S. Komarov, Yu. Asochakov. St. Petersburg: Piter.
12. Beck, U. (1992) Ot industrial'nogo obshchestva k obshchestvu riska [From industrial society to the risk society]. *Theory, Culture and Society*. 9(1). pp. 97–123.
13. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. On the way to another modernity]. Translated from German by V. Sedelnik, N. Fedorova. Moscow: Progress-Traditsiya.
14. Giddens, E. (2004) *Transformatsii intimnosti* [The Transformation of Intimacy]. Translated from English by V. Anurin. St. Petersburg: Piter.
15. Beck, U. & Beck-Gernsheim, E. (2004) Families in a runaway world. In: Scott, J., Treas, J. & Richards, M. (eds) *The Blackwell Companion to the Sociology of Families*. Blackwell Publishing Ltd. pp. 499–514. DOI: 10.1002/9780470999004.ch28
16. Shpakovskaya, L.L. (2012) Institutionalization Policies and Privatization Practices of Family Life: Partnership and Marriage in Russia. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – Journal of Social Policy Studies*. 10(3). pp. 309–322. (In Russian).
17. Shadrina, A. (2014) *Ne zamuzhem: seks, lyubov' i sem'ya za predelami braka* [Not married: sex, love and family outside of marriage]. Moscow: NLO.
18. Toffler, E. (2002) *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Translated from English by S. Barabanov et al. Moscow: AST.
19. Anurin, V. (2004) Seksual'naya revolyutsiya na marshe [The sexual revolution on the march]. In: Giddens, E. *Transformatsiya intimnosti* [The Transformation of Intimacy]. Translated from English by V. Anurin. St. Petersburg: Piter. pp. 7–28.
20. Lash, S. (2002) *Critique of Information*. London; Thousand Oaks (Ca): Sage Publications.
21. Williams, F. (20014) *Rethinking Families*. London: Calouste Gulbenkian Foundation.
22. Shadrina, A. (2017) *Dorogie deti: sokrashchenie rozhdaemosti i rost "tseny" materinstva v XXI veke* [Dear children: a reduction in the birth rate and an increase in the "price" of motherhood in the 21st century]. Moscow: NLO.
23. Tartakovskaya, I.N. (1995) E. Giddens. Transformatsii intimnosti [The Transformations of Intimacy]. *Sotsiologicheskii zhurnal – Sociological Journal*. 4. pp. 214–219.
24. Kuzmina, K.A. (2008) Transformatsiya modeli sem'i i potrebnostey v sotsial'noy zashchite v usloviyakh sotsial'no-demograficheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh peremen [Transformation of the family model and needs for social protection in the conditions of socio-demographic and socio-economic changes]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – Journal of Social Policy Studies*. 6(2).

25. Golod, S.I. & Kletsin, A.A. (1994) *Sostoyanie i perspektivy razvitiya sem'i: teoretiko-tipologicheskii analiz, empiricheskoe obosnovanie* [The state and prospects of family development: a theoretical and typological analysis, empirical evidence]. St. Petersburg: St. Petersburg Branch of the Institute of Sociology, RAS.

26. Chernova, Zh.V. (2013) *Sem'ya kak politicheskii vopros: gosudarstvennyy projekt i praktiki privatnosti* [The family as a political issue: State project and privacy practices]. St. Petersburg: European University Press in St. Petersburg.

27. Klinenberg, E. (2012) *Going solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone*. New York: The Penguin Press.

28. Clark, L. (2011) The Roommate Revolution: Why Living Alone is Overrated. *Yes! Magazine*. 19th September. [Online] Available from: <http://www.yesmagazine.org/happiness/the-roommate-revolution-why-living-alone-is-overrated>. (Accessed: 31st July 2013).

29. Ridley, P. (2004) Preface. In: Williams, F. *Rethinking Families*. London: Calouste Gulbenkian Foundation. p. 5.

УДК 314.727.2

DOI: 10.17223/1998863X/47/18

А.М. Сергиенко, Л.В. Родионова, О.Н. Колесникова, О.А. Иванова

ПРАКТИКИ И ДРАЙВЕРЫ МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СИБИРСКОМ АГРАРНОМ РЕГИОНЕ¹

На основе анализа миграционных процессов в Алтайском крае с начала 1990-х гг. выделены вызовы его развитию. Описаны практики миграционного поведения сельской молодежи и последствия их воздействия на демографическую структуру, сферы образования и занятости. Показано изменение влияния ключевых факторов (условий и регуляторов) на миграцию молодежи из села, предложены пути ее сокращения.

Ключевые слова: сельская молодежь, миграционные практики, социальные регуляторы, государственная политика.

Миграцию из села, основу которой составляет молодежь, принято рассматривать как закономерный процесс урбанизации, усиливающийся, с одной стороны, глобализацией и влиянием международных и национальных рынков, а другой – внутренними социально-экономическими трансформациями в сельских сообществах. Есть немало сторонников и более жесткой урбанизации, чем та, которую испытывает в настоящее время российское общество, в пользу формирования более крупных образований. Они уверяют, что из-за внедрения новых технологий и, как следствие, роста производительности труда в сельском хозяйстве значительная часть сельского населения является избыточной, что приводит к потере конкурентоспособности России². Вместе с тем в научной литературе и общественно-политических дискуссиях, в СМИ все чаще встречаются противоположные оценки, подчеркивающие высокие риски и угрозы не только продовольственной, но и в целом национальной, геополитической безопасности вследствие массового оттока сельской молодежи, особенно в аграрных регионах. Весомым аргументом в поддержку такой позиции является и объявленный президентом РФ приоритет пространственного развития страны, напрямую связанный с развитием сельских территорий и сохранением ее человеческого потенциала³.

В предлагаемой статье на примере Алтайского края как самого крупного аграрного региона Сибири мы попытались ответить на следующие вопросы:

¹ Статья подготовлена в рамках исследования по проекту «Миграция сельской молодежи в Алтайском крае: анализ динамики и механизмов сокращения на основе комплексного измерения социального положения и активности» при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-13-22007, 2017–2018 гг.

² «У нас в сельской местности проживает условно „лишних“ 15 млн человек, которые для производства сельскохозяйственной продукции с учетом новых технологий производительности в селе по большому счету не нужны...» (цит. по ст.: Собянин: производительность труда в Москве в 2,5 раза выше среднего значения по России / ТАСС. Информационное агентство России: официальный сайт. <http://tass.ru/ekonomika/4759068>).

³ Из послания Президента РФ Федеральному собранию 1 марта 2018 г.: «Предлагаю развернуть масштабную программу пространственного развития России... Особое внимание будем уделять социальному, инфраструктурному развитию сельских территорий» (цит. по: Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/).

каких масштабов достигла реальная и потенциальная миграция сельской молодежи, каковы современные практики ее миграционного поведения и их ключевые факторы (условия и регуляторы), как влияет государственная политика на миграцию из села. В основу исследования положены теоретическое представление о сельско-городской миграции Т. Заславской [1]¹ и фундаментальные выводы российских и зарубежных ученых (Т. Нефедовой, F. Cartmel, A. Furlong, S. Pavis, S. Platt, G. Hubbard и др.) о практиках поведения мигрантов и особой роли современных миграционных процессов в пространственном развитии [2–4]. Кроме того, мы опираемся на концепцию моральной экономики американского социального антрополога Дж. Скотта, раскрывающую социальную природу практик выживания в сельских сообществах, основанных на принципе безопасного существования путем перераспределения экономических ресурсов и сетевой поддержки [5].

Методологической особенностью исследования миграционного поведения сельской молодежи является комплексный подход к измерению ее социального положения и активности на основе дифференцированного и сравнительного анализа их изменения, а также оценка влияния бизнеса и семейно-родственных сетей как сельских социальных регуляторов и государственной политики на миграцию. Результаты исследования базируются на данных социологических опросов², всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., микропереписи 2015 г. и других данных Росстата, анализе нормативно-правовых, программных и других документов стратегического планирования развития Алтайского края. Кроме того, использованы материалы более 100 глубинных интервью с представителями местной власти, бизнеса, организаций социальной сферы, собранных в экспедициях в 8 сельских районах региона в 2013–2015 гг., а также результаты 15 глубинных и 8 фокус-групповых интервью с сельской молодежью в 2015–2017 гг.

Оценка миграционных процессов в регионе и современные вызовы

В период системных трансформаций в России (с начала 1990-х гг.) основными характеристиками миграционных процессов стали многообразие, динамизм, инновационность, асимметричность, стихийность. Они прояви-

¹ Так, в трудах Т. Заславской, во-первых, выделены урбанизация и другие движущие силы (или причины) миграции, процессы-катализаторы (в частности, развитие массовых коммуникаций, рост образования и культуры сельского населения) и процессы-ингибиторы (изменение характера сельскохозяйственного труда и сближение культурно-бытовых условий жизни городского и сельского населения), функции миграции разделены на инвариантные (повышение географической мобильности населения, изменение его качественного состава и др.) и социально-экономические, а ее факторы – на условия и регуляторы с позиции управляемости данного процесса [1]. Во-вторых, показано устройство внутреннего механизма процесса миграции сельского населения, выделены внешние и внутренние стимулы, мотивы к миграции и стабилизации, обоснован комплексный характер мотивов миграции населения, среди которых стремление улучшить условия труда и возможность получить образование выявлены как основные.

² С начала 2000-х гг. в Алтайском крае сотрудниками Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (с участием авторов, под руководством А.М. Сергиенко) была проведена серия, во-первых, квотных выборочных опросов сельских жителей (в 2002 г. n = 606, в том числе 114 представителей молодежи; в 2008 г. n = 1011 (253); в 2011 г. n = 500 (191); в 2013 г. n = 570 (143); в 2016 г. n = 260 (опрос молодежи); в 2017 г. n = 740 (450)); во-вторых, экспертных опросов представителей местной власти, сельского бизнеса и организаций социальной сферы (в 2002 г. n = 56; в 2008 г. n = 280; в 2011 г. n = 84; в 2013 г. n = 40; n = 75 в 2017 г.).

лись в изменении масштабов и характера миграции, частой смене ее направлений, дисбалансе встречных миграционных потоков, появлении новых форм и видов миграции, изменении ее механизмов и слабой управляемости, возникновении специфических моделей миграционного поведения [6].

В Алтайском крае в эти годы массовый характер приобрели следующие процессы: переселение в регион этнических россиян из Центральной Азии; распространение вынужденных миграций; отъезд алтайских немцев в Германию; развитие челночной торговли. В межрегиональных и внутрикраевых миграциях преобладали так называемые «соседские миграции». Неблагоприятные тенденции отмечались в миграциях с большинством субъектов РФ. В отдельные годы атипичные процессы наблюдались в сельско-городской миграции – преобладающее переселение горожан в село.

Если обратиться к количественным оценкам, то в первое двадцатилетие рассматриваемого периода миграционная активность населения края устойчиво снижалась, о чем свидетельствует почти четырехкратное сокращение валовой миграции (количество прибывших и выбывших) по сравнению с предшествующим аналогичным периодом. Последнее было обусловлено относительным ухудшением условий проживания в регионе, исчерпанием миграционного потенциала стран нового зарубежья, выездом значительной части эмигрантов в соседние регионы с более высоким уровнем жизни и сокращением внутрикраевых миграционных потоков.

Разноскоростной режим выхода отдельных территорий на траекторию роста, а также отложенные миграции в предшествующие годы привели к увеличению территориальной мобильности населения в 2010–2013 гг. Однако в дальнейшем в силу нарастания кризисных явлений в экономике и ужесточения миграционной политики интенсивность миграционных процессов в регионе вновь стала снижаться, и это происходило на фоне роста аналогичных показателей по РФ в целом. Отметим, что в течение всего анализируемого периода миграционная активность селян была выше, чем горожан.

Миграционный прирост населения увеличивался лишь в первые пять лет изучаемого периода и являлся главным источником сохранения демографического потенциала региона. Однако затем он начал уменьшаться, а в 2001 г. сменился на миграционную убыль, которая фиксируется и по сей день, в отличие от общероссийских тенденций. По коэффициенту миграционного прироста, характеризующему результативность внешних миграционных связей региона и его привлекательность для населения, в начале 1990-х гг. край лидировал в Сибири и России, однако сегодня он уступает большинству сибирских регионов (табл. 1).

Относительно высокая миграционная убыль населения в Алтайском крае говорит о его низкой конкурентоспособности и скрывает в себе ряд угроз как для национальной безопасности России, так и для гармоничного развития региона [7. С. 53–59; 8. С. 65–79]. Отток населения может привести к обезлюдению больших территорий и потере государственного и общественного контроля над ними, усилению миграционного давления на край со стороны перенаселенных азиатских стран и его заселению иностранными гражданами, ухудшению половозрастной и образовательной структур населения, а также сокращению демографических ресурсов для социально-экономического развития региона и обеспечения обороноспособности страны.

Таблица 1. Коэффициент интенсивности миграционного прироста (сальдо миграции в расчете на 1000 населения в среднем за год)

Регион	1990–1994 гг.	2012–2016 гг.
Российская Федерация	2,2	1,9
Республика Алтай	1,4	-1,2
Алтайский край	6,2	-2,4
Кемеровская область	1,5	-1,3
Новосибирская область	2,2	6,8
Омская область	0,9	-1,5
Томская область	0,2	3,4

Примечание. Рассчитано по: Регионы России : стат. сб. в 2 т. Т. 2 / Госкомстат России. М., 2001. С. 30–31, 63–64; Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 39–40, 85–86.

Практики миграционного поведения сельской молодежи и их эффекты

Основу миграционного оттока из села формирует молодежь. Причем в Алтайском крае, согласно данным Росстата, молодые люди более интенсивно уезжают из сельской местности, чем в среднем в Сибири и России. Заметим, что 2013–2016 гг. отличались существенным сокращением миграционной убыли молодых селян (более чем в четыре раза), однако в 2017 г. вновь наблюдался его рост. В последний год среднее значение коэффициента миграционной убыли сельской молодежи в крае составляло 12,2%. Молодежь теряли две трети сельских муниципальных районов края, а в шести районах он был ниже – 40%¹.

Предвестником миграционного оттока является потенциальная миграция. По результатам опросов сельской молодежи в Алтайском крае с 2008 по 2013 г. доля желающих уехать из села сократилась с 57 до 34%, но с начала последнего кризиса она вновь стала расти и достигла 58% в 2017 г. (табл. 2). Более половины молодых потенциальных мигрантов планируют уехать в города края, 15% – в Москву, Новосибирскую область и другие регионы страны и около 4% – в другие страны. Доминируют среди них выпускники школ с намерением получить профессиональное образование в городе, а также молодые люди, не имеющие семьи и собственного жилья [9. С. 216–228, 253].

Таблица 2. Миграционные установки сельской молодежи, % (по данным опросов сельской молодежи Алтайского края в 2008–2017 гг.)

Установки	Год				
	2008	2011	2013	2016	2017
Не хотели переезжать из своего села	35,2	51,6	59,3	43,8	36,6
Хотели бы переехать, но нет возможности	10,4	20,9	7,3	9,2	5,4
Планировали переехать:					
в пределах сельской местности	1,8	4,4	0,7	3,8	3,3
в город своего края	23,7	13,2	14,0	14,3	29,6
в другой регион России	8,2	2,1	10,7	10,0	8,6
в другую страну	1,9	1,1	0,0	0,0	2,1
еще не знали куда	11,1	4,4	1,4	12,0	8,6
Затруднились с ответом	7,7	2,3	6,6	6,9	5,8

Примечание. Рассчитано по данным выборочных опросов сельской молодежи, проведенных сотрудниками ИЭОПП СО РАН в 2008, 2011, 2013, 2016 и 2017 гг.

¹ См.: Росстат: База данных муниципальных образований: Алтайский край: Население: Миграционный прирост. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst01/DBInet.cgi>

Массовый отток молодежи из села привел к качественным сдвигам в демографической структуре сельского населения Алтайского края. Согласно данным Росстата с 2002 по 2016 г. численность сельской молодежи сократилась почти на 40% (в России – на 16%), а ее доля среди сельских жителей трудоспособного возраста уменьшилась с трети до четверти. По экспертным оценкам, в отдельных периферийных районах, преимущественно в небольших селах, критически затруднено демографическое воспроизводство¹. Такие изменения не остались без внимания сельских жителей: в рейтинге социальных проблем села в 2017 г. миграция молодежи переместилась на второе место после безработицы (в начале «нулевых» она не попадала даже в первую десятку). Наряду с нехваткой квалифицированных работников все больше представителей местной власти и сельского бизнеса отдают этой проблеме первое место.

Миграционные потоки на сельских территориях гораздо сложнее, чем то, что фиксируется статистикой. С начала 2000-х все больший вес набирают маятниковая (образовательная и трудовая) и сезонная миграции, все чаще они становятся альтернативой отъезду из села в город на постоянное место жительства². Катализаторами таких практик становятся развитие дорожно-транспортной сети, распространение Интернета и мобильной связи. Масштабы маятниковых и сезонных миграций увеличились в разы, значительная их часть формируется из числа вернувшихся в сельскую местность после учебы в городах. По оценкам местных властей в 2017 г., доля маятниковых и сезонных мигрантов составляет 30–40% от общего числа вернувшейся в село молодежи. Новое явление маятниковой миграции, не получившее, безусловно, массового характера, – трудовая миграция из города в село, когда сельская молодежь остается после учебы жить в городе, но ездит на работу в село.

Позитивными эффектами таких реэмиграций являются сдвиги в образовательной структуре сельской молодежи и структуре ее занятости. По данным переписей 2002, 2010 и 2015 гг., доля сельской молодежи с высшим образованием постоянно росла и в целом за период выросла почти в 3 раза (до 13%), с профессиональным образованием – на 20% (52%), а доля занятой в экономике молодежи с профессиональным образованием увеличилась на 18% (почти до 70%)³.

¹ Выводы получены по данным полустандартизированных интервью с руководителями и специалистами органов местного самоуправления и организаций социальной сферы, представителями сельского бизнеса, проведенных сотрудниками ИЭОПП СО РАН в сельских муниципальных районах Алтайского края в 2002, 2008, 2011, 2013, 2017 гг., а также по материалам глубинных интервью с представителями местной власти и сельского бизнеса, собранными в экспедициях в сельские районы региона в 2013–2015 гг.

² Здесь использованы результаты опросов сельского населения и экспертов (представителей местной власти и бизнеса) в 2016 и 2017 гг, материалов экспедиций 2013–2015 гг., проведенных в сельских районах Алтайского края сотрудниками ИЭОПП СО РАН.

³ Рассчитано по следующим источникам: *Всероссийская перепись населения 2002 года*. Т. 3. Образование. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=15>; *Всероссийская перепись населения 2010 года*. Т. 3. Образование. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_ito-gi1612.htm; *Микроперепись населения 2015 года*. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html

Сетевые сообщества и бизнес как сельские социальные регуляторы миграции молодежи

Среди факторов-условий, выталкивающих молодежь из села, как показывают результаты опросов в 2002–2017 гг.¹, помимо роста значимости (в оценках молодежи и экспертов) таких известных драйверов, как низкие и ухудшающиеся доступность и качество профессионального образования, нехватка подходящих рабочих мест, непрерывно растущая привлекательность городского образа жизни, выделяются в последнее десятилетие и резко выросшие в рейтинге низкие доступность и качество медицинских услуг и уровень развития сферы молодежного досуга.

В группе социальных регуляторов, детерминирующих миграцию молодежи из села, особое место занимают семейно-родственные сети. Выталкивающее из села воздействие родителей и других родственников значительно усилилось, чему способствовали, с одной стороны, повышение уровня жизни сельских жителей с начала нулевых (и даже последние кризисные годы не погасили влияние этого позитивного процесса), а с другой – сокращение учреждений профобразования в сельской местности.

Вместе с тем усилилось и воздействие на сокращение миграции молодежи из села другого социального регулятора – сельского бизнеса. В последние годы все чаще развиваются практики, связанные с экономическим эффектом от привлечения молодых работников². Сельские фермеры и другие предприниматели омолаживают свои кадры, продвигают молодежь на управленческие позиции, чаще покупают жилье для молодых специалистов с рассрочкой по выплате. Появился довольно устойчивый «ручеек» реэмиграции детей сельских предпринимателей. После учебы в городах такая молодежь стала чаще возвращаться в село для работы на семейных предприятиях, иногда родители помогают им организовать свой бизнес. Способствует закреплению молодежи на селе существенное сокращение разрыва между зарплатой в сельском хозяйстве и средней зарплатой по экономике (по данным государственной статистики, за последние десять лет с двукратной разницы в крае до 30%-ной³), создание рабочих мест для молодежи с зарплатой выше средней по краю.

Государственная политика как ингибитор миграции молодежи

На основе анализа реализации задач и мер, зафиксированных в документах стратегического планирования, федеральных и региональных программах развития Алтайского края, нами установлен рост влияния государственной поли-

¹ Использованы данные выборочных опросов сельской молодежи, проведенных сотрудниками ИЭОПП СО РАН в 2008, 2011, 2013, 2016 и 2017 гг.

² По данным опросов представителей сельского бизнеса в 2008, 2011, 2013, 2017 гг. и материалов экспедиций 2013–2015 гг., проведенных в сельских районах Алтайского края сотрудниками ИЭОПП СО РАН.

³ Рассчитано по: *Алтайский край в цифрах. 2006–2011: краткий стат. сб.* / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. Барнаул, 2012. С. 42; *Социально-экономическое положение Алтайского края. 2017 год. Стат. докл.* / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. Барнаул, 2018. С. 111.

тики на сокращение миграции из села с середины 2000-х гг., более заметный в первой половине 2010-х гг.¹ Значимым противовесом оттоку молодежи из села является федеральная и региональная политика, реализуемая в программах устойчивого развития сельских территорий и аграрной сферы и направленная на расширение кредитования, поддержку занятости, улучшение дорожно-транспортной сети и обеспеченности мобильной связью и Интернетом, социальное развитие села². Сельские жители отмечают позитивное влияние многих госпрограмм и проектов, хотя и точечное, не всегда системное и недостаточное по объему (это касается, в частности, грантовой поддержки молодых предпринимателей, врачей, учителей, поддержки молодых семей в обеспеченности жильем). По оценкам руководителей органов местного самоуправления и директоров предприятий³, действие этих программ зачастую останавливало отъезд молодежи.

Между тем не удалось приблизиться к решению множества продекларированных задач, в том числе по сокращению социальных различий между городом и селом. Недостаточными оказались меры по повышению рождаемости на селе, напротив, репродуктивное настроение (желание и планы рождения детей) сельской молодежи за последнее десятилетие в целом снизилось, хотя в 2017 г. вновь наблюдался его рост. По опросу 2017 г., 57% сельской молодежи планировали рождение детей, не планировали – 22%, в том числе 15% всех ответивших респондентов ориентировались на полную бездетность (против 67, 15 и 9% в 2008 г. соответственно). Не удалось существенно изменить в лучшую сторону удовлетворенность молодежи ситуацией в социальной сфере. При заметном ее (удовлетворенности) повышении в торговле и дошкольном воспитании наиболее значительно она снизилась в сферах образования, здравоохранения, физкультуры и спорта. Сельские жители отмечают замедленную реакцию властей на процессы деградации в социальном развитии села, а также недостаточное внимание к «социальным якорям» – условиям жизни, закрепляющим молодежь на селе, таким как подходящие рабочие места, современные молодежные досуговые и спортивные объекты.

¹ Проведен анализ итогов и предварительных результатов реализации 10 документов стратегического планирования РФ и Алтайского края и более 25 федеральных и региональных программ, действующих в Алтайском крае. Выделено два направления оценки результативности задач и мер в рамках данных документов: улучшение социально-экономического развития сельских территорий и социального положения сельской молодежи, прямо или косвенно влияющие на сокращение миграции из села. Обобщенная оценка эффектов по двум направлениям была получена на основе экспертных оценок руководителей и специалистов региональных и муниципальных органов управления, представителей сельского бизнеса, молодежных и других сельских общественных организаций (по результатам полустандартизированных интервью в 2011, 2013 и 2017 гг. и глубинных интервью, собранных в экспедициях 2013–2015 гг.). Кроме того, использовались результаты опросов сельского населения и представителей сельской молодежи в 2011, 2013, 2016, 2017 гг., что позволило выявить сдвиги в удовлетворенности ситуацией и происходящими на селе изменениями в социально-экономической сфере, оценках влияния деятельности органов государственного управления и местного самоуправления на решение их проблем в различных сферах жизнедеятельности.

² См., например, федеральные и региональные программы: «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края» на 2012–2020 гг., «Развитие сельского хозяйства Алтайского края» на 2013–2020 гг., «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Алтайском крае» на 2014–2020 гг., «Поддержка начинающих фермеров в Алтайском крае» на 2015–2017 гг., «Обеспечение жильем молодых семей в Алтайском крае» на 2015–2020 гг., «Льготная ипотека для молодых учителей в Алтайском крае» на 2015–2020 гг., «Земский доктор» в Алтайском крае на 2012–2018 гг., «Материнский капитал» в Алтайском крае с 2007 г.

³ Использованы данные опросов представителей местной власти и сельского бизнеса в 2013 и 2017 гг. и материалы экспедиций 2013–2015 гг.

О перспективах пространственного развития сельских территорий и сокращении миграции сельской молодежи

Итак, анализ миграции сельской молодежи показал нарастание разнообразия и многовекторности ее проявления с учетом сезонной и маятниковой форм, возвратной миграции при сохранении доминирования реальной миграции из села, уже приведшей к глубоким демографическим диспропорциям и кадровым проблемам. Сельскую молодежь характеризуют значительное повышение интереса к образованию, рост требований к условиям занятости и жизненной среде. Наблюдается усиление влияния сельских социальных сетей как катализаторов миграции из села, а государственной политики и сельского бизнеса – как ее ингибиторов.

Тем не менее, если кардинально не менять ситуацию, в настоящее время наиболее вероятен инерционный сценарий пространственного развития сельских территорий и миграции сельской молодежи. Этот сценарий связывается учеными и экспертами-практиками с прогрессирующей территориальной социально-экономической дифференциацией, ростом больших сел (более тысячи жителей) вблизи городов и магистралей и постепенным опустением малых [10]. Приоритет пространственного развития страны предполагает, на наш взгляд, актуализацию концептуального подхода к пространственному развитию сельских территорий с акцентом либо на выравнивание, либо на поддержку растущих центров деловой активности, либо на развитие опорных сельских населенных пунктов. При определении стратегических целей миграционной политики следует исходить из того факта, что в ближайшие годы миграция будет важным резервом увеличения демографического потенциала алтайского села и единственным источником пополнения его трудового потенциала. Для того чтобы получить значительный эффект от государственной политики развития села и решить проблему закрепления молодежи на селе, необходимо провести инвентаризацию множества уже действующих программ по поддержке территорий и сельской молодежи¹ на предмет их непротиворечивости, масштабности и системности влияния.

Обобщив результаты проведенных исследований и принимая во внимание приоритетность пространственного развития страны и устойчивого развития сельских территорий, мы пришли к выводу, что позитивные сдвиги в миграционном поведении сельской молодежи можно ожидать только при условии создания привлекательных высокотехнологичных рабочих мест и комплекса жизненных условий на селе с учетом интересов молодежи.

¹ Всего более 30 программ, среди них: «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края» на 2012–2020 гг., «Развитие сельского хозяйства Алтайского края» на 2013–2020 гг., «Развитие туризма в Алтайском крае» на 2015–2020 гг., «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Алтайском крае» на 2014–2020 гг., «Обеспечение жильем молодых семей в Алтайском крае» на 2015–2020 гг., «Льготная ипотека для молодых учителей в Алтайском крае» на 2015–2020 гг., «Развитие образования и молодежной политики в Алтайском крае» на 2014–2020 гг., «Создание новых мест в общеобразовательных организациях в соответствии с прогнозируемой потребностью и современными условиями обучения в Алтайском крае» на 2016–2025 гг., «Развитие здравоохранения в Алтайском крае» до 2020 г., «Развитие культуры Алтайского края» на 2015–2020 гг., «Развитие физической культуры и спорта в Алтайском крае» на 2014–2020 гг., «Социальная поддержка граждан» на 2014–2020 гг.

Перечень действующих государственных программ представлен на сайте Министерства экономического развития Алтайского края (http://www.econom22.ru/prognoz/program/reg_programms/gos_programms/index.php).

Чтобы повысить заинтересованность молодых людей жить и работать в селе, следует расширить профориентационную работу с сельской молодежью, повысить доступность получения профобразования, усилить экономическое и моральное стимулирование работодателей в трудоустройстве молодежи на квалифицированные рабочие места, значительно увеличить масштабы финансово-экономической поддержки занятости и предпринимательства среди молодежи (речь идет, например, об увеличении грантовой поддержки начинающих фермеров)¹. Нужно развивать села с учетом интересов молодежи, сохраняя ключевые объекты жизнедеятельности и развивая современные средства связи, досугово-спортивную инфраструктуру, активнее поддерживать молодые семьи с детьми в приобретении жилья. Особое внимание нужно уделить поддержке сельской молодежи, настроенной жить и работать в сельской местности (по опросу 2017 г., таковых 37%). Дополнительный эффект могут дать меры по формированию ценностей сельского образа жизни среди молодежи с помощью культурно-образовательных учреждений и общественных организаций, а также поддержки различных средств массовой информации, в том числе интернет-СМИ, занимающихся информированием населения о привлекательных сторонах жизни на селе и успешных проектах сельской молодежи².

Литература

1. Заславская Т.И. Миграция сельского населения // Избранные произведения: в 3 т. Т. 1: Социальная экономика и экономическая социология. М., 2007. С. 205–277.
2. Нефедова Т.Г. Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // Известия РАН. Сер. геогр. 2015. № 3. С. 41–56.
3. Cartmel F., Furlong A. Youth unemployment in rural areas. York : York Publishing Services Ltd, 2000. 46 p.
4. Pavis S., Platt S., Hubbard G. Young people in rural Scotland. Pathways to social inclusion and exclusion. York : York Publishing Services Ltd, 2000. 50 p.
5. Scott J. Moral economy of the peasant : rebellion and subsistence in southeast Asia. New Haven : Yale University Press, 1977. 254 p.
6. Зайончковская Ж.А. Миграции в постсоветском пространстве // Миграции в постсоветском пространстве: политическая стабильность и международное сотрудничество / под ред. Д. Азраела, В. Мукомеля, Э.М. Паина. М., 1997. С. 14–37.
7. Соболева С.В., Чудаева О.В. Демографический потенциал Сибири // Формирование благоприятной среды для проживания в Сибири / под ред. В.В. Кулешова. Новосибирск, 2010. Гл. 5. С. 53–95.
8. Казанцев С.В. Защищенность экономики регионов России. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2014. 180 с.
9. Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае / под ред. А.Я. Троцкого. Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. 423 с.
10. Нефедова Т.Г. Сжатие внегородского освоенного пространства России – реальность, а не иллюзия // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М., 2010. С. 128–145.

¹ Выводы получены с использованием результатов опросов сельского населения и экспертов (представителей местной власти и бизнеса) в 2002, 2008, 2011, 2013, 2016 и 2017 гг., материалов экспедиций 2013–2015 гг., проведенных в сельских районах Алтайского края сотрудниками ИЭОПП СО РАН.

² Например, это может быть грантовая поддержка сельских журналистов. Как известно, Союз журналистов России планирует обратиться к президенту России с инициативой о формировании программы «Сельский корреспондент» по аналогии с программами «Земский доктор», «Сельский учитель» (см.: В России может появиться программа поддержки молодых сельских корреспондентов. URL: <https://vesti22.tv/video/v-tossii-mozhet-poyavitsya-programma-podderzhki-molodyh-selskih-korrespondentov>).

Aliye M. Sergienko, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Barnaul, Russian Federation).

E-mail: a.m.sergienko@mail.ru

Lyudmila V. Rodionova, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Barnaul, Russian Federation).

E-mail: lvricie@mail.ru

Olga N. Kolesnikova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation).

E-mail: kolesnikova@socio.asu.ru

Oksana A. Ivanova, Center for Special Communication and Information in the Federal Security Service of the Russian Federation in Altai Krai (Barnaul, Russian Federation).

E-mail: ivanova_sociology@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 168–178.

DOI: 10.17223/1998863X/47/18

PRACTICES AND DRIVERS OF THE MIGRATION BEHAVIOR OF RURAL YOUTH IN THE SIBERIAN AGRICULTURAL REGION

Keywords: rural youth; migration practices; social regulators; state policy.

The article deals with the problems of mass migration of young people from the rural areas on the example of Altai Krai as the largest agricultural region in Siberia. Various assessments of these processes are identified, and the necessity of their regulation due to emerging risks and threats at the national level is justified. The methodological features of the study include a comprehensive approach to the measurement of the social status and activities of rural youth on the basis of a differentiated and comparative analysis of their changes, as well as the assessment of impact of rural social regulators and state policy on youth migration. The results are based on a number of regional sociological studies and statistics. The characteristics of migration processes in Russia and their specificity in Altai Krai since the early 1990s are given. It is concluded that the long-term migration decline of the population in the region can lead to the depopulation of the rural areas and the loss of social control over them, to the deterioration of age and educational structures of the population, as well as to the reduction of demographic resources for sustainable regional development. The dynamics of actual and potential migration of rural youth is described. Since the beginning of the latest crisis, there has been an increase in potential migration. In 2017 more than half of the young people planned to leave the rural areas. The groups of young people with higher migration potential are identified. The practices of the migration behavior of rural youth and their consequences are considered. Among the latter are the following: almost one and a half times reduction in the number of rural youth, hindered reproduction of population and labor resources in peripheral areas and small villages, the aggravation of the lack of skilled workers. It is shown that the scale of pendulum and seasonal migrations has increased significantly due to the development of the road transport network, Internet and mobile communication. The positive results of the impact of re-emigration on the improvement of the educational structure and the structure of employment of rural youth are revealed. Along with traditional drivers and barriers of rural youth migration, new ones are considered. The reasons of strengthening of influence of family-related networks as catalysts of migration are revealed. The modern practices and effects of rural business and public policy on the reduction of youth migration are shown. The slow reaction to the degradation in the rural social development and the lack of attention to the living conditions of the youth in villages are highlighted among the defects of the state policy. The authors proposed ways of increasing the efficiency of the state policy to reduce the migration of rural youth, taking into account the priority of the spatial development of rural areas and the influence of social regulators.

References

1. Zaslavskaya, T.I. (2007) *Izbrannye proizvedeniya: v 3 t.* [Selected Works. In 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Ekonomika. pp. 205–277.
2. Nefedova, T.G. (2015) Migration mobility of population and otkhodnichestvo in modern Russia. *Regional Research of Russia*. 5(3). pp. 243–256.
3. Cartmel, F. & Furlong, A. (2000) *Youth unemployment in rural areas*. York: York Publishing Services Ltd.
4. Pavis, S., Platt, S. & Hubbard, G. (2000) *Young people in rural Scotland. Pathways to social inclusion and exclusion*. York: York Publishing Services Ltd.
5. Scott, J. (1977) *Moral economy of the peasant: rebellion and subsistence in Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press.

6. Zayonchkovskaya, Zh.A. (1997) Migratsii v postsovetskom prostranstve [Migrations in the post-Soviet space]. In: Azrael, D., Mukomel, V. & Pain, E.M. (eds) *Migratsii v postsovetskom prostranstve: politicheskaya stabil'nost' i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo* [Migrations in the post-Soviet space: political stability and international cooperation]. Moscow: Kompleks-Progress. pp. 14–37.

7. Soboleva, S.V. & Chudaeva, O.V. (2010) Demograficheskiy potentsial Sibiri [The demographic potential of Siberia]. In: Kuleshov, V.V. (ed.) *Formirovanie blagopriyatnoy sredy dlya prozhivaniya v Sibiri* [Forming a favorable environment for living in Siberia]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 53–95.

8. Kazantsev, S.V. (2014) *Zashchishchennost' ekonomiki regionov Rossii* [The security of the Russian regions' economy]. Novosibirsk: SB RAS.

9. Trotskovsky, A.Ya. (ed.) (2017) *Transformatsionnye protsessy i formirovanie konkurentnykh preimushchestv v Altayskom krae* [Transformational processes and the formation of competitive advantages in the Altai Territory]. Novosibirsk: SB RAS.

10. Nefedova, T.G. (2010) Szhatie vnegorodskogo osvoennogo prostranstva Rossii – real'nost', a ne illyuziya [Compression of an extra-urban explored space in Russia is a reality, not an illusion]. In: Artobolevsky, S.S. & Sintserov, L.M. (ed.) *Szhatie sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitiya i praktike ego gosudarstvennogo regulirovaniya* [Compression of a socio-economic space: new in the theory of regional development and the practice of its state regulation]. Moscow: Eslan. pp. 128–145.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323

DOI: 10.17223/1998863X/47/19

Т.В. Захарова

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ОТ РЕШЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ДО ФОРМИРОВАНИЯ УНИВЕРСИТЕТСКИХ КАМПУСОВ¹

Показано, что страны, регионы, города, корпорации и университеты активно разрабатывают свою экологическую политику. Отмечено, что университеты, стремясь в своей экологической политике к устойчивому развитию, используют как приобретенные, так и собственные экологические инновации. Делается вывод, что университеты тем самым повышают свою международную репутацию.

Ключевые слова: экологическая политика, экоинновации, университетские города, кампусы.

Под политикой понимают «науку о целях и задачах государства и о средствах, которые необходимы для достижения поставленных целей» [1. С. 191]. Экологическая политика (как сложный комплекс мероприятий, направленных на сбалансированное развитие экономики, общества и окружающей среды) прошла три этапа в своей эволюции. На первом этапе – экономический рост и охрана природы должны быть синхронными. На втором этапе – переход к стратегии устойчивого развития. Третий этап – развитие «зеленого» роста через внедрение инноваций. Экологическая политика помимо инновационных открытий основана на нескольких инструментах. Это международно-правовые инструменты (конвенции, соглашения); инструменты экологического нормирования (стандарты, лимиты); инструменты организационно-правового регулирования (платежи, штрафы); эколого-экономические инструменты (сертификация, лицензирование, квоты, экологическая экспертиза, страхование); идеологические инструменты (экологическое воспитание, образование, экологическая культура). При обилии инструментов система регулирования природопользования достаточно эффективна, но не идеальна – из-за наличия сложно фиксируемых экстерналий и неурегулированности прав собственности на ряд природных ресурсов. Сбои в рационализации природопользования требуют активной государственной политики, направленной на их корректировку.

Экологическая политика охватывает все уровни управления: глобальный, государственный, региональный, местный и уровень организации. Акцент на экологическую составляющую доминирует в последние годы в практике промышленно и экономически развитых стран. По мнению Л.И. Брославско-

¹ Статья написана в рамках научного проекта (№ 8.1.52.2018), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

го, страны движутся, пусть и с разной скоростью, к созданию социально ориентированной эффективной рыночной экономики [2. С. 5]. То есть экономики, базирующейся на рациональном использовании ресурсов, высоком качестве жизни граждан и реализации их права на благоприятную окружающую среду. Этому способствует использование современных инновационных технологий и расширение объемов научно-исследовательских работ, строительных подрядов, транспортных услуг, кредитования, аренды и лизинга, что приводит к созданию качественных рабочих мест.

За последние годы ученым фактически удалось сформировать концепцию дальнейшего развития – это создание экономики с явными экологическими приоритетами, предполагающее имплементацию модели «зеленой» экономики. Подразделение ООН по экологии – ЮНЕП призывает «расширять внедрение возобновляемых источников энергии и энергоэффективных технологий, содействуя росту экономии топлива, направляя мир на путь устойчивого потребления и производства, а также помогая странам адаптироваться к изменению климата» [3. С. 4].

Согласно исследованиям С.Н. Кирпотина и Т.В. Каллагана глобальные изменения климата на планете Земля являются беспрецедентно ускоряющимися [4. С. 9, 10]. Поскольку большая часть территории Сибирского региона располагается в области многолетней мерзлоты, здесь особенно наглядно демонстрируется ее быстрое таяние. Север Сибири называют самой горячей точкой потепления на нашей планете. Сибирь как уникальная природная мега-установка в значительной степени регулирует углеродный цикл и климат планеты.

Экологическая политика стоит на повестке дня практически у всех стран мира, но в некоторых странах, таких как Франция, Германия, Финляндия, Швеция, Дания, Нидерланды, ей уделяется первостепенное внимание. Для России приоритетная цель – смена экспортно-сырьевой модели на модель с «зелеными» чертами и развитие человеческого капитала [5. С. 38, 46]. По утверждению С.Н. Бобылева и С.В. Соловьевой, Россия стала классическим примером «ловушки ВВП», когда огромный рост этого показателя в начале века создал иллюзию быстрого и успешного развития [6. С. 7, 8]. Но временно рухнувшие нефтяные цены показали очевидную неустойчивость сложившейся экспортно-сырьевой модели. Очевидно, необходим и неизбежен переход к инновационному импортозамещающему развитию страны и формированию высоких технологий.

В условиях ограниченных ресурсов, которыми располагают государства для сохранения и развития научно-технического потенциала, проведения модернизации на основе инноваций, создания новой инфраструктуры в стране, регионах, городах и других населенных пунктах, важнейшей задачей становится концентрация их на ограниченном числе направлений развития [7. С. 46]. Необходим механизм выбора приоритетов и селективной поддержки конкретных научных направлений, программ, проектов, отраслей науки и отдельных научных достижений. Безусловно, существует огромное разнообразие высоких технологий (рост результативности в несколько раз и решение значимых общественно-экономических проблем) в таких сферах, как электроника, программное обеспечение, искусственный интеллект, робототехника, нанотехнологии, ракетостроение, геновая инженерия, но экологически чи-

стые технологии – это такие же отрасли высоких технологий, как и все вышеречисленные.

Восприимчивость российского бизнеса к технологическим инновациям, к сожалению, пока замедленная. Н.А. Диесперова отмечает, что это вызвано недостаточным финансированием НИОКР, низкой мотивацией изобретателей, коррупцией и откатами, «некорректным» использованием западных институтов инновационной экономики, а средства, вложенные государством в развитие венчурного предпринимательства, технопарков и бизнес-инкубаторов, пока не окупились, хотя отдельные успехи зафиксированы. В итоге «сектор генерации знаний работает либо вхолостую, либо в интересах зарубежных компаний, а деятельность множества институтов инновационной инфраструктуры малопродуктивна» [8. С. 9]. М.В. Терешина и М.В. Онищенко указывают на административные барьеры на пути инновационного развития России [9. С. 53]. Переход на устойчивое социально-экономическое развитие – весьма сложная задача даже для развитых стран. О.В. Богачева и О.В. Смородинов указывают на наличие разнородных затруднений и барьеров для быстрого перехода к «зеленым» инвестициям даже для стран G20, а также предлагают меры по их преодолению [10. Т. 61. С. 17]. Т.П. Моисеева утверждает, что фактором, основательно сдерживающим инновационное развитие конкретно России, является избыточная бедность и экономически неоправданная социальная поляризация населения [11. С. 15]. Бедность сдерживает спрос на прогрессивные (и дорогостоящие поначалу) товары и тормозит инновационное развитие страны.

Вместе с тем Россия начала активно развивать экологическую политику на своей территории. Как известно, в России 2017 г. был объявлен Годом экологии. Много говорилось о том, что необходимо сделать и как снизить нагрузку на окружающую среду, не допустить глобальных изменений климата, увеличить популяцию редких животных и обеспечить комфортные условия для человека, приоритетными были обозначены два направления: работа с крупным бизнесом по сокращению негативного воздействия на окружающую среду и совершенствование законодательства. В итоге Росприроднадзор подписал 50 соглашений с крупными компаниями для проведения более 200 мероприятий (<http://www.resfo.ru>).

Несмотря на указанные проблемы, ограничивающие инновационное развитие стран в целом и урбанизированных территорий в частности, городские функции (экономические, социальные, экологические, инженерные и архитектурные) необходимо решать. Зарождается новое видение развития городской цивилизации на планете. Экологичность, энергосбережение, утилизация отходов изначально заложены в инженерно-инфраструктурные решения целого ряда новых городов. Развитые страны обязательно имеют на своей территории экогорода. Наиболее яркие примеры таких городов – экогорода Сонгдо и Масдар [12. С. 33; 13]. Город Сонгдо в Южной Корее – международный город будущего. Расположен на искусственном острове в Желтом море. Вся инфраструктура компьютеризирована. В домах установлены пневматические мусоропроводы, которые удаляют мусор и сортируют его. К единой городской сети подключены электромобили и машины с водородными двигателями. Город имеет небоскребы, роскошные набережные, выставочные комплексы, парки, каналы венецианского типа, водные такси и экскурсион-

ные корабли. Телефоны жителей содержат информацию о здоровье хозяина, и в соответствии с этими данными выписываются рецепты на получение лекарств. Одним словом, компьютерные технологии поставлены на службу человека.

Город Масдар находится в пригороде Абу-Даби в ОАЭ. Город обеспечивается солнечной энергией (90 тыс. солнечных панелей), имеет пневматическую систему сбора и полной переработки отходов, на улицах Масдара – только общественный электрический транспорт. К сожалению, дата завершения проекта Масдар постоянно переносится (2016, 2025, теперь 2030 г.), проект претерпевает изменения, однако многочисленные инвесторы и компании видят в этом городе большой потенциал. Сейчас население города около 50 тыс. человек, еще 60 тыс. будут приезжать ежедневно для работы в более чем 1,5 тыс. предприятий, которые специализируются на разработке и производстве экологически чистых технологий. Масдарский институт науки и технологий – интеллектуальный центр города, специализирующийся на зеленых и наукоемких отраслях, привлечении зарубежных партнеров и завоевании мирового лидерства в экологических технологиях.

Но и традиционные города переходят на новые способы экономии энергии и создание экологически чистой инфраструктуры. Например, шведский город Мальме из загрязненного промышленного центра с двумя атомными электростанциями превращается в экогород (во всяком случае, один из районов Мальме). Мальме имеет парк городских транспортных средств, переведенный на водород, электричество и биогаз, строятся устойчивые здания (с использованием экотехнологий, переработкой отходов и растущим благосостоянием граждан), уже работает ветряная турбина, осуществляется сбор дождевой воды, обязательно наличие на крышах и стенах зданий зеленой растительности (<https://rb.ru/story/future-city/>).

Наиболее успешными инновационно-активными городами РФ в свое время были признаны Санкт-Петербург, Новосибирск, Томск, Казань, Саранск и др. Именно такие города с развитой инновационной инфраструктурой, предприятиями высокотехнологичного бизнеса, научным и образовательным секторами могут осуществлять роль инновационных центров, которые, в свою очередь, позволят сформировать в России сеть мощных очагов интенсивного инновационного роста.

Также в мире наметилась четкая и массовая тенденция перехода к проектированию офисов, основанных на экологических принципах. Моду в этой сфере задают такие гиганты хай-тек индустрии, как Facebook, Apple, Google, Amazon и др. [14]. Тем более что бюджеты данных компаний позволяют применять футуристическую архитектуру: например, прозрачные гигантские шары, как Amazon, или построить тор – огромную летающую тарелку среди леса, как Apple, использовать альтернативную энергетику, стеклянные стены и крыши, которые сокращают затраты на освещение, экомобили, разбивать сады из деревьев, собранных со всего света, и пр.

В России действует рейтинг «Зеленые офисы России», сравнивающий офисы участвующих в рейтинге компаний по экологическим показателям. Цель рейтинга – мотивировать компании внедрять экологические практики во все сферы бизнеса и делать свои офисы более экологичными (<http://ecobureau.ru/greenofficerating2017>). Организаторы рейтинга – Экобюро

Greens (российская консалтинговая компания, специализирующаяся на экологизации бизнеса) и компания HPBS (ведущий консультант по устойчивому развитию, инжинирингу, управлению проектами и чистой энергетике). Зеленым считается офис, в котором сотрудники вовлечены в поддержание здоровой обстановки, ответственных закупок и режима экономии ресурсов (электроэнергии, воды, бумаги) и т.д. Анализируются три критерия: нетоксичность, энергоэффективность и низкоуглеродность. Департамент природопользования и охраны окружающей среды г. Москвы, проводя ежегодную акцию «Зеленый офис», лучшим признает офис, в котором сотрудники соблюдают международные экологические стандарты. Наиболее активными в рейтинге 2017 г. оказались представители IT-индустрии. Лидером рейтинга стало российское представительство компании Adidas Group – за наиболее комплексное воплощение принципов зеленого офиса.

В.Б. Белова и О.В. Колесова с соавторами утверждают: «Университетские кампусы стали неотъемлемой частью среды университетского города. Их развитие связано с различными сферами жизни – социальной (наличие многообразных социальных связей между студенчеством, преподавателями и населением города), культурной (нематериальное наследие, роль университетских традиций в жизни города) и экономической (влияние университетов на основные факторы хозяйственно-политической привлекательности городов)» [15. С. 96]. По всему миру активно распространяется сеть университетских экокампусов, так как именно университеты поставили перед собой задачу экологического развития (в 2008 г. на саммите ведущих университетов мира была принята Саппоровская декларация об устойчивом и «зеленом» развитии университетов). Имеются «зеленые» университеты в США, странах Евросоюза, Японии, Южной Кореи, Таиланде, Сингапуре, Китае и др. [16. С. 76–82; 17. С. 29–30]. По утверждению А.И. Банчевой, ведущие университеты мира активно внедряют экологическую составляющую в своем развитии наряду с образовательными программами и исследовательскими проектами, что повышает репутационные оценки вузов [17. С. 29]. Ассортимент экоинноваций весьма широк, он включает различные изобретения: солнечная энергия, энергосбережение, экостандарты в модернизации университетских корпусов, сбор дождевых вод, управление твердыми отходами, минимизация использования ресурсов, благоустройство территории. При этом ожидаются значительные экономические выгоды, такие как экономия средств. Активно создаются новые экокампусы и в России (Сколково и Дальневосточный федеральный университет на острове Русский сразу создавались как экокампусы, планируется их возведение и в других регионах России).

Многие ведущие классические университеты мира всё чаще объявляют о создании и модернизации «зелёных» экоустойчивых и экологически чистых зданий, рассматривая это как часть воспитания студентов в правильном направлении. Если учесть, что «зелёный» университет – это вуз, который ведет деятельность, направленную в том числе на «зеленое» образование и экологические исследования, на защиту окружающей среды и повышение благосостояния своих сотрудников, то традиционные университеты также в состоянии внести свой вклад в экополитику. Уральский федеральный университет имеет действующий классический кампус, но создан проект нового, принципиально отличного с точки зрения пространственной организации,

кампуса [18. С. 67]. Сотрудники Пермского научно-исследовательского политехнического университета, чтобы их университет смог получить статус устойчиво развивающегося, предлагают применить в университетском кампусе такие направления, как энергосбережение, вторичное использование отходов, более экологичные материалы для ремонта, озеленение окружающей среды [19. С. 306]. Осуществляется переход Томского государственного университета к устойчивому развитию [20. Т. 21. С. 6], большая работа проделана для создания комфортной среды в университетском кампусе для студентов и сотрудников.

Существует рейтинг самых зеленых университетов мира, который составляет Университет Индонезии. Цель рейтинга – привлечение внимания к решению проблем экологии (*UI GreenMetric Ranking of World Universities*). В методологии рейтинга выделены следующие критерии: экономия энергии, рациональное использование водных ресурсов, хранение и переработка отходов, использование экологически чистых транспортных средств, оценка площади зеленых насаждений на территории кампуса, число опубликованных научных работ по экологической проблематике и др. (https://www.c-o-k.ru/market_news/samye-ekologicheski-chistye-universitety-mira). Для участия вузам достаточно зарегистрироваться и заполнить анкету. В 2016 г. в оценке приняли участие 507 вузов из 74 стран, в том числе 24 вуза из России.

Итак, концепция «зелёного» университета предполагает внедрение экологических практик в вузе, благоустройство его территории, экологические исследования, повышение уровня экокультуры студентов и сотрудников. «Зелёный» университет обладает системой раздельного сбора мусора, повышенной энергоэффективности, внедряет экообразовательные программы и др. Важно учитывать, что возрастающая мобильность студентов, ищущих «свои» вузы, может приводить как к притоку молодежи в университетские города, так и к обезлюдиванию регионов [21. С. 101], и дело не только в демографических проблемах. Границы кампуса практически всегда включают парковые территории, водные пространства, здания с «нулевым выбросом тепла» и многое другое [22. С. 245]. Студенты такого вуза участвуют в экопроектах и акциях, занимаются исследовательской и проектной работой, составляют предпринимательские бизнес-планы с учетом охраны окружающей среды.

Поскольку «зелёные» университеты активно сотрудничают с муниципальными, городскими и региональными структурами управления и бизнес-партнерами, это может обеспечить благоустройство и экологическое развитие района, города или региона в целом, развиваются обширные территории, создаются кластеры «зелёных» технологий и центры внедрения экоинноваций.

Таким образом, учитывая все вышесказанное, можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, страны, регионы, города, корпорации и университеты, активно разрабатывая свою экологическую политику, открывают широкие перспективы по направлению эколого-экономического развития.

Во-вторых, университеты в рамках своей экологической политики и создания экологической инфраструктуры, активно используя собственные открытия и разработки, могут в значительной степени повысить свою международную репутацию и уровень экологической культуры руководителей, студентов и преподавателей.

В-третьих, университеты, объединив усилия с местными структурами управления и бизнес-структурами, могут стать эффективными демонстрационными площадками для экоинноваций.

Литература

1. Глушкова В.Г., Макара С.В. Экономика природопользования : учеб. пособие. М. : Гардарики, 2005. 448 с.
2. Брославский Л.И. Ответственность за окружающую среду и возмещение экологического вреда: законы и реалии России, США и Евросоюза. М. : ИНФРА-М, 2017. 229 с.
3. Ежегодный доклад ЮНЕП за 2015 год [Электронный ресурс] / Программа ООН по окружающей среде. 2016 г. 64 с. Электрон. дан. URL: <https://wedocs.unep.org/rest/bitstreams/11118/retrieve> (дата обращения: 01.11.2017).
4. Кирпотин С.Н., Каллаган Т.В. Проект «Транссибирский научный путь»: мировой уровень в ответ на глобальные вызовы // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая : материалы междунар. науч.-практ. конф. Тува, 2016. С. 9–11.
5. Даниленко Л.Н. Экологическая политика в России: «зеленая» экономика против рентно-сырьевой // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. Т. 9, № 12 (201). С. 38–47.
6. Бобылев С.Н., Соловьева С.В. Новые цели для новой экономики // Мир новой экономики. 2016. № 1. С. 6–14.
7. Кузнецова А.И. Инфраструктура как необходимое условие устойчивого развития инновационной экономики города // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Сер. 1 : Экономика и управление. 2012. № 1. С. 45–50.
8. Диесперова Н.А. Состояние и развитие инновационной экономики в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. : Экономика. 2016. № 3. С. 7–16.
9. Терешина М.В., Онищенко М.В. Политико-управленческие барьеры «зеленого» роста в Российской Федерации // Человек. Сообщество. Управление. 2015. Т. 16, № 3. С. 50–74.
10. Богачева О.В., Смородинов О.В. Проблемы «зеленого» финансирования в странах G20 // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 10. С. 16–24.
11. Моисеева Т.П. Избыточное неравенство как сдерживающий фактор развития человеческого потенциала, модернизации современного российского общества [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 7 (15). Электрон. журн. URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 17.07.2017).
12. Пучков М.В. Стратегии развития урбанизированных территорий: кампусные модели как средство управления региональным развитием // Академический вестник УралНИИпроект. 2011. № 1. С. 30–34.
13. Эко-город Масдар-сити [Электронный ресурс] // Veryclose.ru: сайт. Электрон. дан. 2018. URL: <http://veryclose.ru/eko-gorod-masdar-siti/> (дата обращения: 20.09.2018).
14. Apple Campus 2 – фантастический офис уже реальность [Электронный ресурс] // Coolhouses.ru : онлайн-журнал. Электрон. дан. 2016. URL: <https://coolhouses.ru/> (дата обращения: 21.09.2018).
15. Белов В.Б., Колесова О.В., Поморина И.В., Оплаканская Р.В. «Town and gown»: университет в городском социально-экономическом и культурно-историческом пространстве Европы (на примере Великобритании, Германии, Франции и Польши) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6 (44). С. 87–97.
16. Бузмаков С.А., Андреев Д.Н. Принципы устойчивого развития в ведущих мировых университетах // Географический вестник. 2012. № 2 (21). С. 74–84.
17. Банчева А.И. Оценка эффективности экологической политики на примере университета Хоккайдо (Япония) // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2015. № 2. С. 27–31.
18. Берестова А.В., Ларионова В.А. Выбор пространственной организации современного кампуса. Ч. 1: Анализ пространства кампусов мировых университетов // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2017. № 3 (34). С. 66–70.
19. Чудинова Я.Н., Коротав В.Н. Урбанистические и экологические аспекты устойчивого развития университетского кампуса // Материалы международной научно-практической конференции. Секция 1: Модернизация и научные исследования в транспортном комплексе, 23–24 апреля 2015 г. Пермь, 2015. С. 304–307.

20. Галажинский Э.В. Востребованные компетенции руководителей университетов: мировые тренды vs российские процессы в образовании // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 2. С. 6–8.

21. Томилин О.Б., Фадеева И.М., Томилин О.О., Клюев А.К. Организационная культура российских университетов: ожидания и реалии // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, № 1. С. 96–107.

22. Зобова М.Г. Современные аспекты архитектурно-градостроительного проектирования университетских кампусов // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 3 (178). С. 243–248.

Tatiana V. Zaharova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail ztv@t-sk.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 179–188.

DOI: 10.17223/1998863X/47/19

THE EFFECTIVENESS OF ENVIRONMENTAL POLICY: FROM SOLVING GLOBAL PROBLEMS TO ESTABLISHING UNIVERSITY CAMPUSES

Keywords: environmental policy; eco-innovation; university cities; campuses.

It is shown that countries, regions, cities, corporations and universities are actively developing their environmental policies. This is facilitated by modern innovative technologies, such as alternative energy, energy-saving equipment, new motor vehicles, processing of wastes into useful goods, and many more. Countries have to adapt to the global climate change, which is accelerating at an unprecedented speed. One of the most sensitive places in terms of global warming is Siberia. This territory as a unique natural mega-construction largely regulates the carbon cycle and the climate of the planet. Environmental policy is on the agenda in almost all countries of the world, but in some countries, such as France, Germany, Finland, Sweden, Denmark, the Netherlands, it is given priority. Russia began to develop an environmental policy on its territory. As known, Russia made 2017 the year of ecology. Environmental friendliness is incorporated into the engineering and infrastructure solutions of a number of new cities. The most striking examples of such cities are the eco-cities of Songdo and Masdar. The cities are provided with solar energy, have a pneumatic system of waste collection, have mostly electric public transport. Traditional cities are also shifting to new ways of saving energy and creating a clean infrastructure. In the world, there has been a mass policy of transition to the design of offices based on environmental principles. Such giants of the hi-tech industry as Facebook, Apple, Google, Amazon, etc. set fashion in this area. Russia has a rating “Green Offices in Russia”. Three criteria are analyzed: non-toxicity, energy efficiency and low carbon living. The most active in the ranking of 2017 were representatives of the IT industry.

The world's leading universities are actively implementing the environmental component in their development along with educational programs and research projects. The concept of a green university involves the use of environmental innovation in the university. Innovations include landscaping, organization of a separate waste collection system, energy efficiency. Campuses have park areas, water bodies, buildings with “zero heat emission”, and more. Students of such universities participate in projects and actions, are engaged in research and project work, make business plans taking into account environmental protection. Taking into account that green universities actively cooperate with municipal, city and regional management structures and business partners, this can ensure the improvement and green development of their district, city and region as a whole.

References

1. Glushkova, V.G. & Makar, S.V. (2005) *Ekonomika prirodopol'zovaniya* [Environmental Economics]. Moscow: Gardariki.

2. Broslavsky, L.I. (2017) *Otvetstvennost' za okruzhayushchuyu sredu i vozmeshchenie ekologicheskogo vreda: zakony i realii Rossii, SShA i Evrosoyuzya* [Responsibility for the environment and compensation for environmental harm: the laws and realities of Russia, the United States and the European Union]. Moscow: INFRA-M.

3. UNO. (2016) *Ezhegodnyy doklad YUNEP za 2015 god* [UNEP Annual Report 2015]. [Online] Available from: <https://wedocs.unep.org/rest/bitstreams/11118/retrieve>. (Accessed: 1st November 2017).

4. Kirpotin, S.N. & Callaghan, T.V. (2016) Proekt "Transsibirskiy nauchnyy put": mirovoy uroven' v otvet na global'nye vyzovy ["Trans-Siberian Scientific Path": the world level in response to global challenges]. *Aktual'nye problemy issledovaniya etnoekologicheskikh i etnokul'turnykh traditsiy narodov Sayano-Altaya* [Topical problems of research on the ethno-ecological and ethnocultural traditions of the Sayano-Altai peoples]. Proc. of the International Conference. Tuva State University. pp. 9–11. (In Russian).
5. Danilenko, L.N. (2013) Ecological policy in Russia: "green" economy or rent and raw. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' – National Interests: Priorities and Security*. 9(12). pp. 38–47. (In Russian).
6. Bobylev, S.N. & Solovieva, S.V. (2016) New targets for the new economy. *Mir novoy ekonomiki – The World of New Economy*. 1. pp. 6–14. (In Russian).
7. Kuznetsova, A.I. (2012) Infrastructure as necessary condition of sustainable development of the city's innovative economy. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Ser. 1: Ekonomika i upravlenie – Moscow Witte University Bulletin. Series 1: Economics and Management*. 1. pp. 45–50. (In Russian).
8. Diesperova, N.A. (2016) On the current state and development of innovative economy in Russia. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Ekonomika – RUDN Journal of Economics*. 3. pp. 7–16. (In Russian).
9. Tereshina, M.V. & Onishchenko, M.V. (2015) Political and administrative barriers of "green" growth in the Russian Federation. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie – Human. Community. Management*. 16(3). pp. 50–74. (In Russian).
10. Bogacheva, O.V. & Smorodinov, O.V. (2017) Challenges to Green Finance in G20 Countries. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 61(10). pp. 16–24. (In Russian).
11. Moiseeva, T.P. (2012) Ycessive inequality as a hindrance factor to developing innovation potential and economic dynamics of contemporary Russian society. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem – Modern Research of Social Problems*. 7(15). [Online] Available from: www.sisp.nkras.ru. (Accessed: 17th July 2017). (In Russian).
12. Puchkov, M.V. (2011) Strategii razvitiya urbanizirovannykh territoriy: kampusnye modeli kak sredstvo upravleniya regional'nym razvitiem [Development strategies of urbanized areas: campus models as a means of managing regional development]. *Akademicheskii vestnik Uralniiproekt*. 1. pp. 30–34.
13. Veryclose.ru. (2017) *Eko-gorod Masdar-siti* [Eco-city Masdar-city]. [Online] Available from: <http://veryclose.ru/eko-gorod-masdar-siti/>. (Accessed: 20th September 2018).
14. Coolhouse.ru. (2016) *Apple Campus 2 – fantasticheskii ofis uzhe real'nost'* [Apple Campus 2 – a fantastic office is already a reality]. [Online] Available from: <https://coolhouses.ru/>. (Accessed: 21st September 2018).
15. Belov, V.B., Kolesova, O.V., Pomorina, I.V. & Oplakanskaya, R.V. (2016) "Town and gown": University in the city of socio-economic and cultural-historical space of Europe (Great Britain, Germany, France and Poland). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6(44). pp. 87–97. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/44/12
16. Buzmakov, S.A. & Andreev, D.N. (2012) Principles of sustainable development in the world's leading universities. *Geograficheskii vestnik – Geographical Bulletin*. 2(21). pp. 74–84. (In Russian).
17. Bancheva, A.I. (2015) Assessment of the efficiency of environmental policy (case study of the Hokkaido University). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5. Geografiya – Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*. 2. pp. 27–31. (In Russian).
18. Berestova, A.V. & Larionova, V.A. (2017) Vybór prostranstvennoy organizatsii sovremen-nogo kampusa. Ch. 1. Analiz prostranstva kampusov mirovykh universitetov [Choosing the spatial organization of the modern campus. Part 1. Analysis of the campus space of world universities]. *Akademicheskii Vestnik UralNIiproekt RAASN*. 3(34). pp. 66–70.
19. Chudinova, Ya.N. & Korotaev, V.N. (2015) [Urban and environmental aspects of the university campus sustainable development]. *Modernizatsiya i nauchnye issledovaniya v transportnom komplekse* [Modernization and research in the transport complex]. Proc. of the International Conference. Perm, April 23–24, 2015. Perm: Perm National Research Polytechnic University. pp. 304–307. (In Russian).
20. Galazhinsky, E.V. (2017) Vostrebovannye kompetentsii rukovoditeley universitetov: mirovye trendy vs rossiyskie protsessy v obrazovanii [Competencies of the university leaders: global trends

vs Russian processes in education]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* – University Management: Practice and Analysis. 21(2). pp. 6–8.

21. Tomilin, O.B., Fadeeva, I.M., Tomilin, O.O. & Klyuev, A.K. (2018) Organizational culture of Russian universities: Expectations and realities. *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 27(1). pp. 96–107. (In Russian).

22. Zobova, M.G. (2015) Modern principles of architectural and urban designing of university campuses. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Orenburg State University*. 3(178). pp. 243–248. (In Russian).

УДК 329, 324

DOI: 10.17223/1998863X/47/20

Я.Ю. Шашкова

ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ПАРТОГЕНЕЗА

Динамика и тенденции развития российской партийной системы, ее современная конфигурация анализируются с позиций мировой дискуссии об изменении партий и их роли в обществе, их модели в семантическом пространстве российской политики, расстановки партийно-политических сил. Особое внимание уделено кадровому потенциалу и особенностям функционирования партий на региональном уровне.

Ключевые слова: партийная система, Россия, трансформация партий, выборы, функции партий.

Политические трансформации, особенно сопровождаемые импортом институтов, всегда порождают проблему «приживаемости» этих институтов, согласования содержания и тенденций их развития в странах-донорах и странах-реципиентах. И хотя в России политические партии возникли еще во второй половине XIX в., законодательно были разрешены в 1905 г., современную российскую партийную систему необходимо рассматривать как элемент импорта институтов. Более того, формирование российской многопартийной системы в конце XX в. совпало с общей динамикой партий как политических институтов («party change»). В связи с этим создаваемые структуры ориентировались не на опыт прошлого, а на современные западные модели, соответствующие условиям информационного общества, адаптируя их к российским особенностям институциональной среды.

Прошедшие три десятилетия новейшего российского партотгенеза заставляют политологов оглянуться назад, осмыслить его итоги. В данной статье будут рассмотрены вопросы соответствия организационного состояния и функционирования российских партий, конфигурации российской партийной системы мировым трендам партийных трансформаций, намечены перспективы развития российской партийной системы.

1. Тенденции организационного развития российских партий

Организационную динамику российских партий в постсоветский период можно разделить на три этапа.

Первый этап условно продолжался с начала 1990-х гг. до 2001 г. Создававшиеся в этот период политические партии были немногочисленными, слабо представленными в регионах образованиями «клубного» типа, в основном ведущими электоральную деятельность и взаимодействующими с обществом посредством проводившихся перед выборами рекламных акций и кампаний. В своем функционировании они ориентировались на западную модель «электорально-профессиональных» партий [1. Р. 264], тем более что интенсивность избирательных кампаний того периода быстро сформировала в их сре-

де команды политтехнологов, адаптировавших западные избирательные технологии к российским условиям. Исключение составляла только КПРФ, сохранявшая модель классической массовой партии.

Второй этап охватывает 2001–2012 гг. Принятие Закона «О политических партиях в РФ» в 2001 г. вроде бы противоречило мировому тренду отхода от модели массовой партии, однако заставило российские партии срочно увеличивать свою численность, формировать региональные отделения, чтобы выполнить количественные требования закона. В итоге соответствующие установленным нормам партии приобрели национальный характер и постоянное присутствие в федеральных и региональных политических процессах.

Современный этап организационной динамики партий начался с 2012 г. и был связан с резким сокращением количественных требований к ним. И хотя основные российские партии не сократили свою численность, в их работе отчетливо прослеживается тренд на профессионализацию, переход от рекрутирования членов к взаимодействию с общественными организациями, что характерно для модели «новых кадровых» партий.

Данные процессы логично вписываются в мировые тренды «party change». Так, парламентские партии хоть и с российской спецификой, но во многом соотносятся с моделью картельной партии, при которой партийные элиты становятся частью государственного аппарата, усиливается дистанция между ними и массой рядовых членов и сторонников партий. Как отмечали Р. Кац и П. Мэйр, «обращаясь к государственным субсидиям, партии (т.е. их лидеры) становятся менее зависимыми от членов и других доноров» [2. С. 93], что приводит к «сдвигу во внутреннем балансе власти между тремя лицами партии – от рядовых членов к руководству и тем, кто занимает посты в государстве» [3. С. 53].

При этом тренд на дедемократизацию или псевдодемократизацию внутрипартийной жизни (имитация внутрипартийной демократии) в российских партиях проявился более заметно, чем в западных партиях, еще на предыдущем этапе, когда резкое повышение нормативной численности партий заставляло их просто кооптировать в партийные ряды новых членов, иногда целыми коллективами, без их реальной интеграции и формирования партийной идентичности.

Намного более важными для партий в России остаются ресурсы поддерживающих их групп интересов и позиция исполнительной власти. Это приводит к сохранению партиями организационных форматов «акционерных обществ» и «франшизной партии» (см., например, [4]), позволяющих им относительно малозатратно обеспечивать функционирование региональных отделений и проведение избирательных кампаний. Именно по такому пути пошли «Справедливая Россия», ЛДПР и некоторые новые партии. В то же время это не может не сказаться на выполнении российскими партиями своих функций.

2. Трансформация функций российских партий в современной политике

Наибольшие изменения коснулись функций партий, их задач и роли в обществе. При этом российские партии опять же испытали влияние мировых процессов.

Все функции российских партий с позиций ведущейся дискуссии о роли партий в современной политике [5, 6] можно разделить на три группы: 1) сохраняющиеся традиционные функции; 2) формально сохраняющиеся, но меняющие свое содержание; 3) функции, которые партии перестали выполнять в современных условиях, а в постсоветской России не выполняли вообще.

2.1. Сохраняющиеся традиционные функции

В первую группу входят традиционные функции партий, которые они не только продолжают выполнять, но и делают это зачастую на монопольной основе.

Так, ключевую роль играют российские партии в электоральном процессе. Их предпочтения на выдвижение кандидатов были закреплены партийным законодательством 2001 г. (закон предоставил партиям монополию на «самостоятельное выдвижение кандидатов (списков кандидатов) в депутаты, на иные выборные должности в органах государственной власти»), а затем усилены переходом на смешанный принцип формирования региональных и части муниципальных представительных органов, а также отменой в 2007 и 2011 гг. мажоритарной составляющей выборов депутатов Государственной Думы РФ. И даже возврат смешанной избирательной системы на федеральных выборах 2016 г. не изменил ситуацию, тем более что предусмотренный для самовыдвиженцев способ регистрации – сбор подписей – не только требует значительных кадровых и финансовых ресурсов, но и является процессом «с непрогнозируемым финалом»: зачастую большую роль в нем играют поставленные перед избирательными комиссиями задачи на «зачистку» или формальное расширение электорального поля. В этих условиях гарантию участия в выборах дает только выдвижение от партии, причем освобожденной от необходимости сбора подписей. Если же самовыдвиженец успешно участвует в выборах, он, как правило, поддержан «Единой Россией» и имеет достаточно влияния в политической элите, чтобы формально дистанцироваться от партии власти.

Наглядным примером электоральной роли партий на региональном уровне может стать кейс Алтайского края. В ходе выборов в региональный парламент 2004 г. региональные отделения партии формировали партийные списки и выдвинули 42% кандидатов по одномандатным округам [7. С. 11]. В итоге доля партийных депутатов составила 75% общей численности против 48% в 2000 г. [7. С. 11]. На выборах 2016 г. партии, кроме списков, выдвинули 99% одномандатников, и только 1 из 68 депутатов нынешнего созыва имеет статус «самовыдвиженца» [8]. На выборах депутатов Государственной Думы РФ в Алтайском крае все зарегистрированные кандидаты по одномандатным округам были выдвинуты политическими партиями [9]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других регионах Западной Сибири.

Следующая функция в данной группе – участие в законотворческой деятельности. Как отмечал М. Кагельс, «партии исчерпали свой потенциал в качестве самостоятельных носителей социальных перемен. ... Однако они по-прежнему выступают в качестве важных инструментов, позволяющих преобразовывать требования общества в факторы политики» [10. С. 305].

В то же время существует российская специфика выполнения партиями данной функции. Формально, как следует из их статуса в электоральных про-

цессах, они выступают почти монопольным субъектом законотворческой деятельности, однако фактически с 2000-х гг. органы представительной власти утратили свои и без того незначительные позиции как центры принятия политических решений, превратившись в механизм ратификации решений, принятых другими акторами.

2.2. Функции, формально сохраняющиеся, но меняющие свое содержание

Вторую группу образуют функции, которые у партий сохранились, но наполнились новым содержанием или их реализация в нашей стране имеет существенную специфику. К ним относятся тесно связанные в современных условиях функции рекрутирования элит и представительства интересов.

Рекрутирование российскими партиями политической элиты выступает следствием усиления их электоральной функции. Однако реализуется она только посредством формирования партийной элиты как части политической элиты, а также депутатского корпуса. Отечественные партии либо не формируют исполнительную власть, либо участвуют в этом процессе эпизодически, что снижает их значимость для общества и групп интересов.

Профессионализация и маркетингизация современной политики в сочетании со снижением политической активности граждан обусловили встраивание российских партий в еще одну мировую тенденцию – перехода от «выращивания» своих элит к кооптированию. Политика стала более целерациональной и капиталоемкой, что потребовало привлечения к партийной работе профессиональных политтехнологов, юристов, менеджеров, специалистов по коммуникациям. Сегодня от партийных элит ожидают не просто реализации целей партий, а умения найти «оптимальный баланс между внутренними потребностями и вызовами окружающей среды», адаптировать к политической ситуации и «правилам игры» «размер» организации, «стиль управления, внутренние связи и отношения» [11. С. 34].

Рекрутирование же партиями депутатского корпуса, как и обеспечение функции представительства интересов, часто принимает форму «лифта» – превращения партий в канал прихода во власть представителей групп интересов. Как отмечала К. Лоусон, «тесные связи с массами более не кажутся необходимыми, так как партии профессионально осваивают инструментарий политического маркетинга, и лидеры победившей партии осуществляют политику, которая удовлетворяет прежде всего их наиболее влиятельных сторонников. Постепенно ослабляя связи, обеспечивающие политическое участие, партии обычно в определенной степени сохраняют отзывчивость, однако ответ на вопрос о том, на кого они реагируют, вовсе не обязательно является обнадеживающим для приверженцев демократии» [5. С. 32–33].

Кроме того, реализация партиями функции артикуляции и агрегирования общественных интересов затруднена сильной сегментацией последних. Недаром еще в 1970-е гг. партии приобрели «всеохватный» характер, обменяв «глубокую эффективность на более широкую электоральную аудиторию и непосредственный электоральный успех» [12. Р. 184–185].

Эффективность выполнения функции лифта конкретными российскими партиями существенно различается и зависит от их статуса в политической системе. В наибольшей степени данная функция реализуется «Единой Росси-

ей» за счет ее статуса партии власти, обеспечивающего влиятельным региональным политикам и бизнесменам упрочение их позиций, укрепление связей со структурами федеральной и региональной власти. Происходит взаимовыгодный обмен ресурсами: представители групп интересов используют свое положение для содействия «партии власти» на местах, обретая тем самым поддержку со стороны федерального центра [13. С. 163]. В меньшей степени – другими парламентскими партиями, и вообще не выполняется остальными партийными объединениями.

Этот тезис наглядно иллюстрируют данные о профессиональном составе фракций Алтайского краевого Законодательного Собрания созыва 2016 г. Так, 81% членов фракции «Единой России» (состоит из 42 депутатов) руководят предприятиями и организациями в сферах промышленного производства; строительства, энергетики и ЖКХ; сельского и лесного хозяйства; добывающей промышленности; транспорта; медицины и образования; финансового сектора. Из 6 депутатов от КПРФ 4 – работники партаппарата, 2 рабочих и 2 бизнесмена. Депутаты фракций ЛДПР и «Справедливой России» занимаются мелким или средним бизнесом, а также работают в учреждениях образования, здравоохранения, торговли и энергетики [14].

Реализация партиями функции рекрутирования элит, даже с указанной спецификой, позволяет им решать еще одну задачу – обновления элиты. Особенно сильно оно происходит в момент изменений «правил игры». Так, переход на смешанный принцип формирования региональных органов законодательной власти в 2002 г. привел к тому, что на выборах 2004 г. состав Алтайского краевого Законодательного Собрания обновился на 80% [7. С. 54–58]. Расширился также список партий, принимавших участие в формировании региональных легислатур. Во многих из них появились фракции ЛДПР, отсутствовавшие при выборах по мажоритарной системе. В 2011 г. в ряде регионов, в частности в Алтайском крае, было введено обязательное деление партийных списков на выборах депутатов Заксобраний на региональные группы. В итоге состав краевой легислатуры обновился на 55%.

Другими факторами обновления состава депутатского корпуса выступают омоложение партийных выдвиженцев и ротация из-за внутрипартийных процессов. Именно по этим причинам в Алтайском краевом Законодательном Собрании созыва 2016 г. фракция КПРФ обновилась на 88%, фракция «Справедливой России» – на 60%, «Единой России» – на 54%. Самой устойчивой оказалась фракция ЛДПР – 67% ее нынешних членов заседало в прошлом созыве [15].

2.3. Функции, которые партии перестали выполнять в современных условиях

Третью группу образуют функции партий, практически исчерпавшие себя в современной политике как в западных странах, так и в России. К ним относятся функции мобилизации граждан, политической социализации и формирования идеологии общества.

Так, российские партии 1990-х гг. изначально очень хорошо вписались в мировой тренд на сокращение численности членов парторганизаций. В странах Западной Европы демассовизация партий стала следствием снижения их легитимности как института, переориентации части населения на граждан-

скую активность в рамках общественно-политических движений. Как образно заметил К. фон Бойме, «в постмодернистском обществе членство в партии – как и членство в церкви, какой-либо ассоциации или даже в браке – больше не является принадлежностью всей жизни. ...Люди входят в вагон, едут какое-то время и выходят, когда не видят причин ехать дальше» [16. Р. 147]. В нашей стране она стала реакцией на фактически принудительную массовость КПСС и общую деполитизацию населения в условиях экономического кризиса.

По мнению английских политологов А. Липоу и П. Сейда, масштабы выхода членов из партий были преувеличены, так как в предыдущий период массовые партии нередко завышали свою численность [17. С. 97]. Основными субъектами партийного государства по-прежнему остаются крупные партии, ушедшие от формата «массовых» партий, но по-прежнему обладающие значительными ресурсами, в том числе кадровыми. С этих позиций принятие Закона «О политических партиях в РФ» способствовало расширению мобилизационной работы российских партий.

Неоднозначные последствия для партий имело не требование об общей численности членов партии (их у крупных партий и так было больше необходимого), а минимальное число членов региональных отделений, которое с 2004 г. равнялось 500. Это заставляло партии, с одной стороны, фиктивно наращивать членство. С другой стороны, такое количество членов было не нужно уже сформировавшимся партийной элите и бюрократии, создавало угрозу появления новых лидеров или новых запросов внутри партии, нарушения сложившихся балансов сил и интересов. Итогом этого процесса стала уже упоминавшаяся псевдодемократизация партий, когда на массовых партийных собраниях, конференциях «пассивное большинство членов или сторонников партии с их молчанием, отсутствием способности к имевшему ранее место независимому (от руководства) существованию и их стремлением ориентироваться больше персонально на лидеров, чем на стоящую за ними политику, вполне может заглушить активистов» [2. С. 94].

Сокращение в 2012 г. нормативной численности партий до 500 человек (с минимальной численностью региональных отделений в 50 человек) снизило мобилизационную активность «старых» партий, уже имевших сложившиеся структуры. Большинство новых партий так и не смогло приобрести мобилизационные возможности или потенциал, о чем свидетельствует малочисленность их региональных отделений (от 2–5 до 45–50 человек). Совокупная же численность членов партий в России не превышает 3% избирателей.

Не способствует реализации российскими партиями мобилизационной функции и низкий уровень доверия им в массовом сознании. По данным Левада-центра, в 2013 г. 12% россиян были убеждены, что партии вполне заслуживают доверия, 46% – что не вполне и 33% – что они его совсем не заслуживают. В 2017 г. эти показатели составили 19, 46 и 27% соответственно [18].

С ограниченным мобилизационным потенциалом партий связана и утрата ими функции выработки идеологии и формирования массового сознания, что обусловлено ослаблением связей партий с ориентировавшимися на них социальными группами, а также снижением значимости размежеваний, лежавших в основе партийных систем.

Казалось бы, участие в выборах должно было стимулировать партии к идеологической работе, пусть не к аккумуляции и артикулированию интересов отдельных групп, а выявлению общезначимых проблем, что характерно для современных всеохватных партий. Но российские выборы давно не формируют «повестку дня», а партии не транслируют внятных программ и лозунгов, отражая общую деидеологизацию политических отношений. Идеология как цементирующее звено утрачивает свое влияние, уступая место личному выбору в процессе политической самоидентификации. По мнению А.И. Соловьева, идеология уступила место более частным способам оформления политических воззрений граждан, эмоционально-чувственным комплексам, мировоззренческим представлениям людей [19. С. 62]. Тем более что главным водоразделом российского общества стало размежевание «власть – невласть (общественность)» [20. С. 32–35; 21. С. 104].

В этих условиях идеологическая функция российских партий, как и в других странах, перешла к СМИ. По словам А.С. Ахременко, «если ранее партии сами выступали ключевым каналом информирования граждан по политическим проблемам и их электоральной мобилизации (через партийную печать и активистов), то сегодня эту функцию в гораздо большей степени выполняют СМИ» [22. С. 85]. Сегодня интерес к партийной прессе крайне незначителен, у партий, как правило, нет денег на радио и телеканалы. При этом, как показывает отечественный опыт, даже если необходимые ресурсы появляются, пропуском для партии в медиа-пространство может служить только лояльность действующему режиму.

Недостаточно эффективно используют российские партии и возможности интернет-ресурсов. «Партии, включая и оппозиционные, используют свои сайты достаточно примитивно, прежде всего, в качестве своих „визиток“» [23. С. 227]. Более того, в последние годы малые партии из-за необходимости оплаты хостинга и массового распространения социальных сетей вообще отказываются от сайтов и создают страницы в соцсетях. Чаще всего это страницы ВКонтакте, хотя молодежь, составляющая основу этой сети, вряд ли является их электоратом. Но и эти страницы зачастую не ведутся, ограничиваясь репостами каких-либо материалов с федеральной страницы, страницы лидера или просто по близкой партии тематике.

3. Будущее российской партийной системы

Почти семь лет, прошедших с момента последней партийной реформы, показали устойчивость сложившейся диспозиции партийных сил. Российская партийная система имеет четко выраженный пирамидальный характер с четырьмя уровнями включенности партий в политический процесс.

Первый уровень, самый широкий, образует значительная часть партийных проектов, возникших после либерализации партийного законодательства 2012 г. Они так и не сумели сформировать организационные структуры и не имеют ресурсов для ведения политической деятельности. Даже если за этот период они и пытались принять участие в выборах, эти попытки, эпизодические и неэффективные, могут быть расценены как продвижение представителей каких-либо групп интересов или способ привлечь внимание последних. В основном партии данного уровня будут ликвидированы в 2019 г.

Второй уровень образуют партии, регулярно участвующие в выборах, но с отрицательным результатом. Он достаточно неоднороден и включает в себя как партии-спойлеры (КПСС, «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость» и др.), так и непарламентские партии (Яблоко, Парнас), занимающие активную гражданскую позицию, обладающие сложившимися организациями и ведущие регулярную политическую деятельность.

Третий уровень занимают КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия», которые как парламентские партии ведут полномасштабную политическую деятельность, имеют развитую региональную сеть, государственное финансирование, сложившиеся команды элит и активистов, но при этом тесно связаны с общественной средой.

И наконец, на четвертом уровне находится «Единая Россия», которая, как партия власти, обладает несопоставимо большими ресурсами и масштабами деятельности, однако в основном сосредоточена на техническом обеспечении процесса принятия государственных решений.

Учитывая значительность дистанций между уровнями, можно констатировать, что данный формат российской партийной системы вписывается в еще недавно доминировавший мировой тренд партогенеза – относительной устойчивости («подмерзания») партийных систем из-за стабилизации образующих их размежеваний (кливажей) и высокого входного барьера электорального рынка. Как будет развиваться эта ситуация в России в дальнейшем, станет понятно совсем скоро – по мере приближения парламентских выборов 2021 г. Ведь главной особенностью российского партогенеза выступают не динамика отдельных партий, а активная роль исполнительной власти в регулировании электорального рынка в интересах «Единой России».

Литература

1. *Panbianco A.* Political Parties: Organization and Power. New York : Cambridge University Press, 1988. 336 p.
2. *Кац Р.С., Мэйр П.* Картельная партия: возвращение к тезису // Политическая наука. 2010. № 4. С. 77–112.
3. *Игнаци П.* Партии и демократия в постиндустриальную эру // Политическая наука. 2010. № 4. С. 49–76.
4. *Carty K.* Parties as Franchise System: The Stratarchical Organizational Imperative // Party Politics. 2004. № 1. P. 5–24.
5. *Лоусон К.* Новый подход к сравнительному исследованию политических партий // Политическая наука. 2010. № 4. С. 29–48.
6. *Ишай Э.* Политические партии Израиля в эпоху глубоких перемен: проверка теории иррелевантности // Политическая наука. 2006. № 1. С. 81–101.
7. *Алтай-2004: выборы в краевые органы государственной власти.* Барнаул : Азбука, 2005. 62 с.
8. *Сведения о кандидатах, выдвинутых по одномандатным (многомандатным) избирательным округам. Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания седьмого созыва [Электронный ресурс] // Избирательная комиссия Алтайского края: сайт. Электрон. дан. Барнаул, 2016. URL: http://www.altai Terr.vybory.izbirkom.ru/region/region/altai Terr?action=show&root=1&tvd=22220001271939&vrn=22220001271939®ion=22&global=&sub_region=22&prver=0&pronetvd=0&type=220&number=1 (дата обращения: 10.06.2018).*
9. *Сведения о кандидатах, выдвинутых по одномандатным избирательным округам. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва [Электронный ресурс] // Избирательная комиссия Алтайского края : сайт. Электрон. дан. Барнаул, 2016. URL: <http://www.altai Terr.vybory.izbirkom.ru/region/region/altai Terr?action=show&root=1000057&tvd=100100067795911&vrn=100100067795849®ion=22&global=1&su>*

b_region=22&prver=0&pronetvd=0&vibid=100100067795849&type=220 (дата обращения: 10.06.2018).

10. *Кастельс М.* Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Academia, 1999. С. 292–308.

11. *Гришина А.М.* Организационная эффективность политических партий: Теоретический аспект // Политическая наука. 2015. № 1. С. 30–37.

12. *Kirchheimer O.* The Transformation of West European Party Systems // Political Parties and Political Development. Ed. Palombara J. La, Weiner M. Princeton: Princeton univ. press, 1966. P. 177–200.

13. *Гаман-Голутвина О.В.* Региональные элиты современной России: портрет в изменившемся интерьере // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. С. 157–177.

14. *Постоянные* депутатские объединения седьмого созыва [Электронный ресурс] // Алтайское краевое Законодательное Собрание : официальный сайт. Электрон. дан. Барнаул, 2016. URL: <http://www.akzs.ru/ksnd/unions7/> (дата обращения: 10.06.2018).

15. *Постоянные* депутатские объединения АКЗС шестого созыва [Электронный ресурс] // Алтайское краевое Законодательное Собрание : официальный сайт. Электрон. дан. Барнаул, 2011. URL: <http://www.akzs.ru/ksnd/unions6/> (дата обращения: 10.06.2018).

16. *Beume K.V.* Party Leadership and Change in Party Systems: Towards a Postmodern Party States // Government and Opposition. 1996. Vol. 31, № 2. P. 135–159.

17. *Литов А., Сейд П.* Политические партии в электронный век // Государственная служба за рубежом. Будущее партий. М., 2000. С. 95–101.

18. *Институциональное доверие* [Электронный ресурс] // Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады : сайт. Электрон. дан. М., 2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/10/12/institutionalnoe-doverie-3/> (дата обращения: 10.06.2018).

19. *Соловьев А.И.* Российские партии в условиях медиакратии // Политическая и партийная система современной России. М., 2009. С. 61–70.

20. *Коргунок Ю.Г.* Концепция размежеваний и факторный анализ // Полития. 2013. № 3. С. 31–61.

21. *Коргунок Ю.Г.* Выборы по пропорциональной системе как массовый опрос общественного мнения // Политическая наука. 2017. № 1. С. 90–119.

22. *Ахременко А.С.* Социальные размежевания и структуры электорального пространства России // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 80–92.

23. *Кислицына И.С., Кислицын С.А.* Сайты политических партий – каковы перспективы?: Анализ партийных интернет-коммуникаций в период избирательных кампаний 2007–2012 гг. // Политическая наука. 2013. № 1. С. 209–231.

Yaroslava Yu. Shashkova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation).

E-mail: yashashkova@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 189–199.

DOI: 10.17223/1998863X/47/20

TRANSFORMATIONS OF THE RUSSIAN PARTY SYSTEM IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL TRENDS OF POLITICAL PARTIES' GENESIS

Keywords: party system; Russia; party change; elections; functions of parties.

The year 2019 will be significant for the Russian party system. Firstly, nearly 30 years ago, Article 6 of the USSR Constitution was abolished, which formally created the basis for the modern Russian multi-party system. Secondly, 2019 is the termination time for the seven-year period set for new political parties, formed on the basis of changes in the Law on Political Parties of 2012, to become active political actors. In this connection, there is a need to evaluate the past period, to answer the interrelated questions: What is the state of the Russian party system? What is its configuration? Will it be affected by the elimination of some parties? Though political parties had existed in Russia before, the formation of the modern party system was part of the import of institutions. The work and role in society of Western political parties of that time were undergoing dramatic changes, which could not but tell on the Russian parties. Given this, the state of the Russian parties is analyzed in the context of the world trends of “party change”, their model in the semantic space of Russian politics, and the alignment of parties’ political forces. Particular attention is paid to the potential of the staff and features of the Russian parties’ work at the regional level because it is a criterion for assessing parties’

activities and for forming electoral preferences for the majority of citizens. In addition, internal processes in the Russian parties, especially in those formed after 2012, are most noticeable at the regional level. The structural dynamics of the Russian political parties was divided into three periods according to the analysis mentioned above: (1) years 1991–2001, (2) years 2001–2012, (3) year 2012 and on. It is remarkable that the reduction in quantitative requirements increased the number of organizations registered but did not influence the structure of major political parties. The survey of the role of political parties in the social and political life in Russia has proved the conclusions of foreign political experts about the following functions of political parties: (1) persisting functions; (2) formally persisting functions with a changed content; 3) functions abandoned by parties in modern time and never performed in the post-Soviet Russia. In conclusion, a four-level pyramid-type model of the Russian party system is introduced together with the forecast of its stability for the nearest future under the probability of dramatic outer changes.

References

1. Panebianco, A. (1988) *Political Parties: Organization and Power*. New York: Cambridge University Press.
2. Kats, R.S. & Meir, P. (2010) Kartel'naya partiya: vozvrashchenie k tezisu [Cartel party: a return to the thesis]. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 4. pp. 77–112.
3. Ignatsi, P. (2010) Partii i demokratiya v postindustrial'nyu eru [Parties and democracy in the post-industrial era]. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 4. pp. 49–76.
4. Carty, K. (2004) Parties as Franchise System: The Stratarchical Organizational Imperative. *Party Politics*. 1. pp. 5–24. DOI: 10.1177/1354068804039118
5. Lawson, K. (2010) Novyy podkhod k sravnitel'nomu issledovaniyu politicheskikh partiy [A new approach to the comparative research of political parties]. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 4. pp. 29–48.
6. Ishay, E. (2006) Politicheskie partii Izrailya v epokhu glubokikh peremen: proverka teorii irelevantnosti [Israel political parties in an era of profound change: testing the theory of irrelevance]. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 1. pp. 81–101.
7. Anon. (2005) *Altay – 2004: vybory v kraevye organy gosudarstvennoy vlasti* [Altai–2004: Elections to the regional government bodies]. Barnaul: Azbuka.
8. The Altai Territory Election Commission. (2016a) *Svedeniya o kandidatakh, vydvinytykh po odnomandatnym (mnogomandatnym) izbiratel'nyim okrugam. Vybory deputatov Altayskogo kraevogo Zakonodatel'nogo Sobraniya sed'mogo sozyva* [Information about candidates nominated for single-mandate (multi-mandate) constituencies. Elections of deputies of the Altai Territory Legislative Assembly of the Seventh Convocation]. [Online] Available from: http://www.altai Terr.vybory.izbirkom.ru/region/region/altai Terr?action=show&root=1&tvd=22220001271939&vrn=22220001271939&ion=22&global=&sub_region=22&prver=0&pronetvd=0&type=220&number=1. (Accessed: 10th June 2018).
9. The Altai Territory Election Commission. (2016b) *Svedeniya o kandidatakh, vydvinytykh po odnomandatnym izbiratel'nyim okrugam. Vybory deputatov Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii sed'mogo sozyva* [Information about candidates nominated for single-mandate constituencies. Elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of Russia, the Seventh Convocation]. [Online] Available from: http://www.altai Terr.vybory.izbirkom.ru/region/region/altai Terr?action=show&root=1000057&tvd=100100067795911&vrn=100100067795849&ion=22&global=1&sub_region=22&prver=0&pronetvd=0&vbid=100100067795849&type=220. (Accessed: 10th June 2018).
10. Castells, M. (1999) Mogushchestvo samobytnosti [The power of identity]. In: Inozemtsev, V.L. (ed.) *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade* [New Post-Industrial Wave in the West]. Moscow: Academia. pp. 292–308.
11. Grishina, A.M. (2015) Organizational effectiveness of political parties: theoretical aspects. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 1. pp. 30–37. (In Russian).
12. Kirchheimer, O. (1966) The Transformation of West European Party Systems. In: Palombara, J. La & Weiner, M. (eds) *Political Parties and Political Development*. Princeton: Princeton University Press. pp. 177–200.
13. Gaman-Golutvina, O.V. (2004) Regional'nye elity sovremennoy Rossii: portret v izmenivshemsya inter'ere [Regional elites of modern Russia: a portrait in a changing interior]. In: Soloviev, A.I. (ed.) *Politicheskaya nauka v sovremennoy Rossii: vremya poiska i kontury evolyutsii* [Political science in modern Russia: the time for search and the contours of evolution]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. pp. 157–177.

14. The Altai Territorial Legislative Assembly. (2016) *Postoyannnye deputatskie ob"edineniya sed'mogo sozyva* [Permanent deputy associations of the seventh convocation]. [Online] Available from: <http://www.akzs.ru/ksnd/unions7/>. (Accessed: 10th June 2018).
15. The Altai Territorial Legislative Assembly. (2011) *Postoyannnye deputatskie ob"edineniya AKZS shestogo sozyva* [Permanent deputy associations of the Altai Territorial Legislative Assembly of the sixth convocation]. [Online] Available from: <http://www.akzs.ru/ksnd/unions6/>. (Accessed: 10th June 2018).
16. Beyme, K.V. (1996) Party Leadership and Change in Party Systems: Towards a Postmodern Party States. *Government and Opposition*. 31(2). pp. 135–159. DOI: 10.1111/j.1477-7053.1996.tb00601.x
17. Lipou, A. & Seid, P. (2000) Politicheskie partii v elektronnyy vek [Political Parties in the Electronic Age]. In: *Gosudarstvennaya sluzhba za rubezhom. Budushchee partiy* [Public Service Abroad. The Future of the Parties]. Moscow: Russian Academy of State Service. pp. 95–101.
18. Levada-Tsentr. (2017) *Institutsional'noe doverie* [Institutional trust]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2017/10/12/institutsionalnoe-doverie-3/>. (Accessed: 10th June 2018).
19. Soloviev, A.I. (2009) Rossiyskie partii v usloviyakh mediakratii [Russian parties under mediocracy]. In: Lysenko, V. (ed.) *Politicheskaya i partiynaya sistema sovremennoy Rossii* [Political and Party System of Modern Russia]. Moscow: Nauchnyy ekspert. pp. 61–70.
20. Korgunyuk, Yu.G. (2013) Concept of Cleavages and Factor Analysis. *Politiya – Politeia*. 3. pp. 31–61. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2013-70-3-31-61
21. Korgunyuk, Yu.G. (2017) Elections by a proportional system as a mass public opinion poll. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 1. pp. 90–119. (In Russian).
22. Akhremenko, A.S. (2007) Sotsial'nye razmezhvaniya i struktury elektoral'nogo prostranstva Rossii [Social delimitations and structures of the electoral space of Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 4. pp. 80–92.
23. Kislitsyna, I.S. & Kislitsyn, S.A. (2013) Sayty politicheskikh partiy – kakovy perspektivy? Analiz partiynykh internet-kommunikatsiy v period izbiratel'nykh kampaniy 2007–2012 gg. [Political party sites – what are the prospects? Analysis of the party Internet-communications during the election campaigns of 2007–2012]. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 1. pp. 209–231.

УДК 32.019.51

DOI: 10.17223/1998863X/47/21

А.И. Щербинин, Н.Г. Щербинина

ДЕСЕМАНТИЗАЦИЯ САКРАМЕНТАЛЬНЫХ КОНСТРУКТОВ «ЛЕНИН» И «РОДИНА» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ РОССИИ

Раскрывается рамочный характер моделей тоталитарных конструкций политической реальности России. Показано, как в последующие эпохи при перестройке матрицы смыслов в результате «незавершенной» деконструкции произошла десаκραлизация опорных конструктов «Ленин» и «Родина». Исследуется процесс потери указанными символами политической знаковости. Выделяются исторические «вехи» десемантизации знака «Ленин». Проанализированы причины деструкции конструкта «Родина» и десакрализации патриотизма.

Ключевые слова: десемантизация, образная репрезентация, политический миф, конструкт, фрейм, вождь, Родина, патриотизм, деконструкция, деструкция.

Под десемантизацией мы будем понимать смысловую утрату основного значения политического знака. Другими словами, политический знак перестает быть частью конструкции (субъективной политической реальности как смыслового мира), теряет сакральную значимость и свою репрезентативность. Очевидно, что политические знаки вступают в своеобразную постсоветскую игру «кризиса репрезентации знака», но предпосылки данной утраты репрезентативности видны уже в кампаниях по реконструкциям советской знаковой реальности. Сегодня политический знак как таковой практически не репрезентирует, т.е. за ним не стоит четко оформленное представление, связанное с сущностным понятием или концепцией. Например, знак «Ленин» уже давно не представляет мифо-героическое лидерство, придававшее смысл политической реальности в дохрущевский период. После хрущевской реконструкции сдвоенного мифа о вождях пропаганда утратила легитимирующий пафос и не трактовала постсталинскую советскую политическую реальность в мифологических терминах и фактах-конструктах.

Указанная «разборка» мифа о вождях демифологизировала и изначальный образ Ленина, который трансформировался в профанный знак и стал означать просто человека, хотя и «самого человеческого». Показательно, что перестройка социализма в гуманное общество «с человеческим лицом» означала символический возврат к ленинской знаковости. Тем не менее Ленин как значимый политический лидер постепенно стал «непредставляемым», окончательно потеряв свою базовую лидерскую знаковость. И по мере падения значимости ленинского образа, буквально по Фрейдю, возрастало родительское «имаго» Сталина-вождя. Во многом подвергалась забвению его перестроечная чисто рациональная критика, тогда как эмоциональная память о Сталине-лидере переоформлялась за счет нового означивания советского руководства в деле индустриализации и организации Победы в Великой войне.

Поскольку в постсовременности основной формой репрезентации в политике выступает образная репрезентация, то Ленин-знак утрачивает и свою образность (структура образа искажается относительно изначальной сталинской моноконструкции мифо-героической реальности Советской России, а затем осуществляется и образная подмена). Потеря образности, в свою очередь, ведет к символической «пустоте» этого знаковообразного элемента политики. Лидер-символ теряет свою лидерскую сущность, «Ленин жил», но не жив. Если успешная политическая коммуникация представляет собой символический обмен, то сегодня происходит обмен «пустыми» символическими сообщениями и знаковыми формами. Так довершается десимволизация «Ленина». Ленин-знак перестает быть политическим символом-конструктом, он не связывает больше политическую реальность с другими феноменами жизненного мира человека. Знак частично остается в коллективной памяти, но утрачивает четкую значащую позицию в запасе основного политического знания, одобренного обществом в качестве «правильного». Тем самым политическая коммуникация с посылом и восприятием данного уже «пустого» сообщения обречена на заведомую несостоятельность. Она как бы работает «вхолостую». Конечно, все указанные трансформации начинаются с переозначивания и переосмысления символического «содержания» знака «Ленин». Так же «не представляемой» постепенно становится и «Родина», самый «почвенный» культурный символ, заместивший изначальную «живую» фигуру Русской земли. Русская земля, как и Родина, персонифицирована, она обладает качеством «жизни», потому может и погибнуть (не случайно патриотическое «Слово о погибели Русской земли после смерти великого князя Ярослава» появилась во время татаро-монгольского нашествия). И постепенно в коллективной памяти складывался стереотип, что Родину (землю Русскую) непременно надо спасать, идя на личные и общественные жертвы. Образ Родины тем самым относится к онтологическим, основным и сущностным образцам политической культуры России.

Однако культурных образцов много, почему же нами выбраны именно эти два указанных знака? Потому, что они образуют символический вариант архетипической пары, сочетающей два начала политической власти вообще. Перед нами архетип и прообраз рождения легитимной политической власти. «Царь» и «царство», «Вождь и Родина» в прошлом довольно четко обозначали данный сдвоенный исток, олицетворенную глубинную мифологию власти, опирающуюся на антропологическую и психологическую потребность в концептуализации политической власти как «настоящей». Примечательно, что Петр I, «не настоящий царь» по восприятию народа, символизировавший «чуждый мир», мнил себя одного истоком новой прозападной имперской России. Он репрезентировался одновременно и «отцом Отечества» и «матерью», андрогинным демиургом искусственной «петровской медиареальности». Постсовременный же лидер заведомо виртуален, неаутентичен, технологически создан. И утрата им «почвенности» начинается с пренебрежения к делу символического возведения конструкции Родины как парной политически значимой фигуры. Тем самым постсовременный лидер лишает себя мифологических основ и затуманивает свое актуальное символическое представительство. Знак «лидер России» (с эпохи Ельцина) профанируется до крайности и выражает лишь формальную институциональную принадлеж-

ность. Лидер в таком случае просто-напросто тот, кто занимает «пост» и обладает официальным статусом. Но формальное не заменяет сущностное, новые институты остаются невнятно легитимированными и бессмысленно номинированными.

В чем же вообще состоит природа знаковости, когда и почему знак начинает «значить»? Чтобы стать знаком как таковым, требуется ситуация «семиозиса», продуцирующая значение в самом процессе интерпретации. Именно в семиозисе политическое сознание порождает сам знак, и лидер, например, начинает функционировать в качестве и в виде политического знака. Знак становится понятным лишь в ситуативном контексте своего означивания. В языке же, кодирующем знаковую коммуникацию, смысл знака (послания) не просто пассивно передается, именно язык конструирует политическую реальность. Политически значащие конструкции, если переопределить их в терминах Ж. Деррида, представляют собой «знаковые тексты», имеющие «логоцентрическую» конституцию (см.: [1]). Особенно «конструктивными», т.е. знаково определенными, были конструкции сталинской политической пропаганды. Имеется в виду, что данная самодовлеющая конституция, особый порядок политических феноменов, заведомо навязывает определенный смысл. Такой совокупный текст организован властью, конструирующей политическую реальность, превращая ее в целостный смысловой мир, имеющий ценность истинного знания. В случае тоталитарной России «прототекстом», настоящей логоцентрической конструкцией, по нашему мнению, являлся героический политический мономиф, который транслировался в форме пропагандистской медиареальности. В нем выводился некий род концептуальной оппозиции (герой / антигерой, космос / хаос). Здесь власть-конструктор в политической коммуникации задавала смысловую рамку и заботилась, чтобы ее посыл адекватно воспринимался и понимался. Несомненно, в деле создания тоталитарной субъективной политической реальности смысл авторитарно внушался как единственно верный.

В случае же деконструкции любой «текст» начинает «играть» против смысла. И если ранее язык (в семиотическом широком смысле) конструировал потребную власти субъективную реальность, то теперь преобразующий язык политики самостоятельно работает в плане «разборки» конструкции. В осуществлении деконструкции знак всегда выступает ее объектом. Знак более не замещает («вещь»), а произвольно вступает в связи с другими знаками. «Означающее» подменяется, и знаки начинают означать сами себя. «Означаемый», как «смысл», замещает «означающее», ранее представляемое как «вещь» в объективной политической действительности. Так понимаемое означающее «выводится за скобки» политической реальности и реальность виртуализируется. Знаки образуют новую замкнутую на себя реальность симулякров, лишаясь референтов в модернистском понимании. Получается, что «модернистский текст-конструкция» и «постмодернистский деконструированный текст» существенно отличаются.

Отличия проявляются и в «чтении» данных текстов. Выделяются соответственно два способа прочтения. Старый конструктивистский тип «чтения» предполагает детерминистскую связь символа и его референта, но новое деконструктивистское «чтение» рвет детерминистскую связь. Теперь, в постсовременности, знак можно понимать лишь постольку, поскольку он произ-

вольно связывается с другим знаком – составляется «знаковый текст» в коммуникативной позиции читателя. То есть можно создавать смысл и «текст» одновременно и делать это на собственной «стороне прочтения». Текст, по сути, превращается в «интертекст», а читатель в активного «пользователя». Так политическая реальность «разбирается» только потому, что она была конституирована на другом языке. Старый «текст» как бы заново «прочитывается» и одновременно «прописывается». Новая конструкция, конституированная уже на другом языке, собирается не сразу, чаще *деконструкция остается незавершенной*. Нередко в постсовременном контексте «разборка» осуществляется ради «разборки» и переосмысливание знака вовсе не предполагается. Но зато коммуникация может продолжаться до бесконечности (знак отсылает к знаку). Такая коммуникация становится «пустой», суррогатной, но обмены множатся и множатся. Теперь смысл не единственно верное (истинное) значение, а всего лишь версия. И все многочисленные точки зрения имеют равное право на существование в сегодняшней политической коммуникации. Модернистская истина как исключительный, всеобщий и объективно заданный феномен сменяется множеством банальных субъективных истин постмодерна. Истин в политической коммуникации сегодня бытует почти столько же, сколько и «правд», мнений и частных представлений о реальности. Медиафакты больше нельзя верифицировать, проверить на «подлинность», ведь любой медиафакт заведомо искусственно создан и потому заранее проинтерпретирован. Впрочем, следует добавить, что противопоставление модерна и постмодерна в данном контексте лишь научная условность, поскольку «замещающая» функция знака никогда, по сути, не выполнялась. Знак никогда не отражал объективного мира и всегда отличался произвольностью, только в постсовременности эти его качества обнаружились явно. Дело в том, что сфера виртуализации политического заметно расширилась за счет трансформации медиареальности. Характер медиатекстов также утратил авторитарную «логоцентричность», и «единственно верный» политический смысл «подлинного» послания потерял свою догматическую навязчивость.

При всем при том исторические эпохи и политические реальности России отличаются по языковому (семиотическому) признаку. Например, в Средневековье осмысление и интерпретация политической реальности совершалась в христианских символах. Тексты или символические конструкции времени Московского царства имели в данной связи единый образный язык описания, близкий к устной словесности. Потому многие из текстов, выполняющие идеологические функции, обрели форму искусственно смоделированных христианских и одновременно политических легенд (см.: [2]). Это было время активного семиозиса, когда понятия «царство» (государство) и «государь» становились смыслонесущими знаками. Тоталитарная картина мира являла собой уже всеобъемлющую, законченную и четко центрированную конструкцию, отличающуюся «наличием» политического лидера-знака. А тоталитарный политический текст в рамках символического универсума (этой всеобщей матрицы смыслов) был концептуализирован и «написан» единым образным языком героического мономифа. Постсовременные тексты, напротив, не группируются в цельную виртуальную реальность, поскольку не творятся на едином языке. Такие тексты воспринимаются посредством тех-

ники «постмодернистского чтения». Ярким примером подобного «чтения» является «интертекст Трамп». В данном медиатексте деконструировалось значимое ранее понятие политического лидера, и коммуникация вышла за рамки выборной традиции «говорения» на официальном политическом языке. В результате возникла картина мира, где «не наличествует» образ американского президента. Трамп – это лидер-копия без оригинала. Он не репрезентировался как «традиционно-демократический» знак, а просто коммуницировал в ситуации выборной кампании и пытается делать это и сейчас, используя «повседневный» язык. Вместе с тем институционально, статусно и физически Трамп-президент по-прежнему присутствует.

1. Деконструкция мифа о Ленине

Мифо-героическое конструирование политической реальности советской России изначально опиралось на миф о Ленине. Политическая реальность управляемо конституировалась в особый порядок феноменов, образовывая смысловой мир. Новая конфигурация политической реальности моделировалась героическим мономифом, сказанием о путешествии героя, преодолении им препятствий, борьбе с врагами и последующем возвращении как Спасителя. Политическая реальность конкретно символически репрезентировалась Лениным-героем, выступавшим легитимным властителем, согласно архаической форме обоснования мирового порядка. Подобная легитимация не опирается на собственно «теорию», но безотносительно нее основывается на наивной вере. В плане политической коммуникации героический политический мономиф (архетипический символический ряд) кодировал медиареальность и обеспечивал язык смыслового обмена. Потому политические образы репрезентировали и служили основными знаковыми формами. В самом репрезентационном акте управляемой властью однонаправленной и осмысленной политической коммуникации свершалось оформление представления о предельной легитимности самой этой власти и ее бытия в сакральной политической реальности (см.: [3. С. 79, 90]). Такого рода политические конструкции не проблематизируются и не подвергаются сомнению, напротив, они вносят смысл и в повседневный мир.

Очень скоро структура тоталитарного мифа была «удвоена» за счет аналогичного путешествия Сталина-героя. Сталин символически повторял не только героический путь Ленина, но и совершал «вторую Октябрьскую революцию», а также одерживал «окончательную победу», безвозвратно утвердив «социалистический» характер политической реальности. На сталинском этапе мифотворчества таким способом создавалась сложная сдвоенная политическая конструкция, смысловой мир, героем-основателем которого, одержавшим «начальную» победу, выступал Ленин. Образ Ленина репрезентировал сакральную основу легитимной советской власти, а слово-символ «Ленин» стало «значимым знаком». Образ Ленина как конструкт политического сознания (структура фактов-конструктов субъективной природы) приобрел сакраментальную значимость в картине тоталитарного политического мира. Этот образ включал в себя две ипостаси: Ленин был демиургом советского мира (героической первопричиной и истоком его) и создателем «завета» (священных текстов, указывающих «единственно верный путь»). То есть

общество должно было следовать «заветам Ленина» и идти «ленинским путем», но под водительством Сталина-вождя.

Однако героическая мифоконструкция просуществовала лишь до смерти Сталина и затем была подвергнута существенной реконструкции, оставив одного героя-основателя – Ленина. Исторически деконструкция героического мифа прошла несколько этапов. Сначала сдвоенный героический политический мономиф, нарратив о путешествии героя Ленина-Сталина, была усечен и трансформирован в преобразованный миф о Ленине. Этому способствовала хрущевская символическая кампания «по развенчанию культа личности Сталина». Такое «урезание» конституции (структуры) тоталитарного мифа разрушило значимую символическую конструкцию двух Побед и двух Революций. Миф отошел в область древнего политического предания об истоках, а герой окончательно воплотился в носителя абстрактного «учения». Это, в свою очередь, поколебало основы концептуальной конструкции «страны героев», поскольку главной ипостасью героя являлся именно Сталин, подвиг которого выступал всеобщей поведенческой моделью и социальной матрицей. И «разгероиченный» политический мир СССР стал профанироваться.

В итоге была утрачена вера в сакральные потенции лидера. «Стиль изображений Ленина в 60-е заметно отличался от скупой, суровой графики 20-х гг. Как правило, Ленин предстал в виде величественной, титанической скульптурной фигуры – или же в образе простого, доступного и дружелюбно настроенного немолодого человека, поданного в мягком освещении» [4. С. 232]. Итак, перед нами две образные ипостаси – «монумент» и «простой человек». Форма монументальной символизации предполагает высокий уровень абстракции, так изображается «идея», но не живой образ. А «самый человеческий человек» всего лишь профанная фигура, лишенная сакральной ауры вождя. При утрате эмоциональной связи в восприятии Ленина-символа, что проявилось в уже в 1970-е гг., коммуникативная «форма Ленин» становится «пустым» знаком, существующим для проформы. И тогда же появляются анекдоты о Ленине, высмеивающие «простоту», «дружелюбие», «доступность» и прочие «человечные» символические качества сусального образа-образца так называемой «ленинианы». Пропагандистская машина начинает работать «вхолостую», символический образ Ленина не убеждает, но еще репрезентирует советское лидерство. Однако это уже не героическое политическое лидерство и миф о Ленине-герое сводится на нет, власть демифологизируется. Наступает негероическая эпоха Брежнева, номинально идущего «ленинским курсом», но сам образ Брежнева лишь пародия на вождя, одновременно и Ленина, и Сталина.

В данной связи надо остановиться на соотношении терминов и стоящих за ними понятий «пародия» и «деконструкция». В целом, насколько можно судить, артикулируются две позиции. Согласно наиболее распространенной точке зрения пародию можно считать одной из форм деконструкции. Под пародией понимается подражание чему-то, создающее особый смеховой эффект. По нашему мнению, здесь наблюдается феномен «перевода» знака (текста) на превращенный язык смеха. И в этом смысле пародия имеет прямое отношение к деконструкции, поскольку «разрушение» конструкции осуществляется именно в «переводе» и воссоздании «текста» на другом языке. Пародийный «текст» прочитывается по-другому, пародийное чтение демон-

стрирует как бы «античтение». В результате пародийной языковой «игры текста против смысла» первоначальный смысл во многом утрачивается. Вторая точка зрения утверждает противоположное, что пародия – это не деконструкция вообще, поскольку она лишь высмеивает троп [5]. Как можно понять данную точку зрения, для свершения деконструкции требуется сознательный и критический акт переосмысления, а бессмысленное «коверкание» тропа лишь предтеча деконструкции. Как нам представляется, обе точки зрения можно объединить. Пародийная форма деконструкции изменяет смысл знаковой конструкции, поскольку «содержание» всегда релевантно форме. Но процесс переосмысления политических феноменов часто не завершается, и все сводится к пародийной форме ради вышучивания как такового. Так можно, по нашему мнению, трактовать все анекдоты о Ленине.

В анекдотах подвергается осмеянию именно Ленин-человек, его внешность, особенности речи, «образцовые» черты характера, отношения с людьми, как известными личностями, так и народом (преобладают отношения с ходоками и детьми). При этом Ленин-политик («политическое тело» вождя) практически не представляется в смешном виде, хотя этапы его биографии отражены довольно полно (детство и гимназия, революционная деятельность, кремлевский этап). Ленин сопрягается с другими анекдотическими персонажами (Вовочкой, евреем и т.п.) и дискурсом «пустого» сквернословия, включаясь в смеховой ритуальный мир вообще. Но одна из особенностей постсоветственности состоит в том, что шуточный (шутливый) и серьезный миры смешиваются, переплетаются. Это тем более заметно, что политический мир виртуализируется, превращается в поле символической игры как таковой. Ленин-политик в этом игровом «вертепе», в спектакулярном действе «марионеток» уступает и Сталину, и Брежневу, которые сохранили, даже сегодня, некоторую лидерскую политическую знаковость.

Таким образом, в анекдотах Ленин предстает смеховой пародией на «самого человеческого человека», но не дотягивает до антигероя. Образ Ленина не демонизируется, но просто «переворачивается» и достигает политического статуса карнавального персонажа (по Бахтину), который все делал «не всерьез». Смеховым апофеозом «сворачивания» образа Ленина до фэйковой, а потом и мемной информации становится мистификация 1991 г., поданная в виде телеинтервью, которое брал журналист С. Шолохов у музыканта С. Курехина, в передаче «Пятое колесо». В разговоре утверждалось, что Ленин на самом деле «был грибом», что открывает «основную тайну» Октябрьской революции [6]. Данная форма осмеяния лишает Ленина даже человеческой сущности, но речь не идет о переосмыслении образа Ленина. Это прикол ради прикола. Другими словами, анекдоты о Ленине и мемы о Ленине-грибе представляют собой некие феномены десемантизации Ленина-знака. Значение слова «Ленин» претерпевает превращения от номинации официально образцового «самого человеческого человека» к просто человеку с «отзеркаленными» недостатками, а потом и вовсе лишается качества «человечности».

И наконец, полную деконструкцию мифа о Ленине, по нашему мнению, предпринял Л. Абрамян в конце 1990-х гг., когда вышла его работа «Ленин как трикстер». Статья, как подчеркивает сам автор, это «не развенчание образа вождя Революции, а попытка выявить его мифологические соответствия»

[7]. Само это заявление и феноменологический и мономифический анализ текста свидетельствуют о том, что Абрамян структурирует содержание образа мифологического персонажа Трикстера на основе элементов модели Топорова («Образ трикстера в енисейской традиции»). Он заново переконструирует структуру мифа о Ленине, но устраняет при этом его «героическую» сущностную значимость. Из контекста статьи Абрамяна так же можно понять, что он, называя свое исследование «трикстерной реконструкцией», фактически обозначает основные положения собственной версии «неканонической ленинианы». Это авторское определение весьма точно передает суть проделанного Абрамяном, ведь его статья подвергает ревизии «мифо-героический канон».

Действительно, по нашему мнению, он разбирает и ломает структуру политического мономифа о Ленине-герое, который выступал текстовым каркасом тоталитарной пропагандистской реальности. Метакритика героического мономифа реализовывалась им в качестве переделки иноязычного текста («мифологии удачливого брата-демиурга»). Переконструирование же новой структуры осуществлялось путем моделирования текста, воссоздававшегося на другом «языке». Совокупный текст «Ленин» заново прочитывался Абрамяном. Чтение, очевидно, совершалось способом создания инверсии, когда ключевое понятие обозначалось словом «трюк». Потому все трикстерные (антигероические) поступки данного персонажа «реконструированного» мифа о Ленине и предстали у Абрамяна в виде трюков, кривых путей, хитростей, акта переворачивания, импровизации, бриколажа и т.п.

Рассмотрим основные итоги его «трикстерной реконструкции». Ленин в «неканонической лениниане», которую Абрамян по-своему воспроизводит, выступает демиургом весьма специфического толка. Он «изменитель» и «культуртрегер», но творит мир с помощью хитрого трюка. Для этого трикстер, как и герой, отправляется в путешествие, но выбирает «обходную» и «кривую» стезю, в этом и состоит особенность его путешествия. По кривой дорожке Ленин идет и в революцию и в новую экономическую политику. И здесь, по мнению Абрамяна, трикстер сближается со сказочным дураком. Но Ленин-трикстер не пассивный дурак, полагающийся на Судьбу, а активный деятель. Так, Ленин старался, подчеркивает Абрамян, «перехитрить Историю», ситуативно творя собственную трактовку марксизма. Следовательно, Ленин-трикстер обходился даже без «волшебного помощника» (игнорируя закономерности марксистского учения), но опирался на случай как таковой, его революция зависела от «правильно выбранного момента». Отсюда революционный акт в «реконструкции» Абрамяна предстает как «переворот истории» и «карнавалыный фарс», ведь противники-контрреволюционеры тоже буффонадные, юнкера и женщины. Ленин-трикстер всегда «ловил момент», чтобы «провести» эту самую историю. Абрамян подчеркнуто не опирается на К.Г. Юнга, но тем не менее полагает, что если Ленин – трикстер, то Сталин «его тень», абсолютное зло. Итак, «путь трикстера» неправильный и его движения спонтанны, но на этом пути Ленин-трикстер все же уничтожает дракона («гидру царизма»). Стараясь сформировать свою конструкцию образа Ленина-трикстера в соответствии с шаблоном (характеристиками из работы Топорова), Абрамян принудительно вводит такие клишированные элементы, как «отношение к еде» и «гиперсексуальность», хотя не все тут у него «схо-

дится» с эталоном. Но зато внешность Ленина и его язык вполне «трикстерные» и даже близкие к образу «рыжего клоуна», полагает он. То есть трикстерный облик Ленина являет собой пародию на серьезного политика, а его трикстерная речь – пародия на научный дискурс [7].

В качестве итоговой характеристики Абрамяном подается мысль, что Ленин авантюрист, ведь его занимало лишь «трикстерное переустройство мира». Потому Ленин не мог проявлять заботу о конкретных людях (интересно, что источником последних сведений для него выступали анекдоты о Ленине, которые сами служат формой деконструкции). Потому в целом Ленин, по Абрамяну, «неудачливый демиург», брат-близнец, который хотел принести добро людям, но принес им одно лишь зло. Получается, что конституирован отзеркаленно отрицательный «полнос» образа Ленина, если сравнить его с характеристиками «канонической ленинианы». В самом конце статьи Абрамян делает странное заявление, что «политическая фигура Ленина и его личность» более отражают приведенный им «совмещенный образ» (образ братьев-близнецов), т.е. образ официальной пропаганды и неофициальные представления о Ленине. Хотя образ согласно, по крайней мере, объективистской традиции должен был бы «отражать» личность, а не наоборот. По мысли Абрамяна, выходит, что в результате «трикстерной реконструкции» (или, в наших терминах, «деконструкции») героического мифа о Ленине) им было дополнено официальное представление о Ленине-политике, и в целом получился образ Ленина, приближенный к объективному контексту (конкретно-исторической личности в ее политических проявлениях). Словом, Абрамян претендует на раскрытие «правды» о Ленине.

Каков же новый «язык» деконструированного текста Абрамяна? Мы бы назвали его языком «царского кода». «Царский код» – это слова самого Абрамяна [8. С. 7]. Они обозначают культурное чередование «короля-отца» и «сына-дурака» в ритуально-карнавальном круговороте смены политической власти. «Карнавальный закон переворачивания», выведенный Абрамяном из описанного М.М. Бахтиным феномена карнавализации культуры, применяется им к мифологии политической власти, образующей парные образы. У Абрамяна типичный «царь-отец» – это Сталин, а «сын-дурак» – Хрущев, космос сменяется хаосом. Логика смены властителей аналогична логике карнавала, потому «царский код» и задает мифологию политической власти. Здесь соотнесение политики и мифа понимается метафорически. Ленин же, насколько можно судить по работе «Ленин как трикстер», – это мифологический «первопредок», протоотец, прообраз, черты которого, серьезные или карикатурные, унаследовал каждый последующий властитель. Обе указанные нами работы Абрамяна, дополнив и прояснив одна другую, в целом раскрывают логику авторской деконструкторской мысли.

Так вот бинарная оппозиция, которую находит Абрамян в качестве первого шага деконструкции героического политического мифотекста, и есть антитеза «царь – дурак». Затем следует второй шаг – инверсия, замена царя его мифологическим антиподом, трикстером. Абрамян проводит ревизию мифологического героического канона, трансформирует мономифическую модель путешествия героя, согласно которой политический лидер в символически-ритуальном путешествии выступает змеборцем и спасителем коллектива. Конечно, героический мономифический нарратив о политическом ли-

дере являлся принудительным и авторитарным политическим дискурсом о Ленине. Он «логоцентричен», согласно термину и понятию Деррида. Потому процесс деконструкции текста, по мнению «модификатора», выявляет то, что текст лишь подразумевает [1. С. 71]. Итак, Абрамян в результате деконструкции текста «Ленин», «разложения» его и «сборки» иного текста, лишает знак «Ленин» остатков свойства сакраментальности. Он переворачивает значение знака с символической позиции героя к ипостаси антигероя, к трикстеру. Так рождается иное познание и конструируется антитекст согласно другой модели. А за героическим лидерским актом творения нового политического мира видится трюкачество, мир создан исключительно обманным путем. Потому у Абрамяна нет и Революции, по сути, но есть «переворот», мир вывернут наизнанку Трикстером и сам он авантюрист-перевертыш. То есть Абрамян доводит деконструкцию мифа о Ленине до завершающего этапа переосмысления на основе инверсии мифообраза вождя.

Новейшей деконструкцией (и даже деструкцией) мифа о Ленине как демиурге советского мира является сравнительно недавнее высказывание президента В.В. Путина. Путин неоднократно называл Ленина потенциальным «разрушителем» СССР, имея в виду значение, антиподное героической семантике слова «Ленин», поскольку герой всегда определяется в качестве «создателя» и «творца» [9]. При этом Президент РФ символически позиционирует себя как хранителя основ бытия русской власти и исконного единства русского мира, релевантной формой воплощения которого являлось и является сильное централизованное государство, идущее еще от князя Владимира (см.: [10]). Тем самым сакрализуется именно пространство истоков русской власти, а позиционируемый изначально (досоветский) политический лидер до мифогероя не дотягивает.

2. Вождь и Родина: от номенклатурного конструкта к деструкции

Данная часть статьи предметно перекликается с подзаголовком «Сталин и родина» в книге В. Боннелл «Иконография власти» [11]. Вождь и родина – не просто базовый парный конструкт, но, по нашему мнению, содержательно подвижный, одна часть которого до определенного момента может существовать за счет другой. Следует заметить, что «Родина» отнюдь не объективная данность, а нечто, относящееся как к «воображаемым сообществам», по Б. Андерсону, предполагающим некую «естественность прочтения» адресатом, так и к откровенно номенклатурным конструктам (см.: [12]), рожденным в недрах аппарата власти, где эту «естественность» приходилось насаждать.

Вопросы зарождения в кабинетах ЦК ВКП(б), а также теоретико-философского обоснования советского патриотизма силами АН СССР были уже раскрыты ранее [Там же], сейчас имеет смысл обратить внимание на процесс трансляции и закрепления данного конструкта в сознании граждан, с учетом специальных каналов и инструментов воздействия. Не претендуя на всеобщий охват проблемы, ограничимся направлением, которое не попало в План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма (1947 г.), а именно системой школьного образования и воспитания. Это произошло, по нашему мнению, отнюдь не по невниманию или недооценке.

Просто в сложившейся системе индоктринации школа была надежным «эшелон» защиты и продвижения любых готовых идейно-политических конструкций, причем на стратегически важном направлении работы с будущим. Однако общая интенция указанного выше Плана не осталось без внимания Минпросвета. Именно в силу этого имеет смысл рассмотреть, как на фоне методических рекомендаций данной организации и их адаптации в школе одновременно с достройкой Плана 1947 г. закладывалась основа десемантизации составных частей, что способствовало последующему «вымыванию» из конструкта поддерживающих ценностно-смысловых опор.

Позаимствуем для дальнейшей работы цитату из начала статьи Г.Е. Глезермана в сборнике «О советском патриотизме», выпущенном Институтом философии АН СССР, где тот писал: «Судьбы нашей Родины нераздельно связаны с большевистской партией, твердо и уверенно направляющей наше движение вперед, к коммунизму. Вот почему в сознании советского человека тесно слились Родина, партия, Сталин. Вот почему в лице Всесоюзной Коммунистической партии большевиков, в образе великого учителя и вождя товарища Сталина советские люди видят воплощение своих высочайших патриотических чувств и стремлений» [13. С. 119–120]. Итак, в ментальной «оптике» советского человека в одну значимую линию тесно слились Родина, партия, Сталин. Именно на этой триаде строятся методические указания для учителей. По сути дела, любой из элементов не просто выполняет задачу смысловой отсылки к двум другим, а следовательно, способен не только репрезентировать их, но и замещать. То есть мы имеем дело со своего рода «мерцающей» игрой знаков и референтов, где логика исследовательского жанра вроде бы позволяет приравнять их друг к другу. Но политическая логика строится по другим законам, и в этом контексте вспоминается сюжет, приведенный Г.С. Померанцем, где реально действующий персонаж – «основщик, т.е. преподаватель основ марксизма-ленинизма... написал диссертацию на тему „Свобода и необходимость“». Исследуя эту категорию, он спросил: что было бы, если бы агенты Временного правительства убили Ленина? Ответ (в 1949 г.) был ясен: Октябрьскую революцию совершила бы партия под руководством товарища Сталина. Здесь в 1949 г. надо было остановиться, но Рутштейн был честно глуп и поставил следующий вопрос: а если бы агенты Временного правительства убили Сталина? Тогда Октябрьскую революцию совершила бы партия... Партия без Сталина... Дураку дали 10 лет» [14. С. 146]. Следовательно, политическая логика образца 1949 г. превращала Сталина в главный знак триады, к которому адресовались и которым «декорировали» онтологию двух других.

Деструкция мифо-идеологической концептуальной системы, предпринятая Хрущевым после XX съезда ВКП(б), означала не просто изъятие главного знака из триады и неудачную попытку заменить его «партией». На деле она привела к обвальной десемантизации конструкта «Родина». Чтобы понять, почему это произошло, обратимся к теории фрейма (см.: [15, 16]), поскольку именно данная «рамка» патриотизма направляла взгляды советского человека на прошлое, настоящее и будущее, на окружающий мир и мир внутренний. Фрейм требовал жесткого соответствия означенным элементам данного видения: любовь к родине в семантической паре с ненавистью к врагам и всему враждебному в стране и мире, гордость за свою родину, сочетаемая с чув-

ством превосходства над миром капитализма. Эти контуры советского патриотизма закономерно подкреплялись чувством преданности делу Ленина-Сталина.

Посмотрим, каким образом фрейм патриотизма был воспринят и доконструирован на уровне советской школы. Для этого воспользуемся двумя источниками, воспроизводящими конструкт патриотизма как воплощение в жизнь Плана мероприятий. Первый из них «Начальная школа. Настольная книга учителя» (М., 1950) [17], второй – «Воспитание советского патриотизма в школе. Из опыта школ» Н.П. Егорова, В.И. Куфаева, А.В. Янковской (М., 1951) [18]. Из сравнения стихийного (естественного) буржуазного патриотизма, формирующего «слепую привязанность к родине», и осознанно взращиваемого, культивируемого советского патриотизма вытекает необходимое подтверждение, что речь идет о сознательном конструкте [18. С. 27].

План был своего рода канвой, на которой формировался достаточно однообразный «узор» патриотического воспитания в школе. «Нити» этой канвы тотально доминируют на страницах обеих книг, где нередко текстуально воспроизводятся основные тезисы канонического Плана мероприятий, а ключевые положения-основы нередко повторяются чуть ли не в каждом абзаце. Надо заметить, что догматика вышеуказанных пособий граничит с одной из разновидностей индоктринации – инкалькацией (впечатывание, вдалбливание).

Обратимся к базовой апории суждений о патриотизме. Это «любовь – ненависть». А именно «беззаветная любовь» к Родине и «священная ненависть» к ее врагам, к чему атрибутивно привязаны «гордость» за свою страну и «превосходство» над другими странами. Отметим, что авторы минпросветовской «Начальной школы» в большей степени выдерживают «рамку» доминирования в борьбе социализма и капитализма, включая в свой арсенал аргументы из победных страниц истории страны, ее далекого и недавнего прошлого, культуры и науки, успехов в настоящем, а также будущего в виде сталинского плана построения коммунизма. Книга «Воспитание советского патриотизма в школе» в большей степени акцент делает на любви. Но здесь стоит обратить внимание на два важных момента. Прежде всего, это утилитарный характер выработки чувства любви к родине (и патриотизма в целом): «...надо прививать своим питомцам не отвлеченную, платоническую любовь, а живое патриотическое чувство, мобилизующее школьников на отличное учение и посильный практический труд в интересах родины... Советский патриот знает, за что он любит родину. Он понимает, почему надо бескорыстно служить ей, укреплять ее могущество, умело и самоотверженно защищать ее от врагов. Подлинный советский патриот выполняет свой долг перед родиной и народом сознательно, добровольно» [Там же. С. 17–18].

Итак, конструкт «любовь к родине» уже на раннем этапе проходит эволюцию от чувства любви до утилитарного его применения и далее к долгу перед государством. На страницах 19–20 «родина» становится «государством», а патриот уже определяется как «по-государственному думающий и поступающий человек». Но главная, и предсказуемая, метаморфоза выявляется в конце первой, теоретической, главы. Определяя Сталина и родину как символы могущества и славы отчизны (обратим внимание на смысловое удвоение значений «родина-отчизна» и Сталин [как отец]-отчизна»), великих

подвигов народа и его процветания, авторы «Воспитания советского патриотизма в школе» во всей полноте осуществляют перенос любви с родины на вождей («...любовь советского народа неразрывно связана с любовью к нашим вождям»; [о детях] «...развитие у них патриотического чувства неотделимо от воспитания любви к великим вождям – Ленину и Сталину»; «...воспитывать любовь к Ленину и Сталину, преданность делу партии Ленина-Сталина – важнейшая задача школы»; «делает близкими и дорогими учащимся образы вождей. Эти образы органически связываются у них с представлениями о советской родине»; «Воспитывая у детей любовь к вождям – Ленину и Сталину, к коммунистической партии и Советскому правительству, к столице социалистического государства Москве – сердцу нашей родины, школа закладывает прочные основы для развития и культивирования советского патриотизма») [Там же. С. 23–25].

Совпадение знаков «вождь» и «родина» было дидактически оправданным, так как абстрактное и субъективное понятие, опирающееся скорее на образы и смыслы, нежели на факты, легче всего передать с помощью фокусировки на конкретном символе – Сталине, впитавшем все достижения эпохи. Но это закладывало и угрозу всему конструкту в случае развенчания опорного его элемента, что и произошло в результате хрущевской деструкции знакового образа вождя народов. Оказалось, что родина без вождя – просто страна, где на фоне продолжавшихся восхвалений превосходства строя (космос, программа построения коммунизма, задача догнать и перегнать Америку и т.п.) население стало чаще обращать внимание на системные недостатки. Таков итог десемантизации, приведший к десакрализации знака «родина». Главная нагрузка теперь падала на качественно урезанные после символической «ампутации» составные части фрейма. Функция вождя теперь ложилась на партию (коллективного вождя), на Ленина (ставшего из сдвоенного символа революции и победы социализма – «Ленин-Сталин» – «всегда живым» вождем революции, с которым надо сверять современность, «самым человечным человеком»). В силу этого такой патриотический компонент, как «преданность делу Ленина» (без Сталина), стал носить преимущественно культурно-исторический характер. Фактически произошли демодернизация и музеефикация В.И. Ленина.

Продолжавшаяся «холодная война» все больше способствовала включению в элемент любви к родине апории «благородное чувство священной ненависти к врагам». Надо отметить, что данный элемент фреймирования, как и других компонентов патриотического конструкта, опирался на базовые, не подлежащие сомнению образы и чувства. Например, заложенное в школьные годы определение американского империализма как фашизма: «Америка считается страной свободной и демократической. А на самом деле там господствуют крупные капиталисты, т.е. фашисты» [Там же. С. 119] ляжет в основу сохранившихся в глубинах сознания элементов патриотизма, сохранит способность к воспроизводству. Как, впрочем, практически десемантизированное чувство превосходства в качестве одного из аргументов мессианизма. К слову сказать, анализ телепередачи «Вечер с Владимиром Соловьевым», адресованной россиянам как крупноформатная площадка защиты России от зарубежных нападков в новой «редакции холодной войны», строится исключительно на двух элементах, оставшихся от когда-то полномасштабного пат-

риотического фрейма. А именно на messiанизме России и чувстве священной ненависти к врагам. Что, разумеется, имеет ограниченный «конструктивный» эффект, когда смысл родины отсутствует или в лучшем случае неявно подра-
зумевается.

Литература

1. Деррида Ж. О грамматологии. М. : Ad Marginem, 2000. 512 с.
2. Плеханова М. Сюжеты и символы Московского царства. СПб. : Акрополь, 1995. 336 с.
3. Щербинина Н.Г. Мифы-героическое конструирование политической реальности России. М. : РОССПЭН, 2010. 287 с.
4. Тумаркин Н. Ленин жив! : Культ Ленина в Советской России. СПб. : Академический проект, 1997. 285 с.
5. Деконструкция [Электронный ресурс] // Pikabu : сайт. Электрон. дан. Б.м., 2016. URL: https://pikabu.ru/story/perevod_statii_o_dekonstruktsii_5273691 (дата обращения: 12.11. 2018).
6. Ленин – гриб [Электронный ресурс] // Клуб скептиков : сайт. Электрон. дан. М., 1991. URL: https://www.skeptik.net/prikol/lenin_gr.htm (дата обращения: 05.05. 2018).
7. Абрамян Л. Ленин как трикстер [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика : сайт. Электрон. дан. М., 2002–2003. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/abramyan1.htm> (дата обращения: 10.02. 2018).
8. Абрамян Л. Король умер, да здравствует король: мифология советских и постсоветских лидеров. *Studia Anthropologica*: сб. ст. к юбилею М.А. Членова. Москва ; Иерусалим : Гешарим, 2010. С. 53–86.
9. Курманов А. Ленин, как «разрушитель» Советского Союза и Путин, как его «собира-
тель» [Электронный ресурс] // Сайт Социалистического движения Казахстана / Блог социали-
стов, рабочего движения и социальных активистов Казахстана. Электрон. дан. Астана, 2016. URL: <http://socialismkz.info/?p=15497> (дата обращения: 10.10. 2018).
10. Щербинина Н.Г. Конструирование сакрального пространства как истока русской вла-
сти // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. Июль. С. 192–196.
11. *Bonnell Victoria E. Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin.* Berkeley. Los Angeles; London : University of California Press, 1999. 363 p.
12. Щербинин А.И. Патриотизм как номенклатурный конструктор // Вестник Томского госу-
дарственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 3 (35). С. 264–270.
13. Глезерман Г.Е. Партия большевиков вдохновитель и воспитатель советского патриотизма // О советском патриотизме: сб. ст. / под ред. Н.П. Васильева, Ф.Д. Хрустова. М. : Госполитиздат, 1950. С. 119–181.
14. Померанц Г. Проблема Воланда // Выход из транса. М., 1995. С. 146–202.
15. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М. : Ин-т социологии РАН, 2003. 752 с.
16. Яноу Д., Хульст М. ван. Фреймы политического : от фрейм-анализа к анализу фрейми-
рования // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10, № 1–2. С. 87–113.
17. Начальная школа : Настольная книга учителя / под. ред. М.А. Мельникова. М. : Учпед-
гиз, 1950. 915 с.
18. Егоров Н.П., Куфаев В.И., Янковская А.В. Воспитание советского патриотизма в шко-
ле : Из опыта работы школ. М. : Учпедгиз, 1951. 234 с.

Alexey I. Scherbinin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: shai52@mail.ru

Nina G. Scherbinina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: sapfir.19@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 200–215.

DOI: 10.17223/1998863X/47/21

THE DESEMANTICIZATION OF THE SACRAMENTAL CONSTRUCTS “LENIN” AND “MOTHERLAND” IN RUSSIA’S POLITICAL REALITY

Keywords: desemanticization; figurative representation; political myth; construct; frame; leader; Motherland; patriotism; deconstruction; destruction.

The first part of the article reveals the framework nature of the models of totalitarian constructions of Russia's political reality. The authors assume that in the subsequent periods during the restructuring of the meaning matrix there was a desacralization of the supporting constructs "Lenin" and "Motherland". The article substantiates this hypothesis, and reveals how these symbols lost their political significance. This is the result of an "incomplete" deconstruction, when the initial meaning is "debunked", but no reinvention occurs. Due to the loss of meaning, political images lose their figurative representativeness and communicative relevance, these signs become "empty" forms. The second part contains the case study of the deconstruction of the myth about Lenin. Initially, the myth-structure "Lenin" lost its heroic semantic content and became senseless. The article highlights the historical "milestones" of the desemanticization of the symbol "Lenin": the official reconstruction of the basic heroic monomyth into a truncated construct of a transformed myth of Lenin; anecdotes about Lenin as a form of the deconstruction of the myth; the "fake" and "meme" deconstruction and the deanthropologization of "Lenin".

All this affected the figurative leadership representation of Soviet and post-Soviet Russia, depriving it of its "ultimate" myth bases. The case of the "complete" deconstruction of the myth of Lenin is related to the attempt of his scientific rethinking. This contributed to the revision of not only the heroic and demiurgic role and "overturning" legitimizing semantic guidelines in relation to the heroic myth of the Soviet Russia, but also of the Revolution as the origin of the political reality. In the third part, the "case" of the dramatic destruction of the "Motherland" construct was analysed, which led to the desacralization of such a semantic political phenomenon as "patriotism". The source material for the authors' comparison was the totalitarian school materials, which prescribed semantic figurative constructions and frames of understanding of the Soviet patriotism. As a result, the modern political communication on the topic of patriotism has lost its significant definiteness, and its identity has become extremely negative.

References

1. Derrida, J. (2000) *O grammatologii* [On grammatology]. Translated from French by N. Avtonomova. Moscow: Ad Marginem.
2. Plyukhanova, M. (1995) *Syuzhety i simvolny Moskovskogo tsarstva* [Plots and symbols of the Moscow kingdom]. St. Petersburg: Akropol'.
3. Shcherbinina, N.G. (2010) *Mifo-geroicheskoe konstruirovaniye politicheskoy real'nosti Rossii* [Mythical and heroic construction of the Russian political reality]. Moscow: ROSSPEN.
4. Tumarkin, N. (1997) *Lenin zhiv! Kul't Lenina v Sovetskoy Rossii* [Lenin is alive! The cult of Lenin in Soviet Russia]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
5. Pikabu. (2016) *Dekonstruksiya* [Deconstruction]. [Online] Available from: https://pikabu.ru/story/perevod_stati_o_dekonstruktsii_5273691. (Accessed: 12th November 2018).
6. Sceptics Club. (1991) *Lenin – grib* [Lenin is a mushroom]. [Online] Available from: https://www.skeptik.net/prikol/lenin_gr.htm. (Accessed: 5th May 2018).
7. Abramyan, L. (2002–2003) *Lenin kak trikster* [Lenin as a trickster]. [Online] Available from: <http://www.ruthenia.ru/folklore/abramyan1.htm>. (Accessed: 10th February 2018).
8. Abramyan, L. (2010) Korol' umer, da zdravstvuet korol': mifologiya sovetskikh i postsovetskikh liderov [The king died, long live the king: The mythology of Soviet and post-Soviet leaders]. In: Belova, O. (ed.) *Studia Anthropologica* [Studia Anthropologica]. Moscow – Jerusalem: Gesharim. pp. 53–86.
9. Kurmanov, A. (2016) *Lenin, kak "razrushitel" Sovetskogo Soyuz a Putin, kak ego "sobiratel"* [Lenin as the "destroyer" of the Soviet Union and Putin as his "collector"]. [Online] Available from: <http://socialismkz.info/?p=15497> (Accessed: 10th October 2018).
10. Shcherbinina, N.G. (2017) Construction of sacral space as the source of Russian power. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 420. pp. 192–196. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/420/29
11. Bonnell, V.E. (1999) *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
12. Shcherbinin, A.I. (2016) Patriotism as a nomenclature construct. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3(35). pp. 264–270. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/35/28
13. Glezerman, G.E. (1950) Partiya bol'shevikov vdokhnovitel' i vospitatel' sovetskogo patriotizma [The Bolshevik Party is the inspirer and educator of Soviet patriotism]. In: Vasiliev, N.P. &

Khrustov, F.D. (eds) *O sovetskom patriotizme* [On Soviet Patriotism]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury. pp. 119–181.

14. Pomeranz, G. (1995) *Vykhod iz transa* [Exit from Trance]. Moscow: Yurist. pp. 146–202.

15. Hoffman, I. (2003) *Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Frame analysis: an essay on the organization of everyday experience]. Translated from English by R.E. Bumagin, Yu.A. Danilov, A.D. Kovalev, O.A. Oberemko. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences.

16. Janow, D. & Hulst, M. van (2011) The Political/Process Promise of Policy Framing. Translated from English by K. Tkacheva. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*. 10(1–2). pp. 87–113. (In Russian).

17. Melnikova, M.A. (ed.) (1950) *Nachal'naya shkola. Nastol'naya kniga uchitelya* [Primary school. Teacher's Handbook]. Moscow: Ministry of Education of the RSFSR.

18. Egorov, N.P., KufaeV, V.I. & Yankovskaya, A.V. (1951) *Vospitanie sovetskogo patriotizma v shkole. Iz opyta raboty shkol* [Bringing up Soviet patriots in the school. From the school experience]. Moscow: Uchpedgiz.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АГРАНОВИЧ Виктория Борисовна – кандидат философских наук; доцент отделения социально-гуманитарных наук Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета (г. Томск).

E-mail: vikfgranovich@mail.ru

БАХТИЯРОВА Елена Захаровна – старший преподаватель кафедры философии и методологии науки Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: elenazbest@yandex.ru

БЕЛОНОГОВ Иван Николаевич – аспирант, Государственный академический университет гуманитарных наук (г. Москва).

E-mail: Endy-addams@rambler.ru

БОРОВИНСКАЯ Дарья Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарного образования Сургутского государственного педагогического университета (г. Сургут).

E-mail: sweetharddk@mail.ru

БУДАНОВ Владимир Григорьевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН (г. Москва).

E-mail: bvg55@yandex.ru

БУТИНА Анастасия Васильевна – преподаватель кафедры социальной философии, онтологии и теории познания Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

E-mail: butina@email.asu.ru

ВОСТРИКОВА Екатерина Васильевна – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии РАН (г. Москва).

E-mail: katerina-vos@mail.ru.

ГЛУХОВ Андрей Петрович – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций, Томский государственный университет (г. Томск).

E-mail: GlukhovAP@tspu.edu.ru

ГОНЧАРЕНКО Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Томского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Томск).

E-mail: albaregia1960@mail.ru

ГОНЧАРЕНКО Марк Васильевич – доктор философских наук, доцент отделения социально-гуманитарных наук Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета (г. Томск).

E-mail: markgon73@rambler.ru

ЕМЕЛЕЕВА Лилия Фаридовна – аспирант кафедры «Философия» гуманитарного факультета, Ульяновский государственный технический университет (г. Ульяновск).

E-mail: l.emeleeva@ulstu.ru, emlf@yandex.ru

ЗАГИРНЯК Михаил Юрьевич – кандидат философских наук, старший преподаватель Института гуманитарных наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта» (г. Калининград).

E-mail: mikhail.zagirnyak@gmail.com

ЗАХАРОВА Татьяна Викторовна – кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории ФИПН, Томский государственный университет (г. Томск).

E-mail ztv@t-sk.ru

ИВАНОВА Вера Степановна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: vcsoc@rambler.ru

ИВАНОВА Оксана Андреевна – магистр социологии, социолог 1-й категории Центра специальной связи и информации Федеральной службы охраны Российской Федерации в Алтайском крае (г. Барнаул).

E-mail: ivanova_sociology@mail.ru

КАРПОВ Глеб Викторович – кандидат философских наук, ассистент кафедры логики Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

E-mail: glebsight@gmail.com

КАСАВИН Илья Теодорович – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии РАН (г. Москва); профессор, заведующий кафедрой философии физического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород).

E-mail: itkasavin@gmail.com

КОЛЕСНИКОВА Ольга Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, декан факультета социологии, Алтайский государственный университет (г. Барнаул).

E-mail: kolesnikova@socio.asu.ru

КОЛОДИЙ Наталия Андреевна – доктор философских наук, профессор отделения социально-гуманитарных наук Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета (г. Томск).

E-mail: kolna@tpu.ru

КУСЛИЙ Петр Сергеевич – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии РАН (г. Москва).

E-mail: kusliy@yandex.ru.

ЛОБОВИКОВ Владимир Олегович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург). E-mail: vlobovikov@mail.ru

ЛУКИНА Нелли Петровна – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных проблем информатики философского факультета Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: lukinanp1@gmail.com

ПРОКОФЬЕВ Андрей Вячеславович – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора этики, Институт философии РАН (г. Москва).

E-mail: avprok2006@mail.ru

РОДИОНОВА Людмила Васильевна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социально-экономических исследований Алтайского края, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук (г. Барнаул).

E-mail: lvrieie@mail.ru

САЗОНОВА Полина Владимировна – старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института экономики и менеджмента Томского государственного университета (г. Томск), PhD – студент факультета социальных наук Университета им. Иоганна Вольфганга Гёте (г. Франкфурт-на-Майне).

E-mail: lukinapv@rambler.ru

СЕРГИЕНКО Алие Мустафаевна – доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории социально-экономических исследований Алтайского края, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук (г. Барнаул).

E-mail: a.m.sergienko@mail.ru

СУРОВЦЕВ Валерий Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии и логики Томского

государственного университета, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук.

E-mail: surovitsev1964@mail.ru

ХЛЕБАЛИН Александр Валерьевич – кандидат философских наук, заместитель директора по научной работе, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук; доцент, Новосибирский государственный университет.

E-mail: sasha_khl@mail.ru

ЧЕРНИКОВА Ирина Васильевна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и методологии науки Томского государственного университета (г. Томск), Национальный исследовательский Томский политехнический университет, профессор кафедры социальных коммуникаций (г. Томск).

E-mail: chernic@mail.tsu.ru

ШАШКОВА Ярослава Юрьевна – доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии, руководитель Центра политического анализа и технологий факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии, Алтайский государственный университет (г. Барнаул).

E-mail: yashashkova@mail.ru

ЩЕРБИНИН Алексей Игнатьевич – доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии ФИПН, Томский государственный университет (г. Томск).

E-mail: shai52@mail.ru

ЩЕРБИНИНА Нина Гаррьевна – доктор политических наук, профессор кафедры политологии ФИПН, Томский государственный университет (г. Томск).

E-mail: sapfir.19@mail

ASAŠAVIČIŪTĖ Vaida – Vilnius Gediminas Technical University, Faculty of Creative Industries, Department of Philosophy and Cultural Studies (Vilnius, Lithuania).

E-mail: vaida.asakaviciute@vgtu.lt

VALATKA Vytis – Vilnius Gediminas Technical University, Faculty of Creative Industries, Department of Philosophy and Cultural Studies (Vilnius, Lithuania).

E-mail: vytis.valatka@vgtu.lt

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2019. № 47

Редактор *Т.В. Зелёва*

Оригинал-макет *О.А. Турчинович*

Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 20.02.2019 г. Дата выхода в свет 11.04.2019 г.
Формат 70x100^{1/16}. Печ. л. 13,75; усл. печ. л. 17,88; уч.-изд. л. 18,87.
Тираж 50 экз. Заказ № 3735. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru